

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

II

2022

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

№ 2 / 2022

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2

*Свидетельство о
регистрации*

Эл № ФС77-59844
от 17 ноября 2014

ISSN

2542-212X

Периодичность

4 раза в год

Учредитель/Издатель

Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Кабардино-Балкарский государ-
ственный университет
им. Х.М. Бербекова»

E-mail редакции

caucasology.kbsu@gmail.com

URL-адрес издания

[http://www.kbsu.ru/nauchnye-
izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/](http://www.kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/)

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, главный научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Грусман Владимир Моисеевич, советник директора, руководитель научной части Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, президент Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Россия.

Дерлугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, географ, экономист и демограф, профессор, преподаватель Университета Париж-Сорбонна, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, профессор, руководитель Центра развития цифровой экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член Российской академии образования, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афаковна, профессор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мусукаев Александр Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, Нальчик, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллари Витторио Спрингфилд, профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Principal research fellow, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Grusman Vladimir Moiseevich, advisor to the director, head of the scientific part, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, President, Academy of Sciences of Chechen Republic, Grozny, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, geographer, economist and demographer, Professor of Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Professor, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, Professor, CEO, Lomonosov Moscow State University Digital Economy Development Center, Full Member of the Russian Academy of Education, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Professor, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Principal Research Fellow, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Musukaev Alexander Ibragimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nalchik, Russia.

Mühlfried Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevesk, Russia.

Главный редактор

Абазов Алексей Хасанович

Редакционная коллегия

Кажаров А.Г. (заместитель главного редактора),
Огузова Д.А. (ответственный секретарь),
Ашхотова А.П. (редактор текстов на английском языке),
Аккиева С.И., Аствацатурова М.А., Баразбиев М.И.,
Бауаев К.К., Берберов Б.А., Бозиева Н.Б., Боров А.Х.,
Борова А.Р., Бугай Н.Ф., Бухуров М.Ф., Геграев Х.К.,
Гутов А.М., Дзамихов К.Ф., Иванова С.Ю., Канукова
З.В., Кочесоков Р.Х., Кудаева З.Ж., Кузьминов П.А.,
Кучукова З.А., Мамсиров Х.Б., Муратова Е.Г., Нальчи-
кова Е.А., Прасолов Д.Н., Сабанчиев Х.-М.А., Тамазов
М.С., Текуева М.А., Тимижев Х.Т., Тхагапсоев Х.Г.,
Тенов Т.З., Узнародов Д.И., Узнародов И.М.

Editor-in-Chief

Abazov Alexey Khasanovich

Editorial board

Kazharov A.G. (Deputy Editor-in-Chief),
Oguzova D.A. (Executive Secretary),
Ashkhotova A.P. (English text editor),
Akkieva S.I., Astvatsaturova M.A., Barazbiev M.I.,
Bauaev K.K., Berberov B.A., Bozieva N.B., Borov A.H., Bo-
rova A.R., Bugay N.F., Bukhurov M.F., Gegraev Kh.K.,
Gutov A.M., Dzamikhov K.F., Ivanova S.Yu., Kanukova
Z.V., Kochesokov R.Kh., Kudaeva Z.Z., Kuzminov P.A.,
Kuchukova Z.A., Mamsirov Kh.B., Muratova E.G., Nal-
chikova E.A., Prasolov D.N., Sabanchiev Kh.-M.A., Tama-
zov M.S., Tekueva M.A., Timizhev Kh.T., Tkhagabsoev
Kh.G., Tenov T.Z., Uznarodov D.I., Uznarodov I.M.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Археология и древняя история

- Вдовченков Е.В., Воскресенский А.П.**
Скептухи на Кавказе и в Северном Причерноморье в античную эпоху **12-21**

Средневековая и новая история

- Ткаченко Д.С.**
Путевые заметки Роберта Портера как источник изучения формирования образа Кавказа у европейской общественности первых десятилетий XIX в. **22-36**

- Мирзоев А.С., Чанак М.-Р.К.**
Личность Магомет Аш Атажукина в контексте участия Хаджретской Кабарды в Кавказской войне **37-54**

- Колосовская Т.А.**
К проблеме институционального оформления кавказоведения в императорской России **55-68**

- Прасолов Д.Н.**
Закавказский край в царских путешествиях: от Александра II до Николая II **69-86**

Новейшая история

- Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г.**
«...Перед советским правительством вопрос нужно поставить ребром...». Документы и материалы по истории административно-территориального разграничения Горской АССР и Кабардино-Балкарской автономной области в 1922–1924 гг. **87-107**

- Тетуев А.И.**
Государственная и общественная поддержка семей военнослужащих, инвалидов Великой отечественной войны и детей-сирот (на примере Кабардино-Балкарии) **108-126**

Кушхабиев А.В.

Сотрудничество Кабардино-Балкарского отделения Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом с неправительственными организациями зарубежных черкесских диаспор в эпоху социализма (1966-1991)

127-147

Кирчанов М.В.

«Черкесские» нарративы в современной политике памяти Грузии (2011–2021)

148-164

ФИЛОЛОГИЯ

**Литература народов Российской Федерации
(литература народов Северного Кавказа)**

Абазэ А.Ч.

Художественнэ конфликтымрэ хьэл-щэнхэмрэ Лыкбъуэжь Нелли и «МыщIэвагъуэ» пьесэ-псысэм къызэрыщыгъэлыгъуар

165-181

Атабийланы А.Д., Сарбашланы А.М.

Толгъурланы Зейтунну «Жетегейле» деген эпопеясында халкъны тарых сынамы

182-198

Кажарова И.А.

Былое в схождении двух автобиографических произведений одного писателя: «Вид с Белой горы» и «Чье стремя мы держали»
А.П. Кешокова

199-213

Чекалов П.К.

Тема женской судьбы в творчестве Т.З. Табулова

214-232

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

Клычников Ю.Ю.

«Нелицемерною любовью приняли...»: 300-летие похода императора Петра Великого на Каспий (к оценке новинки отечественного кавказоведения: Магарамов Ш.А., Чекулаев Н.Д., Иноземцева Е.И. История дербентского гарнизона российской императорской армии (1722–1735). – Махачкала: Издательство «Лотос», 2021. – 192 с.)

233-247

CONTENTS

HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY

Archaeology and ancient history

Vdovchenkov E.V., Voskresenskiy A.P.

Skeptouchoi in the Caucasus and the Northern Black Sea region
in the ancient era

12-21

Medieval and modern history

Tkachenko D.S.

The travelogue of Robert Porter as a primary source on studying
the Caucasus image visualisation by the Europeans
in the first decades of XIX c.

22-36

Mirzoev A.S., Zhanak M.-R.K.

The personality of Mohammed Ash Atazhukin in the context
of the participation of the Hadjret Kabarda in the Caucasian War

37-54

Kolosovskaya T.A.

A case study for the institutional management of the Caucasus studies
in Russian Empire

55-68

Prasolov D.N.

Transcaucasian region in tsarist travels: from Alexander II to Nicholas II

69-86

Contemporary history

Dzamikhov K.F., Kazharov A.G.

"...The question should be presented pointly to the soviet government...".
Documents and materials on the history of the administrative
and territorial distribution of the Mountain ASSR
and the Kabardino-Balkar autonomous region in 1922-1924

87-107

Tetuev A.I.

State and public support for families military personnel, World War II
disabled veterans and orphans (by the example of Kabardino-Balkaria)

108-126

Kushkhabiev A.V.

Cooperation of the Kabardino-Balkarian branch of the Soviet committee for cultural relations with compatriots abroad with non-governmental organizations of foreign Circassian diasporas in the socialistic times (1966-1991) **127-147**

Kirchanov M.V.

"Circassian" narratives in modern politics of memory in Georgia (2011–2021) **148-164**

PHILOLOGY

**Literature of the peoples of the Russian Federation
(literature of the peoples of the North Caucasus)**

Abazov A.Ch.

Artistic conflict and the characters of the fairy-tale play "The starstone" by Nelly Lukozheva **165-181**

Atabieva A.D., Sarbasheva A.M.

The historical experience of the people in Zeitun Tolgurov's epic "The big dipper" **182-198**

Kazharova I.A.

The former convergence of two autobiographical works by one writer: «The view from the white mountain» and «Whose stirrup we held» by A.P. Keshokov **199-213**

Chekalov P.K.

The theme of women's fate in the works of T.Z. Tabulov **214-232**

ESSAYS, NOTES, REVIEWS

Klychnikov Yu.Yu.

"Received with undifferent love...": The 300th anniversary of the campaign of Emperor Peter the Great to the Caspian (on the assessment of the novelty of domestic Caucasus studies: Magaramov Sh.A., Chekulaev N.D., Inozemtseva E.I. – Makhachkala: Publishing house "Lotos", 2021. – 192 p.) **233-247**

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Археология и древняя история

Научная статья

УДК 94(3)

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-12-21

EDN: AREIWO

СКЕПТУХИ НА КАВКАЗЕ И В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Евгений Викторович Вдовченков¹, Андрей Петрович Воскресенский²

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, evvdovchenkov@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0160-8520>

² Классическая гимназия при греко-латинском кабинете Ю.А. Шичалина, Москва, Россия, gu-u-m@mail.ru

Аннотация. К числу терминов, используемых античными авторами для варварских правителей, относится и термин скептухи. В статье поставлена проблема содержания этого термина для характеристики варварских обществ Северного Причерноморья и Кавказа. Страбон сообщает о скептухах в Предкавказье и скептухиях и скептухах в Колхиде. Скептухи известны в описании Тацитом набега сарматов на Закавказье, они также упоминаются в декрете Протогена второй половины III в. до н.э. – начале II в. н.э., где рассказывается о даннических отношениях Ольвии и племени сайев. Особое значение имеет информация Страбона, где он говорит о двух уровнях власти. Установлено наличие в этих обществах такой формы политической организации, как вожество. В статье также анализируется археологическая ситуация в Северо-Западном Предкавказье и Колхиде. Сделан вывод о том, что античные авторы, говоря о скептухах, имели в виду региональных правителей, зачастую подчиненных правителям более высокого уровня – царям.

Ключевые слова: скептухи, Кавказ, вожества, Страбон, Тацит, Аппиан, сарматы, Колхида.

Для цитирования: Вдовченков Е.В., Воскресенский А.П. Скептухи на Кавказе и в Северном Причерноморье в античную эпоху // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 2. – С. 12-21. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-12-21. EDN: AREIWO

© Вдовченков Е.В., Воскресенский А.П., 2022

Original article

SKEPTUCHOI IN THE CAUCASUS AND THE NORTHERN BLACK SEA REGION IN THE ANCIENT ERA

Evgeny V. Vdovchenkov¹, Andrey P. Voskresenskiy²

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, evvdovchenkov@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0160-8520>

² Classical school by Yuriy Shichalin's Museum Graeco-Latinum, Moscow, Russia, gu-u-m@mail.ru

Abstract. Among the terms used by ancient authors for barbarian rulers is the term *skeptouchoi*. This article raises the problem of the content of this term to characterize the barbaric societies of the Northern Black Sea region and the Caucasus. Strabo reports on *skeptouchoi* in the Pre-Caucasus and *skeptouchoi* in Colchis. *Skeptouchoi* are known in Tacitus' description of the Sarmatian raid on Transcaucasia, they are also mentioned in the decree of the Protogenes of the second half of the III century BC – the beginning of the II century AD, which tells about the tributary relations of Olbia and the Sayy tribe. Of particular importance is the information of Strabo, where he speaks about two levels of power. The presence of such a form of political organization as chiefdom in these societies has been established. The article also analyzes the archaeological situation in the Northwestern Caucasus and Colchis. It is concluded that the ancient authors, speaking of *skeptouchoi*, meant regional rulers, often subordinate to rulers of a higher level – czars.

Keywords. *Skeptouchoi*, Caucasus, chiefdoms, Strabo, Tacitus, Appian, Sarmatians, Colchis.

For citation: Vdovchenkov E.V., Voskresenskiy A.P. *Skeptouchoi* in the Caucasus and the Northern Black Sea region in the ancient era. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 2. – P. 12-21. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-12-21. EDN: AREIWO.

© Vdovchenkov E.V., Voskresenskiy A.P., 2022

К числу терминов, используемых античными авторами для варварских правителей, помимо царей (βασιλεῖς), династов (δυνάσται), правителей (ἡγεμόνες), властителей (κύριοι) относится и термин скептухи: скептух (скиптродержец, скипетроносец: *sceptuchus*, σκηπτοῦχος) [Strabo XI. 2. 13, 18; Tac. Ann. 12, 19; Декрет в честь Протогена. IPE I2 № 32; App. Mithr. 117]. Это слово, упоминаемое уже Гомером (у него, как и у многих других авторов – применительно к Зевсу или к главным героям) для обозначения правителя вообще: σκηπτοῦχος βασιλεύς, ᾧ τε Ζεὺς κῦδος ἔδωκεν; Перевод: (Ахилл) царь-скипетроносец, которого Зевс возвеличивал славой [Il. I. 279, перевод В.В. Вересаева]. Оно широко использовалось греческими авторами. Но нас привлекает использование этого термина для характеристики варварских обществ Северного Причерноморья и Кавказа. Происхождение термина связано со скипетром, символом власти (σκήπτρον).

Страбон сообщает о населении Предкавказья следующее: «управляют ими так называемые "скептухи", а эти последние сами подвластны тиранам и царям (τυράννοις ἢ βασιλεῦσιν)» [Strabo XI. 2. 13]. Страбон чуть далее [XI. 2. 18] говорит о разделении Колхиды на скептухии (σκηπτουχία) – судя по всему, своего рода административно-территориальные единицы, причем в таком значении данный термин больше ни у кого из античных авторов не встречается.

Существует ещё одно свидетельство о скептухах в Колхиде: Аппиан среди пленённых Помпеем сановников и царей называет Олтака, которого обозначает титулом «скептух колхов» – ὁ Κόλχων σκηπτοῦχος Ὀλθάκης [Mithr. 117], хотя Плутарх в биографии Лукулла называет его же «династом» [Luc. 16].

Ещё один пример употребления термина «скептух» в отношении варварского царя встречаем у Плутарха, который, цитируя поэта Симила, упоминает

некоего «скептуха кельтов» [Romul. 17], однако в данном случае речь скорее идет о «правителе вообще», как у Гомера или Эсхила, а не о каком-то специфически варварском титуле.

Скептухи известны в описании Тацитом набега сарматов на Закавказье: «Фарасман со своей стороны получает поддержку альбанов и поднимает сарматов, скептухи которых, приняв подарки от обеих сторон [sceptuchi utrimque donis acceptis rmore gentico diversa induere], по обычаю своего племени отправились на помощь и к той, и к другой» [Tacit. Ann. VI. 33; перевод А.С. Бобовича].

Они также упоминаются в декрете Протогена второй половины III в. до н.э. – начале II в. н.э., где рассказывается о даннических отношениях Ольвии и племени сайев, которое ряд исследователей рассматривает как сарматское [например: Мачинский 1971: 47-48], а С.В. Кулланда как скифское [Кулланда 2016: 84]. В этом документе сообщается: «когда явились во множестве сайи за получением даров, а народ не мог им дать и попросил Протогена помочь его [стесненным] обстоятельствам, он, выступив, предложил 400 золотых. Будучи избранным членом коллегии Девяти, он предложил от себя не менее 1500 золотых в счет будущих доходов, из которых вовремя были удовлетворены многие скиптроносцы. Немало даров было приготовлено для царя» [Декрет в честь Протогена. IPE 12 № 32; Скржинская 2000: 211; IOSPE 32 A, стк. 42]. Проблема датировки декрета Протогена еще не решена [Снытко 2016]. Его ценность как источника тем более высока, что освещает Северо-Западное Причерноморье в эпоху, когда там резко уменьшается количество археологических памятников, т.е. во время известного кризиса «III в. до н.э.».

У Псевдо-Плутарха при описании варварских обычаев мы встречаем упоминание скипетра как атрибута правителя, играющего важную роль в получении власти [Plut. De fluv. XIV, F 63-64: Ложные фрагменты, F 63. [Plut.], De fluv. 14, 3]: «Существует там камень, очень похожий на кристалл, который по форме напоминает человека в венке. Когда царь умирает, около реки проводится собрание, чтобы назначить нового государя. Тот, у кого обнаружится этот камень, немедленно становится царем (βασιλεὺς γίνεται) и забирает скипетр (τὰ σκῆπτρα) умершего».

Из этих сообщений наше внимание привлекла информация Страбона [Strabo XI. 2. 13]. Здесь Страбон говорит о двух уровнях власти, т. е. речь идет, по всей видимости, о такой форме политической организации, как вождество [Крадин 1995; Скрипкин 2014: 14; Вдовченков 2016; Вдовченков 2020: 183-195].

Вождество – это форма социополитической организации, которая отличается централизованным управлением, иерархической организацией, наследственной властью элиты, значительной имущественной и социальной дифференциацией и отсутствием легального репрессивного аппарата [см.: Service 1975: 15].

Можно охарактеризовать вождество как особую форму социополитической организации общества, при которой имеются в наличии тенденции к интеграции через политическую централизацию, к формированию единой реди-трибутивной экономики, единой идеологии и т.д., а также обособления элиты

от общества [Крадин 1995: 16-17]. Анализ и обсуждение проблемы вожеств в широкой сравнительно-типологической перспективе активно ведется в современной политической антропологии [Kristiansen 1991; Abrutyn, Lawrence 2010; Honeychurch 2014].

Н.Н. Крадин выделил ключевые признаки вожеств [Крадин 1995: 16]. Из этих признаков главным является наличие надлокальной централизации, двух- и трехуровневой организации. В письменных источниках информация о нескольких уровнях управления легко выявляется, как, например, в сообщении Страбона [Strabo XI. 2. 13] говорится о двухуровневой системе управления. А.С. Скрипкин видит в скептухах предводителей простых вожеств, а в царях – лидеров сложных вожеств [Скрипкин 2015: 80].

Оно хорошо прослеживается по археологическим данным, где мы фиксируем, например, по поселениям самые могущественные и богатые центры, и можем реконструировать иерархическую систему отношений между ними. У номадов мы восстанавливаем иерархию отношений по материалам некрополей, где погребения правящей верхушки легко выделить по погребальному обряду, богатому инвентарю, инсигниям власти, планиграфии некрополя и другим признакам. Богатые комплексы в могильнике могут говорить о существовании своей элиты, что является аргументом в пользу политической самостоятельности данной группировки, в то время как присутствие в нем только рядовых памятников может быть свидетельством того, что это население является зависимой частью какой-либо политии. Другая возможность выявления отношений зависимости связана с сосуществованием в одном районе памятников двух культурных групп, одна из которых явно доминирует.

У Тацита в «Истории» при описании набега роксоланов упоминаются «вожди и вся знать» – *principes* и *nobilissimi* [Тас. Hist. 1, 79, 1-4; Алемань 2003: 62-63]. Здесь мы можем предполагать, что упоминание двух уровней в обществе – уровень вождей и уровень знати – неслучаен, и здесь, вероятно, мы наблюдаем у роксоланов – ираноязычных номадов Северного Причерноморья I в. н.э. аналогичную социально-политическую структуру.

Какие археологические соответствия этим скептухам мы можем привести?

В сообщении Страбона, где он говорит о скептухах и царях, речь идет об оседлом населении Северо-Западного Кавказа – гениохах, зигах и ахеях. Так, перед этим сообщением Страбон говорит: «За Синдикой и Горгиппией у моря побережье ахеев, зигов и гениохов» [Strabo XI. 2. 12]. Стоит обратить внимание на элитные комплексы эллинистического времени Северо-Западного Кавказа.

Грунтовый могильник Мезмай-1 располагается на северных склонах Центрального Кавказского хребта около поселка Мезмай Апшеронского района Краснодарского края. Погребение № 3 выделяется на фоне других [Шевченко и др. 2011]. Мезмайский могильник расположен в зоне перевалов, соединяющих степные районы Закубанья с побережьем Черного моря. К.Ф. Смирнов предположил, что между Малой Азией и меотами Центральной Кубани были свои контакты напрямую, без посредничества Боспорского царства, и он назвал этот путь «меото-колхидской дорогой» [Смирнов 1953]. Открытие и исследование могильника Мезмай-1 (серьезно разрушенного грабителями в 2004 г.) дает нам

научную информацию, значимость которой трудно переоценить, особенно для высокогорных районов в южной части Краснодарского края района, археологически исследованных очень слабо. Могильник функционировал очень долго – с III в. до н.э. до начала II в. н.э. Отнести погребение № 3 к элитным позволяет значительное количество импортов, золотые украшения, набор вооружения, в том числе редкая для того времени кольчуга, стеклянные сосуды, конские захоронения. Этот комплекс относится к эпохе позднего эллинизма, и исследователи датируют его в диапазоне со второй половины III в. до н.э. по первую половину II в. до н.э. [Шевченко, Зайцев, Мордвинцева 2011: 149].

Это погребение показывает культурный контекст сообщения Страбона, и, хотя мы не знаем точно, относился ли погребенный к числу упоминаемых Страбоном правителей, но по своему богатству вполне мог им быть.

Еще одно упоминание скептухов на Кавказе – сарматы у Тацита – связано с набегами 35 г. н. э. на Армению [Tacit. Ann. VI. 33]. Ю.Г. Виноградов предположил в них аорсов, обретавшихся близ устья Танаиса и на землях восточного берега Меотиды, исходя из географической близости к Северному Кавказу [Виноградов 1994]. Можно так же видеть в них сираков, обитающих в Прикубанье, и аланов – согласно гипотезе С.М. Перевалова [Перевалов 2000]. Но здесь остается пространство для версий. Важнее другое – именно на рубеже эр происходят важные перемены, результатом чего становится формирование среднесарматской культуры – гораздо более богатой, нежели раннесарматская, а также более стратифицированной в социальном отношении [Вдовченков 2020: 71-73, 192-195].

Principes и nobilissimi Тацита у роксоланов в сообщении о набеге, датированном 69 г. [Tac. Hist. 1, 79] не могут быть соотнесены с конкретной группой памятников I в., но в целом ситуация показывает, как уже было сказано, достаточно стратифицированное общество номадов Северного Причерноморья с выделяемой субкультурой знати.

Что же касается сайев и их царя Сайтафарна и скептухов, то это настоящая загадка. Для этого времени нам неизвестны устойчивые некрополи в Северном Причерноморье, кроме могильника у с. Глиное [Тельнов и др. 2016]. В этот период нет обществ номадов, для которых можно предполагать довольно сложную систему отношений. Происхождение этнонима сайев – тоже дискуссионный вопрос. Есть один вариант объяснения – речь идет о небольших воинских отрядах со своей иерархией, но за которыми нет многочисленной группировки номадов. Другой вариант – эти номады могли прийти из отдаленного региона, где в это время все же фиксируются кочевья – из Заволжья.

Еще один кавказский регион, где упоминаются скептухи – Колхида – намного богаче. Здесь и влияние более благоприятного климата, и развитое сельское хозяйство, и металлургия, и торговля с эллинистическим миром [Лордкипанидзе 1985], частью которого Колхида по факту и являлась в III-I вв. до н.э. В Колхиде также чеканились золотые подражания статерам Лисимаха [Лордкипанидзе 1985: 52]. Один из самых ярких памятников - Ванское городище, построенное на торговом пути по р. Фасис и вокруг храмового комплекса [Воронов 2006; Лордкипанидзе 1985; Качарава 2015]. Расположенное вдоль

важнейшей западнокавказской торговой магистрали, шедшей по Фасису в Восточное Закавказье, городище Вани успешно развивалось.

Об этом со всей очевидностью свидетельствуют как раскопки поселения, так и богатые погребения некрополя Вани [Лордкипанидзе 1985: 52; Качарава 2015]. В VI—IV вв. до н. э. на городище Вани находился центр одной из колхидских скептухий, резиденция представителей местной родоплеменной и жреческой знати, в III—I вв. до н. э. вокруг Вани развивается обширный эллинистический город [Воронов 2006: 133-134]. Другие области Колхиды отличаются меньшей степенью греческого влияния.

Таким образом, Колхида представляла собой в экономическом плане довольно неоднородное пространство, вовлеченное в связи с эллинистическим миром на побережье и вдоль торговых путей. В политическом же она не была единой, будучи разделенной между разными региональными правителями, и включенной в состав Персидской империи, державы Митридата Евпатора, а потом — и Римского государства. С.Ю. Сапрыкин указывает, что в Колхиде не сложились объективные условия для формирования централизованного государства эллинистического типа [Сапрыкин 2017: 152]. Эта политическая раздробленность отражена в этом отрывке Страбона — о разделении Колхиды на скептухии. Аппиан рассказывает, что мятежные колхи потребовали от Митридата, чтобы он назначил им в цари своего сына, тоже Митридата, и когда так и было сделано, они сразу покорились [App. Mithr. 64; Шелов 1980: 37]. Д.Б. Шелов видит в данном эпизоде установление не царской власти, а назначение наместника, тем более что в скором времени Митридат отозвал сына из Колхиды и казнил [Mithr. 64]. Нет оснований также предполагать, что в Колхиде в то время были монархические традиции. Другим наместником Колхиды был дядя матери Страбона Моаферн: «Он всегда посылал кого-то из друзей в качестве своего наместника и правителя этой страны (ἐπέμπετο δ' αἰεὶ τις τῶν φίλων ὕπαρχος καὶ διοικητὴς τῆς χώρας). Одним из них был и Моаферн, дядя нашей матери по отцу» [Strabo XI, 2, 18].

Д. Браунд отмечает, что Митридат Евпатор, укрепляя свою власть в Колхиде, оставил в силе деление на скептухии с их племенными функциями [Braund 1994: 156]. Страбон сообщает, что после падения Митридата Евпатора его владения в Колхиде были разделены между многими правителями [Strabo XI. 2. 18], что говорит о непрочности всей административно-территориальной конструкции и отсутствии сильного государства.

Является ли термин «скептухи» точным названием правителей определённого уровня, или же это просто название любого правителя среднего уровня, ниже по статусу, чем царь? Стоит обратить внимание, что Олтак, правитель из Колхиды, назван Аппианом скептухом, в то время как Плутарх называет его же династом [App. Mithr. 117; Plut. Luc. 16]. Создается впечатление, что скептух — общее название правителя среднего уровня.

Но скипетроносцы были известны при персидском дворе как приближенные царя — и там этот термин был вполне определен. Так, среди приближенных Кира Младшего упомянут Артапат, который являлся «самым доверенным из скипетроносцев» царя [ὁ πιστότατος τῶν Κύρου σκῆπτούχων; Xen. Anab. I. 6. 11].

Э.А. Грантовский предположил, что название «скептухов» («скипетродержцев») является переводом иранского термина «vazraка» (от vazra - “дубина”, «палица», «скипетр»), употреблявшегося в качестве титула знати и вельмож в иранском официальном языке [Грантовский 1970: 263]. Исходя из того, что Колхида входила в состав Персидской державы (вторая половина VI-V вв. до н. э.), этот иранский термин мог получить там распространение, и по мнению Ю.Н. Воронова, просуществовал до I в. до н. э., когда его здесь зафиксировал Страбон [XI, 2, 13] [Воронов 2006:100]. Мы можем предположить, что в случае с персидским владычеством мог использоваться какой-то иранский термин, который потом был заменен греческим «скептух». Для Колхиды эти скептухи могли вполне быть конкретным устоявшимся термином, устойчивость которого подтверждает уникальное сообщение Страбона о «скептухиях», неизвестных более нигде, тем более что Страбон связан с этим регионом семейной историей [Strabo XI, 2, 18].

Каково значение слова «скептухи» в античной традиции в применении кномадам и другим варварам? Несмотря на то, что некоторые авторы рассматривают этот термин как используемый в скифской практике, апеллируя к археологическим находкам [Козлов 2016], уверенности в этом нет. Несмотря на общие иранские универсалии, разница между могущественной империей Ахеменидов и раздробленным миром ираноязычных кочевников евразийских степей довольно велика. Прямых данных у нас недостаточно, чтобы говорить об использовании понятия «скептух» как точного термина какой-то социальной практики у скифов и сарматов. Какие за этими терминами скрывались аутентичные названия – вопрос сложный. Например, С.А. Яценко предполагает, что скептухи у Тацита – это знать сарматов – ардары [Яценко 2015: 88]. Т.е. в случае с номадами и варварскими вождями создается впечатление, что античные авторы, говоря о скептухах, имели в виду региональных правителей, зачастую подчиненных правителям более высокого уровня – царям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Алемань 2003 – *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. – М.: Менеджер, 2003. – 608 с.
- Вдовченков 2016 – *Вдовченков Е.В.* Потестарная организация сарматского общества // Попов В.А. (ред.). Ранние формы потестарной организации. – СПб.: СПбНЦ РАН, АНО «КИО», 2016. – С. 107-129.
- Вдовченков 2020 – *Вдовченков Е.В.* Этносоциальная реконструкция сарматского общества. Отв. редактор В. А. Попов. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2020. – 290 с.
- Виноградов 1994 – *Виноградов Ю.Г.* Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. – 1994. – № 2. – С. 151-170.
- Воронов 2006 – *Воронов Ю.Н.* Научные труды. Том первый. Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований АН Абхазии, 2006. 456 с.
- Грантовский 1970 – *Грантовский Э.А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. – М.: Наука, 1970. – 396 с.
- Качарава 2015 – *Качарава Д.* Новые находки из Ванского городища // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В. П. Толстикова. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – С. 247-253.

- Козлов 2016 – *Козлов С.А.* «Скипетроносцы» скифской элиты. *Stratum plus* 2016. № 3. С. 351-368.
- Крадин 1995 – *Крадин Н.Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М.: Восточная литература, 1995. – С. 11-61.
- Кулланда 2016 – *Кулланда С.В.* Скифы: язык и этногенез. – М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. – 215 с.
- Лордкипанидзе 1985 – *Лордкипанидзе О.Д.* Колхида в IV–I вв. до н.э. // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – М., 1985. – С. 48-56.
- Мачинский 1971 – *Мачинский Д.А.* О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по данным античных письменных источников // АСГЭ. – 1971. – Вып. 13. – С. 30-54.
- Перевалов 2000 – *Перевалов С.М.* О племенной принадлежности сарматских союзников Иберии в войне 35 г. н.э.: три довода в пользу аланов // ВДИ. – 2000. – № 1. – С. 203-210.
- Сапрыкин 2017 – *Сапрыкин С.Ю.* Эллинизм в Причерноморье // Боспорские исследования. – 2017. – № 35. – С. 126-168.
- Скржинская 2000 – *Скржинская М.В.* Будни и праздники Ольвии в VI–I вв. до н.э. – СПб.: Алетейя, 2000. – 288 с.
- Скрипкин 2015 – *Скрипкин А.С.* О политической организации сарматов на рубеже эр // *Stratum plus*. – 2015. – № 4. – С. 73-84.
- Скрипкин 2014 – *Скрипкин А.С.* Сарматы (проблемы происхождения, расселения и политической организации) // НАВ. – 2014. – Вып. 14. – С. 7-20.
- Смирнов 1953 – *Смирнов К.Ф.* Северский курган. – М.: Госкультпросветиздат, 1953. – 42 с.
- Снытко 2016 – *Снытко И.А.* Декрет в честь гражданина Протогена в контексте истории Ольвийского полиса III в. до н.э. (историко-археологический аспект) // *Stratum plus*. – 2016. – №3. – С. 45-65.
- Тельнов и др. 2016 – *Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Сеника В.С.* Скифский могильник III–II вв. до н. э. у с. Глиное. – Тирасполь: *Stratum plus*, 2016. – 1096 с.
- Шевченко и др. 2011 – *Шевченко Н.Ф., Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И.* Княжеское погребение эллинистического времени в могильнике Мезмай (Северо-Западный Кавказ) // ВДИ. – 2011. – № 1 (276). – С. 115-152.
- Шелов 1980 – *Шелов Д.Б.* Колхида в системе Понтийской державы Митридата VI // ВДИ. – 1980. – № 3. – С. 28-43.
- Яценко 2015 – *Яценко С.А.* Группы элиты у сарматов // Дашковский П. К. (отв. ред.). Элита в истории древних и средневековых народов Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ГУ, 2015. – С. 86–98.
- Abrutyn, Lawrence 2010 – *Abrutyn S., Lawrence K.* From Chieftdom to State: Toward an Integrative Theory of the Evolution of Polity // *Sociological Perspectives*. – 2010. – Vol. 53. – No. 3 (Fall 2010). – P. 419–442.
- Braund 1994 – *Braund D.* Georgia in Antiquity. A History of Colchis and Transcaucasian Iberia 550 BC – AD 562. – Oxf.: Clarendon Press, 1994. – 359 p.
- Honeychurch 2014 – *Honeychurch W.* Alternative Complexities: The Archaeology of Pastoral Nomadic States // *Journal of Archaeological Research*. – 2014. – Vol. 22. – No. 4 [December 2014]. – P. 277–326.
- Kristiansen 1991 – *Kristiansen K.* Chieftdoms, states, and systems of social evolution // Earle T. (ed.). Chieftdoms: power, economy, and ideology. – 1991. Cambridge e. a.: Cambridge University Press. – P. 16–43.
- Service 1975 – *Service E.* Origins of the State and Civilization: The Processes of Cultural Evolution. – New York: Norton, 1975. – 361 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.

ВДИ – Вестник древней истории.

НАВ – Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.

REFERENCES

ABRUTYN S., LAWRENCE K. *From Chieftdom to State: Toward an Integrative Theory of the Evolution of Polity*. IN: *Sociological Perspectives*. – 2010. – Vol. 53. – No. 3 (Fall 2010). – P. 419–442. (In Eng.).

ALEMAN' A. *Alany v drevnih i srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh* [Alans in ancient and medieval written sources]. – M.: Menedzher, 2003. – 608 p. (In Russ.).

BRAUND D. *Georgia in Antiquity. A History of Colchis and Transcaucasian Iberia 550 BC – AD 562*. – Oxf.: Clarendon Press, 1994. – 359 p. (In Eng.).

GRANTOVSKIY E.A. *Rannyyaya istoriya iranskih plemen Perednej Azii* [Early history of the Iranian tribes of Near Asia]. – M.: Nauka, 1970. – 396 p. (In Russ.).

HONEYCHURCH W. *Alternative Complexities: The Archaeology of Pastoral Nomadic States*. IN: *Journal of Archaeological Research*. – 2014. – Vol. 22. – No. 4 [December 2014]. – P. 277–326. (In Russ.).

KACHARAVA D. *Novye nahodki iz Vanskogo gorodishcha* [New finds from the Van settlement]. IN: *S Mitridata duet veter. Bospor i Prichernomor'e v antichnosti. K 70-letiyu V. P. Tolstikova*. – M.: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke, 2015. – P. 247–253. (In Russ.).

KOZLOV S.A. «*Skipetronoscy*» *skifskoj elity* ["Scepter-bearers" of the Scythian elite]. IN: *Stratum plus*. 2016. № 3. P. 351–368. (In Russ.).

KRADIN N.N. *Vozhdestvo: sovremennoe sostoyanie i problemy izucheniya* [Chieftdom: the current state and problems of study]. IN: *Rannie formy politicheskoy organizatsii: ot pervobytnosti k gosudarstvennosti*. M.: Vostochnaya literatura, 1995. – P. 11–61. (In Russ.).

KRISTIANSEN K. *Chieftdoms, states, and systems of social evolution*. IN: Earle T. (ed.). *Chieftdoms: power, economy, and ideology*. – 1991. Cambridge e. a.: Cambridge University Press. – P. 16–43. (In Russ.).

KULLANDA S.V. *Skify: yazyk i etnogenez* [Scythians: language and ethnogenesis]. – M.: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2016. – 215 p. (In Russ.).

LORDKIPANIDZE O.D. *Kolhida v IV–I vv. do n.e.* [Colchis in the IV–I centuries BC]. IN: *Drevnejshie gosudarstva Kavkaza i Srednej Azii*. – M., 1985. – P. 48–56. (In Russ.).

MACHINSKIY D.A. *O vremeni pervogo aktivnogo vystupleniya sarmatov v Podneprov'e po dannym antichnykh pis'mennykh istochnikov* [About the time of the first active performance of the Sarmatians in the Dnieper region according to ancient written sources]. IN: *ASGE* [Archaeological collection of the State Hermitage Museum]. – 1971. – Vyp. 13. – P. 30–54. (In Russ.).

PEREVALOV S.M. *O plemennoj priнадлежности sarmatskih soyuznikov Iberii v vojne 35 g. n.e.: tri dovoda v pol'zu alanov* [On the tribal affiliation of the Sarmatian allies of Iberia in the war of 35 AD: three arguments in favor of the Alans]. IN: *VDI* [Bulletin of Ancient History]. – 2000. – № 1. – P. 203–210. (In Russ.).

SAPRYKIN S.YU. *Ellinizm v Prichernomor'e* [Hellenism in the Black Sea region]. IN: *Bosporские исследования*. – 2017. – № 35. – P. 126–168. (In Russ.).

SERVICE E. *Origins of the State and Civilization: The Processes of Cultural Evolution*. – New York: Norton, 1975. – 361 p. (In Russ.).

SHELOV D.B. *Kolhida v sisteme Pontijskoj derzhavy Mitridata VI* [Colchis in the system of the Pontic power of Mithridates VI]. IN: *VDI* [Bulletin of Ancient History]. – 1980. – № 3. – P. 28–43. (In Russ.).

SHEVCHENKO N.F., ZAJCEV YU.P., MORDVINCEVA V.I. *Knyazheskoe pogrebenie ellinisticheskogo vremeni v mogil'nike Mezmay (Severo-Zapadnyj Kavkaz)* [Princely burial of Hellenistic time in the burial ground of Mezmai (North-Western Caucasus)]. IN: *VDI* [Bulletin of Ancient History]. – 2011. – № 1 (276). – P. 115–152. (In Russ.).

SKRIPKIN A.S. *O politicheskoy organizacii sarmatov na rubezhe er* [On the political organization of the Sarmatians at the turn of the era]. IN: Stratum plus. – 2015. – № 4. – P. 73–84. (In Russ.).

SKRIPKIN A.S. *Sarmaty (problemy proiskhozhdeniya, rasseleniya i politicheskoy organizacii)* [Sarmatians (problems of origin, settlement and political organization)]. IN: NAV [Nizhnevolzhsky Archaeological Bulletin]. – 2014. – Vyp. 14. – P. 7-20. (In Russ.).

SKRZHINSKAYA M.V. *Budni i prazdniki Ol'vii v VI-I vv. do n.e.* [Weekdays and holidays of Olbia in the VI-I centuries BC] – SPb.: Aletejya, 2000. – 288 p. (In Russ.).

SMIRNOV K.F. *Severskij kurgan* [Seversky kurgan]. – M.: Goskul'tprosvetizdat, 1953. – 42 p. (In Russ.).

SNYTKO I.A. *Dekret v chest' grazhdanina Protogena v kontekste istorii Ol'vijskogo polisa III v. do n.e. (istoriko-arheologicheskij aspekt)* [Decree in honor of citizen Protogen in the context of the history of the Olbian polis of the III century BC (historical and archaeological aspect)]. IN: Stratum plus. – 2016. – №3. – P. 45-65. (In Russ.).

TEL'NOV N.P., CHETVERIKOV I.A., SINIK V.S. *Skifskij mogil'nik III–II vv. do n. e. u s.* [Glinoe Scythian burial ground of the III–II centuries BC at the village of Glinoe]. – Tiraspol': Stratum plus, 2016. – 1096 p. (In Russ.).

VDOVCHENKOV E.V. *Etnosocial'naya rekonstrukciya sarmatskogo obshchestva* [Ethnosocial reconstruction of Sarmatian society]. Otv. redaktor V. A. Popov. – Rostov-na-Donu; Taganrog: Izdatel'stvo YUzhnogo federal'nogo universiteta, 2020. – 290 p. (In Russ.).

VDOVCHENKOV E.V. *Potestarnaya organizaciya sarmatskogo obshchestva* [Potestar organization of the Sarmatian Society]. IN: Popov V.A. (red.). *Rannie formy potestarnoj organizacii*. – SPb.: SPbNC RAN, ANO «KIO», 2016. – P. 107-129. (In Russ.).

VINOGRADOV YU.G. *Ocherk voenno-politicheskoy istorii sarmatov v I v. n.e.* [An essay on the military-political history of the Sarmatians in the I century A.D.]. IN: VDI [Bulletin of Ancient History]. – 1994. – № 2. – P. 151-170. (In Russ.).

VORONOV YU.N. *Nauchnye Trudy*. Tom pervyj [Scientific works. Vol. 1]. Suhum: Abhazskij institut gumanitarnyh issledovanij AN Abhazii, 2006. 456 p. (In Russ.).

YACENKO S.A. *Gruppy elity u sarmatov* [Elite groups of the Sarmatians]. IN: Dashkovskij P. K. (otv. red.). *Elita v istorii drevnih i srednevekovyh narodov Evrazii*. – Barnaul: Izd-vo Alt. GU, 2015. – P. 86–98. (In Russ.).

Информация об авторах

Е. В. Вдовченков – кандидат исторических наук, доцент.

А. П. Воскресенский – преподаватель истории и обществознания.

Information about the authors

E. V. Vdovchenkov – candidate of science (History), associate professor.

A. P. Voskresenskiy – history teacher.

Вклад авторов: А.П. Воскресенский – перевод и анализ античных источников (40 %); Е.В. Вдовченков – теоретические проблемы антропологии и археологический контекст (60 %). Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: A.P. Voskresenskiy – translation and analysis of ancient sources (40 %); E.V. Vdovchenkov – theoretical problems of anthropology and archaeological context (60 %). The authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 29.04.2022 г.; одобрена после рецензирования 27.05.2022 г.; принята к публикации 17.06.2022 г.

The article was submitted 29.04.2022; approved after reviewing 27.05.2022; accepted for publication 17.06.2022.

Средневековая и новая история

Научная статья

УДК 947(470.6)

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-22-36

EDN: BGOZNY

**ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ РОБЕРТА ПОРТЕРА КАК ИСТОЧНИК
ИЗУЧЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА КАВКАЗА У ЕВРОПЕЙСКОЙ
ОБЩЕСТВЕННОСТИ ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XIX В.****Дмитрий Сергеевич Ткаченко**Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия,
tkdmsg@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу путевых заметок известного британского художника и путешественника Роберта Кер Портера, посетившего Северный Кавказ в рамках своей поездки на Ближний Восток в 1817-1820 гг. Полный текст травелога до настоящего времени не переведен на русский язык и впервые вводится в научный оборот. Его автор стал одним из первых английских путешественников, открывших для англоговорящей обществу экзотический край и его жителей, чьи яркие образы до сих пор в ходу в англоязычном секторе Кавказоведения. Статья подчеркивает ориенталистский характер описаний народов Кавказа: казаков, калмыков, кабардинцев, чеченцев и осетин, с которыми автор путевых заметок имел контакты, но передавал в основном набор устоявшихся европоцентристских стереотипов, наполняя их яркими региональными деталями. Травелог также показывает характер отношений путешественника с представителями имперской администрации региона, содержит зарисовки повседневной жизни населенных пунктов и жителей приграничья. В завершении статья содержит вывод о «дуалистическом» видении путешественником Кавказа, в описаниях которого восхищение природой и горами причудливо смешивалось со страхом попасть в плен к жителям предгорий.

Ключевые слова: путешествия, травелоги, Российский Кавказ, Ориентализм, Роберт Кер Портер, военная администрация.

Для цитирования: Ткаченко Д.С. Путевые заметки Роберта Портера как источник изучения формирования образа Кавказа у европейской общественности первых десятилетий XIX в. // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 2. – С. 22-36. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-22-36. EDN: BGOZNY

© Ткаченко Д.С., 2022

Original article

**THE TRAVELOGUE OF ROBERT PORTER AS A PRIMARY SOURCE
ON STUDYING THE CAUCASUS IMAGE VISUALISATION
BY THE EUROPEANS IN THE FIRST DECADES OF XIX C.****Dmitrii S. Tkachenko**

North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia, tkdmsg@rambler.ru

Abstract: The paper focuses on the analysis of the travel notes by the famous British artist and traveller Robert Ker Porter, who visited the North Caucasus on the trip to the Middle East in 1817-1820. The travelogue full text has not been translated into Russian yet and is being introduced to Russian scientific public for the first time. Its author became one of the first English travellers who discovered the exotic land and its inhabitants in the English-speaking public, whose vivid images are still in use in the English-speaking sector of Caucasian studies. The article points out the Orientalist nature of the Caucasus people's descriptions: the Cossacks, Kalmyks, Kabardians, Chechens and Ossetians, with whom the author of the travel notes had contacted, but mainly conveyed a set of well-established Eurocentric stereotypes, filling them with vivid regional details. The travelogue also reflects the nature of the traveller's relations with the Imperial authorities in the region, contains sketches of the daily life of the settlements and frontier dwellers. The author concludes the "dualistic" vision of the Caucasus by the traveller: the admiration for nature and mountains fancifully mixed with the fear of being captured by the inhabitants of the foothills.

Key words: travellers, travelogues, Russian Caucasus, Orientalism, Robert Ker Porter, military authorities.

For citation: Tkachenko D.S. The travelogue of Robert Porter as a primary source on studying the Caucasus image visualisation by the Europeans in the first decades of XIX c. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 2. – P. 22-36. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-22-36. EDN: BGOZNY.

© Tkachenko D.S., 2022

Записки иностранных путешественников по Кавказу являются важным источником получения сведений о регионе. При этом при обращении к ним исследователю необходимо учитывать ряд моментов. С одной стороны, иностранный путешественник свежими глазами смотрел как на природу и социально-этническую среду региона, так и на особенности повседневной жизни. Он обычно, подмечал такие детали, которые коренному жителю казались привычными, маловажными и в силу этого не находили отражения в исторических источниках иного рода. Однако, к свидетельствам иностранцев следует относиться критически: многие смотрели на регион с устоявшихся европоцентристских позиций, передавали штампы и суждения российских имперских властей, услышанные ими во время путешествия. Одним из таких авторов стал известный английский художник и путешественник Роберт Кер Портер, оставивший богатое художественное и литературное наследие. Последнее, к сожалению, до сих пор не переведено на русский язык полностью. Из двухтомного произведения, посвященного поездке Портера на Ближний Восток, были переведены лишь краткие выдержки из отдельных глав, оставлявшие в стороне Кавказский участок маршрута путешественника. К тому же они были опубликованы в малодоступном Петербургском журнале «Сын Отечества» [Портер 1823: 178-182, 219-223], в силу чего остались без внимания со стороны как современников, так и исследователей-кавказоведов. Авторский перевод произведения стал источниковой базой для написания данной статьи, которая впервые вводит сведения Портера в научный оборот.

Первая половина XIX в., стала временем, когда геополитические соображения противоборства Англии и России при разделе сфер влияния на Востоке

стали диктовать в обеих империях пристальный интерес к получению сведений о Кавказе. Сбор данных о регионе мог проводиться в разных формах, одной из которых была организация путешествий частных лиц в зону повышенного интереса, которой для Британии становился Кавказ. Как отмечает британский исследователь П. Хопкирк, с начала XIX в. британское руководство Ост-Индской кампанией очень опасалось вероятного вторжения в Индию, которое могло быть организовано одной из Европейских стран либо по суше – через территорию Афганистана, либо по морю – из Персидского залива. В обоих случаях маршрут армии вторжения должен был пролегать через Персию, а в случае, если бы над организацией военной экспедиции задумалась Россия, то и Кавказ [Хопкирк 2004: 52-60]. Сбор сведений об этом регионе, таким образом, представлялся для Британской стороны важным политическим мероприятием. В нем было задействовано большое количество исследователей разного ранга, которые не только описывали свои путешествия, но и пытались, анализируя опыт древней истории предостеречь свое правительство от возможных действий недружественных сил со стороны Персии и Кавказа [Kinneir 1818].

Одним из таких путешественников стал Роберт Кер Портер – английский художник, проживавший в 1804-1812 гг. в России в качестве придворного исторического живописца. В 1813 г. он перебрался на родину, но вскоре решил совершить поездку по зоне Британских геополитических интересов на Востоке – через Кавказ, Персию и Ближний Восток. Свои впечатления он описал в обстоятельном травелоге: «Путешествие в Грузию, Персию, Армению и Древнюю Вавилонию в 1817, 1818, 1819 и 1820 гг.» [Porter 1822].

Автор пишет, что его путешествие относилось к разряду «сентиментальных»: движущей силой поездки стало «острое желание посмотреть на те места, которые современная история сделала знаменитыми и посетить те страны, которые прошлое или настоящее покрыло неуываемой известностью» [Porter 1822: 2]. В августе 1817 г. автор выехал из Санкт-Петербурга по направлению к Одессе на Черном море, откуда он собирался плыть в Константинополь и затем проехать в Персию. Однако, прибыв в Одессу, он изменил маршрут и направился «от волн Эвксина к горам Кавказа» [Porter 1822: 2]. Автор объясняет это опасениями чумы, которая по словам русских официальных лиц, уже несколько лет свирепствовала в столице османской империи, а также своим любопытством – желанием посмотреть те «места из древней истории, которые время задвинуло на задворки нашего сознания, и которые, казалось бы сошли в могилу вместе с теми людьми, о которых писали их историки» [Porter 1822: 2].

Судя по всему, поездка имела также и разведывательный характер, так как избранный маршрут представлял для англичан повышенный интерес. Буквально за несколько месяцев до поездки Портера, в обратном направлении – из Персии через Кавказ прошел его соотечественник – подполковник Бенгальской армии Джон Джонсон, который тщательно описал все населенные пункты и замерил расстояния между ними [Johnson 1818]. Наблюдения Портера, таким образом, могли служить дополнительным источником сверки первоначально полученных данных, даже если автор сознательно и не проводил разведывательной работы. Сам же Портер отмечает, что никому ранее не нужные территории на

Востоке в условиях, сложившихся после Наполеоновских войн «не только предстали перед самыми нашими дверьми, но и затрагивают нас тысячами способов, вызванных как нашим сочувствием, так и странно переплетающимися интересами» [Porter 1822: 2].

Посетив по пути Николаев и Херсон, путешественник совершил поездку по обширной Южнорусской степи и сделал короткую остановку в преддверье Предкавказья – на Дону.

В Новочеркасске художник встретился с донским атаманом М.И. Платовым, который произвел на путешественника благоприятное впечатление как своими манерами, так и теплым отношением к англичанам. «Вся Европа слышала о нем как о герое, но надо посетить его страну, чтобы увидеть его тем, кто он есть на самом деле – не только генералом, но и отцом для своих подчиненных» [Porter 1822: 29], – пишет он. Личному участию Платова в делах Донских казаков автор приписывает все усовершенствования в регионе: начало каменного строительства в Новочеркасске, открытие в городе первой школы, организацию публичных обедов для военных и гражданских служащих.

Донские казаки стали первыми жителями Предкавказья, с которым Портер встретился. Он отзываясь о казаках как о «воинственных людях, окруженных враждебными племенами», которые в силу этого «думают не об удобствах жизни и плодах образования, а обращают всю силу своего таланта на военные маневры и уходу за оружием» [Porter 1822: 30]. Казачество в представлениях Портера было тесно связано и с освоением земель в степном приграничье. Сам термин «казак» автор связывает с тюркоязычным понятием «вооруженный человек». Эти люди, – считает он, «шли дальше на Восток за добычей, которую получали путем грабежа» и до настоящего времени «война в их понятиях неразрывно связана с грабежом и захватом добычи у противника» [Porter 1822: 31].

Портер описывает современное состояние донских казаков как военнослужилого сословия. В настоящее время, пишет автор, они несут 25-летнюю военную службу,

но «местные общественные представления и обычаи превращают в солдата каждого мужчину, если война приближается к границам его страны, или требуется удержать ее на удалении. Казаки сами ищут себе оружие, обмундирование и лошадей. Во время военной службы император выделяет каждому содержание кавалериста и двойное довольствие для его лошади. Если животное падет на поле сражения, выделяются деньги на приобретение нового. Во время пребывания дома каждый сам занимается каким-то делом в одном из двух городов Черкассков или на том участке земли, что он имеет в сельской округе, производя то, чем он содержит свою семью: он обрабатывает землю в летние месяцы и возвращается в свою деревню – станицу, в зимние. Представители низших классов, которые населяют Новый и Старый Черкасски, в основном лавочники, торговцы и рыбаки. При этом ни полезные занятия, ни даже богатство (если они даже захотят его использовать для этого), не могут освободить человека от регулярного возвращения на воинскую службу» [Porter 1822: 31-32].

Автор описывает внешность казаков, их характер и одежду, отмечает, что атаман Платов ввел на Дону некое подобие униформы, взяв за основу «национальные цвета» – синий и красный.

«Граф Платов в своем желании принести европейские манеры, искусство и науку на берега практически азиатского Дона, даже выразил желание, чтобы жены казачьей знати (если вообще можно использовать этот термин), одевали строгое европейское платье... Если это случится, то адаптация французского корсета с его идеей сохранения пропорций фигуры, изменит все детали туалета, если, конечно элегантность и простота станут основой фасона» [Porter 1822: 34].

Среди донцов автор встретил калмыков, так же несших службу в казачьем войске, что вызвало у него определенное неприятие. С издевкой автор описывает участие калмыцкого оркестра, «составленного в основном из труб, маленьких барабанчиков и больших тамбуринов» [Porter 1822: 39] на официальном параде в честь посещения Дона одним из представителей царской фамилии. Калмыцкая труппа исполняла военные марши, настолько неудачно, что автор сравнивал музыку «с ревом слонов, которых истязают безжалостные погонщики. Дикарские звуки были бы более уместными для военного столкновения, чем для тона цивилизованного мероприятия» [Porter 1822: 39], – пишет он.

Путь Портера с Дона лежал в Кавказскую область, на границе с которой находился Новоегорлыкский карантин. В нем по установленному властями порядку, путешественник, пересекающий границу, должен был провести несколько недель. Находясь в карантине, Портер практически повторил язвительные замечания другого англичанина – Джона Джонсона, томившегося в том же месте несколькими месяцами раньше [Johnson 1818: 285-289]. По словам Портера, люди, помещенные в карантин «лишь по подозрению, с невероятно большой долей вероятности выйдут оттуда, неся с собой реальное зло, так как более зачумленного места мне еще не приходилось видеть» [Porter 1822: 42]. Само же медицинское учреждение по оценке художника, представляло из себя «ветхие деревянные жилища, в которых обречены пребывать заподозренные переносчики чумы; зловонный и нездоровый поток под названием Егорлык, чье имя дословно означает “вонючий” бежит рядом с берегом. Пост казаков силой заставляет выполнять карантинные предписания – чтобы ничто не проходило через эту границу неочищенным» [Porter 1822: 42].

Путь по Большому Черкасскому тракту от Егорлыка до Ставрополя не оставил следов в заметках автора, который только мельком отметит существование небольшого укрепления в селе Московском. Зато, по контрасту с пустой степью, Ставрополь представлял собою довольно живописное место, окруженное деревьями и садами. Портер отмечает важное военно-стратегическое значение города, расположенного на перекрестке дорог из Центральной России и западной части Кавказской Линии [Porter 1822: 42]. «Въехав в город, – пишет Портер, – мы нашли, что он хорошо расположен на склоне холма, постепенно захватывая обширную равнину между ним и Московским» [Porter 1822: 42]. Однако, в городе путешественники не смогли найти привычного европейского комфорта, даже несмотря на то, что поселились «в самом роскошно выглядевшем жилище» [Porter 1822: 42]. Отсутствие горячей воды и блохи, «которые заполняли каждый угол» [Porter 1822: 42], заставили их ночевать на улице в своем экипаже.

От Ставрополя начинался участок пути, который Портер считал самым опасным, «так много грабительских племен все еще остаются не подконтрольными вблизи горных проходов» [Porter 1822: 41], – писал он после того, как военное начальство Линии выделило ему казачью охрану.

Вид линейных казаков, одетых в традиционную кавказскую одежду, произвел на Портера сильное впечатление.

«Как же они отличались и внешним обликом, и одеждой от моих Донских друзей! – писал он. – Их рост был невысок, одежда оборванной, а ее пошив относился к самым грубым и дикарским фасонам. Маленькая матерчатая шапка, окаймленная овчиной или мехом, практически прилегает к голове в то время, как тесный жилет скрывает все тело и спускается до самих колен, где встречается со свободными штанами, заправленными в сапоги что дополняет неуклюжий, но очень живописный вид. Их оружие – мушкет, висящий поперек плеч, защищенный от осадков меховым чехлом, прямая шашка, пристегнутая с левой стороны пояса, идущего вокруг талии; кинжал невероятной ширины, а также и большой нож в дополнение к нему» [Porter 1822: 43].

Удивление у англичанина вызвал вид газырей, которые Портер описывает как нашитый на груди «ряд узких карманов, каждый из которых достаточный для того, чтобы вместить деревянную гильзу с зарядом пороха; ряд обычно состоит из шести или семи зарядов. Независимо от этого набора зарядов, некоторые носят небольшие патронные сумки, висящие на еще одном поясе, через правое плечо» [Porter 1822: 44].

Не меньше художника поразила и знаменитая кавказская бурка, о которой он отзывается как о «своего рода плаще, сделанном из меха горного козла, которые производят только горцы. Эта вещь служит великолепной защитой от дождя и ветра, когда его оборачивают вокруг тела, но в теплую погоду под ним очень утомительно находиться. В дополнение к своему плащу они носят и капюшон для защиты лица и ушей, называющийся “башлык”. Никакого точного цвета не закреплено за униформой этого рода войск имперских казаков; но коричневые, серые и белые оттенки, кажутся, их любимыми» [Porter 1822: 44].

Экзотичный для европейца наряд казаков и местных жителей оттеняла красота горных пейзажей, первый из которых открылся художнику за Ставрополем, недалеко от селения Северного.

«Я взирал на горы Кавказа, невиданной красоты. Ни одно перо не способно передать то чувство, которое эта восхитительно сияющая (sublime) горная гряда всколыхнула в моей груди. Я повидал практически все самые дикие и громаднейшие горные цепи в Португалии и Испании, но ни одна из них не давала представления о масштабах того великолепия, к которому я здесь подступал. Это выглядело как природный бастион между народами Европы и Азии. И среди скал, Эльбрус – о котором традиционно отзываются как о месте, где был прикован Прометей, – стоял в одеянии из не тающих снегов, сам являясь отдельным горным миром, башней нависающей над округой: его белые сияющие вершины сливались с небесами, в то время, как несчетные бледные головы подвластных ему горных вершин, высоких сами по себе, но далеко уступающие его выси, растянулись до границ горизонта и терялись из виду в дымке облаков. Отдельные груды черных скал возносились вверх на расстилавшейся перед грядой равнине – их размеры соразмерны с горами; но увиденные рядом с мощью Кавказского хребта, в сравнении с ним они выглядели не больше холма; и тем не менее контраст был

разительным – темные дуги предгорий оттеняли еще больше эффект, который давали громогласящие над ними ослепительные вершины. Поэты едва-ли притворяются, когда говорят о “духе места”. Я не знаю никого, кто бы взирая на Кавказ не ощутил бы чувства его девственного, неопишемого великолепия, которое просто переполняет душу» [Porter 1822: 45].

Высокоэмоциональное описание Портером красоты Кавказского хребта производило сильное впечатление на англоговорящую общественность и до сих пор определяет тональность, с которой отдельные англо-американские исследователи-кавказеды говорят о регионе [King 2008: 5].

В описании Кавказа Портером явно прослеживается и попытка автора передать англоговорящей общественности основную идею знаменитого афоризма, сравнивавшего регион с крепостью [Духовский 1844: 1], который путешественник явно слышал по дороге от представителей российской администрации. Автор заменил слово «крепость» на «бастион» (bulwark), сделал отсылку к Античным образам, но при этом четко передал видение Кавказского хребта как границы между двумя мирами – Европой и Азией.

Эта же мысль прослеживается и в описании переправы через Терек, который Портер вслед за многими российскими путешественниками [Гордеев 1830: 4] трактует как географический предел Европы. Река, по мнению англичанина, отделяет Российскую империю от «Российской Азии» [Porter 1822: 51], за которой в карантине путники из «подозреваемых Азиатских земель, ждут пока им не разрешат проследовать в Европу» [Porter 1822: 51].

Прежде чем добраться до Терека, Портер сделал остановку в Георгиевске, где его постигла неудача – он не смог встретиться с генералом И.П. Дельпоццо, который в это время инспектировал строительство укреплений в Чечне. Вместо военного начальника, путешественник был тепло встречен гражданским губернатором Кавказской области, который пригласил англичанина на обед и ярко описал гостю то, как «дикие обитатели этих возвышенностей» [Porter 1822: 47] занимаются грабежом.

«Его истории о хищнических нападениях больших или малых групп на незадачливого или беспечного путешественника, который рискнет въехать в горные проходы ночью были красочны, но и ужасны, и у меня не появилось намерения отбыв сегодня вечером изведать повышенных опасностей подобного рода. В дневное время этих неутомимых детей разбоя видят слоняющимися по склонам нагорий, выходящих на степь, высматривающих жертву и чаще всего они начинают свое дело с высматривания беззаботных» путников, затем ждут темноты, залегают на пути и когда путешественник подъедет, нападают из засады прежде, чем он успеет сообразить, что происходит [Porter 1822: 47], – писал Портер.

Неизвестно, пугал ли представитель российской власти, отвечавший за безопасность путешественников, англичанина сознательно, или просто пересказывал местные истории, но после таких рассказов, Поттер выехал из Георгиевска лишь на следующее утро в составе большой группы, направлявшейся в сопровождении казачьего конвоя на Минеральные Воды.

Возле Константиногорской крепости, на месте будущего Пятигорска, путешественник посетил знаменитые Минеральные Воды. Расположенные в 30

верстах от Георгиевска ванны, – пишет он, «очень популярны у русских, даже живущих в отдаленных частях империи вследствие достоинств своих минеральных источников. Они бьют в Бештовых горах, и температура в источнике варьируется от 30 до 40 градусов по Реомюру (37–50° C). Местность вокруг этих ванн так же прекрасна, как и приятна для жизни, а обилие воды, как на поверхности, так и под землей, помимо защиты, удобств и финансовой помощи Императора привлекают поселенцев; даже чужестранцы издалека могут приобщиться к ее достоинствам» [Porter 1822: 47].

В селении Каррас недалеко от Константиногорской крепости Портер обнаружил своих сограждан – шотландских миссионеров.

«Колонию можно назвать скорее, сельским обществом, чем собранием богословов, – пишет автор. – Их усилия по распространению религиозных начинаний среди неверных горцев закончились полным фиаско; те немногие, которых удалось обратить в Христианство, были почти все убиты соплеменниками, как только попались им в руки. Чтобы защитить саму колонию от грабителей-неверных в ней постоянно расквартировано достаточное количество русских войск» [Porter 1822: 47].

Военный уклад жизни в приграничье был основательно описан путешественником и первое, что бросилось ему в глаза – это организация казачьего патрулирования и охраны дороги.

«На определенных промежутках широкой равнины, что раскинулась до самого подножья Кавказа и во всю длину его казалась бы непроницаемой цепи, расположены отряды казачьей охраны, – пишет автор. – Каждый состоит из 5–6 человек, которые по очереди, днем и ночью несут дозор. Вид, в котором они предстают перед проезжающим мимо путешественником, как любопытен, так и романтичен; он невероятно гармонирует с тем диким краем, который они посланы охранять. Небольшая хибарка, сделана из сорной травы и веток деревьев, а рядом с ней развернуто что-то типа помоста, но размерами не больше, чем на одного человека. Он поднят примерно на 20 футов над землей и пока товарищи отдыхают в шалаше, казачий часовой день и ночь стоит на помосте в дозоре, а когда появится объект для более тщательного обзора, то лошади, привязанные поблизости, всегда в распоряжении их хозяев. Солдат на посту всегда завернут в бурку; которая вместе с грубой конструкцией его поста, при взгляде издалека, привлекает внимание своей живописностью не меньше, чем любой другой предмет на этом длинном, однообразном горизонте» [Porter 1822: 48-49].

Следуя с конвоем, Портер добрался до Моздока, который он назвал своей «первой ступенью в Азию». Город автору понравился своей ухоженностью и теплотой, с которой англичанина встретил комендант. При этом оказалось, что следовать дальше можно только с «оказией» – общим транспортом, идущем под прикрытием военного конвоя. Транспорт, по свидетельству Портера собирался раз в неделю и отправлялся по Военно-грузинской дороге каждое воскресенье. Конвой, с которым должен был ехать Портер помимо его собственной повозки, включал 10-12 путников, почту и пятьдесят повозок с солью и европейскими товарами [Porter 1822: 53].

Как и все путешественники, проделавшие путь вместе с «оказией», Портер высказывал недовольство медленным продвижением, подчеркивая при этом опасности поездки.

«Наша маленькая армия со своей поклажей двигалась со скоростью похоронной процессии уже почти половину дня, когда внезапно вдалеке на холмах напротив нас появилось около 30 всадников. Это зрелище тут же заставило нас остановиться. Ведь хоть наши силы и намного превосходили тех, что мы видели, нельзя было быть уверенными в том, что еще несколько сотен не прячутся за склоном холмов. Каждый – и военный, и гражданский, зарядил свой пистолет или ружье; вытащил саблю или кинжал, чтобы при необходимости показать свою волю к обороне» [Porter 1822: 54], описывает автор один из эпизодов путешествия по Кавказским предгорьям за Терекком.

Одновременно он делал заметки о том, как выглядел отряд конвоя, охранявший транспорт. Всадники по словам путешественника представляли собой живописный вид, «вооруженные кинжалами, саблями, карабинами, пистолетами, – короче говоря оружием почти всех стран к которому они добавили и множество различных приспособлений для хранения старой амуниции и всего, что может пригодиться, развесив его на себе и своих лошадях» [Porter 1822: 54].

Кроме того, англичанин оставил беглые заметки о той территории, через которую шел путь транспорта.

«Страна, простирающаяся у подножия Кавказа на значительное расстояние, называется Малая Кабарда, направо, вдоль горного хребта до земель Черкесов лежит Большая Кабарда, – писал он. – Люди, которые населяют эти два района, известны русским под общим названием Черкесов. Они потомки смешения разных народов, чье отличие по происхождению, характеру и обычаям теперь практически утеряно, на что указывает то общее имя, что они носят и адаптация общего костюма. В настоящее время, население обеих Кабард, ничем не отличается в костюме от соседних черкесов. Они в целом, говорят на одном языке и предпочитают считать себя ветвями единого племени. Но как мне сказали, жители Малой Кабарды были, практически, колонией Большой Кабарды, куда они были вытеснены из своих прежних владений более могущественными племенами. Может быть, и Черкессия в былые времена появилась таким же точно способом, и поток эмиграции, захвата владений и заселения продолжался. Кроме того, здесь живут многочисленные татарские племена, простирающиеся на юг по низким холмам и равнинам, идущим от предгорий до Кубани» [Porter 1822: 51-52].

Автор, конечно, не вдавался в проблемы этногенеза, расселения и древней истории народов Центрального Кавказа. Для него гораздо важнее было отметить, что именно для борьбы с ними на границах Кубани и Малки, «Россия сформировала войска Казаков, известных под общим именем Казаки Кавказской Линии. Их главная обязанность – эскортировать путешественников, караваны и т.д. Но их часто посылают в глубины Кавказа, где император возводит военные посты, а так же в Грузию с той-же целью, так как они – единственные солдаты, способные нападать на диких горцев их-же методами, используя схожее оружие и схожий стиль ведения войны» [Porter 1822: 52]. Несомненно, данные оценки Портер давал со слов окружавших его российских военных.

Одной из историй, которую автор приводит в том виде, в каком ее услышал от коменданта Григорополисского форта стал нашумевший в свое время

рассказ о пленении генерала И.П. Дельпоццо. Восторженно отзываясь о способностях Кабардинского пристава и его знаниях управляемого народа, Портер пишет, что

«последнее достоинство досталось генералу дорогой ценой. Он сам имел несчастье несколько лет назад попасть в руки партии чеченцев, которые увлекли его в свои скалистые горные дали, обходились с ним со всей жестокостью, которую только могла подсказать им их дикая натура; конечно, они оставили его в живых так как кое-что знали о его важном значении для монарха, и надеялись получить богатую награду в виде выкупа. Но у... [них] есть странное противоречие: обременяя его жестокостью, они часто взывали к его известной мудрости для того, чтобы решать не только свои споры в домашних делах, но и часто даже более общие племенные интересы. Эта особенность, вместе с продолжительностью плена, позволили ему иметь большие успехи в познании чеченского языка и быть осведомленным в их традициях, манерах, одежде, и вероятно во взглядах на ведение грабительской жизни. Он так же завел себе связи, которые, как он надеялся, однажды, если обретет свободу, могли бы помочь послужить на пользу России в наиболее важных пунктах Кавказской линии. После того, как он промаялся двенадцать долгих месяцев в неопределенном состоянии между надеждой и отчаянием, и к тому же испытывая все тягости рабства, десять тысяч рублей, как мне сказали, было предложено одними и принято другими в выкуп; он вернулся на свободу вместе с приобретенными знаниями и навыками, которые он и использовал чтобы увеличить как территорию, так и силы правительства и покрыть себя славой» [Porter 1822: 58-59].

Рассказывая историю И.П. Дельпоццо, путешественник не мог не дать характеристику тех людей, которые держали генерала в плену – чеченцев, однако, описывая их, автор пересказал набор стереотипов российских имперских военных.

«Эти самые чеченцы, чья временная кабала лишь научила узника тому, как в недалеком будущем наложить еще более тяжелое ярмо на них самих, считаются самым грозным из всех племен, что населяют бесчисленные скалистые долины восточной части Кавказа. Их хищнические набеги в больших или малых группах не только пугают их непосредственных соседей – такие-же племена, хоть и менее могущественные, но их внезапные налеты, засады и непрекращающаяся война, заставляют дисциплинированных русских быть всегда наготове. Эти владыки гор, кажется, никогда не устают – ни днем, ни ночью» [Porter 1822: 60].

Напуганный рассказами о чеченцах, Портер отказался от своей первоначальной идеи встретиться с И.П. Дельпоццо, который во время пребывания на Кавказе англичанина был занят строительством очередного укрепления в Чечне, а продолжил свой путь во Владикавказ и вступил в предгорья Главного Кавказского хребта.

Портер описывает величественные виды горной цепи, открывавшиеся с дороги.

«К полудню день начал проясняться и темная пелена испарений, столь долго скрывавшая эти грандиозные холмы из виду, рассыпалась в массу похожих на кучи шерсти облаков; и по мере того, как они медленно скользили вниз за черту гор, сливаясь друг с другом, или по отдельности, моему взору открылись обширные кручи Кавказа – мир в самом себе: скалистый, дикий и покрытый снеговыми шапками; тянувшийся на Запад и Восток, покуда хватало глаз и возносившийся высоко в небо. Это было зрелище, заставлявшее замереть все чув-

ства, прервать даже само дыхание под грузом охватывающих душу эмоций от вида такого всеобъемлющего великолепия» [Porter 1822: 65].

Автор также приводит и описания Владикавказа, который он считает одной из самых больших и важных крепостей с целым полком солдат в гарнизоне. Форт размещен на возвышенности, позволяющей контролировать все подходы к горному проходу, но при этом на достаточно большом расстоянии от других высот, что не позволяет горцам его обстреливать. Портер отмечает, что отношения с местным населением далеко не враждебные, город и его округа разрастается быстро, и «где бы русские не возвели форт, сотни татар стекаются в его окрестности и селятся в небольших деревнях. ... Это добровольное переселение, развеивая их подозрительность и принося дружественные контакты с европейцами, оказывает огромное цивилизующее влияние на эту ветвь татарского народа и тем самым можно надеяться, что влияние гуманных манер может постепенно распространиться и среди более удаленных племен» [Porter 1822: 66], – пишет путешественник.

От Владикавказа путешественники отправились по Военно-Грузинской дороге, которая выглядела для Портера весьма экзотичной.

«Начиная от этого места, пишет он, – наша дорога будет напрямую проходить через самое сердце гор, идя вверх и вниз по возвышенностям, которые бы назвали отвесными склонами в более обузданных европейских Альпах или Апеннинах; здесь мы оставили нашу артиллерию и тяжелую часть конвоя, и, облегченные от этих двух грузов, устремились дальше более быстрыми темпами, с эскортом из около сорока солдат, офицера и нескольких казаков» [Porter 1822: 67].

Художник рассказывает историю о том, как Россия установила контроль над путем, ведущим в Грузию, отмечает, что навести до конца порядок на дороге она все еще не может. «До того, как были приняты меры предосторожности в виде отряда военных, которые в буквальном смысле расстреливали кусты и расчищали путь, эта дорога представляла собой нескончаемую сцену кровопролития и грабежа» [Porter 1822: 74], – пишет Портер. Он, конечно, сгушал краски, считая, что знающие местность горцы обычно сидят в засаде, затем делают залп по проезжающим по дороге путникам, пользуясь тем, что им с дороги некуда деться и потом просто собирают трофеи [Porter 1822: 74]. Судя по всему, эти рассказы он услышал не от местных жителей или российской администрации, а от самого конвоя, пытавшегося запугать путешественников для того, чтобы их было легче охранять. Автор несколько раз пытался остановиться, или сойти с маршрута, чтобы сделать быстрый рисунок потрясающего горного пейзажа, но военные подгоняли его или возвращали обратно, боясь, что засмотревшегося Портера могут отрезать от конвоя и захватить в плен. В итоге художник отказался от своих попыток, ссылаясь на предупреждение – расхожий стереотип о том, что за камнями вдоль дороги могли прятаться бандиты, и «любой отставший может стать их добычей, заплатив свободой, если не кровью за свою небрежность» [Porter 1822: 67].

В своих записях автор восхищается не только красотой суровой природы Дарьяльского ущелья, но и с большим уважением отзывался о русских солдатах, трудами которых была проделана дорога через горы. Кроме этого Портер оставил яркое описание самого пути, бегущего «под нависающими арками из камня, которые достаточно высоки чтобы открыть под ними проход для низкой повозки, но проход настолько узок, что едва-ли вместит две в ряд, или даст им разъехаться, если они будут иметь несчастье встретиться: с одной стороны дороги – отвесный склон, который в одних местах достигает шестидесяти, а в других – сотню футов. На дне другого ската – ревущие воды Терека. Обратив свой взор вверх, путник увидит такие же черные и ужасные склоны. Мы видели огромные выступы весом многие тысячи тонн, выпирающие из нависающей скалы и грозящие разрушить все, что находится под ними и часто это – не пустые опасения. Многие из этих массивных образований в разное время и в разных местах обрушились из-за неожиданных осадков и настолько перегородили дорогу, что заставляют путника их обходить, иногда делая это в рискованной близости от зияющего провала» [Porter 1822: 69].

По мнению Портера, русские форты в Дарьяльском ущелье были выстроены в тех же местах, что и древние укрепления. Автор описывает «Замок царицы Тамары» – скалу с руинами напротив Ларса, приводит древнюю легенду о «Кавказских воротах», защищавших в древности Грузию от набегов горских племен, и говорит, что в нее легко поверить, так как ссыпать груды камней с окружающих гор и перекрыть ими весь горный проход в Дарьяле не составит особого труда.

Он также пытался осмотреть окрестности «Замка царицы Тамары».

«С некоторыми трудностями я вскарабкался к нему и обнаружил руины, состоящие из одной сильной квадратной башни с бегущими вокруг нее толстыми массивными стенами, которые окружают место внутри, достаточное для гарнизона из нескольких сотен солдат. Это, наверное, и была цитадель прохода, я заметил также развалины внешних укреплений на всех пунктах, где скалы формируют естественные ложементы против противника, считающего себя достаточно ловким, чтобы их штурмовать» [Porter 1822: 71].

Вид со скалы настолько потряс художника, что он попытался нарисовать Дарьяльское ущелье, смотря на него из «Замка царицы Тамары» и из русского редута на другой стороне реки.

Помимо красот природы Портер описывает и местных жителей – осетин «смешанного вероисповедания: христиан, мусульман и язычников» [Porter 1822: 77]. Несмотря на то, что осетины по рассказам военных, услышанных Портером, считались наиболее цивилизованными из всех горцев, сам автор описывает местных жителей довольно мрачными красками. Они, по словам путешественника «никогда не появляются без общего оружия этой страны – кинжала на поясе. Его форма – широкая у рукояти и суживается к длинному острию, а весь он имеет около 18 дюймов в длину. Говоря вкратце, впечатление нападения и защиты лежит здесь на всем, что мы видели, и это всегда будет иметь значение, так как здешние люди еще не дошли в своей сущности до такого состояния, когда закон силы уступает место закону целесообразности, –

каждое тело здесь вооружено, каждый дом здесь как маленькая крепость» [Porter 1822: 78].

В селении Казбеги англичанам пришлось задержаться из-за поломки повозки, сцены ремонта которой описаны Портером в форме гротеска, подчеркивавшего дикость местных жителей [Porter 1822: 81]. Пока чинили повозку Портер решил прогуляться по селению, чтобы посмотреть на уклад незнакомой жизни. Англичанин зашел в один из домов, обстановку внутри которого он также характеризовал с самой негативной стороны. Путешественник обратил внимание на черепа лошадей и горных козлов, прибитые под потолком. За входом он обнаружил комнату, «излишне темную, грязную и без мебели. Единственный свет, который она получала, шел из двери и через круглую дыру в крыше, которая служила печной трубой. Немного щепок и лепешек сухого кизяка лежали, дымившись, посередине этого мерзкого жилища. Несколько вылепленных из глины емкостей и пара сломанных чашек стояли вокруг костра, но сидений нигде не было видно. Однако, в одном из углов комнаты сквозь полумрак, я умудрился рассмотреть старый деревянный ящик, рядом с которым стояла женщина, которая, поняв, что она привлекает внимание, исчезла в еще более темной комнате чем та, в которой я стоял» [Porter 1822: 82].

Дикие, с точки зрения англичанина, нравы местных жителей подчеркивало описание сцены обеда, которым путешественников в своей резиденции угостил глава местной администрации – генерал Казбек. Даже русские путешественники, пишет англичанин, «были настолько же, как и я удивлены ... видом тех, кто нас обслуживал. Облик и ухватки наемных убийц делали их больше похожими на бандитов, чем на прислугу – все они были вооружены, а нагрудные карманы набиты патронами. Все это, конечно, могло меня только злить ... и весьма вероятным выглядело то, что эти самые люди, которые сейчас так услужливо обеспечивают мои нужды, могут во время нашего движения к Коби, если я дам им шанс, залечь в засаде и ограбить, или даже попросту убить меня в знак прощания с недавно дружественно встречаемым гостем» [Porter 1822: 79]. Таким образом, этнографические зарисовки Портера не отличались глубиной и отражали лишь общий набор стереотипов о народах Кавказа, который был в ходу у путешественников через регион, сталкивавшихся только с одной стороной жизненного уклада и крайне предвзято ее трактующих.

Покинув Казбеги, путники по южному склону кавказского хребта спустились в Грузию, где в центре Кавказского наместничества – Тифлисе, англичане закончили свое путешествие по Кавказу.

В целом травелог Роберта Портера, написанный ярким художественным языком не только открывал для англоговорящей общественности Кавказ, но и транслировал ряд устоявшихся стереотипов о жителях региона. Читая его, можно согласиться с мнением Ч. Кинга о существовании «двойственного видения» региона европейскими путешественниками, для которых восхищение природой Кавказских гор было смешано с чувством страха попасть в плен к их обитателям [King 2008: 34]. Кроме того, в записках мы можем проследить мотивы, общие для всех европейских путешественников на окраинах Мира. «Записи, которые о своих поездках оставили подобные исследователи, несут в себе

основу, написанную в тональности, звучащей сейчас даже несколько оскорбительно – непреложную уверенность в собственном превосходстве, в том, что “белый человек знает лучше”. Однако, невозможно, читая путевые записки, не разделять восхищения их авторов перед ярким разнообразием незнакомых им народов, животного и растительного мира, с которыми они встречались» [Рахман 2011: 109], – отмечает современный английский исследователь Джереми Паксман. Отечественному же историку, записки иностранцев дают богатый материал, который приобретает особый интерес при его сопоставлении с оценками отечественных авторов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Johnson 1818 – *Johnson J.* A Journey from India to England, through Persia, Georgia, Russia, Poland, and Prussia, in the year 1817. – London: Printed by A Strahan, 1818. – Vol.1. – 376 p.
- King 2008 – *King Ch.* The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus. – Oxford: Oxford University press, 2008. – 291 p.
- Kinneir 1818 – *Kinneir J. M.* Journey through Asia Minor, Armenia and Koordistan in the year 1813 and 1814 with remarks on the marches of Alexander and retreat of the ten thousands. – London: John Murray publ., 1818. – 603 p.
- Paxman 2011 – *Paxman J.* Empire. What Ruling the World Did to the British. – London: Penguin Group Press, 2011 – 352 p.
- Porter 1822 – *Porter R.K.* Travels in Georgia, Persia, Armenia, Ancient Babylonia in the years 1817, 1818, 1819 and 1820. – London: Longman Publ., 1822. – Vol 1. – 720 p.
- Гордеев 1830 – *Гордеев Г. С.* Поездка из Польши за Кавказ // Тифлисские ведомости. – 1830. № 18. – С. 4.
- Духовский 1844 – *Духовский С.* Даховский отряд на южном склоне Кавказских гор в 1864 году. – СПб: Типогр. Департамента уделов, 1864. – 133 с.
- Портер 1823 – *Портер Р.* Путешествие//Сын отечества. – 1823. – Ч. 87. – С. 178-182, 219-223.
- Хопкирк 2004 – *Хопкирк П.* Большая игра против России. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004. – 640 с.

REFERENCES

- JOHNSON J. A Journey from India to England, through Persia, Georgia, Russia, Poland, and Prussia, in the year 1817. – London: Printed by A Strahan, 1818. – Vol.1. – 376 p.
- KING CH. The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus. – Oxford: Oxford University press, 2008.– 291 p.
- KINNEIR J. M. Journey through Asia Minor, Armenia and Koordistan in the year 1813 and 1814 with remarks on the marches of Alexander and retreat of the ten thousands. – London: John Murray publ., 1818. – 603 p.
- PAXMAN J. Empire. What Ruling the World Did to the British. – London: Penguin Group Press, 2011 – 352 p.
- PORTER R.K. Travels in Georgia, Persia, Armenia, Ancient Babylonia in the years 1817, 1818, 1819 and 1820. – London: Longman Publ., 1822. – Vol 1. – 720 p.
- GORDEEV G. S. *Poezdka iz Pol'shi za Kavkaz* [A Travel from Poland to the Caucasus]. IN Tiflisskie vedomosti. – 1830, № 18. – P. 4. (In Russ.).
- DUKHOVSKII S. *Dakhovskii otryad na yuzhnom sklone Kavkazskikh gor v 1864 godu.* [Dachovsky military Group on the South Slope of the Caucasus Mountain Range in 1864] – SPb: Tipogr. Departamenta udelov, 1864. – 133 p. (In Russ.).
- PORTER R. *Puteshestvie* [A Voyage]. IN: *Syn otechestva.* – 1823. – Vol. 87. – P. 178-182, 219-223. (In Russ.).

KHOPKIRK P. Bol'shaya igra protiv Rossii [The Great Game against Russia].- Moskow.: RIPOI KLASSIK, 2004. – 640 p: (In Russ.).

Информация об авторе

Д.С. Ткаченко – доктор исторических наук.

Information about the author

D.S. Tkachenko – Doctor of Science (History).

Статья поступила в редакцию 31.05.2022 г.; одобрена после рецензирования 21.06.2022 г.; принята к публикации 28.06.2022 г.

The article was submitted 31.05.2022; approved after reviewing 21.06.2022; accepted for publication 28.06.2022.

Научная статья
УДК 94(470.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-37-54
EDN: BVRPLU

ЛИЧНОСТЬ МАГОМЕТ АШ АТАЖУКИНА В КОНТЕКСТЕ УЧАСТИЯ ХАДЖРЕТСКОЙ КАБАРДЫ В КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ

Асланбек Султанович Мирзоев¹, Мехмет-Риза Кемал Чанак²

¹ Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, marzeibach@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5056-6788>

² Анкара, Турция, gskank@gmail.com

Аннотация. В статье исследованы биография одного из военно-политических лидеров Хаджретской Кабарды кабардинского князя Магомета Атажукина и его роль в событиях Кавказской войны. Исследование проведено на основе источников, извлеченных из российских и османских архивов и народных преданий, сохранившихся как на Кавказе, так и в зарубежной черкесской диаспоре. Т.к. в источниках первой половины XIX в. встречаются упоминания о нескольких военно-политических деятелях (или представителей кабардинской этноэлиты) с аналогичными именами и фамилиями, в настоящем исследовании произведена идентификация его личности. На основе турецких архивных источников уточнены некоторые страницы его биографии, выяснено отношение к нему османских властей, установлены факты переселения черкесов в пределы Османской империи задолго до окончания Кавказской войны и участие в этом процессе Магомета Атажукина. В статье на примере его деятельности рассмотрена роль кабардинских хаджретов и их военно-политических лидеров в антиколониальном сопротивлении в Восточном Закубанье, установлено, что они устойчиво демонстрировали непропорциональное своей численности влияние и военную активность в данном субрегионе Кавказа.

Ключевые слова: Магомет Аш Атажукин, хаджреты, Хаджретская Кабарда, вольные кабардинцы, военный и политический лидер, Кавказская война.

Для цитирования: Мирзоев А.С., Чанак М.-Р.К. Личность Магомет Аш Атажукина в контексте участия Хаджретской Кабарды в Кавказской войне // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 2. – С. 37-54. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-37-54. EDN: BVRPLU.

© Мирзоев А.С., Чанак М.-Р.К., 2022

Original article

THE PERSONALITY OF MAHOMET ASH ATAZHUKIN IN THE CONTEXT PARTICIPATION OF THE HAJRETI KABARDA IN THE CAUCASUS WAR

Aslanbek S. Mirzoev¹, Mekhmet-Riza K. Zhanak²

¹ The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, marzeibach@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5056-6788>

² Ankara, Turkey, gskank@gmail.com

Abstract. The article examines the biography and role in the events of the Caucasian War of one of the military-political leaders of the Khadzhret Kabarda - the Kabardian prince Mo-hammed Atazhukin. The study is conducted based on Russian and Ottoman sources, using folk traditions preserved both in the Caucasus and in the foreign Circassian diaspora. Because of the presence in sources of the first half of the XIX century mention several military and political figures (or representatives of the Kabardian ethno-elite) with similar names and surnames, this research enquired his identity. Based on Turkish archival sources, some pages of his biography are clarified, the attitude of the Ottoman authorities towards him is determined; the facts of the resettlement of Circassians within the Ottoman Empire long before the end of the Caucasian War, and the participation of Mahomet Atazhukin in this process are established. The article discusses the role of the Kabardian Khajrets and their military and political leaders in the anti-colonial resistance in the Eastern Transkuban region, it was established that they firmly demonstrated disproportionate influence and military activity in this sub-region of the Caucasus.

Key words: Mohammed Ash Atazhukin, Khajrets, Khadzhret Kabarda, free Kabardians, military and political leader, Caucasian War.

For citation: Mirzoev A.S., Zhanak M.-R.K. The personality of Mohammed Ash Atazhukin in the context of the participation of the Hadjret Kabarda in the Caucasian War. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 2. – P. 37-54. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-37-54. EDN: BVRPLU.

© Mirzoev A.S., Zhanak M.-R.K., 2022

*«Одновременно рыцарь и поэт,
он был идеалом всех черкесов,
видевших в нем
олицетворение мужества...,
воплощение героизма...
Вся его жизнь как поэма.
Это Антар¹ Кавказа»
Флориан Жиль*

Введение

Долгое время в советской исторической науке господствовала теория о решающей роли народных масс в историческом процессе, а роль личности нивелировалась, что приводило к некой обезличенной истории. В то время как история народа – это судьбы конкретных личностей, через которые прослеживается история страны.

В национально-освободительном, антиколониальном движении черкесского народа в период Кавказской войны особое место занимает кабардинский князь Магомет Аш Атажукин.

История национального героя, которому посвящено множество народных преданий черкесов, мало отражена в научных исследованиях в силу небольшого количества известных российских архивных источников. В этой связи определенное значение для полноты и разностороннего изучения этого исторического персонажа могут иметь документы османских (турецких) архивов, выяв-

¹ Антар – арабский поэт и герой VI в., из приключений которого создался рыцарский роман в 60 томов.

ленные соавтором данной статьи, выпускником исторического факультета университета Анкары Мехмет-Ризой Чанак.

Имя Магомет Аш Атажукина упоминается в работах дореволюционных авторов (В.А. Потто, К.Ф. Сталь, Н.Ф. Дубровин, Ф.Ф. Торнау, Ф. Жиль).

Характеризуя Атажукина, отдавая дань уважения его достоинствам военного лидера, они одновременно отмечали в нем рыцарскую натуру и благородные человеческие качества.

Швейцарский ученый на русской службе Флориан Жиль писал:

«В одном из боев с нами — он проявил благородство, достойное времен христианского рыцарства. ...ногайский князь, Эдик-Мариаф, его друг, сражался рядом с ним; его конь был убит... Магомед-Аше спрыгнул со своего коня и предложил вскочить на него Эдик-Мариафу. Последний... отказался от этого, заявив, что «он лишь простой ногоайский князь перед Мохаммед-Аше, кабардинским князем, гордостью своего народа». Тогда Мохаммед-Аше, прыгнув в седло, схватил за пояс своего друга, увез его и, сделав последнее усилие, сумел преодолеть со своею ношею линию наших казаков» [Жиль 2009: 98, 138].

Благодаря Ф. Жиллю нам известны точная дата и обстоятельства смерти М. Атажукина:

«В 1846 г., сопровождаемый лишь тринадцатью таких же, как он, решительных воинов, он захотел совершить нападение на сам Ставрополь, что было поступком дерзким, стоившим ему жизни. Было проведено о его приближении; скоро он был окружен нашими казаками. Князь, сказавший своим спутникам, что вернет их «живыми или мертвыми», совершил пред ними краткую молитву и бросился на кольцо, его окружившее. Он прорвал его, но заметил, что оказался без своих людей; возвратился, прокричал им вселяющие бодрость слова и вновь сходил с ними. Слышны были его крики ободрения. Все более и более теснимый, он погибает вместе со всеми своими спутниками» [Жиль 2009: 138–139].

Воспоминания русского разведчика Ф.Ф. Торнау, лично знавшего знаменитого кабардинского князя, позволяют нам установить причину, по которой он получил свое прозвище «Мыхьэмэт Іэшэ» – (Магомет Сухорукий), и год его рождения. Ф.Ф. Торнау, находившийся в плену у кабардинских хаджретов с 1836 по 1838 гг., часто приглашался ими в кунацкую в качестве почетного гостя. Там и состоялось его знакомство с Магомет Аш Атажукиным в марте 1836 г. во время мусульманского праздника Курман Байрам. «Это был абрек ... вернувшийся из Константинополя, куда он ездил лечить раненную руку...» [Торнау 1999: 291]. Во время одного из сражений с русскими войсками Магомет Атажукин получил ранение – у него оказались перебиты обе руки, в результате чего правая стала значительно короче левой. «Его называли поэтому Магомет-аша, то есть сухорукий» [Торнау 1999: 291]. Однако это «не мешало ему отлично владеть конем и оружием. У него была особая винтовка, приспособленная именно к его короткой руке, и он бил из неё без промаха» [Торнау 1999: 407]. Он «...мог... колоть шашкой, только не рубить» [Торнау 1999: 291]. Ф.Ф. Торнау подружился с Магомет Аш Атажукиным, называл его своим приятелем и отмечал, что они были ровесниками. Учитывая, что Ф.Ф. Торнау родился в 1810 г., им обоим было в это время по 26 лет [Торнау 1999: 291].

В 1998 г. в журнале «Іуашхъэмахуэ» Ф.Я. Дугуж опубликовал статью на кабардинском языке, в основу которой легли фольклорные предания черкесской зарубежной диаспоры, посвященные Магомет Аш Атажукину [Дыгъужь 1998: 120–122]. Они повествуют о целом ряде качеств, присущих нашему герою и обязательных для черкесского рыцаря, – мужество, храбрость, скромность, благородство, ораторское искусство.

Личность Магомет Аш Атажукина стала объектом специального исследования в статье Т.Х. Алоева, в которой он отмечает, что данные черкесского фольклора с устоявшимся в рамках черкесской культурной традиции образом безупречного героя и российский нарратив комплементарны друг другу и вместе образуют и поддерживают образ эталонного рыцаря [Алоев 2019: 29].

Магомет Атажукин – который наш герой?

Идентификация личности

В российских источниках первой половины XIX в. фигурируют несколько личностей с идентичным именем и фамилией [Бейтуганов 2008: 254, 323, 324, 398–400]. При этом не всегда к имени Магомет добавляется приставка Аш. В последнем случае можно однозначно утверждать, что речь идет именно о «нашем герое». Если же упоминается просто Магомет Атажукин, то не ясно, о каком из князей, известных в это время под именем Магомет Атажукин, свидетельствует источник.

К примеру, один из бежавших в 1822 г. за Кубань кабардинских князей Магомет Атажукин – не тот персонаж, который нас интересует, так как он, по сведениям источников, в 1851 г. получил разрешение российского начальства переселиться из-за Кубани в Большую Кабарду [Бейтуганов 2008: 398]. В то же время нам известно, что к этому времени Магомет-Аш Атажукина уже не было в живых. При разорении российскими войсками абазинских аулов Клычева и Мамсира Дударукова в верховьях Зеленчука 18 июня 1824 г., как сообщают русские источники, «в числе убитых лежали тела карачаевского старшины Кубиева и молодого сына известного кабардинского князя Магомета Атажукина» [Утверждение 1904: 162]. Указанное обстоятельство свидетельствует, что этот Магомет Атажукин был намного старше Магомет Аш Атажукина, так как у него был молодой сын, участвовавший в защите аулов, в то время как Магомет Аш Атажукину в это время было только 14 лет, и он еще жил в Кабарде. По всей видимости, в русских источниках упоминается этот же Магомет Атажукин как один из активных участников и организаторов военной кампании хаджретов по переселению кабардинских аулов за Кубань осенью 1825 г. [Бейтуганов 2008: 398–399]. Эта акция была осуществлена при поддержке закубанских черкесов и чеченцев. Некоторые авторы, ссылаясь на источники, описывающие события 1825 г. в Кабарде, считают, что именно здесь Магомет Аш Атажукин получил рану, а вместе с ней и свое прозвище Магомед Косорукий или Сухорукий. В источниках сообщается, что в бою, произошедшем в Чегемском ущелье, отряд под командованием Магомета Атажукина, подкрепленный абадзехами и чеченцами, попал под сильный картечный огонь русской артиллерии. В результате «черкесы понесли серьезную потерю: у них убит главный абадзехский ка-

дий и ранен сам Магомет Атажукин» [Утверждение 1904: 220]. Здесь, очевидно, речь идет о вышеназванном Магомете Атажукине, жившем в это время за Кубанью и прибывшем с отрядом кабардинских хаджретов. Он же упоминается в рапорте штабс-капитана Зергеля 1-го от 9 февраля 1845 г.:

«Чрез посланных мною лазутчиков я получил верное сведение, что посланный от Шамия назначенный наместником вместо умершего Хаджи Магомета к закубанским племенам чеченский эфендий по имени Салман в сопровождении одного товарища, беглого кабардинского эфендия Салиха, проехали за Кубань секретным образом выше Каменного моста более уже пяти дней и проездом ... имели ночлег на Касауте в ауле кабардинского князя Магомета Атажукина» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 8. Д. 36. Л. 15].

Можно однозначно утверждать, что в данном случае речь идет не о Магомете Аш Атажукине, так как в это время у него не было своего аула на Хасауте и он проживал в Абадзехии за р. Лаба. Во время событий 1825 г. в Кабарде нашему герою было 15 лет и он, тогда же, в первый раз ушел за Кубань. Свою же рану и прозвище он получил гораздо позже, в 30-х гг. Когда Ф.Ф. Торнау встретился с Магометом Аш Атажукиным в 1836 г., он отмечал, что тот незадолго до этого вернулся из Стамбула, куда ездил лечить раненную руку [Торнау 1999: 291]. Согласно Османским источникам, Магомет Аш Атажукин находился в Турции весной – летом 1835 г. В том же году, скорее всего, он и получил ранение [ДГАОА. Дж. ДХ. 137-6832]. Следовательно, в событиях 1825 г. в Кабарде ранен был не Магомет Аш Атажукин, а другой Магомет Атажукин, о котором сказано выше.

В этом же архивном деле идет речь еще об одном князе Магомете Атажукине. Начальник Кабардинской линии А.З. Горихвостов предлагает арестовать вместе с Бесланом Хамурзиным, живущим в Кабарде, крайне неблагонадежно, не раз изменявшего присяге, бежавшего и возвращавшегося из-за Кубани, князя Магомета Атажукина. О нем он пишет 30 ноября 1831 г. своему начальнику А.А. Вельяминову:

«Князь же Магомет Атажукин ... весьма хорошо Вам известен, но не менее того по ветренности своей, изуверству и безхарактерности для спокойствия Кабарды вреден и потому ... осмеливаюсь взять и удалить его навсегда из Кабарды, ... благовидным образом отправить его в Ставрополь, взять же явным образом для пользы правительства нахожу вредным – а отправя под предлогом службы или поручения куда он денется никто и знать не будет» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 8. Д. 2. Л. 4].

На это предложение генерал А.А. Вельяминов ответил, что «арестовать князя Магомета Атажукина гораздо лучше явным образом, нежели прибегать для этого к обману. Средство это неминуемо истребит в народе доверенность к правительству и как будто показывает слабость онаго» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 8. Д. 2. Л. 4]. Князь Беслан Хамурзин, не дожидаясь ареста, успел бежать в Чечню. В это же время бежал за Кубань и вышеназванный князь Магомет Атажукин. Об этом Магомете Атажукине известно, что до побега за Кубань он имел чин прапорщика российской армии. 3 апреля 1834 г., после уничтожения аба-

зинского (кызылбековского) аула, в лагерь полковника Г.Х. Засса явилась депутация махошевцев, а также «беглый кабардинский князь прапорщик Мухаммед Атажукин, Джембулат Клычев и Арслан-Гирей Беярсланов» [АКАК 1881: 742, 743]. Более раннее упоминание о нем в российских источниках относится к 1822 г. Описывая события этого года в Кабарде и на Кубанской кордонной линии, они сообщают:

«По счастью на линии общий энтузиазм черкесов был на время ослаблен внутренними раздорами. Случилось, что в это самое время знаменитый Тау-Султан¹, стоявший во главе беглых кабардинских князей, был убит из-засады своим кровником другим кабардинским князем Магомет Атажукиным. Подробности этого дела неизвестны, но есть основание думать, что оно произошло не без участия в нем и русских властей: по крайней мере, Сталь доносил об этом Ермолову следующим образом: «Кабардинскому владельцу Магомету Атажукину, еще в 1819 году, когда он управлял Бабуковым аулом, поселенным близ Георгиевска, я поручил доставить нам случай убить разбойника Тау-Султана, или же, чтобы он, Атажукин, взялся за это сам, так как мне известно было о личной вражде его к Тау-Султану. Атажукин обещал, но в 1821 году, взяв билет на проезд в Кабарду ушел за Кубань и там остался на жительство. Я уже не полагал, чтобы он по своей ветрености сдержал свое обещание; но ныне, убив Тау-Султана, он вернулся назад и обратился ко мне с просьбой о прощении в самовольной отлучке» [Утверждение 1904: 106].

Сталь прибавлял, что хотя Атажукин «по всей вероятности вернулся потому только, что опасался мщения закубанцев, но что, тем не менее, в уважение заслуги, оказанной им, прощение ему даровано» [Утверждение 1904: 106–107]. С этого времени Магомет Атажукин служил российским властям и часто принимал участие в военных действиях против своих соотечественников за Кубанью. В одном из походов российских войск за Кубань в 1822 г. он обратил на себя внимание командовавшего войсками на Кавказской линии А.А. Вельяминова. А.А. Вельяминов писал:

«Я надеялся найти в нем хорошего проводника, так как он в прежнее время долго жил за Кубанью, воспитывался там и должен был хорошо знать закубанские земли. Я в сем не ошибся. Он был безотлучно в авангарде при Якубовиче и сверх того сражался против закубанцев со свойственною ему храбростью, в которой никто ему не откажет. Семейство его и люди задержаны были в плену у ногайцев. Справедливость требовала дать ему возможность возвратить их, а потому из числа пленных, взятых на Лабе, дал я ему для вымена двух сестер князя Солибея и 8 человек из простого народа. Князь Атажукин останется при войсках, пока в нем будет надобность, а семью его отправлю на Малку, а затем весною она поселится у Кыз-Буруна, напротив Баксанского укрепления» [Утверждение 1904: 141].

За участие в Закубанской экспедиции генерала Эммануэля в 1830 г. Магомет Атажукин был 30.11.1830 г. произведен в прапорщики [Казаков 2017: 96]. Как следует из архивных источников, в 1842 г. Магомет Атажукин опять совершил побег. В «Деле о побеге поручика князя Магомета Атажукина к непокорным горцам», начатом 26 сентября 1842 г., содержится краткая служебная характеристика на него:

¹ Тау-Султан Атажукин – один из военных и политических лидеров кабардинских хаджретов в 20-х годах XIX в.

«Поручик Атажукин служил с 1819 по 1838 год в экспедициях против горцев, и за отличия в сражениях в 1830 году награжден чином прапорщика; впоследствии он состоял в Кавказско-конно-Горском полку в Варшаве, и за отличие по службе произведен в настоящий чин поручика. Всего в службе состоял 23 года. В офицерских чинах 12 лет 3 месяца; в настоящем чине 4 года 8 месяцев. Был в походах и сражениях. В штрафах и под судом не находился. ... характера слабого; в народе особым уважением не пользовался, к пользам правительства был предан» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 5. Д. 8. Л. 21].

В 1845 г., как сообщается в том же деле, Магомет Атажукин «просил Исправляющего должность Начальника Правого фланга Кавказской линии о Всемилостивейшем прощении его за побег в горы, с возвращением чина и жалования. Что он в бытность у непокорных горцев не предпринимал противу нас никаких неприязненных действий» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 5. Д. 8. Л. 41]. В ответ на его прошение поступило решение российского императора:

«...кабардинского племени бывшего поручика Князя Атажукина подвершагося военному суду по полевому уголовному положению за побег к непокорным горцам, по изъясненному в представлении Вашем уважениям, простить, и оставить в настоящем месте жительства в ауле узденя Хаджи Хакондукова, под строгим надзором местного начальства, не возвращая ему впрочем чина и не производя никакого содержания» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 5. Д. 8. Л. 39].

Анализ источников показывает, что в первой половине XIX в. в источниках известны как минимум три кабардинских князя под именем Магомет Атажукин.

Можно точно идентифицировать Магомет Аш Атажукина в тех случаях, когда в русских источниках упоминается имя его отца Темирбулата. Так, в своем рапорте командующий войсками на Кавказской линии генерал-майор А.З. Горихвостов на имя генерал-лейтенанта А.А. Вельяминова от 22 сентября 1831 г. писал:

«...не излишним нахожу приложить письмо из Закубани к возмутителю тумаку Хамурзину¹, от известного злодея Магомета Атажукина или Темир Булатова и сообщников его, найденное у убитого кабардинца бывшего весной за Кубанью, из которого увидеть связи и сношения его с злодеями; оригинал же письма как на арабском языке², если нужно то в тот час буду иметь честь доставить» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 8. Д. 2. Л. 3].

Семья и происхождение Магомета Аш Атажукина

Магомет Аш Атажукин происходил из самого многочисленного и могущественного кабардинского княжеского рода Атажукиных.

Согласно генеалогическому древу князей Атажукиных, составленному Е.Д. Налоевой, Магомет Аш Атажукин являлся потомком родоначальника княжеской фамилии Атажукиных Атажуко Казиева в 6-м поколении: Атажуко Казиев – Кургоко Атажукин – Магомет (Бамат) Кургокин – Мисост Баматов – Те-

¹ Тумак означает, что он был рожден от отца князя и женщины не княжеского происхождения. В документе речь идет о сыне кабардинского князя из фамилии Кайтукиных Мурзабека Хамурзина – Беслане Хамурзине.

² Магомет Аш Атажукин был грамотен, владел кроме арабского, русским языком.

мирбулат Мисостов – Магомет Аш Темирбулатов (Атажукин) [Налоева 2015: 7]. По данным архивного источника, у Магомета был родной брат Кучук Атажукин [УЦГА АС КБР. Ф. И-7. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 146]. Последний, будучи в чине поручика, в 1840 г. обращался с прошением к Командующему войсками Кавказской линии генерал-адъютанту П.Х. Граббе с просьбой о возвращении ему 11 семейств крестьян, получивших некогда свободу по решению Кабардинского временного суда и составлявших наследственную собственность его отца – князя Темирбулата Атажукина [УЦГА АС КБР. Ф. И-7. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 146].

Из родословной карты, составленной Е.Д. Налоевой, об отце Магомета Аш Атажукина – Темирбулате известно, что он в 1776 г. был аманатом, участвовал в русско-турецкой войне 1787–1791 гг. в чине капитана [Налоева 2015: 7].

Подробные сведения о Темирбулате Атажукине, извлеченные из различных архивов, представлены в книге А.В. Казакова:

«Мисостов Темир-Булат Мисостович (по российским документам конца XVIII века – Темирболат, сын Мисоста Баматова) (прим. 1760 – не позднее 1826), майор (1807), из кабардинских князей Атажукинской фамилии. Находился в аманатах. С 1776 обучался в Санкт-Петербургском кадетском корпусе. Служил в Кавказском корпусе. Участник русско-турецкой войны 1787–1791. Ротмистр / капитан к 14.09.1793., принимал участие в усмирении в 1804 кабардинцев русскими войсками. С 1822 депутат Кабардинского временного суда в чине капитана. Проживал в Большой Кабарде. Был женат... Владелец капитан Темирбулат Мисостов с детства послан был в Петербург; воспитан в Горном кадетском корпусе; служил в Новотроицком кирасирском полку до капитанского чина. Возвратился в свое отечество, не зная ни одного слова природного кабардинского языка; тотчас позабыл свое воспитание и теперь никак нельзя его разделить от прочих кабардинцев. Он имеет двух сыновей, но, чтобы отдать их на воспитание в Россию, он никогда не согласится и не подумает. На слова о сем, ему предлагаемые, склонен и обещает, но, чтобы исполнить на деле, того невозможно ожидать никогда» [Казаков 2017: 332–333].

Родная сестра Темирбулата Атажукина Султаным была первой женой валия¹ Кабарды Кучука Джанхотова, матерью его знаменитого сына Джамбулата, участвовавшего в разорении станицы Солдатской в 1825 г. и погибшего в том же году в крепости Нальчик [Бейтуганов 2007: 590–591]. Во время этих событий, сопровождавшихся последним массовым переселением кабардинцев за Кубань, будущему герою, Магомет Аш Атажукину было 15 лет. В этот год умер и его отец Темирбулат Атажукин, который сохранял лояльность российским властям до самой смерти.

Согласно преданиям кабардинцев, проживающих в Турции, мать Магомет Аш Атажукина была из княжеского рода Мисостовых и сестрой другого князя-хаджрета – Али Карамурзина. Как и Магомет Аш Атажукин, племянником Али

¹ Валий – старший, верховный князь Кабарды, избиравшийся высшим сословно-представительным законодательным органом (Хасэ) на совете всех удельных князей и их дворян. Кучук Джанхотов, происходивший из княжеской фамилии Бекмурзиных, был верховным князем Кабарды с 1809 до своей смерти в 30-х гг. XIX в.

Карамурзина являлся другой герой кабардинцев-хаджретов¹, соратник Магомет Аша – князь Кучук Аджигиреев из рода Бекмурзиных. Они были сыновьями двоюродных сестер из семьи Карамурзиных из рода Мисостовых [Canak 1989: 75–76].

Бытующие как на Кавказе, так и в зарубежной черкесской диаспоре предания, посвященные Кучуку Аджигирееву и Магомет Аш Атажукину, сообщают, что они, как племянники князя Али Карамурзина, погибшего в апреле 1825 г. при разорении его аула российскими войсками, взяли на себя миссию возмездия предателям – виновникам гибели их дяди по матери.

Об этом же сообщается и в многотомной истории «Утверждения русского владычества на Кавказе»:

«Поступки Шовгурова и Астемирова скоро огласились по всем закубанским аулам, и имена их стали синонимом вероломства. Оба они и пали от руки своих соотечественников. Кровомстителями являлись два племянника князя Карамурзина, известные князья Кучук Аджи-Гиреев и Магомет-Аш Атажукин, прозванный «короткоруким». Последний спустя немного времени после убийства своего дяди, подстерег Шавгурова, когда тот выехал из своего аула и положил его на месте выстрелом из винтовки. По княжескому обычаю он снял с убитого оружие, положил его возле трупа, накрыл тело буркой и, стреножив коня, пустил его возле. Один мирный кабардинец случайно наткнулся на убитого и поднял тревогу, но никого не нашли – все поняли, что это была месть за Довшокина и Карамурзина» [Утверждение 1904: 197].

Начало воинского пути и будущей славы

Магомет Аш Атажукин впервые упоминается в российских источниках накануне марта 1828 г.:

«В марте 1828 года... верстах в восьми от Павловской станции, сделано было нападение... на почту... Следствие выяснило, что партия состояла из восьми человек, преимущественно беглых кабардинцев, но что между ними находились и кабардинцы наших мирных аулов... В числе мирных кабардинцев, участвовавших в ... нападении, был молодой князь Магомет Атажукин, – сын известного Темир-Булата, оказавшего в начале нынешнего столетия большие услуги русскому правительству. По смерти отца молодой Атажукин бежал за Кубань вместе с отошедшими от нас кабардинцами, но скоро, раскаявшись, вернулся на родину, был прощен и даже назначен членом народного кабардинского суда. Беспокойный и тщеславный характер юноши не мог мириться, однако, с такой прозаической деятельностью, – и в результате явились сношения с закубанскими князьями, а затем и участие в разграблении почты. Атажукина арестовали. Некоторое время он даже содержался в тюрьме, но потом, когда ему возвратили свободу за круговой порукой всех кабардинских князей, он снова бежал за Кубань и, предводительствуя уже большими партиями горцев, сделался грозой линии. В тридцатых и сороковых годах печальная, но громкая известность Атажукина достигла своего апогея. Его история и романтическая смерть – впереди» [Потто 1994: 279–280].

Итак, первый раз Магомет Атажукин бежал за Кубань в возрасте 15 лет во время последнего восстания Кабарды в 1825 г. После амнистии и возвращения

¹ Хаджретами называли кабардинцы своих соотечественников, переселившихся за Кубань, после установления окончательного контроля российской военной администрации в Кабарде в 1822 г. В российских документах они получили название «беглых» или «вольных кабардинцев».

в Кабарду он ушел за Кубань повторно и уже окончательно в 1828 г. В это время ему было 18 лет.

Кабардинские князья довольно в раннем возрасте (14–15 лет) вступали на военную стезю, но для того, чтобы заслужить авторитет военного предводителя, одного бесстрашия и храбрости было недостаточно, были необходимы опыт, везение и особые способности. В это время Магомет Аш Атажукин пока еще не фигурирует в военных отчетах российского командования как военный и политический лидер хаджретов.

В 20-е гг. XIX в. в качестве лидеров беглых кабардинцев были известны князья Таусултан Атажукин, Исмаил Касаев, Асланбек Бесленов, Мурзабек Хамурзин. Военный потенциал Хаджретской Кабарды доходил, по мнению Т.Х. Алоева, до двух тысяч всадников. Однако это количество значительно увеличилось в ходе боевых операций, так как хаджреты неизменно поддерживались темиргоевцами, бесленеевцами и абадзехами [Алоев 2017: 9]. Этот театр военных действий располагался в районе от устья Лабы до Каменного моста в верховьях р. Кубань.

На смену одним погибшим предводителям приходили другие. Надо заметить, что это происходило часто, так как в соответствии с особенностями военной культуры черкесов и рыцарским кодексом «уэркъ хабзэ» предводители, особенно из княжеского сословия, обязаны были не только руководить военными операциями, но и принимать в них личное участие, находясь всегда впереди сражающихся, демонстрируя образцы неустрашимости и героизма [Мирзоев 2021: 77].

Во главе кабардинских хаджретов (30–40-е гг. XIX в.)

Имя Магомет Аш Атажукина, наряду с именами предводителей кабардинских абреков Аслан-Гирея Хамурзина и Кучука Аджигиреева, становится широко известным в 30–40-е гг. XIX столетия. Описывая ситуацию, сложившуюся на Кубанской кордонной линии в 30-е гг. в период начальствования на ней генерала Г.Х. Засса, Ф.Ф. Торнау сообщает:

«В 1834 году генерал был назначен начальником Кубанской кордонной линии. Смелыми и удачными набегами на неприятельские аулы он успел навести такой страх на их жителей, что они почти перестали тревожить Линию... Лучшие абреки-вожаки были перебиты в стычках с нашими войсками, многие из них покорились, некоторые, и это были самые опасные, с упорством продолжали своё кровавое ремесло. Между последними отличались ловкостью и необыкновенным счастьем хаджи Джансеид¹ и два князя, Аслан-Гирей (Хамурзин – А. М.) и Магомет Атажукин. За каждый набег они платили генералу равно удачным нападением» [Торнау 1999: 258].

Магомет Аш Атажукин становится лидером кабардинских хаджретов со второй половины 30-х гг. XIX в., после смерти Кучука Аджигиреева и Аслан-Гирея Бесленева. Согласно архивным источникам, Кучук Аджигиреев умер 11

¹ Хаджи-Джансеид – кабардинский мулла и военный предводитель хаджретов, упоминаемый в списках узденей Большой и Малой Кабарды от 1825 г. как бежавший за Кубань Увыжуко Жанситов. Погиб, согласно сведениям Ф.Ф. Торнау, в 1843 г.

января 1830 г. от ран, полученных во время обороны абазинского аула Кумпилло на р. Ондрюк [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 26. Л. 13]. Аслан-Гирей Бесленев (Хамурзин), по сведениям Ф.Ф. Торнау, был предательски убит в октябре 1838 г. в кунацкой своего двоюродного брата Адель-Гирея в мирном кабардинском ауле на р. Урупе. Это была месть со стороны Адель-Гирея Хамурзина за убийство Аслан-Гиреем его отца Тембота Хамурзина. То, что отрубленная голова Аслан-Гирея оказалась впоследствии выставлена в Прочном Окопе¹, свидетельствовало о том, что к убийству имел отношение генерал Г.Х. Засс [Торнау 1999: 258].

Смена лидеров военного сопротивления кабардинских хаджретов была связана не только с их гибелью в ходе войны, но и с тем, что некоторые из них шли на сделку с российским правительством, прекращали борьбу взамен на политическую амнистию с возвращением им подданных, имущества и сохранением сословных привилегий. Учитывая авторитет и военный опыт предводителей кабардинских хаджретов среди закубанских черкесов, еще А.П. Ермолов старался нейтрализовать их сопротивление не только военными средствами, но и дипломатическими методами, подкупом, обещанием амнистии. Правда, А.П. Ермолов запрещал возвращать хаджретов в Кабарду, приказывая размещать их на Кубани. Позже, по мере продвижения вперед кордонной линии, аулы «замирившихся» кабардинских князей стали селиться под контролем российской администрации на Марухе, Хасауте, Зеленчуке и Урупе. В 1835 г. замирившиеся кабардинские князья-абреки Измаил Касаев и Джембулат Атажукин получили разрешение поселиться со своими аулами на р. Кубани, а позже на Теберде [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 8. Д. 18. Л. 1]. Фельдмаршал И.Ф. Паскевич, сменивший на посту командующего Отдельным Кавказским корпусом А.П. Ермолова, в своем распоряжении в июне 1831 г. рекомендовал переманивать хаджретов обратно в Кабарду: «Вызвать из-за Кубани бежавших туда кабардинцев, ибо они, живя между закубанцами, возбуждают их против русских» [АКАК 1878: 903].

Восточное Закубанье – территория по рекам Уруп, Зеленчук, Лаба, на которой основывали аулы переселявшиеся кабардинцы, – стало плацдармом, откуда планировались и осуществлялись рейды черкесской кавалерии против Кубанской кордонной линии. «Беглые кабардинцы» (по терминологии российских документов того времени) выступали предводителями совместных с абадзехами, бесленеевцами, темиргоевцами военных акций, направленных против Кавказской линии, и являлись одним из наиболее стойких и опытных отрядов черкесского сопротивления [Алоев 2017: 7–9]; [Хотко 2015: 9].

Восточное Закубанье стояло на пути продвижения имперской экспансии в сторону Северо-Западного Кавказа. Значимым итогом стратегического продвижения России на этом театре военных действий стало основание Зеленчукской укрепленной линии в 1829 г., направленной на достижение военного и административного контроля над районами расселения кабардинцев в Западной Черкесии [Хотко 2015: 9]. Генерал-майор Н.Н. Антропов, командующий войсками

¹ В крепости Прочный Окоп, в ставке генерала Г.Х. Засса, по его приказу выставлялись насаженные на пики отрубленные головы черкесов.

Правого фланга Кавказской линии, непосредственно руководивший военной кампанией в 1828 г. против черкесов на Лабе, по Большому Зеленчуку, за Кубанью, составил обозрение этнографии и военного потенциала противника:

«Первенствующий народ есть абазехи, за ними следуют бесленеевцы, потом нагайцы по левому берегу Кубани жительствовавшие, потом темиргойцы, за ними беглые кабардинцы, но сии последние между всеми ими более всех пользуются уважением и влиянием своим на образ мыслей их в отношении предприятия против русских» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 73. Л. 1–7 об.].

После перенесения кордонной линии на р. Лабу (1839 г.) часть кабардинских хаджретов, бескомпромиссных, принципиальных сторонников политической свободы, переселились на земли абадзехов. Позднее, с продвижением кордонной линии вглубь черкесских земель, они перенесли свои поселения за р. Белую. Та же часть кабардинцев, которая согласилась перейти под контроль российской администрации, получила разрешение сохранить свои аулы на Урупе, Зеленчуке, Теберде и Хасауте. Некоторым же разрешили вернуться в центр Кабарды.

В числе «непримиримых» был и князь Магомет Аш Атажукин.

Адрианопольский мир 1829 г. и эскалация Кавказской войны

Поворотным, ключевым событием в судьбе кабардинских хаджретов и всех черкесов Западного Кавказа стало подписание Адрианопольского трактата 2 сентября 1829 г. между Турцией и Россией.

С подписанием Адрианопольского трактата интенсивность и ожесточенность боевых действий увеличились многократно, так как теперь Российская империя, получившая юридические права на территорию Черкесии, могла вести ее завоевание без опасения вмешательства других держав.

Несколько десятков лет военного противостояния натиску империи, сопровождавшиеся массовыми людскими потерями, частой гибелью военных лидеров, разрушением всей системы жизнеобеспечения, привели к ослаблению военного потенциала Хаджретской Кабарды. К 1825 г. потери закубанских черкесов, по свидетельству их представителей, в продолжение 25 лет войны, составили 25225 человек, 50 тысяч лошадей, 60 тысяч голов рогатого скота и более 100 тысяч овец [Утверждение 1904: 404].

В 1830 г. поручик генерального штаба Щербачев военный потенциал Хаджретской Кабарды оценивал довольно скромно – всего 300 всадников [РГВИА. Ф. 846. Д. 6244. Л. 104].

Но опасность кабардинских хаджретов для кордонной линии определялась не количеством, а исключительными высокими боевыми качествами, организованностью и высоким авторитетом среди закубанских черкесов. Вместе с кабардинскими князьями за Кубань переселились лучшие их первостепенные дворяне из сословий тлехотлеш и дыженуго, которые в свою очередь имели рядом с собой своих личных дворян из сословия шаотлегуса. Строгая феодальная иерархия, принципы дворянской чести и верного служения своим сюзеренам,

сохранявшиеся у переселенцев, делали хаджретов в военном отношении высоко отобилизованным и организованным социумом. Наряду с известными представителями князей-абреков, таких как сам Магомет Атажукин, российские документы часто упоминают дворян из лучших уоркских фамилий. Среди них Нагой, Хаджи Корах, Магомет, Хаджи Измаил, Умар, Кучук, Хадум Хар, Мет, Долот Кери Кудинетовы, Иналуко Анзоров, Асланбек, Хадымук Тамбиевы и др. [УЦГА АС КБР. Ф. И-40. Оп. – 1. Ед. хр. 1. Л. 23–23 об.].

Российские военные в 1851 г. продолжали характеризовать хаджретов как «самое доблестное и храброе племя на правом фланге» [Военно-статистическое 1851: 114].

«К исходу 1832 г., – отмечает в своем исследовании Т.Х. Алоев, – хаджретская Кабарда, демонстрировавшая до этого высокую степень устойчивости к неблагоприятному внешнему воздействию в условиях перманентной войны, стала проявлять симптомы социумного кризиса» [Алоев 2017: 64–65].

Отмеченные Т.Х. Алоевым «прострационная симптоматика среди определенной части социальной элиты и проявления общей «усталости» в целом среди населения» [Алоев 2017: 64–65] заключались в том, что часть социальной элиты кабардинских хаджретов (князья и дворяне) стала искать возможности «замирения», т.е. выхода из состояния войны и смены статуса «преступников», «абреков» на законопослушных подданных империи. В отношении зависимых сословий в лице различных категорий крепостного крестьянства это выражалось в их выходе из гор и бегстве из-за Кубани под покровительство российских кордонных начальников. В обоих случаях российская администрация шла навстречу и легализовывала их на подконтрольной ей территории.

Усталость населения от войны проявлялась в появлении еще одной категории населения на Западном Кавказе – это беженцы, которые переселялись в Османскую империю, спасаясь от ужасов Кавказской войны.

Поездка в Константинополь в 1835 г.

Ф.Ф. Торнау сообщал, что Магомет Аш Атажукин совершил поездку в Константинополь в 1835 г. с целью лечения раненной руки.

Но, как свидетельствуют выявленные в Османском архиве документы, Магомет Аш Атажукин во время этой поездки занимался не только личными, но и общественными делами, связанными с переселением черкесов с территории Северо-Западного Кавказа в пределы Османской империи.

Документы, извлеченные из Османского архива Турции, указывают на то, что Магомет Аш Атажукин, находившийся в Османской империи весной – летом 1835 г., в переписке с османскими властями говорит от имени и представляет интересы кабардинских хаджретов и черкесов, которые спасаясь от войны и ее бедствий к этому времени уже начали переселяться в Османскую империю.

В прошении, поданном Магомет Аш Атажукиным на имя султана 28 апреля 1835 г., он просит о расселении около 1000 семей беженцев в различных районах Османской империи и предоставлении им помощи государства [ДГАОА. Дж. ДХ. 137-6832]. Данное прошение, составленное от имени Магомет Аш Атажукина, и последующая переписка канцелярии великого визиря

указывают на то, что Магомет Аш Атажукин был принят в Османской империи как лидер кабардинских хаджретов.

Документы Османского архива позволяют говорить о том, что все предложения и рекомендации, сделанные Магомет Аш Атажукиным османскому правительству, были рассмотрены на высшем уровне благожелательно, всем государственным ведомствам даны соответствующие распоряжения и предписано оказать максимальное внимание к нуждам переселенцев и их лидера, получившего от султана титул бея [ДГАОА. Дж_ДХ 83-4150]. В Османской империи титул «бей» присваивался крупным землевладельцам и правителям округов (санджаков). Выше этого титула был только титул паши. В документе министерства внутренних дел Османской империи от 19 июля 1835 г. сообщается:

«400 семей черкесов и кабардинцев небольшими группами прибыли в порт Самсун. Их направили в кѣза Чорунского санджака, Самсунского санджака и санджака Амасии... В связи с необходимостью присвоить титул бея главному из этих людей, господину Мухаммеду...этот высочайший приказ необходимо исполнить. Господину Мухаммеду...необходимо присвоить титул бея выше, чем ему подобным, с правом наследования этого титула его потомству. Присвоение титула бея господину Мухаммеду можно оформить в виде «титул брат» или в рамках высочайшего повеления» [ДГАОА. С. ДН.165_8210].

Заключение

Однако, Магомет Аш Атажукин несмотря на все преференции, предложенные ему османским правительством, после расселения и обустройства прибывших с ним людей возвратился в Черкесию, чтобы продолжить участие в национально-освободительной войне.

Возникает вопрос, почему Магомет Аш Атажукин отверг предложения османского правительства, сулившие ему почет, власть, богатство, и предпочел вернуться на Кавказ, чтобы продолжить участие в военном сопротивлении империи.

Черкесы понимали несопоставимость своих военных, людских, экономических ресурсов по сравнению с Российской империей. Тем не менее, они продолжали борьбу за сохранение национальной независимости, ожидая изменения международной обстановки в благоприятную для черкесов сторону. Начавшаяся Крымская война 1853–1856 гг., в которой Россия потерпела поражение от коалиции Англии, Франции и Турции, отчасти давала им такую надежду. Но Парижский мирный договор, заключенный по ее итогам 18 марта 1856 г., оставил вопрос о статусе Черкесии за рамками этих договоренностей. Попытка Великобритании включить черкесский вопрос в договор была заблокирована Францией, боявшейся усиления Англии в этом регионе. Таким образом, черкесы остались один на один в противостоянии с империей, обладавшей в то время самой большой сухопутной армией в мире.

В столкновении с российской военной мощью, завершившемся поражением, разгромом и депортацией черкесов, особенности их менталитета и мировоззрения проявились в полной мере [Хотко 1999: 163]. Они сыграли, возможно, не последнюю роль среди объективных и субъективных причин, приведших к трагическому для черкесов исходу.

Ментальность черкесской элиты была такова, что капитуляция и рабское подчинение более сильному противнику отвергались ими, признавались только сотрудничество и служба, при условии уважения их личного достоинства.

Нужно отметить, что многие политические и военные лидеры черкесов еще задолго до 1864 г. осознавали обреченность своей борьбы за независимость. В этом плане примечательна позиция одного из ближайших соратников Магомет Аш Атажукина Хаджи Джансеида, озвученная им в беседах с Ф.Ф. Торнау. Последний писал, что Джансеид не сомневался, что русские завладеют, наконец, горами, но считал это время еще весьма отдаленным. «Если бы черкесы были умнее, не ссорились бы между собою ..., – говорил он Ф. Торнау, – века бы прошли до вашего утверждения в горах. Я сам не располагаю покоряться. В мои годы неприлично покинуть дело, за которое я дрался шестьдесят лет и пролил столько крови. Не могу подчиниться чужой воле, новому закону и изучать иные порядки. Умру, чем родился. Сын мой моложе, ему легче будет привыкать к новому порядку вещей, когда Аллаху будет угодно отдать горы во владение русским, если только не предпочтет он в этом случае лечь в могилу возле своего отца» [Торнау 1999: 373].

Возможно, подобной мотивацией было продиктовано и решение Магомет Аш Атажукина – вернуться из Турции на родину, чтобы завершить здесь, на пока еще свободной земле, свой жизненный путь.

Однако, письменные источники ничего не сообщают о дальнейшей судьбе семьи Магомет Аш Атажукина после его гибели в 1846 г. Мы располагаем только преданиями, которые черкес-репатриант Ф.Я. Дугуж записал в Сирии в 1960 г. от 80-летнего Маратоко Мухаза, который, в свою очередь, слышал их от своего отца. Согласно им, абадзехи, среди которых жил Магомет Аш Атажукин в последние годы жизни, при выселении в Турцию, забрали с собой его сына, который родился незадолго до его гибели [Дыгъужь 1988: 122].

По прибытию в Турцию, абадзехи старались устроить общественную, социальную жизнь на основе черкесских обычаев, стараясь не допустить вмешательства османских властей в свои внутриобщинные дела. Вечная проблема черкесов – стремление к максимальной свободе и одновременно к социальному порядку, неприятие как жесткого государственного контроля, так и анархии – требовали воспроизведения общественных институтов, бытовавших у них на Кавказе. Случаи кровной мести, умыкания невест, воровства и других криминальных проявлений и связанные с ними конфликты внутри черкесских общин нуждались в социальном регулировании. Османские законы для них были неприемлемы, а безначалие и отсутствие таких регуляторов внутри общины дезорганизовывали их хозяйственную, социальную жизнь. Для решения этих проблем абадзехские старейшины предложили возродить институт княжеской власти и назначить сына Магомет Аш Атажукина пшиуалием – князем-правителем. Естественно, что последний, будучи юношей, не мог принимать самостоятельно правильные с точки зрения обычного права и шариата решения, поэтому при нем постоянно находился совет из уважаемых абадзехских старейшин. Фактически они принимали между собой все важные решения, но для придания им значимости они преподносились как вердикт самого князя-

пшиуалия. Посоветовавшись со старейшинами, князь в торжественной обстановке оглашал его как принятое к исполнению. Для придания возрожденному институту княжеской власти пуцей солидности, абадзехи решили сопроводить его внешними атрибутами княжеской власти. Для князя соорудили деревянное подобие трона, на котором восседал юный Атажукин в окружении седобородых абадзехских старейшин. Парадоксальность и некоторый комизм этой ситуации состояли в том, что абадзехи были как раз тем сообществом Северо-Западного Кавказа, которое одним из первых уничтожило у себя монополию князей на политическую власть [Дыгъужь 1988: 120–122].

Неизвестно, как долго продержалась у абадзехов «княжеская власть», и какова была дальнейшая судьба сына Магомет Аш Атажукина, но память о нем самом сохранилась в целом цикле преданий, бытовавших как на Кавказе, так и за его пределами в многочисленной зарубежной черкесской диаспоре. В национальной исторической памяти черкесов его личность запечатлена как образец эталонного героя, «шыщхъэмыгъазэ» (букв.: тот, кто не поворачивает голову коня, рыцарь без страха и упрека, отважный, неотступающий воин).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АКАК – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под редакцией: А.П. Берже. Издательство: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского. – Тифлис. Тома I–XII. 1866–1904. – Т. VII. – 1878. – 1011 с.; Т. VIII. – 1881. – 1033 с.; Т. XII. Ч. II. – 1904. – 1558 с.

Алоев 2017 – *Алоев Т.Х.* Очерки политической истории хаджретской Кабарды в первой половине XIX в. – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 126 с.

Алоев 2019 – *Алоев Т.Х.* Хатокшоко Магомет Аша: вступая на путь легенды // Вестник КБИГИ (KBIGR Bulletin). – 2019. – № 4-1 (43). – С. 29–35. – DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-29-35.

Бейтуганов 2008 – *Бейтуганов С.Н.* Кабарда: история и фамилии. Нальчик. «Эльбрус», 2008. – 784 с.

Военно-статистическое 1851 – Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVI. Ч. 1. Ставропольская губерния // Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани. Санкт-Петербург, 1851. – 274 с.

ДГАОА – Дирекция государственных архивов (Османский архив). Стамбул.

Canak 1989 – *Canak Ahmet Fahri.* Kafkaslardan Uzunyaylaya. Ankara, 1989. – 116 с.

Дыгъужь 1988 – *Дыгъужь Фулэд.* ХьэтЮхъущокъуэ Iэшэ. Iуащхъэмахуэ. Налшык, 1988. – № 5. – С. 120–122.

Жиль 2009 – *Жиль Ф.А.* Письма о Кавказе и Крыме. Нальчик: ГП КБР Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2009. – 288 с.

Казаков 2017 – *Казаков А.В.* Черкесы на российской государственной и военной службе. – Нальчик: Эльбрус, 2017. – 707 с.

Мирзоев 2021 – *Мирзоев А.С.* Генезис и эволюция традиционной военной культуры черкесов. Средневековье – Новое время. – Нальчик. Издательство М. и В. Котляровых, 2021. – 400 с.

Налоева 2015 – *Налоева Е.Д.* Генеалогия кабардинских князей как исторический источник: (Альбом из 14 генеалогических карт – приложение к книге: Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории / сост. А.С. Мирзоев.). – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. – 14 л.

Потто 1994 – *Потто В.А.* Кавказская война: В 5 т.; Т. 5: Время Паскевича. – Ставрополь: Кавказский край, 1994. – 400 с.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив. Москва.

Торнау 1999 – *Торнау Ф.Ф.* Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау: воспоминания и документы. – Нальчик: «Эль-Фа», 1999. – 492 с.

Утверждение 1904 – Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. III. Часть 2-я. Под руководством начальника штаба Кавказского военного округа ген.-лейт. Н.Н. Белявского, составленном в Военно-историческом отделе под редакцией генерал-майора Потто. Вре-мя Алексея Петровича Ермолова. 1816–1826 годы. – Тифлис. Типография штаба Кавказского военного округа, 1904. – 607 с.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального Государственного архива Архивной служ-бы Кабардино-Балкарской Республики. Нальчик.

Хотко 1999 – *Хотко С.Х.* Генезис черкесских элит в султанате мамлюков и османской империи. – Майкоп: «Меоты», 1999. – 280 с.

Хотко 2015 – *Хотко С.Х.* Из истории участия кабардинцев в общечеркесском сопро-тивлении в 30-е годы XIX века. На основании новых архивных документов из РГВИА // Ар-хивы и общество. Научно-просветительский журнал исторических, общественно-политических и социально-культурных проблем. – Нальчик, 2015. – № 35. – С. 8–55.

REFERENCES

Aktyi, sobrannyye Kavkazskoy arheograficheskoy komissiiy [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. / pod redaktsiye: A.P. Berzhe. Izdatelstvo: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo. Tiflis. Toma I–XII. 1866–1904. – Vol. VII. – 1878. – 1011 p.; Vol. VIII. – 1881. – 1033 p.; Vol. XII. – 1904. – 1552 p. (In Russ.).

ALOEV T.H. *Ocherki politicheskoy istorii hadzhretskoy Kabardyi v pervoy polovine XIX v.* [Essays on the political history of the Hadjret Kabarda in the first half of the 19th century]. – Nalchik: Redaktsionno-izdatelskiy otdel IGI KBNTs RAN, 2017. – 126 p. (In Russ.).

ALOEV T.H. *Hatokshoko Magomet Asha: vstupaya na put legendyi* [Hatokshoko Moham- med Asha: embarking on the path of a legend]. IN: Vestnik KBIGI (KBIHR Bulletin). 2019. 4-1 (43). P. 29–35. (In Russ.).

BEYTUGANOV S.N. *Kabarda: istoriya i familii* [Kabarda: history and surnames]. Nalchik. «Elbrus», 2008. – 784 p. (In Russ.).

Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossiyskoy imperii. T. XVI. Ch. 1. Stavropolskaya guberni- ya [Military Statistical Review of the Russian Empire. Vol. XVI. Part 1. Stavropol province]. IN: Istoricheskiy obzor Tereka, Stavropolya i Kubani. Sankt-Peterburg, 1851. – 274 p. (In Russ.).

Direktsiya gosudarstvennykh arkhivov (Osmanskiy arhiv) [Directorate of State Archives (Ot- toman Archive)]. Stambul.

CANAK AHMET FAHRI. *Kafkaslardan Uzunyaylaya* [From the Caucasus to Uzunaila]. An- kara, 1989. – 116 p. (In Turkish)

DUG'UZH FUIAD. *HetIoh'uschk'ue Ieshe*. IN: Iuaschhemahua. 1998. – № 5. – P. 120–122. (In Kabardino-Circassian)

ZHIL F.A. *Pisma o Kavkaze i Kryime* [Letters about the Caucasus and Crimea]. Nalchik: GP KBR Respublikanskiy poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., 2009. – 288 p. (In Russ.).

KAZAKOV A.V. *Cherkesyi na rossiyskoy gosudarstvennoy i voennoy sluzhbe* [Circassians in the Russian state and military service]. Nalchik: Elbrus, 2017. – 707 p. (In Russ.).

MIRZOEV A.S. *Genezis i evolyutsiya traditsionnoy voennoy kulturyi cherkesov. Sred- nevekove – Novoe vremya* [Genesis and evolution of the traditional military culture of the Circassi- ans. Middle Ages – New time]. Nalchik: Izdatelstvo M. i V. Kotlyarovykh, 2021. – 400 p. (In Russ.).

NALOEVA E.D. *Genealogiya kabardinskikh knyazey kak istoricheskiy istochnik: (Albom iz 14 genealogicheskikh kart – prilozhenie k knige: Kabarda v pervoy polovine XVIII veka: genezis adyig- skogo feodalnogo sotsiuma i problemyi sotsialno-politicheskoy istorii* [Genealogy of the Kabardian princes as a historical source: (Album of 14 genealogical maps – supplement to the book: Kabarda

in the first half of the 18th century: the genesis of the Adyghe feudal society and problems of socio-political history]. / sost. A.S. Mirzoev.). Nalchik: ООО «Pechatnyiy dvor», 2015. – 14 p. (In Russ.).

POTTO V.A. *Kavkazskaya voyna* [Caucasian war]: 5 v.; Vol. 5: Vremya Paskevicha. Stavropol: Kavkazskiy kray, 1994. – 400 p. (In Russ.).

Rossiyskiy gosudarstvennyiy voenno-istoricheskiy arhiv [Russian State Military Historical Archive]. Moskva.

TORNAU F.F. *Sekretnaya missiya v Cherkessiyu russkogo razvedchika barona F.F. Tornau: vospominaniya i dokumenty* [Secret mission to Circassia of the Russian intelligence officer Baron F.F. Tornau: memoirs and documents]. Nalchik: «El-Fa», 1999. – 492 p. (In Russ.).

Utverzhdenie russkogo vladychestva na Kavkaze [The assertion of Russian rule in the Caucasus]. T. III. Chast 2-ya. Pod rukovodstvom nachalnika shtaba Kavkazskogo voennogo okruga gen.-leyt. N.N. Belyavskago, sostavlenno v Voенно-istoricheskom otdеле pod redaktsiey general-mayora Potto. Vremya Alekseya Petrovicha Ermolova. 1816–1826 godyi. Tiflis. Tipografiya shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, 1904. – 607 p. (In Russ.).

Upravlenie Tsentralnogo Gosudarstvennogo arhiva Arhivnoy sluzhbyi Kabardino-Balkarskoy Respubliki [Directorate of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic]. Nalchik.

HOTKO S.H. *Genezis cherkesskih elit v sultanate mamlyukov i osmanskoy imperii* [The Genesis of the Circassian Elites in the Mamluk Sultanate and the Ottoman Empire]. Maykop: «Meoty», 1999. – 280 p. (In Russ.).

HOTKO S.H. *Iz istorii uchastiya kabardintsev v obschecherkesskom soprotivlenii v 30-e godyi XIX veka. Na osnovanii novyih arhivnyih dokumentov iz RGVIA* [From the history of the participation of Kabardians in the all-Circassian resistance in the 30s of the XIX century. Based on new archival documents from the RGVIA]. IN: Arhivyi i obshchestvo. Nauchno-prosvetitel'skiy zhurnal istoricheskikh, obshchestvenno-politicheskikh i sotsialno-kulturnykh problem. Nalchik, 2015. – № 35. – P. 8–55. (In Russ.).

SCHERBATOV A.P. *General-feldmarshal knyaz Paskevich: Ego zhizn i deyatelnost* [Field Marshal Prince Paskevich: His life and work]. / Po neizd. istochnikam sost. Gen. shtaba gen.-mayor kn. Scherbatov. T. 1–7. – Sankt-Peterburg: tip. lit. R. Golike, 1888–1904. – Vol. 2. – 1894. – 626 p. (In Russ.).

Информация об авторах

А.С. Мирзоев – кандидат исторических наук.

М.-Р.К. Чанак – пенсионер.

Information about the authors

A.S. Mirzoev – candidate of science (History).

M.-R.K. Zhanak – retiree.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.04.2022 г.; одобрена после рецензирования 24.05.2022 г.; принята к публикации 14.06.2022 г.

The article was submitted 25.04.2022; approved after reviewing 24.05.2022; accepted for publication 14.06.2022.

Научная статья

УДК 94(470)

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-55-68

EDN: CINGXA

К ПРОБЛЕМЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ КАВКАЗОВЕДЕНИЯ В ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

Татьяна Александровна Колосовская

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия, tkolosovskaia@ncfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6770-7711>

Аннотация. В статье рассматривается история функционирования научных учреждений, созданных во второй половине XIX в. на Кавказе с целью его изучения. Особое внимание уделяется малоисследованному в историографии вопросу о роли военного ведомства в конструировании институционального пространства кавказоведения. Обращается внимание на участие военных в работе Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества (ИРГО), а также на основные направления и результаты деятельности Военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа. Опираясь на работы дореволюционных авторов, а также документы Российского государственного военно-исторического архива, делается вывод о том, что военная администрация Кавказа принимала активное участие в организации научного изучения региона. Представители местного штаба занимали лидирующие позиции в Кавказском отделе ИРГО. Отдельные военные стали деятельными участниками географического, этнографического и лингвистического изучения Кавказа, в их числе И.И. Ходзько, И.И. Стебницкий, П.К. Услар, А.В. Комаров. Созданный при штабе Кавказского военного округа Военно-исторический отдел приобрел статус важного научно-просветительного центра кавказской окраины империи. Его исследовательские практики формировали эмпирическую базу для дальнейшего научного изучения военного прошлого Кавказа.

Ключевые слова: Российская империя, военное ведомство, кавказоведение, Кавказский отдел Императорского Русского Географического общества, Кавказская археографическая комиссия, Военно-исторический отдел при штабе Кавказского военного округа.

Для цитирования: Колосовская Т.А. К проблеме институционального оформления кавказоведения в императорской России // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 2. – С. 55-68. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-55-68. EDN: CINGXA.

© Колосовская Т.А., 2022

Original article

A CASE STUDY FOR THE INSTITUTIONAL MANAGEMENT OF THE CAUCASUS STUDIES IN RUSSIAN EMPIRE (SECOND HALF OF THE XIX C.)

Tatiana A. Kolosovskaya

North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia, tkolosovskaia@ncfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6770-7711>

Abstract. This article discusses the history of the scientific institutions functioning established in the second half of the XIX century in Caucasus to study it. Particular attention is paid to the role of the military department in the construction of the institutional space in Caucasian studies, which is little studied in historiography. Attention is drawn to the participation of the military in the work of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society (IRGO), as well as to the main directions and results of the Military History Department activities at the headquarters of the Caucasian Military District. Based on the works of pre-revolutionary authors, as well as documents from the Russian State Military Historical Archive, it is concluded that the military administration of the Caucasus took an active part in organizing the scientific study of the region. Representatives of the local headquarters occupied leading positions in the Caucasian department of the IRGS. Some military men became active participants in the geographical, ethnographic and linguistic study of the Caucasus, including I.I. Khodzko, I.I. Stebnitsky, P.K. Uslar, A.V. Komarov. Created at the headquarters of the Caucasian Military District, the Military History Department gained the status of an important scientific and educational center on the Caucasian outskirts of the empire. His research practices formed an empirical basis for further scientific study of the military past of the Caucasus.

Key words: Russian Empire, Military institutions, Caucasus Studies, Caucasus Department of Russian Geographical Society, Caucasus Archaeological Committee, Caucasus Military-Historical Department at the Headquarters of the Caucasus Military District.

For citation: Kolosovskaya T.A. A case study for the institutional management of the Caucasus studies in Russian Empire. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 2. – P. 55-68. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-55-68. EDN: CINGXA.

© Kolosovskaya T.A., 2022

Введение

История изучения Кавказа неразрывно связана с развитием российской ориенталистики. Располагаясь не к востоку, а к югу по отношению к политическому центру Российской империи, этот регион в массовом сознании современников устойчиво ассоциировался с «Востоком». Не случайно, решая судьбу молодого выпускника восточного факультета Санкт-Петербургского университета Николай I рекомендовал отправиться ему не в Египет, о котором тот мечтал, а на Кавказ: «Берже не для чего ехать за границу, на восток, так как Россия имеет свой восток, это – Кавказ, – заявил император, – пусть он туда и отправляется на службу» [Семевский 1886: 729]. Так, в 1851 г. регион обрел одного из самых талантливых и преданных своих исследователей.

Начало изучения Кавказа приходится на петровское время. В течение XVIII – первой половины XIX в. сведения о регионе постепенно расширялись. В изучение Кавказа и его населения включались ученые, специализирующиеся по зарубежному Ближнему Востоку. Одновременно практическое кавказоведение оказалось неразрывно связанным с военным ведомством. При этом, несмотря на значительные успехи в этой области знаний, кавказоведческие работы во многом были случайны и носили фрагментарный характер. Переломным этапом в истории изучения Кавказа стало появление в середине – второй половине XIX в. научных учреждений, специализирующихся исключительно на кавказской тематике.

Проблема институционального оформления отечественного кавказоведения относится к числу интенсивно разрабатываемых в современной исторической науке. Большое внимание деятельности столичных и провинциальных научных учреждений на поприще изучения региона уделяет М.Е. Колесникова. В фокусе ее рассмотрения оказывается роль в развитии отечественного кавказоведения таких организаций как Императорское Русское Географическое общество, Императорское Русское Археологическое общество, Императорская Археологическая комиссия, Общество любителей естествознания, Императорское Московское археологическое общество, Русское историческое общество, губернские статистические комитеты и архивные комиссии [Колесникова 2011: 229–379].

Особенно активно современными исследователями освещается история создания Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества (ИРГО) [Кожоков и др. 2017], просветительская работа его членов [Бекоева 2015], практики по собиранию устных источников [Мудрова 2014] и издательская деятельность [Базылева 2015]. Не менее энергично в настоящее время разрабатываются вопросы, связанные с функционированием Кавказской археографической комиссии. В фокусе изучения оказывается история ее деятельности, в первую очередь, в контексте развития архивного дела на Кавказе [Максимчик, Манышев 2020].

Менее изученным сюжетом в историографии до сих пор остается функционирование учреждений по изучению Кавказа, подведомственных Военному министерству. Примером тому является Военно-исторический отдел при штабе Кавказского военного округа. Истории его создания и отдельным направлениям деятельности посвящены публикации Л.М. Паровой [Парова 1988]. Попытку освятить функционирование отдела сквозь призму судеб его руководителей и сотрудников предпринимала и автор настоящих строк [Колосовская 2020].

В рамках настоящей статьи акцентируем внимание на роли военного ведомства в институциональном оформлении российского кавказоведения. При этом особое внимание уделим тому месту, которое в кругу научных учреждений региона занимал Военно-исторический отдел при штабе Кавказского военного округа. Такой ракурс рассмотрения проблемы представляется особенно интересным, поскольку это учреждение оказалось уникальным, не имеющим аналогов в других регионах империи.

Историографическую базу настоящего исследования образовали труды дореволюционных авторов. Многие из них сами являлись членами учреждений, историю создания и функционирования которых описывали. Источниками послужили делопроизводственные документы Российского государственного военно-исторического архива, данные периодической печати, а также опубликованные материалы программного и отчетного характера.

Кавказский отдел ИРГО

В середине XIX в. ведущим центром научного изучения региона стал Кавказский отдел ИРГО, торжественное открытие которого состоялось 10 марта 1851 г. в доме Кавказского наместника М.С. Воронцова в г. Тифлисе. Деятель-

ность отдела была направлена на изучение географии, этнографии и статистики Кавказа, а также граничащих с ним регионов. Первым председательствующим отдела стал обер-квартирмейстер штаба Отдельного Кавказского корпуса генерал-майор Н.И. Вольф, а в 1852 г. его заменил генерал-лейтенант князь В.О. Бебутов, известный своей победой над отрядом Шамиля под Кутишами в 1848 г. [Семенов 1896: 64]

Традиция занимать пост председательствующего Кавказского отдела ИР-ГО представителями высшей военной администрации края сохранялась и в дальнейшем. Среди таковых в течение второй половины XIX в. мы видим таких известных военных деятелей Российской империи как Д.А. Милютин, А.П. Карцов, Д.И. Святополк-Мирский, Л.И. Меликов [Пагирев 1901: 150].

Кавказский отдел изначально задумывался в качестве многопрофильного научного учреждения. В программу его работы входили: разбор местных архивов и выявление рукописей для публикации; проверка топонимов 10-верстной карты Кавказа и составление географического словаря; начало исчисления поверхности края и исследование его гидрографии; составление описания отдельных городов, уездов и губерний Кавказа. Для выполнения столь обширной программы в качестве действительных членов к работе в отделе были привлечены все проживавшие тогда на Кавказе лица, известные своими трудами по кавказоведению. Для обнародования результатов научной деятельности отдела с 1852 г. приступили к изданию «Записок» [Пагирев 1901: 145].

Интересно отметить, что с первых дней функционирования Кавказского отдела заметную роль в его деятельности играли военные. В течение почти 23 лет бессменным помощником председательствующего отдела был военный геодезист и топограф И.И. Ходзько, имя которого оказалось неразрывно связано с началом планомерного научного изучения географии Кавказа. Как подчеркивали современники, по части математической географии и картографии лучшие работы на Кавказе в рамках деятельности отдела принадлежали И.И. Ходзько и его ученику И.И. Стебницкому [Семенов 1896: 373]. В знак признания этих заслуг Кавказский отдел назначил премию имени И.И. Ходзько за лучшее географическое описание Кавказа.

При поддержке отдела генерал-майор К.Ф. Услар приступил к изучению кавказских наречий. Благодаря его трудам было составлено грамматическое описание абхазского, чеченского и ряда языков народов Дагестана. Наряду с лингвистическими исследованиями К.Ф. Услар занимался изучением истории и культуры горских народов, принимал активное участие в распространении грамотности среди местного населения. Он составил план подготовки книг для первоначального чтения и сам принимал живое участие в их издании. Воображение горцев сильно поражал генерал, пишущий для них буквари, как предвестник новой и мирной жизни [Загурский 1875: 49].

В 1873 г. на страницах «Записок» была опубликована статья генерал-майора А.В. Комарова «Народонаселение Дагестанской области» с приложением этнографической карты и таблицы распределения населения области по округам. При составлении карты Комаров опирался на новейшие сведения о населении области, в том числе использовал грамматики аварского, лакского и

хюркилинского языков, разработанные П.К. Усларом, а также сведения, собранные в 1860-х гг. в ходе подробных рекогносцировок округов и их камеральные описания [Комаров 1873: 2]. Эта работа свидетельствовала об участии военных в развитии этнической картографии Кавказа, а ее автор в дальнейшем был избран действительным членом отдела.

Кавказский отдел ИРГО охотно сотрудничал с местными военными учреждениями. Офицеры Генерального штаба, служившие при штабе Кавказского военного округа, часто публиковали на страницах периодических изданий отдела итоги своего изучения приграничных областей Персии и Турции. Военно-топографический отдел оказывал содействие Кавказскому отделу ИРГО в издании карт и делился наработками своих топографов. Пожалуй, самым ярким тому примером служит проект создания рельефной карты Кавказа, выполненный под руководством начальника Военно-топографического отдела и одновременно действительного члена Кавказского отдела ИРГО полковника И.И. Стебницкого.

Для ее разработки были использованы 2737 пунктов, высоты которых установили в ходе кавказской триангуляции И.И. Ходзько. Создание такой карты являлось занятием весьма трудоемким. Сначала на гладкие деревянные доски переносились с десятиверстной карты хребты гор, их вершины, важнейшие реки и населенные места. Затем на доски набивались проволоки вышиной равной высоте пунктов, по принятому масштабу. Далее по этой сетке, основываясь на картах и оригинальных съемках, из воска вылепливалась местность.

На основании такой модели, на Тифлисской гранильной фабрике была отлита гипсовая форма, с помощью которой изготовили листы рельефной карты из картонной массы (папье-маше). Эти листы набили на две сухие доски, затем покрыли грунтовкой зеленого цвета, нанесли карандашом течение рек, озера, дороги, населенные места и прочие объекты и раскрасили красками разных цветов для придания наглядности и выражения свойств изображаемых предметов. Руководствовались при этом картами, оригинальными съемками, а также консультировались с известным геологом Г.В. Абихом, который по словам И.И. Стебницкого «подавал нам советы, относительно топографического распространения исследованных им ледников и горных пород, обнажающихся поверх наружной почвы» [Стебницкий 1868: 313]. Затем на карту наклеили необходимые надписи и несколько раз покрыли прозрачным лаком.

Рельефная карта давала полное наглядное представление о специфике кавказской местности. В пояснение к ней И.И. Стебницким был составлен общий географический очерк Кавказского края. Первоначально было изготовлено три экземпляра карты: один находился в ИРГО в Петербурге, другой в Тифлисском дворце Кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича и третий в Военно-Топографическом отделе Кавказского военного округа.

Реализовать в полном объеме первоначальную программу деятельности Кавказскому отделу так и не удалось. Одной из причин тому стали материальные трудности. Основными источниками финансирования отдела были ежегодная правительственная субсидия в 2 тыс. руб. и членские взносы [Пагирев 1901: 146]. Эти немногочисленные деньги уходили на наем помещений для канцеля-

рии, библиотеки и музея, на вознаграждение служащих, а также издание «Записок». Средств на организацию научных экспедиций по изучению Кавказа катастрофически не хватало. В 1864 г. из-за финансовых трудностей отдел отказался от собственного помещения, библиотеку сдал в штаб Кавказской армии и передал в другие руки свой музей [Пагирев 1901: 146].

Главные усилия отдела сосредоточились на публикации статей по различным отраслям кавказоведения. Помимо «Записок», с 1872 г. отдел приступил к выпуску еще одного периодического издания – «Известий», которые выходили отдельными выпусками по несколько раз в год и сообщали текущие новости по географии, этнографии и статистике края. В 1869 г. под редакцией Н.И. Воронова, избранного впоследствии правителем дел отдела, был издан «Сборник статистических сведений о Кавказе».

Другой причиной отказа от широкой первоначальной программы стало постепенное усложнение институционального пространства кавказоведения. Когда отдел возникал, то каких-либо серьезных конкурентов на Кавказе у него не было. С течением времени стали появляться новые учреждения, специализировавшиеся на изучении региона. Среди них можно назвать Тифлисскую физическую обсерваторию, занимающуюся изучением климата Кавказа, Закавказский статистический комитет и губернские и областные статистические комитеты, местные медицинские и сельскохозяйственные общества.

Кавказская археографическая комиссия

В условиях специализации научного знания Кавказский отдел ИРГО сосредоточился на изучении Кавказа преимущественно в географическом отношении: исследовании гор, ледников, озер, рек и отдельных местностей, пока еще мало описанных [Пагирев 1901: 151]. При этом историческое направление кавказоведения, теснейшим образом связанное с разбором и упорядочением местных архивов, вошло в сферу деятельности созданной в 1864 г. Кавказской археографической комиссии.

Штатный состав нового учреждения был не велик: председатель и один постоянный сотрудник (без определенного содержания). Комиссия должна была производить тщательный разбор архивных материалов, любопытных в каком-либо отношении, на русском, грузинском, армянском и других восточных языках и публиковать их отдельными выпусками по мере извлечения из архивных дел [АКАК 1866: IV]. Обе задачи – выявление архивных документов и их обнародование – рассматривались как взаимосвязанные. Кроме этого, в обязанности комиссии входило составление подробного исследования о поступательном развитии на Кавказе российского гражданского управления [АКАК 1866: IV].

Первым председателем комиссии стал А.П. Берже, энтузиаст своего дела, страстный исследователь истории и этнографии Кавказа. Среди последующих председателей следует назвать Д. А. Кобякова, Е.Д. Фелицына, Е.Г. Вейденбаума, Д.Н. Михайлова и Г.Н. Прозрителева, которые наряду с продолжением издательской деятельности, предпринимали попытки организации архивного дела в регионе.

Комиссия начала работу с разбора и опубликования дел архива Главного управления Кавказского наместника, «как учреждения старейшего за Кавказом и центрального по важности и обилию хранящихся в нем актов» [АКАК 1866: IV]. В 1866 г. вышел в свет первый том «Актов, собранных Кавказской археографической комиссией» (АКАК). Следующие тома выходили в хронологическом порядке и охватывали материал за время управления краем того или иного главнокомандующего или наместника. Публикаторская работа велась достаточно активно и на начало XX в. было опубликовано 12 томов, которые включали материалы по истории присоединения Кавказа к Российской империи с конца XVIII в. и до 1862 г.

Издание АКАК было направлено на решение актуальных идеологических и практических задач, стоящих перед кавказской администрацией: идеологическое обоснование присоединения Кавказа к России, необходимость изучения политической, экономической и социальной истории края для лучшего управления им. По этому поводу А.П. Берже писал: «С окончанием Кавказской войны и умиротворением здешнего обширного и разноплеменного края, наступила пора свести счеты слишком полувековой, обильной событиями деятельности русского правительства на Кавказе, дабы достойно открыть новую эпоху жизни этого края, мирную эпоху внутреннего развития. С этой целью Правительству естественно было оглянуться на свое прошлое, измерить путь им пройденный со дня водворения здесь русского владычества, взвесить и оценить надлежащим образом те громадные препоны, которые ему предстояли, и те способы, коими последние были преодолены – и все это осветить фактами, неподлежащими сомнению, имеющими историческую достоверность» [АКАК 1866: VI]. Подобные факты можно было почерпнуть только из прямых, еще никем не опубликованных источников, сосредоточенных в местных архивах.

Военно-исторический отдел при штабе Кавказского военного округа

Разбор архивов и введение в научный оборот источников по истории присоединения Кавказа к России неизбежно поднимал вопрос о необходимости реконструкции военной истории региона. Главным конкурентом Кавказской археографической комиссии на этом поприще стал Военно-исторический отдел при штабе Кавказского военного округа. История его формирования неразрывно связана с идеей сохранения исторической памяти о Кавказской войне XIX в., занимавшей умы военной администрации сразу же после ее завершения. Уже в 1865 г. главнокомандующий Кавказской армией и наместник на Кавказе великий князь Михаил Николаевич предложил всем ветеранам минувшей войны отправлять в Главный штаб свои записки и воспоминания.

В 10-ти летнюю годовщину окончания войны Михаил Николаевич выступил с инициативой немедленно приступить к разработке ее истории, о чем написал в рескрипте на имя военного министра Д.А. Милютин от 4 мая 1874 г. «Наша военная литература хотя и представляет сочинения, касающиеся Кавказской войны, но они не исчерпывают вполне даже тех предметов, до которых ближайшим образом относятся... – подчеркивалось в документе, – ...систематическая разработка богатого военно-исторического материала, пред-

ставляемого делом водворения русского владычества на Кавказе, можно сказать еще не начата» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 392. Л. 1 об.–2 об.]. Медлить, по мнению наместника, было нельзя. С одной стороны, постепенно уходили из жизни непосредственные участники событий, с другой стороны, «громадный военно-исторический материал, находящийся в бесчисленных архивах Кавказского края, лежит почти не тронутым, а время и случайные обстоятельства приводят к его все к большему и большему обеднению» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 392. Л. 3].

Михаил Николаевич считал необходимым: 1) организовать сбор источников личного происхождения участников и очевидцев событий, 2) осуществить разбор военных архивов Кавказа, и 3) полученные таким образом источники публиковать при штабе Кавказского военного округа «отдельными книжками в неопределенные сроки, по мере накопления материалов и расходы по изданию оного отнести на средства, состоящие в моем [Михаила Николаевича, – Т.К.] распоряжении» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 392. Л. 5 об.].

9 июня 1874 г. Д.А. Милютин сообщил великому князю, что высочайшее разрешение на издание «Сборника материалов для истории Кавказской войны», на предложенных им основаниях получено [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 392. Л. 8]. В одном из сентябрьских номеров газеты «Кавказ» было опубликовано воззвание к участникам Кавказской войны о доставлении в окружной штаб, на имя Михаила Николаевича записок, воспоминаний и других документов [Кавказ, 1874. № 105. 8 сент.: 1].

Разработка исторических материалов и их публикация были поручены состоящему при главнокомандующем Кавказской армии для особых поручений генералу И.С. Чернявскому. Под его руководством налаживается работа по подготовке «Кавказских сборников».

После завершения русско-турецкой войны работы у И.С. Чернявского прибавилось. Во всех военных округах должны были составляться описания боевой жизни их частей в недавних событиях. 20 февраля 1879 г. приказ о подготовке таких описаний был издан в Кавказском военном округе. Готовые работы следовало представить главнокомандующему великому князю Михаилу Николаевичу через окружной штаб.

Редактирование и издание таких описаний оказалось непосильным для редакции «Кавказского сборника» и в 1880 г. приказом по штабу Кавказского военного округа было создано временное Военно-историческое отделение [РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 8967 п/сп. 277-854 (1901 г.). Л. 16]. Постепенно круг выполняемых им работ расширялся. В 1886 г. на отделение была возложена подготовка описания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на азиатском театре военных действий. Так, постепенно, вместе с увеличением объема работ, выполняемых отделением, обозначилась потребность расширения его полномочий «в смысле сношений с войсками и учреждениями по собиранию исторических материалов» [Томкеев 1912: 1].

В связи с этим в 1888 г. Военно-историческое отделение было преобразовано в Военно-исторический отдел, с утвержденным штатом сотрудников: начальник, его помощник и два редактора [Парова 1988: 88]. Кроме того, к ра-

боте отдела можно было привлекать временных сотрудников. 13 июня 1888 г. начальником отдела был назначен генерал-лейтенант И.С. Чернявский [РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 8967 п/сп. 277-854 (1901 г.). Л. 16 об.]. Его помощником стал статский советник Н.А. Волконский, а редактором отдела - состоящий полевой пешей артиллерии капитан Ф.Л. фон Климан [Кавказский календарь на 1889 г.: 200]. В 1890-е гг. состав отдела не претерпевал каких-либо существенных изменений: с 1891 г. на должность второго редактора был утвержден капитан В.И. Томкеев, с 1892 г. должность помощника начальника отдела занял Ф.Л. фон Климан, а с 1893 г. еще одним редактором стал штабс-капитан М.А. Рукевич [Кавказский календарь на 1894 г.: 326].

В 1899 г. И.С. Чернявский был прикомандирован к Главному штабу в Петербурге для продолжения исторических работ по описанию Кавказских войн и войны в Азиатской Турции, а новым начальником отдела назначили В.А. Потто, к тому времени уже зарекомендовавшего себя в качестве продуктивного военного историка Кавказа. Во время его управления отделом должность помощника не предусматривалась. Первым редактором являлся В.И. Томкеев, вторым - М.А. Рукевич. В 1901 г. Рукевич покинул отдел, а с 1904 г. должность второго редактора стал занимать С.С. Эсадзе [Кавказский календарь на 1905 г.: 434].

В.А. Потто изменил программу издания «Кавказских сборников». В своих докладных записках на имя начальника штаба Кавказского военного округа он настойчиво проводил мысль о необходимости публикации на страницах сборника преимущественно документального материала по истории присоединения Кавказа к Российской империи, отложившегося в местных архивах. «Если история возникновения и распространения русской власти на Кавказе представляет до сих пор много пробелов и спорных вопросов, — отмечал он, — то причина тому кроется именно в том, что огромный военно-исторический материал остается до сих пор под спудом» [РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. 1898. Д. 147. Л. 2 об.].

Такая инициатива была поддержана и уже 21-й том «Кавказского сборника», вышедший в свет под его редакцией, включал документы архива штаба КВО по истории русско-персидской войны 1826–1828 гг. В последующих томах эта тематическая публикация источников была продолжена, а 30-й и 31-й тома содержали документы русско-турецкой войны.

Вместе с публикацией исторических источников продолжилась работа отдела по изданию полковых историй отдельных кавказских частей, а также военно-исторических сочинений, подготовленных на основе местных военных архивов. Вершиной нарративных практик отдела стало участие в подготовке обобщающего исторического сочинения по истории присоединения Кавказа к России. В 1899 г. В.А. Потто разработал его программу, которая предусматривала подготовку 15 томов, освещающих историю военных действий с горцами, Персией и Турцией в течение XIX в., а также раскрывающих установление системы российского управления кавказской окраины [Утверждение... 1901]. Программа была утверждена военным министром генерал-адъютантом А.Н. Куропаткиным и с его согласия Военный совет выделил необходимые средства на ее реализацию. Общее руководство работой было возложено на начальника Военно-исторического отдела. К началу Первой мировой войны удалось подго-

товить и издать 5 томов в 7 книгах, хронологически охватывающих период с 1801 г. (присоединения Восточной Грузии к России) до времен управления А.П. Ермолова на Кавказе.

Параллельно с издательской деятельностью продолжалась работа отдела по разбору военных архивов Кавказа. В 1880-х гг. на места направлялись офицеры для извлечения дел военно-исторического характера с древнейших времен до 1864 г. Усилиями этих «архивных изыскателей» были рассмотрены десятки тысяч дел, с указанием на те из них, которые заключают в себе исторический материал [Собриевский 1911: 9]. При этом следует отметить, что не все офицеры обладали историческими познаниями, достаточным опытом и подготовкой к работе с архивами, а значит не всегда могли понять смысл исторического документа. В итоге добиться полного упорядочения архивного дела и прекращения хаотичного уничтожения архивов тогда так и не удалось.

В таких условиях «архивного нестроения» В.А. Потто выступил с инициативой централизации архивов Кавказского военного округа и создания в Тифлисе общего военно-исторического архива. Для приведения в порядок и сохранения архивов от пожаров, тления и расхищения В.А. Потто планировал выявить все архивы в пределах Кавказа и составить в каждом из них подробные описи имевшихся в наличии дел. Затем все дела военно-исторического характера, представляющие научный интерес для изучения различных сторон кавказской жизни, перевезти в Тифлис, где образовать центральный архив Кавказского края [Колосовская 2016: 61].

Провести централизацию архивного дела на Кавказе под руководством Военно-исторического отдела тогда так и не удалось. Выделенное под архив помещение потребовало ремонта и как следствие значительных материальных вложений, поэтому открытие центрального исторического архива в г. Тифлисе откладывалось.

В начале XX в. в сферу деятельности отдела вошли вопросы, связанные с выявлением, охраной и созданием новых военных памятников на Кавказе. Согласно инструкции начальник был «обязан иметь точные сведения и подробное описание всех братских могил, памятников, воздвигнутых в честь событий и отдельных лиц, и других предметов, имеющих военно-историческую важность. На его же обязанности лежит как наблюдение за содержанием их в исправности, так и предохранение их от порчи и уничтожения» [РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. 1898. Д. 147. Л. 8.]. Работа В.А. Потто в этом направлении привела к появлению фундаментального труда, отражающего вопрос военного памятникостроительства на Кавказе [Потто 1906, 1909].

Тогда же в ведение отдела был передан Военно-исторический музей Кавказского военного округа. Известный под названием «Храм Славы», этот музей был открыт по инициативе военной администрации еще в 1888 г. и располагался в г. Тифлисе. Экспонаты музея, отражали историю присоединения Кавказа к России и увековечивали память о подвигах солдат и офицеров, проявленных на полях сражений в ходе русско-турецких и русско-иранских войн XVIII – XIX вв. Особая роль отводилась музею в деле сохранения исторической памяти об участии российской армии в военных событиях на Северном Кавказе.

Под эгидой Военно-исторического отдела «Храм Славы» превратился в действенное средство популяризации знаний о военной истории в контексте имперской концепции присоединения Кавказа к России. Экспонаты музея иллюстрировали итоги исторических изысканий ВИО, создавали позитивный образ деятельности России в регионе и воздействуя на умы, формировали идеологическую основу для сохранения российско-кавказского государственного единства.

С уходом из жизни в ноябре 1911 г. В.А. Потто, начальником отдела был назначен полковник В.И. Томкеев, а после его смерти в 1913 г. – полковник С.С. Эсадзе. Круг задач, выполняемых отделом, остался прежним. В годы Первой мировой войны отдел занимался также сбором документальных свидетельств о событиях на Кавказском театре военных действий. В это же время из Тифлиса на Северный Кавказ были эвакуированы фонды Кавказского военно-исторического музея и военного архива. Значительная часть этих материалов была утрачена в период революций и Гражданской войны.

Заключение

В целом, создание Военно-исторического отдела на Кавказе стало проявлением общей тенденции институционализации военно-исторической науки в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Создание специальных комиссий для собирания источниковых материалов и на их основе изучения опыта предыдущих военных кампаний стало заметным явлением того времени. Так, были созданы комиссии по описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг., русско-японской войны 1904–1905 гг. Свое учреждение по изучению истории военных действий, которые вела Россия на Кавказе, было создано и при штабе Кавказского военного округа. При этом основным его предназначением стало накопление эмпирических данных по военной истории Кавказа, в сочетании с их предварительным анализом и попытками обобщения. Этим объясняется то, что главными направлениями работы отдела стали издательская деятельность, разбор материалов местных военных архивов, устройство музеев и охрана памятников военного прошлого Кавказа.

Таким образом, функционирование Кавказского отдела ИРГО, Кавказской археографической комиссии и Военно-исторического отдела, несмотря на присущую им специализацию, имело много общего. Их деятельность поддерживалась военной администрацией Кавказа и была направлена на интеллектуальное освоение империей своей новой окраины. Не случайно, что многие ученые-кавказоведы связали свой творческий путь с сотрудничеством сразу с несколькими учреждениями. Так, А.П. Берже охотно публиковал свои труды на страницах периодических изданий Кавказского отдела ИРГО. Другой председатель Кавказской археографической комиссии Е.Г. Вейденбаум принимал участие в проекте Военно-исторического отдела по подготовке многотомной истории «Утверждения русского владычества на Кавказе». При этом Кавказский отдел ИРГО специализировался на сборе этнографического и географического материала о регионе. Комиссия и отдел сосредоточились на выявлении архивных

документов, их публикации и тем самым формировали источниковую базу для развития исторического направления отечественного кавказоведения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АКАК 1866 – *Акты, собранные Кавказской археографической комиссией* / Под ред. А.П. Берже. – Тифлис, 1866. – Т. 1. – 816 с.

Базылева 2015 – *Базылева Е.А.* Кавказский отдел Императорского Русского Географического общества и его библиотека // Омский научный вестник. – 2015. – № 5 (142). – С. 12-15.

Бекоева 2015 – *Бекоева Т.А., Бекоева Е.Д.* Деятельность российских ученых, членов Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества по просвещению горцев // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2015. – № 3. – С. 15-22.

Загурский 1875 – *Загурский Л.П.* Некролог П.К. Услара // Известия Кавказского отдела ИРГО. – Тифлис, 1875. – Т. IV. – С. 38–49.

Кавказ – *Кавказ*: газета политическая и литературная. – Тифлис, 1846. – 1917 гг.

Кавказский календарь – *Кавказский календарь*. – Тифлис: Канцелярия Кавказского наместника, 1845–1916 гг.

Кожоков и др. 2017 – *Кожоков М.К., Абазов А.Х., Кожоков А.М.* Кавказский отдел Императорского Русского Географического общества: из истории развития академической науки на Кавказе в дореволюционный период // Устойчивое развитие: проблемы, концепции, модели. Материалы Всероссийской конференции с международным участием, Нальчик, 16–19 мая 2017. – Нальчик: Издательство: КБНЦ РАН, 2017. – С. 159-162.

Колесникова 2011 – *Колесникова М.Е.* Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. – 496 с.

Колосовская 2016 – *Колосовская Т.А.* «Забывая прошлое, нельзя ничему научиться и в будущем». Доклад генерал-майора В.А. Потто о централизации архивов на Кавказе и устройстве Кавказского военно-исторического музея в 1900 г. // Военно-исторический журнал. – 2016. – № 7. – С. 58-63.

Колосовская 2020 – *Колосовская Т.А.* История Кавказского военно-исторического отдела в лицах. – Ставрополь: Изд-во «Печатный Двор», 2020. – 208 с.

Комаров 1873 – *Комаров А.В.* Народонаселение Дагестанской области (с этнографической картой) // Записки Кавказского отдела ИРГО. – Тифлис, 1873. – Т. VIII. – С. 1-49.

Максимчик, Манышев 2020 – *Максимчик А.Н., Манышев С.Б.* «...Собрать из архивов главнейшие акты и сведения...» (Кавказская археографическая комиссия и архивное дело на Кавказе во второй половине XIX в.) // Новое прошлое. – 2020. – № 2. – С. 44-61.

Мудрова 2014 – *Мудрова Н.П.* О методике сбора устных (фольклорных) источников Кавказским отделом Русского географического общества // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2014. – № 2. – С. 11-15.

Пагирев 1901 – *Пагирев Д. Д.* Очерк деятельности Кавказского отдела ИРГО // Известия Кавказского отдела ИРГО. – Тифлис, 1901. – Т. XIV. – С. 144-151.

Парова 1988 – *Парова Л.М.* Создание и деятельность Военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа // Военно-исторический журнал. – 1988. – № 5. – С. 87-91.

Потто 1906, 1909 – *Потто В.А.* Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе. – Тифлис, 1906. – Вып. I. – 160 с.; 1909. – Вып. II. – 248 с.

РГВИА – *Российский государственный военно-исторический архив*

Семевский 1886 – *Семевский М.* Адольф Петрович Берже // Русская старина. – 1886. – Т. 3. – С. 727–729.

Семенов 1896 – *Семенов П.П.* История полувековой деятельности Императорского русского географического общества. 1845–1895. – Санкт-Петербург, 1896. – Ч. 1. – 514 с.

Собриевский 1911 – *Собриевский А.С.* Князь Воронцов и наши архивы // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. – Ставрополь, 1911. – Вып. 1. – С. 1-14.

Стебницкий 1868 – *Стебницкий И.И.* Несколько слов по поводу рельефной карты Кавказского края // Известия ИРГО. – Санкт-Петербург, 1868. – Т. IV. – С. 309-316.

Томкеев 1912 – *Томкеев В.И.* Программа Кавказского сборника // Кавказский сборник. – Тифлис, 1912. – Т. 32. – Ч. 1. – С. 1-2.

Утверждение... 1901 – *Утверждение* русского владычества на Кавказе. Программа. – Тифлис, 1901. – 22 с.

REFERENCES

Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission] / Edited by. A.P. Berzhe. – Tiflis, 1866. – Vol. 1. – 816 p. (In Russ.).

BAZYLEVA E.A. *Kavkazskii otdel Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva i ego biblioteka* [Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society and its library]. IN: *Omskii nauchnyi vestnik*. – 2015. – № 5 (142). – P. 12-15. (In Russ.).

BEKOEVA T.A., BEKOEVA E.D. *Deyatel'nost' rossiiskikh uchenykh, chlenov Kavkazskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva po prosveshcheniyu gortsev* [The activities of Russian scientists, members of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society for the education of the highlanders]. IN: *Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov*. – 2015. – № 3. – P. 15-22. (In Russ.).

ZAGURSKII L.P. *Nekrolog P.K. Uslara* [Obituary P.K. Uslara] IN: *Izvestiya Kavkazskogo otdela IRGO*. – Tiflis, 1875. – Vol. IV. – P. 38–49. (In Russ.).

Kavkaz: gazeta politicheskaya i literaturnaya [Caucasus: political and literary newspaper]. – Tiflis, 1846. – 1917. (In Russ.).

Kavkazskii kalendar' [Caucasian calendar]. – Tiflis, 1845 – 1916. (In Russ.).

KOZHOKOV M.K., ABAZOV A.Kh., KOZHOKOV A.M. *Kavkazskii otdel Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva: iz istorii razvitiya akademicheskoi nauki na Kavkaze v dorevolutsionnyi period* [Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society: from the history of the development of academic science in the Caucasus in the pre-revolutionary period]. IN: *Ustoichivoe razvitie: problemy, kontseptsii, modeli. Materialy Vserossiiskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. – Nal'chik: KBNTs RAN, 2017. – P. 159-162. (In Russ.).

KOLESNIKOVA M.E. *Severokavkazskaya istoriograficheskaya traditsiya: vtoraya polovina XVIII – nachalo XX veka*. [North Caucasian historiographical tradition: the second half of the 18th - the beginning of the 20th century]. – Stavropol': SGU, 2011. – 496 p. (In Russ.).

KOLOSOVSKAYA T.A. «*Zabyvaya proshloe, nel'zya nichemu nauchit'sya i v budushchem*». *Doklad general-maiora V.A. Potto o tsentralizatsii arkhivov na Kavkaze i ustroistve Kavkazskogo voenno-istoricheskogo muzeya v 1900 g.* ["Forgetting the past, you can not learn anything in the future." Report of Major General V.A. Potto on the centralization of archives in the Caucasus and the organization of the Caucasian Military History Museum in 1900]. IN: *Voenno-istoricheskii zhurnal*. – 2016. – № 7. – P. 58-63. (In Russ.).

KOLOSOVSKAYA T.A. *Istoriya Kavkazskogo voenno-istoricheskogo otdela v litsakh* [History of the Caucasian military-historical department in persons]. – Stavropol': «Pечатnyi Dvor», 2020. – 208 p. (In Russ.).

KOMAROV A.V. *Narodonaselenie Dagestanskoi oblasti (s etnograficheskoi kartoi)* [The population of the Dagestan region (with an ethnographic map)]. IN: *Zapiski Kavkazskogo otdela IRGO*. – Tiflis, 1873. – Vol. VIII. – P. 1-49. (In Russ.).

MAKSIMCHIK A.N., MANYSHEV S.B. «...*Sobrat' iz arkhivov glavneishie akty i svedeniya*...» (*Kavkazskaya arkheograficheskaya komissiya i arkhivnoe delo na Kavkaze vo vtoroi polovine XIX v.*) ["... Collect the most important acts and information from the archives ..." (Caucasian Archaeographic Commission and Archival Affairs in the Caucasus in the second half of the 19th century)]. IN: *Novoe proshloe*. – 2020. – № 2. – P. 44-61. (In Russ.).

MUDROVA N.P. *O metodike sbora ustnykh (fol'klornykh) istochnikov Kavkazskim otdelom Russkogo geograficheskogo obshchestva* [On the method of collecting oral (folklore) sources by the

Caucasian Department of the Russian Geographical Society]. IN: *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. – 2014. – № 2. – P. 11-15. (In Russ.).

PAGIREV D.D. *Ocherk deyatel'nosti Kavkazskogo otdela IRGO* [Essay on the activities of the Caucasian Department of the IRGS]. IN: *Izvestiya Kavkazskogo otdela IRGO*. – Tiflis, 1901. – Vol. XIV. – P. 144-151. (In Russ.).

PAROVA L.M. *Sozdanie i deyatel'nost' Voennno-istoricheskogo otdela shtaba Kavkazskogo voennogo okruga* [Creation and activity of the Military History Department of the headquarters of the Caucasian Military District]. IN: *Voennno-istoricheskii zhurnal*. – 1988. – № 5. – P. 87-91. (In Russ.).

POTTO V.A. *Pamyatniki vremen utverzhdeniya russkogo vladychestva na Kavkaze* [Monuments of the time of the establishment of Russian rule in the Caucasus]. – Tiflis, 1906. – Vol. I. – 160 p.; 1909. – Vol. II. – 248 p. (In Russ.).

Rossiiskii gosudarstvennyi voennno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive]. (In Russ.).

SEMEVSKII M. *Adol'f Petrovich Berzhe* [Adolf Petrovich Berger]. IN: *Russkaya starina*. – 1886. – Vol. 3. – P. 727-729. (In Russ.).

SEMENOV P.P. *Istoriya poluvekovoi deyatel'nosti Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva. 1845–1895* [The history of half a century of activity of the Imperial Russian Geographical Society. 1845–1895]. – St. Petersburg, 1896. – Vol. 1. – 514 p. (In Russ.).

SOBRIEVSKII A.S. *Knyaz' Vorontsov i nashi arkhiy* [Prince Vorontsov and our archives]. IN: *Trudy Stavropol'skoi uchenoi arkhivnoi komissii*. – Stavropol', 1911. – Vol. 1. – P. 1-14. (In Russ.).

STEBNITSKII I.I. *Neskol'ko slov po povodu rel'efnoi karty Kavkazskogo kraya* [A few words about the relief map of the Caucasus region]. IN: *Izvestiya IRGO*. – St. Petersburg, 1868. – Vol. IV. – P. 309-316. (In Russ.).

TOMKEEV V.I. *Programma Kavkazskogo sbornika* [The program of the Caucasian collection]. IN: *Kavkazskii sbornik*. – Tiflis, 1912. – Vol. 32. – Ch. 1. – P. 1-2. (In Russ.).

Utverzhdenie russkogo vladychestva na Kavkaze. Programma [The assertion of Russian rule in the Caucasus. Program]. – Tiflis, 1901. – 22 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Т.А. Колосовская – доктор исторических наук.

Information about the author

T.A. Kolosovskaya – Doctor of Science (History).

Статья поступила в редакцию 31.05.2022 г.; одобрена после рецензирования 21.06.2022 г.; принята к публикации 28.06.2022 г.

The article was submitted 31.05.2022; approved after reviewing 21.06.2022; accepted for publication 28.06.2022.

Научная статья
УДК 94(470.6)
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-69-86
EDN: CQXOPD

ЗАКАВКАЗСКИЙ КРАЙ В ЦАРСКИХ ПУТЕШЕСТВИЯХ: ОТ АЛЕКСАНДРА II ДО НИКОЛАЯ II

Дмитрий Николаевич Прасолов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dmprasolov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0026-1262>

Аннотация. Путешествия императоров по национальным окраинам Российской империи, как форма репрезентации власти и освоения символического пространства многонационального государства, являлись одним из средств управления культурно сложными сообществами подданных династии Романовых. В статье рассматриваются обстоятельства посещения Южного Кавказа Александром II в 1871 г., Александром III в 1888 г. и Николаем II в 1914 гг. Представлена характеристика общих особенностей маршрутов и сценариев высочайших визитов, показана устойчивость основных форм коммуникаций с местным населением. Подчеркивается значимость преемственности кавказских путешествий цесаревичей в их будущих практиках по управлению регионом. Исследованы коммеморативные аспекты царских визитов, актуализирующие в общественном сознании ключевые события российской истории Кавказа. Отмечается, что при соблюдении организационно-церемониального канона, с каждым визитом решались и конкретно-исторические задачи, обусловленные завершением присоединения Кавказа к России, развитием транспортной инфраструктуры и углублением интеграции края в социокультурное пространство империи, символической мобилизацией демографических и материальных ресурсов южной окраины в условиях Первой мировой войны. Обоснован вывод, что приезды императоров способствовали легитимации в глазах подданных как высшей коронной власти, так и ее представителей в лице властей Кавказского края. «Высочайшие визиты» углубляли интеграцию региона в большое имперское пространство, и, вместе с тем, способствовали реинтеграции народов Южного Кавказа в рамках российского государственного порядка.

Ключевые слова: Российская империя, Александр II, Александр III, Николай II, Южный Кавказ, Закавказье, Тифлис.

Для цитирования: Прасолов Д.Н. Закавказский край в царских путешествиях: от Александра II до Николая II // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 2. – С. 69-86. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-69-86. EDN: CQXOPD.

© Прасолов Д.Н., 2022

Original article

THE TRANSCAUCASIAN REGION IN CZARIST TRAVELS: FROM ALEXANDER II TO NICHOLAS II

Dmitry N. Prasolov

Institute for Humanitarian studies – branch of the FSBSE «Federal Scientific Center ‘Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences’», Nalchik, Russia, dmprasolov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0026-1262>

Abstract. The travels of emperors on the national outskirts of the Russian Empire as a representation of power and mastering the symbolic space of multinational state were the means to manage culturally complex communities of the Romanov dynasty servants. The article considers the circumstances of the visits of Alexander II in 1871, Alexander III in 1888, and Nicholas II in 1914 to the South Caucasus. It describes the general characteristics of the routes and scenarios of the highest visits, shows the stability of the principal forms of communication with the local population. The importance of the continuity of the czarevitch's' Caucasian journeys in their future practices of ruling the region is emphasized. The commemorative aspects of the czarist visits that actualize in the public consciousness the key events of the Russian history of the Caucasus are investigated. It is noted while observing organizational and ceremonial canon, each visit solved concrete and historical problems determined by the completion of the accession Caucasus to Russia, the development of transport infrastructure and deeper integration of the region into the socio-cultural space of the empire, symbolic mobilization of demographic and material resources of the southern outskirts during the World War I. The reasoned conclusion shows that the visits of the emperors promoted the legitimization in the eyes of the subjects of both the supreme crown authority and its representatives in the face of the authorities of the Caucasian region. "The Highest Visits" deepened the integration of the region into the larger imperial space and, at the same time, contributed to the reintegration of the peoples of the South Caucasus within the Russian state order.

Keywords: Russian Empire, Alexander II, Alexander III, Nicholas II, South Caucasus, Transcaucasia, Tiflis.

For citation: Prasolov D.N. Transcaucasian region in tsarist travels: from Alexander II to Nicholas II. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 2. – P. 69-86. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-69-86. EDN: CQXOPD.

© Prasolov D.N., 2022

Посещение представителями династии Романовых окраин своей многонациональной державы являлось одним из привычных сценариев власти в Российской империи. Основные формы организации и церемониальное содержание «высочайших визитов» формировались с учетом специфики региона, подчеркивая понимание коронными властями особенностей посещаемых территорий. Динамику этих аспектов управления этническим и конфессиональным многообразием исследовал в своей работе Р. Уортман [Уортман 2004]. На кавказском материале обобщенную картину царских путешествий представил В.В. Трепавлов [Трепавлов 2015]. Обстоятельно рассмотрены подготовка и организация посещения Кавказа Александром III [Бекулов, Бекулова 2020]. Хубертус Ян в новейшей статье показал значение царских визитов как одного из важнейших коммуникативных средств репрезентации имперской власти. По мнению автора, сопровождавшееся впечатляющим церемониалом личное явление императора кавказским подданным «представляло силу и величие правителя населению, которое не было знакомо с подобными имперскими сценариями» [Hubertus Jahn 2021: 171]. В настоящей статье на примере «высочайших посещений» Кавказа Александром II, Александром III и Николаем II рассматривается, как царские путешествия способствовали углублению интеграции Южного Кавказа в социокультурное пространство Российской империи, а также выступали актом легитимации в глазах подданных, как высшей коронной власти, так и власти тех, кто был поставлен царем управлять Кавказским краем.

Будучи еще цесаревичем, Александр Николаевич посетил Кавказ в 1850. В качестве императора в 1861 г. он принял участие в некоторых эпизодах завершающего этапа Кавказской войны [Трепавлов 2015: 105-106]. Поездка 1871 г. стала инспекционным ознакомлением Александра II с положением в Кавказском крае после его умиротворения и проведения социальных, административных и земельных реформ. Проехав с каспийского побережья в Порт-Петровске до административного центра Терской области – Владикавказа (18 сентября) кортеж отправился на юг по военно-грузинской дороге. Начальник Терской области М.Т. Лорис-Меликов получил от императора приглашение сопровождать его до Тифлиса [Заметки... 1871: 2]. Причем, от Владикавказа до Балты его сопровождали кабардинские дворяне и конвойная команда, а оттуда – до Ларса и далее до Казбеги – представители осетинской знати и всадники Терской постоянной милиции [Киреев 2011: 130]. На Южном Кавказе Александр II посетил Тифлис (20 сентября), Боржом, Кутаиси и Поти, откуда пароходом отбыл в Крым.

Примечательным моментом пребывания в Тифлисе 21 сентября стала аудиенция, начавшаяся традиционными приветствиями Александру II, выраженными представителями приграничных к Закавказской провинции Российской империи государств: персидским послом Хамза-Мирзой и турецким военным губернатором Эрзерума Мустафа-пашой, специально прибывшими в столицу Кавказского края. И только затем были приняты чиновники первых пяти классов и депутации от дворян и граждан. Преемственность между путешествиями Александра Николаевича примечательно проявилась в посещении императором в Гори уездного предводителя дворянства князя А. Эристова, «в том самом доме, где 21 год тому назад, следуя по тому же тракту, государь изволил осчастливить того же разумного хозяина принятием у него хлеба-соли» [Очерк... 1871: 1].

Традиционным уже способом мемориализации «высочайшего посещения» стал выпуск памятной медали с надписью «Кавказ 1871 г.», которой награждали многих причастных к организации путешествия императора. Помимо этого, в ознаменование пребывания в закавказском крае Александр II санкционировал масштабную раздачу орденов, награждение которыми происходило в 10 октября в Тифлисе на специальном приеме наместником всех начальников губерний и областей, а также отдельных частей, членов совета, духовенство всех исповеданий, предводителей губернского и уездного дворянства [Кавказ 1871. №116: 1; № 119: 1; №121: 1].

Официальным итогом царской поездки на Кавказ стала серия рескриптов, изданных Александром II на протяжении маршрута от Гуниба до Поти. В благодарственном письме кавказскому наместнику Михаилу Николаевичу от 30 сентября была дана высокая оценка его многолетнего руководства краем в один из самых сложных периодов его российской истории. Впоследствии сформулированная в рескрипте оценка исторической значимости завершения Кавказской войны 21 мая 1864 г. стала идеологическим каноном в коммеморациях этого события. В частности, Александр II отмечал: «В 1862 г. я признал за благо призвать вас к высшей государственной и военной деятельности в званиях

наместника моего на Кавказе и главнокомандующего кавказской армией. С тех пор важные и существенные изменения совершились в этом отдаленном крае... С именем вашего императорского высочества неразрывно будут связаны в истории Кавказа воспоминания о последних боевых подвигах русских войск, закончивших в 1864 г. покорение западной части этого края». Высоко оценив достижения наместника, император отметил, что наместник своей политикой добился водворения «в горских обществах прочного порядка и настолько подвинул гражданское их развитие, что ныне признано возможным многие из них подчинить общим с русским населением гражданским учреждениям» [Приказ... 1871].

По оценке М.А. Волхонского, дальнейшее развитие порядка управления не приняло продекларированного направления, а все больше стало подменяться политикой русификации [Волхонский 2006: 87–90]. Примечательно сравнить оценки императором готовности народов Кавказа к восприятию общероссийских социально-политических распоряжений в 1871 г. с анализом ситуации в крае в 1902 г. главноначальствующим Г.С. Голицыным: «Некоторое сближение Кавказа с империей происходит, но до органического слияния еще далеко, ибо разнородное население стоит на низком уровне социального, экономического и духовного развития» [Дякин 1998: 462]. Но, например, активисты земского движения на Кавказе даже в начале XX в. апеллировали к «забытым заветам» «великодушного победителя Шамиля» Александра II, выраженным в рескрипте Михаилу Николаевичу, в которых, за высказываниями о возможностях введения общегражданских учреждений, усматривали земские перспективы на Кавказе [Баев 1907: 2].

В заключении рескрипта император трогательно резюмировал: «Отъезжая ныне с Кавказа, я уношу в душу самое отрадное воспоминание обо всем мною виденном», выразив брату «душевную признательность за ваши девятилетние труды и заботы о благоустройстве вверенного вам края и за отличное состояние вверенных вам войск» [Приказ... 1871].

В приказе по войскам Кавказского округа Михаил Николаевич разделил императорскую благодарность со всеми представителями кавказской власти, выразив признательность «за их отличную и полезнейшую службу», особо отметив действующих администраторов – помощника наместника генерал-адъютанта Святополк-Мирского, начальника Дагестанской области генерал-адъютанта Меликова, Терской области генерал-адъютанта Лорис-Меликова, Кубанской области генерал-лейтенанта Цакни и начальника штаба Кавказского военного округа генерал-майора Свистунова [Приказ... 1871]. Таким образом заслуги наместника были признаны и результатами деятельности всей вертикали кавказской власти. Выраженная благодарность была растиражирована через региональные газеты. Несмотря на соответствующий формату рескрипта высокопарный слог, актовый итог поездки Александра II по Кавказу обладал существенной конкретно-исторической значимостью. Император не только «высочайше» удостоверял завершение инкорпорации народов Кавказа в состав российского государства, но и символически подтверждал высокий престиж военных и гражданских достижений кавказского наместника в глазах старшего бра-

та – включенного и вдумчивого свидетеля двадцатилетнего развития имперской ситуации в крае.

Первые две поездки Александра Николаевича на Кавказ проходили в условиях продолжавшейся Кавказской войны, некоторые впечатления от них были связаны с непокорностью и даже враждебностью местного населения. Поездка 1871 г. демонстрировала очевидный контраст в новом положении в крае. Как подведение итогов умиротворения Кавказа, поездка Александра стала еще и масштабным коммеморативным актом, ретроспективным признанием заслуг ключевых действующих лиц этого процесса. Начало благодарственным письмам было положено рескриптом предыдущему наместнику А.И. Барятинскому, при котором состоялась поездка 1861 г. Еще в начале путешествия, находясь в Дагестане, 11 сентября 1871 г. Александр II обратился к генерал-фельдмаршалу со словами: «Предприняв давно желанное путешествие на Кавказ, я с удовольствием вспоминаю о всей службе вашей в сем крае, и в особенности о трудах, посвященных вами управлению оным и командованию войсками, покрывшими себя неувядаемой славой.

Посещая ныне мирный Дагестан, столь долгое время подверженный кровавым битвам с непокорными горцами, стоившим столь много жертв и усилий, я с чувством истинного уважения обращаюсь к вам из Гуниба, где покорением и пленением Шамиля, предводителя врагов наших и его скопищ, вы положили начало умиротворению всего Кавказа» [Кавказ. 1871. № 120: 1].

В рескрипте на имя начальника главного управления наместника кавказского А.П. Николаи, проходившего службу при всех кавказских наместниках – М.С. Воронцове, Н.Н. Муравьеве, А.И. Барятинском, – отмечались его заслуги и в наместничество великого князя Михаила Николаевича. Император особо отметил в его адрес: «Вы были усердным ближайшим его сотрудником как по гражданскому управлению краем, так и по введению в оном важнейших совершенных во внутренних губерниях России реформ, требовавших в применении их к разнообразным населением края, стоящим на разных ступенях гражданственности, большей осмотрительности и знания местных особенностей» [Кавказ. 1871. № 115: 1].

Государственный служащий и литератор, граф В. А. Соллогуб, находясь в Грузии, участвовал во встрече царского кортежа в Кутаиси. На торжественном приеме он зачитал сочиненное им по случаю приветственное стихотворение «Аллаверды!», которое впоследствии было положено на музыку и стало известной застольной песней.

10 октября в Тифлисе состоялось театрализованное представление, насыщенное исторической символикой и необычайно творческим осмыслением посещения Александром II Кавказа. Начавшись фрагментами из оперы М. Глинки «Жизнь за царя», музыкальное сопровождение постановки «в контраст всякой гармонии» перешло в «родную, безобразно-хорошую зурну». Новые декорации с кавказским пейзажем заполнились сценами из традиционной грузинской жизни и на первый план вышли «князья в своих живописных костюмах», которые возглавили импровизированный пир, где было полностью продекламировано «Аллаверды!» «нашего старого общекавказского друга графа Соллогуба». Аф-

фективной квинтэссенцией представления стала завершающая картина, смешавшая узнаваемые российско-кавказские визуально-музыкальные образы: «При последнем возгласе «Аллаверды!» темный лес исчезает и сменяется другим светлым... Словно в очаровательном сновидении явилась пред глазами зрителей и пирующих эта картина. На пригорке бюст Государя. На пьедестале горят буквами слова «Кавказ», 6 и 28 сентября... Гений славы держит над головой императора лавровый венок. Гений мира простирает к подножию бюста пальмовую ветвь. Кругом группируются гении просвещения, искусств, правосудия и торговли и проч. У ног группы, лицом к бюсту на коленях стоят тифлисские граждане, подносящие... хлеб-соль. Справа ветеран-солдат, ногой попирающий мюрида, и другие воины, выражающие свой восторг, повергая к стопам императора кровью политые знамена». Под звуки гимна «Боже, Царя храни!» загремело русское восторженное «Ура!», загрохотала зурна и вместе с колокольным трезвонном все слилось в одну потрясающую, громкую, нестройную, но величественную музыку». В ходе оваций объявили имя автора – Федор Соллогуб, но к этому было добавлено: «Картину ставило чувство к Тому, Кому она поставлена» [Кавказ. 1871. № 120: 1-2].

Согласно протоколу, наместник на Кавказе непременно сопровождал перемещения императора по территории подвластного ему края, также выступая в качестве ответственного лица при оценке главой государства положения дел на местах. В путешествии 1871 г. Михаил Николаевич выступил проводником и гостеприимным хозяином для венценосного старшего брата. После упразднения Наместничества в конце 1881 г. был учрежден пост главноначальствующего на Кавказе, который занял А.М. Дондуков-Корсаков. При вступлении в должность в течение восьми месяцев он предпринял значительно более обстоятельный ознакомительный объезд Кавказа, обстоятельства которого подробно рассмотрены М.А. Волхонским [Волхонский 2018; Волхонский 2019]. Подражая императорскому сценарию репрезентации власти, новый глава Кавказского края, начинавший военную карьеру на Кавказе, акцентировал внимание на преемственности своей будущей политики с деятельностью первого кавказского наместника М. С. Воронцова. Тем самым он подчеркивал «перед лицом населения Кавказа, что он сам принадлежит к числу «старых кавказцев», элитарной прослойки имперской бюрократии, связанной долгими годами военной или гражданской службы с Кавказом» [Волхонский 2018: 14-16].

Основные впечатления главноначальствующего нашли отражение в подготовленном в 1882 г. «Очерке политического состояния Кавказа» [Волхонский 2021], в котором основное внимание было уделено характеристике состава населения и его благонадежности по отношению к русской администрации. Обнаруженные проблемы объяснялись последствиями недостаточно жесткой и уступчивой к неумеренным запросам местных элит, политики наместничества – от М.С. Воронцова до великого князя Михаила Николаевича [Волхонский 2019: 80, 82]. Исходя из высказанного мнения А.М. Дондуков-Корсаков сформулировал главные задачи, решению которых намеревался посвятить новый этап своей государственной деятельности. Главной целью государственной политики должно было стать «поддержание социально-политической стабильности», ко-

торую предполагалось достигнуть сочетанием широкого арсенала средств – от репрессивных мер превентивного характера, направленных на нейтрализацию неблагонадежного «туземного» населения, так и в «разумных действиях» путем социально-экономических улучшений [Волхонский 2019: 85].

Таким образом, объезд главноначальствующего отличался от императорских путешествий по Кавказу целым рядом обстоятельств, связанных с решением конкретных прикладных задач. А. М. Дондуков-Корсаков стремился сформировать объективное представление о положении в крае для повышения эффективности собственного управления. По оценке М.А. Волхонского, «состоявшийся весной-летом 1882 г. «объезд» Кавказского края князем оказался многоплановой политической акцией, с помощью которой только назначенный главным начальником на Кавказе князь пытался решить по крайней мере две совершенно различные задачи. Вначале идея «объезда» использовалась Дондуковым как аргумент в пользу сохранения за ним на продолжительный переходный период широких административных полномочий, ранее принадлежавших кавказским наместникам. Потерпев неудачу, Дондуков, тем не менее, смог уметь использовать «объезд» края не только для реализации широкомасштабной презентации имперской русской власти, но также для репрезентации себя как главного начальника Кавказского края» [Волхонский 2018: 24].

В своем первом посещении Кавказа Александр Николаевич сопровождал отца в 1871 г. в качестве цесаревича. Осенью 1888 г. он совершил длительную поездку на юг России. Это было единственное значительное ритуальное путешествие Александра III за все время его царствования [Уортман 2004: 384]. С 25 сентября по 13 октября его маршрут пролегал по Кавказу. Открытие с 1870-х гг. движения по Владикавказской и Закавказской железным дорогам, развитие черноморских и каспийских портов на Кавказе значительно повысило мобильность царских путешествий. Маршруты дальнейших царских перемещений были тесно связаны с паровой тягой и рельсовыми магистралями.

Царское путешествие широко освещалось в региональной и столичной прессе [Пребывание... 1888]. Совершенствовался и язык описания путешествий. Это уже не только казенный язык «Правительственного вестника», которому подражали и региональные газеты. Подробнейшие описания этого вояжа оставили опытные литераторы В.А. Потто [Потто 1889] и В.С. Кривенко [Кривенко 1891а; Кривенко 1893]. Множество свидетельств сохранилось в мемуарах современников. Эти источники создавали значительно более живописную картину края, сообщали интереснейшие сведения о жизни народов российского Закавказья. Сами императоры выступали связующим звеном, как с Большой Россией, так и реинтегрировали своими перемещениями в регионе народы Южного Кавказа. Таким образом, благодаря царским путешествиям, новый российский регион становился значительно более узнаваемым для читающей российской общественности. Тем самым в пореформенном информационном пространстве продолжалась интеграция края в социокультурное пространство Российской империи.

Совершенствование транспортной логистики позволяло разнообразить маршрут поездки, не повторяя прежние царские путешествия. Возросшие ско-

рость и комфорт перемещений оставляли больше времени на ритуальные встречи, прием делегаций и подарков от местного населения и т.п. Эти мероприятия становятся более торжественными, включая множество эпизодов, отражавших сложность и динамику имперской ситуации на Кавказе. Взаимные репрезентации императора и представителей местного населения иллюстрировали постоянные поиски власти адекватных сценариев взаимодействия со всем спектром этнического, конфессионального и культурного и регионального своеобразия народов региона. Глава государства проявлял участливое внимание к обычаям, особенностям быта, продуктам хозяйственной деятельности и декоративно-прикладного искусства, которые демонстрировали ему в дороге и преподносили в качестве подарков на официальных встречах. Особенным этнографизмом отличались мероприятия в административных центрах края. Во Владикавказе Александру III представили делегации от большинства народов Терской области. Здесь же состоялось первое знакомство с грузинским гостеприимством цесаревича Николая Александровича, который, в сопровождении министра Царского двора И.И. Воронцова-Дашкова и других высокопоставленных гостей стал гостем расквартированной во владикавказском лагере драгунской дивизии под командованием генерал-лейтенанта и грузинского князя И. Амилахвари.

Александр III прибыл из Ростова во Владикавказ на поезде. Затем железной дорогой по новороссийской ветке Владикавказской железной дороги через Екатеринодар доехал до черноморского побережья. Из Новороссийска морем делегацию доставили в Ново-Афонский монастырь. 25 сентября конечным пунктом морского путешествия стал Батум, присоединенный к России по итогам русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Императора Батум встречал расцвеченный флагами, а вечером провожал иллюминацией. Улицы были наполнены «народом в разнообразных восточных костюмах» [Пребывание... 1888: 27]. В.С. Кривенко более детально описал этнокультурное своеобразие новой российской провинции, отметив, как редки были среди иноплеменной массы «красная рубашка русского рабочего или мундир солдата» [Кривенко 1883: 88]. Называя Батум «младшим из всех городов Закавказья», очевидец путешествия В.А. Потто подчеркивал разительные перемены, произошедшие в его жизни: «Бедная турецкая деревушка за десять-одиннадцать лет до настоящего дня, Батум, со времени присоединения его к России, вырос в цветущий европейский город, с торговым портом и грозными батареями» [Потто 1889: 96]. Впечатления В.С. Кривенко были более сдержанны: «Как ни быстро растет Батум, а все-таки это еще очень небольшой городок с незначительными маленькими домиками» [Кривенко 1891а: 25]. Особо отмечалось стратегическое значение батумской Михайловской крепости. В 1888 г. только она и Карс числились на Кавказе в статусе крепостей [Кривенко 1893: 91-92].

В Батуме Александр III принял участие в закладке новой соборной церкви. Церемониалу придавалось значение символического расширения пространства православного мира. В словах, которыми приветствовал его епископ Гурийский и Мингрельский, особенно пафосно были обозначены религиозно-

освободительные и просветительские последствия присоединения к России: «Двести с лишним лет тяготели поклонники лжепророка над православным этим краем. Но пробил час... там, где сотни лет царил необузданный произвол, царствует ныне правда и милость. Там, где прозябали народы в бедности и невежестве, насаждены ныне блага просвещения, добытые тысячелетнею христианской жизнью» [Пребывание... 1888: 29]. Анализируя риторику участников мероприятий и правительственной прессы в этом и подобных случаях на Кавказе, Р. Уортман отмечает, что обозначение всех провинций России как «Русской земли» определяло новый, национальный характер Российской империи. Подчинение других народностей поднимало Россию на уровень имперской нации и оправдывало впечатляющие подвиги русской армии» [Уортман 2004: 386–387].

Далее маршрут Александра III был продолжен по Закавказской железной дороге, движение по которой по просьбе императора было замедлено для более внимательного осмотра окрестных пейзажей [Потто 1889: 101]. Войскам, размещенным в Боржоме, был устроен «Высочайший смотр», где особенное внимание вызвала «самая юная часть из всей русской армии» – 1-я резервная туземная дружина, составленная из армян и частью из грузин-иверцев, «впервые призванных на служение общему отечеству». Эта демонстрация принятия местным населением всеобщей воинской повинности была особенно важной в свете преимущественного неприятия кавказскими горцами (причем, не только, мусульманами) [Кривенко 1893: 104-105] этого условия военной реформы Александра II, и принятия Александром III в 1886 г. «высочайшего повеления» «О привлечении к отбыванию воинской повинности населения Закавказья и инородцев Терской и Кубанской областей». В законе оговаривалось, что «для лиц мусульманского исповедания поставку новобранцев заменить временно, впредь до дальнейших распоряжений, взиманием особого денежного сбора в доход Государственного Казначейства, присвоив сему сбору наименование налога взамен исполнения воинской повинности натурою» [Высочайшее... 1886: 1].

Здесь же царский поезд встречали великий князь Михаил Николаевич, проживавший в своем Боржомском имении, и тифлисский губернатор князь Шервашидзе [Потто 1889: 104]. Местности, остававшиеся вне охвата железными дорогами, направляли свои депутации к местам остановок царского поезда. После смотра войск император принял делегацию от Карской области. Ее возглавлял седобородый кади, на груди которого имелись турецкие награды, полученные за оборону Карса от русских войск в прежние войны. В разговоре с императором он поделился воспоминаниями о падении Карской твердыни в 1877 г., что привело ее впоследствии под власть России. В похожей манере прошло знакомство с представителями новообретенных территорий Ардагана, Ахалцыха и Ахалкалак [Потто 1889: 107].

28 сентября на железнодорожной станции в Тифлисе к приезду царского поезда съехались из деревень представители грузинского дворянства, а 30 «юных отпрысков грузинских фамилий составили почетный караул... стройная красивая молодежь в своих театральнo-национальных костюмах из бархата,

шелка, позументов, белой кожи и меха обращали на себя внимание даже здесь, среди пестрого и разноцветного населения» [Кривенко 1891а: 32].

Множество источников свидетельствовали, что пребывание императора являлось не только официозным верноподданническим мероприятием, но и незабываемым культурным и даже историческим событием. Привычная повседневная жизнь не только на время замирала, но и отчасти испытывала непредвиденные неудобства. Хубертус Ян отмечает, что визиты царей на Кавказ регулярно приводили к нехватке жилья на местах и росту цен на товары и услуги, особенно в Тифлисе, который, как центр Кавказского края, становился кульминационным пунктом путешествия [Hubertus Jahn 2021: 178].

К приезду «высочайших гостей» населенные пункты украшались флагами и цветами, а по вечерам – декоративным освещением. Не только губернские, но и уездные административные центры по пути царского путешествия превращались в средоточие культурной жизни, в которой находилось место и для великосветских, и для народных развлечений. Празднования продолжались иногда несколько дней, сопровождалась массовыми народными гуляниями, общедоступными театральными представлениями и концертами, обильными угощениями и танцами. В этом диалоге культур сочетались русские, европейские и кавказские праздничные традиции. В.С. Кривенко живописно характеризовал органичность этой культурной экзотики: «На площади толпился народ, выжидая выхода Высочайших гостей. Через площадь нет, нет, и пробираются фаэтоны, в которых или зурначи, или чонгуристы, или просто шарманщики. Они наигрывают на своих музыкальных инструментах, доставляя народной массе большое удовольствие. Можно ли представить себе такую едущую музыку у нас на Невском и на Морской? А в Тифлисе все это выходило несколько не дико, только оригинально. Конечно, вечером город осветился иллюминацией. Сильно пересеченная, волнообразная местность придавала особую красоту иллюминации. С горы Св. Давида представлялся чудный вид на горевший огнями город...». Визит императора предоставлял населению лишние выходные дни, в которые коммерческая активность даже в главных торговых центрах замирала: «Все три дня пребывания царской семьи в Тифлисе городское население так же, как и во Владикавказе и Екатеринодаре, вполне праздновало. Всякие житейские заботы, трудовые занятия, все это было отложено в сторону, в магазинах и лавках торговля почти не производилась, хотя витрины их не были закрыты ставнями и занавесками с тем, чтобы не придавать улицам мрачный, неприветливый вид» [Кривенко 1891а: 34].

Путешествия, как возможность прямого общения с императором, стали новацией в праздничной культуре народов Южного Кавказа. Церемониал масштабных мероприятий выразительными и запоминающимися средствами олицетворял сущность интеграции региона в имперское социокультурное пространство. Отлаженный государственный механизм организации торжественных приемов императора синтезировал риторическую и ритуальную символику патернализма и верноподданничества с многоцветием этнических и религиозных традиций, объединяемых имперским порядком. Каждое путешествие превращалось в историческое событие для Закавказья, и очередное посещение края

императором последовательно вплеталось в коммеморации важнейших событий в российской истории Кавказа. Посещая край в молодые годы, цесаревичи XIX в. открывали для себя южные окраины своей империи, демонстрировали себя местным подданным, вступали с ними в политико-культурный диалог, и уже императорами получали возможность лично удостовериться в характере произошедших изменений.

Дальнейший маршрут путешествия Александра III продолжил своеобразную ревизию железнодорожного сообщения в Закавказье. Пребывание в Баку (8–9 октября) включало закладку православного храма, прием делегаций народов Дагестана и Средней Азии, а также обстоятельный осмотр нефтепромыслов товарищества Нобель. На обратном пути к Черному морю царский поезд совершил 20-минутную остановку на колоритно украшенной Елисаветпольской станции, на фоне которой прошло протокольное представление императорскому семейству городских и губернских deputаций. После двухдневной охоты в Караязе 12–14 октября Александр III посетил Кутаис, где особое внимание уделил посещению Александро-Невского собора, сооруженного на народные пожертвования в память о Царе-Освободителе [Пребывание... 1888: 61–77].

Из Батума Александр III с семьей отбыл в крымскую резиденцию. Однако приятные впечатления о Кавказе были омрачены трагическим инцидентом: 17 октября 1888 г. в районе села Борки, южнее Харькова случилась знаменитая катастрофа царского поезда [Мещенина 2013]. Причем чудесное спасение царской семьи, несмотря на значительные разрушения подвижного состава и гибель более 20 человек стали истолковываться как свидетельство божественной милости, которой пользовался царь [Hubertus Jahn 2021: 183]. А в честь «чудесного избавления» участники встреч с царской семьей организовывали мусульманские жертвоприношения с массовыми угощениями [Кавказ 1888. №313: 2–3]

Двадцатилетний цесаревич Николай Александрович впервые посетил Кавказ, сопровождая отца в сентябре-октябре 1888 г. В дальнейшем он посещал Кавказ в череде многочисленных ознакомительных путешествий по различным территориям своих будущих владений, где «не только проезжал, но останавливался иногда на значительное время и имел возможность вглядываться в картину прошлого и знакомиться с современным их состоянием» [Кривенко 1891b: 1]. В начале ноября 1892 г. пароходом из Одессы он прибыл в Батум. Церемониал встречи был близок к протокольным правилам встречи монарха: еще на борту доставившего цесаревича крейсера «Память Меркурия» его встретил почетным рапортом Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе генерал-адъютант С.А. Шереметьев, а также другие представители кавказской власти. При этом, как событие не первостепенной политической значимости, приезд Николая Александровича официальная газета «Кавказ» освещала в репортаже не на первой странице [Кавказ. 1892. №297: 2–3]

По пути следования на «нарядно убранных» станциях Закавказской железной дороги Николая Александровича встречали официальные лица и представители местного населения. На узловой станции Михайлово цесаревича встретил двоюродный дядя великий князь Николай Михайлович – сын прежнего наместника Михаила Николаевича, возводивший в этот период знаменитый

Ликанский дворец в Боржоми. Далее «августейшие путешественники» в колясках продолжили ознакомительную поездку в Боржом, Абастуман и Ахалцых [Приезд... 1892: 2].

Последнее посещение русским императором Кавказа прошло в ходе одного из объездов действующей армии в конце ноября – начале декабря 1914 г. Маршрут Высочайшего путешествия по городам Средней и Южной России был проложен до позиций на Кавказском фронте. Через несколько дней после визита Николая II войска вступили в военные действия с турецкой армией в ходе драматической Сарыкамышской операции. Поездка отличалась беспрецедентным информационным сопровождением: основные события фиксировались «фотографом Его Величества» и даже снимались на кинопленку. Таким образом посещение Кавказа приобрело и большое пропагандистское значение. Подробный отчет с фотографиями был издан в одной из серии книг о посещении императором действующей армии в 1914–1915 гг. [Дубенский 1915]

Церемониал путешествия вобрал в себя весь накопленный предыдущими путешествиями опыт и вместе с тем носил совершенно новый прикладной смысл. 26 ноября – 1 декабря 1914 г. Николай II посетил Тифлис и прифронтовые Карс, Сарыкамыш и Меджингерт. Технологически это было самое совершенное путешествие: императорский поезд перемещался по железной дороге, а все другие передвижения осуществлялись на автомобилях. Самой южной точки своего путешествия достиг по недавно открытым железнодорожным веткам и новейшему Карскому шоссе. 1 декабря покинув Тифлис, царский поезд объехал Кавказ с востока и 4 декабря прибыл во Владикавказ, откуда отправился в Новочеркасск [Дубенский 1915: 32-102].

В Тифлисе объединяющим жестом, мобилизующим общественное мнение грузин, армян и других этнических и конфессиональных сообществ многонациональной столицы Кавказского края, стало последовательное участие Николая II в богослужении в Сионском и Ванском армяно-григорианском соборе, а затем посещение шиитской и суннитской мечети [Дубенский 1915: 35–42]. На четвертый день состоялась ответная церемониальная репрезентация патриотического единодушия населения Южного Кавказа. Император принял делегации от многих народов и конфессий края, выражавших решимость воевать до победного конца. Прием депутатов от мусульман Тифлисской и Елисаветпольской губерний демонстрировал верноподданническую преданность в борьбе с мусульманской Турцией. Как отмечалось в официальной летописи кавказского путешествия императора, символически «рушилось то, о чем мечтали турки. Они думали, что мусульманское население Кавказа станет на сторону наших врагов и облегчит им борьбу с русским солдатом. Турки мечтали о волнениях, мятежах и беспорядках в горных областях. Но это-то население и проявило тот необычайный подъем духа, который привел к формированию целых шести полков исключительно из кавказских туземцев» [Дубенский 1915: 65].

Однако были и другие впечатления. Очевидец последних лет наместничества на Кавказе, вспоминая посещение Николаем II прифронтового Кавказа в декабре 1914 г., с раздражением описывал лицемерный характер ритуальных славословий депутатов от основных национальностей Закавказья, которые

проводил император в Тифлисе. В 1914 г. одни и те же общественные лидеры превозносили императора «до облаков и характеризуя русское владычество спасительным и благотворным для Кавказа», и менее чем через два с половиной года «мешали с грязью имя несчастного царя, когда он отрекся от престола, понося Россию и русский народ, якобы душивший и угнетавший «культурные» народы Кавказа». При этом более искреннее впечатление производили простые речи «делегации от народа», в отличие от интеллигенции, которая «говорила фальшь» [Исмаил-Заде 2005: 428-429].

Традиционным пунктом сценария «высочайших путешествий» являлось посещение императором медицинских учреждений. Обстоятельства исторического момента отдавали приоритет вниманию военным лазаретам. Медицинский персонал Тифлисской городской больницы удивлялся, что «Государь так добр, прост и обходителен» [Дубенский 1915: 50]. Описания личного царского присутствия у коек с ранеными встречались и в путешествиях Николая I и Александра II, нередко в качестве организаторов оказания медицинской помощи выступали представительницы женской половины Романовых [Уортман 2004: 691-692]. Многократное освещение таких действий, их широкая визуализация в фотографиях и кинохронике демонстрировали максимально возможное приложение физических и моральных сил монаршей семьей, обеспечивая воодушевляющую мобилизацию общественного мнения в условиях военного времени.

Первое посещение Карса русским царем состоялось по «прекрасному шоссе» на автомобилях [Дубенский 1915: 72]. Прифронтовой город, частично покинутый мирными жителями, к приезду императора опустел еще больше после того, как из него было «удалено подозрительное население в виде немецких колонистов». Приезд императора осветился иллюминацией его имени на зубчатых стенах Карсской цитадели [Дубенский 1915: 72-73].

Далее по открытому в 1913 г. участку железной дороги Карс-Сарыкамыш Николай II прибыл в центр российского оборонительного района. По мнению Б.И. Колоницкого несмотря на то, что «официальная пропаганда преувеличивала» опасность посещения императором прифронтового района и едва ли появление было «настоящим осмотром театра военных действий, но очевидно, эта поездка способствовала подъему боевого духа войск, никак не ожидавших видеть Николая II на далеком фронте» [Колоницкий 2010: 113-114]. Благодаря развитию транспортных коммуникаций комфортная доступность самого южного рубежа России на Кавказе, внимание к нему высочайшей особы, символически являлась демонстрацией прочного присутствия высшей власти, закрепляя в глазах подданных реальность имперского пространства.

В поездке по Закавказью Николая II часто представал перед своими кавказскими подданными одетым в форменную одежду определенных подразделений [Исмаил-Заде 2005: 428], походную шинель или в черкеску с папахой, что вызывало симпатию со стороны военнотружущих, казаков и «туземцев» [Дубенский 1915: 50]. Однако не всегда исполнение необходимых образов в одежде выглядело удачным. Командир конвоя наместника в 1908–1917 гг. Н.А. Бигаев вспоминал, что на «грузинском банкете» в Тифлисе «Государь был одет

в черкеску серую длиною «до пяток». Вообще кавказский костюм на нем был сшит безобразно. Я был удивлен, что русского царя не могли шикарно нарядить в черкеску, подпоясанную хорошим кавказским ремнем, при хорошем кавказском оружии!» [Цит. по: Исмаил-Заде 2005: 428].

Б.И. Колоницкий отмечает подобную смену обмундирования как характерную особенность репрезентации последнего императора при посещении различного рода воинских частей. С началом Первой мировой войны и особенно в прифронтовых регионах этот стиль стал подчеркнуто демократичным. «Тем самым царь демонстрировал свою постоянную солидарность с простым армейским офицерством, с фронтовиками», что должно было служить «задачам патриотической мобилизации населения огромной империи» [Колоницкий 2010: 100].

Единственным главой Кавказского края, не сопровождавшим императора в путешествии по Кавказу, стал серьезно болевший в 1914 г. И.И. Воронцов-Дашков. Поэтому во многих официальных мероприятиях в Тифлисе его заменяла супруга. Демонстрируя «особое уважение и расположение» наместнику, Николай II расположился в его дворце. Тем самым «хозяин земли русской стал гостем хозяина дома своего наместника» [Исмаил-Заде 2002: 427]. Нельзя исключать, что впечатления от Кавказа и сочувствие к неоднократным просьбам престарелого И.И. Воронцова-Дашкова об освобождении его от непосильных уже для него обязанностей, стали уместным поводом для перестановок, произведенных Николаем II в 1915 г. К середине года император все больше подозревал своего дядю великого князя Николая Николаевича, исполнявшего с первых дней войны функции верховного главнокомандующего, «в подготовке путей к Престолу для себя» [Исмаил-Заде 2005: 451-452]. Вопреки мнению правительства, депутатов Государственной думы и многих из представителей императорской семьи [Колоницкий 2010: 139-146], Николай II в августе 1915 г. сам приступил к руководству всеми войсками, а на посту кавказского наместника И.И. Воронцова-Дашкова заменил великим князем Николаем Николаевичем.

Последним из Романовых, наделенных властными полномочиями, «опальный Великий князь приехал на Кавказ, воодушевленный лучшими намерениями в деле продолжения мудрой политики своего предшественника» [Цит. по: Исмаил-Заде 2005: 433]. Однако за полтора года наместничества его поездки по краю в основном происходили по одному маршруту: преодолевая до 900 верст на автомобиле, между театром военных действий (достаточно успешным для российской армии) и Тифлисом, с которым были связаны все мероприятия по гражданскому управлению Кавказом.

Показателен сценарий прибытия нового наместника в Тифлис. Николай Николаевич вышел к почетному караулу на Тифлисском вокзале в черкеске – парадной форме кавказских казаков, и преследовал верхом, «в сопровождении конвоя и огромной свиты, согласно установленного и им заранее в дороге одобренного церемониала, сначала в древний Сионский грузинский собор, потом в Ванский армянский, а затем в мечети шиитского и суннитского толков» [Цит. по: Исмаил-Заде 2005: 434], повторив конфессиональный маршрут своего племянника в конце ноября 1914 г.

Таким образом, значимость царских путешествий в истории российского Южного Кавказа определялась узнаванием кавказских народов, знакомством с меняющимся общественным и хозяйственным укладом, испытанием новых транспортных путей, выполнением патерналистской миссии и подчеркнутым почитанием ключевых событий имперского периода истории. Все это должно было способствовать углублению интеграции региона в большое имперское пространство, снижать противоречивые последствия реинтеграции народов Южного Кавказа в рамках российского государственного порядка, и обеспечивать мобилизацию демографических, материальных и др. ресурсов для достижения символического единства культурно-сложного региона при преодолении внутренних проблем и внешних угроз.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Hubertus Jahn 2021 – *Hubertus Jahn*. Visits of tsars to the Caucasus as representations of Empire // *Identities and Representations in Georgia from the 19th Century to the Present*. Ed. by Hubertus Jahn. 2021. – P. 169-184.

Баев 1907 – *Баев Г.* Шаги гражданственности среди горских племен Терской области // Тифлисский листок. – 1907. – № 30. – С. 2.

Бекулов, Бекулова 2020 – *Бекулов Х.М., Бекулова И.Б.* Поездка Александра III на Кавказ как новая веха интеграции горских народов в составе Российской империи // Российский электронный научный журнал. – 2020. – № 4 (38). – С. 159-185.

Волхонский 2006 – *Волхонский М.А.* Первая русская революция и восстановление Наместничества на Кавказе // *Кавказский сборник*. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2006. – Т.3 (35). – С. 87-106.

Волхонский 2018 – *Волхонский М. А.* «Объезд» главноначальствующим кн. А. М. Дондуковым-Корсаковым Кавказского края в 1882 г.: борьба за полномочия и презентация имперской власти // *История. Научное обозрение OSTKRAFT*. – №6. – М.: Модест Колеров, 2018. – С. 5-24.

Волхонский 2019 – *Волхонский М.А.* «Ревизия» А.М. Дондукова-Корсакова Кавказского края в 1882 г. // *Уральский исторический вестник*. – 2019. – №2 (63). – С. 79-86.

Волхонский 2021 – *Волхонский М.А.* «Искать преимущественную опору в наиболее надежном элементе края». Всеподданнейшая записка главноначальствующего князя А.М. Дондукова-Корсакова «Очерк политического состояния Кавказа». Декабрь 1882 г. // *Кавказский сборник*. – Москва, 2021. – Том. 11 (45). – С. 112-138.

Высочайшее... 1886 – Высочайшее повеление «О привлечении к отбыванию воинской повинности населения Закавказья и инородцев Терской и Кубанской областей». – Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1886. – 5 с.

Дубенский 1915 – Его Императорское Величество государь император Николай Александрович в действующей армии: ноябрь-декабрь 1914/Сост. генерал-майор Дубенский. – Петроград: Министерство императорского двора, 1915. – 190 с.

Дякин 1998 – *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). – СПб.: «ЛИСС», 1998. – 1000 с.

Заметки... 1871 – Заметки о путешествии Его Величества Государя Императора по Терской области (окончание) // *Терские ведомости*. – 1871. – № 42. – С. 2-3.

Исмаил-Заде 2005 – *Исмаил-Заде Д.И.* Граф И.И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 511 с.

Кавказ – газета «Кавказ». – Тифлис.

Киреев 2011 – *Киреев Ф.* Самодержцы во Владикавказе // *Родина*. – 2011. – № 8. – С. 130-131.

Колоницкий 2010 – *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 664 с.

Кривенко 1891a – *Кривенко В.С.* Поездка на юг России в 1888 году. – СПб.: тип. А.С. Суворина, 1891. – 59 с.

Кривенко 1891b – *Кривенко В.С.* Путешествие его императорского высочества наследника цесаревича на Восток, от Гатчины до Бомбея. – СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1891. – 72 с.

Кривенко 1893 – *Кривенко В.С.* Очерки Кавказа. Поездка на Кавказ осенью 1888 г. – СПб.: тип. А.С. Суворина, 1893. – 246 с.

Мещенина 2013 – *Мещенина А.А.* «Кавказ замер в трепетном ожидании...» (к истории путешествия Александра III на Кавказ в 1888 г.) // Романовы в дороге: путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу: Тезисы Межрегиональной научной конференции 12-13 ноября 2013 г. – М.: Институт славяноведения, 2013. – С. 20-21.

Очерк... 1871 – Очерк высочайшего государя императора путешествия в пределах Тифлисской губернии // Кавказ. – 1871. – №115. – С. 1-2.

Потто 1889 – *Потто В.А.* Царская семья на Кавказе. 18 сентября — 14 октября 1888 года. – Тифлис: Тип. Окружного Штаба Кавказского военного округа, 1889. – 236 с.

Пребывание... 1888 – Пребывание на Кавказе их императорских величеств государя императора Александра III Александровича и государыни императрицы Марии Федоровны // Кавказский календарь на 1889 г. – Тифлис, 1888. – Приложение. – С. 1–81.

Приезд... 1892 – Приезд наследника цесаревича на Кавказ // Северный Кавказ. – 1892. – № 91. – С. 2.

Приказ... 1871 – Приказ по Кавказскому военному округу 30 октября 1871 г. // Терские ведомости. – 1871. – № 42. – С. 1.

Трепавлов 2015 – *Трепавлов В.* Царские путешествия на Кавказ // Родина. – 2015. – № 10. – С. 102–107.

Уортман 2004 – *Уортман Р.С.* Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии: в 2-х т. Т. 2: от Александра II до отречения Николая II. – М.: ОГИ, 2004. – 796 с.

REFERENCES

BAEV G. *Shagi grazhdanstvennosti sredi gorskikh plemen Terskoi oblasti* [Steps of citizenship among the mountain tribes of the Terek region]. IN: Tiflisskii listok. – 1907. – No. 30. – P. 2. (In Russ.).

BEKULOV Kh.M., BEKULOVA I.B. *Poezdka Aleksandra III na Kavkaz kak novaya vekha integratsii gorskikh narodov v sostave Rossiiskoi imperii* [Alexander III's trip to the Caucasus as a new milestone in the integration of the mountain peoples within the Russian Empire]. IN: Rossiiskii elektronnyi nauchnyi zhurnal. – 2020. – No. 4 (38). – P. 159-185. (In Russ.).

DYAKIN V.S. *Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike tsarizma (XIX – nachalo XX vv.)* [The national question in the domestic politics of tsarism (XIX – early XX centuries)]. – SPb.: «LISS», 1998. – 1000 p. (In Russ.).

Ego Imperatorskoe Velichestvo gosudar' imperator Nikolai Aleksandrovich v deistvuyushchei armii: noyabr'-dekabr' 1914 [His Imperial Majesty the Tsar Nicholas Alexandrovich in the Active Army: November-December 1914] /Comp. by general-maior Dubenskii. – Petrograd: Ministerstvo imperatorskogo dvora, 1915. – 190 p. (In Russ.).

HUBERTUS JAHN. *Visits of tsars to the Caucasus as representations of Empire* IN: *Identities and Representations in Georgia from the 19th Century to the Present*. Ed. by Hubertus Jahn. 2021. – P. 169-184. (In English).

ISMAIL-ZADE D.I. *Graf I.I. Vorontsov-Dashkov. Namestnik Kavkazskii* [Count I.I. Vorontsov-Dashkov. Viceroy of the Caucasus]. – М.: ЗАО Тsentropolirraf, 2005. – 511 p. (In Russ.).

Kavkaz [the newspaper "Caucasus"]. – Tiflis. (In Russ.).

KIREEV F. *Samoderzhitsy vo Vladikavkaze* [Samoderzhitsy in Vladikavkaz] IN: *Rodina*. – 2011. – No. 8. – P. 130-131 (In Russ.).

KOLONITSKII B.I. *«Tragicheskaya erotika»: Obrazy imperatorskoi sem'i v rody Pervoi mirovoi voyny* ["Tragic Erotica": Images of the Imperial Family during the First World War]. – М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. – 664 p. (In Russ.).

KRIVENKO V.S. *Ocherki Kavkaza. Poezdka na Kavkaz osen'yu 1888 g.* [Essays of the Caucasus. Trip to the Caucasus in autumn 1888] – SPb.: tip. A.S. Suvorina, 1893. – 246 p. (In Russ.).

KRIVENKO V.S. *Poezdka na yug Rossii v 1888 godu* [A Trip to the South of Russia in 1888.]. – SPb.: tip. A.S. Suvorina, 1891. – 59 p. (In Russ.).

KRIVENKO V.S. *Puteshestvie ego imperatorskogo vysochestva naslednika tsesarevicha na Vostok, ot Gatchiny do Bombeya* [Journey of His Imperial Highness the Crown Prince to the East, from Gatchina to Bombay]. – SPb.: tip. M-va vn. del, 1891. – 72 p. (In Russ.).

MESHCHENINA A.A. «Kavkaz zamer v trepetnom ozhidanii...» (k istorii puteshhestviya Aleksandra III na Kavkaz v 1888) ["The Caucasus froze in anxious expectation...". (To the History of Alexander III's Travels to the Caucasus in 1888)]. IN: Romanovy v doroge: puteshhestviya i poezdki chlenov tsarskoi sem'i po Rossii i za granitsu: Tezisy Mezhhregional'noi nauchnoi konferentsii 12-13 noyabrya 2013 g. – M.: Institut slavyanovedeniya, 2013. – P. 20-21. (In Russ.).

Ocherk vysochaishego gosudarya imperatora puteshhestviya v predelakh Tiflisskoi gubernii [Essay of the Highest Emperor's Journey in Tiflis Province] IN: Kavkaz. – 1871. – No. 115. – P.1-2. (In Russ.).

POTTO V.A. *Tsarskaya sem'ya na Kavkaze. 18 sentyabrya – 14 oktyabrya 1888* [The Tsarist Family in the Caucasus. September 18 – October 14, 1888]. – Tiflis: Tip. Okruzhnogo Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, 1889. – 230 p. (In Russ.).

Prebyvanie na Kavkaze ikh imperatorskikh velichestv gosudarya imperatora Aleksandra III Aleksandrovicha i gosudaryni imperatritsy Marii Fedorovny [Stay in the Caucasus of Their Imperial Majesties, Sovereign Emperor Alexander III Alexandrovich and Sovereign Empress Maria Feodorovna]. IN: Kavkazskii kalendar' na 1889 g. – Tiflis, 1888. – Prilozhenie. – P. 1–81. (In Russ.).

Priezd naslednika tsesarevicha na Kavkaz [The Crown Prince's arrival in the Caucasus]. IN: Severnyi Kavkaz. – 1892. – No. 91. – P. 2. (In Russ.).

Prikaz po Kavkazskomu voennomu okrugu 30 oktyabrya 1871 g. [Order for the Caucasian Military District, October 30]. IN: Terskie vedomosti. – 1871. – No. 42. – P.1. (In Russ.).

TREPAVLOV V. *Tsarskie puteshhestviya na Kavkaz* [Tsar's travels to the Caucasus]/ IN: Rodina. – 2015. – No.10. – P. 102–107. (In Russ.).

VOLKHONSKII M. A. «Ob"ezd» *glavnonachal'stvuyushchim kn. A. M. Dondukovym-Korsakovym Kavkazskogo kraya v 1882 g.: bor'ba za polnomochiya i prezentatsiya imperskoi vlasti* ["Detour" by the chief prince A. M. Dondukov-Korsakov of the Caucasus region in 1882: the struggle for authority and the presentation of imperial power]. IN: Istoriya. Nauchnoe obozrenie OSTKRAFT. – No. 6. – M.: Modest Kolerov, 2018. – P. 5-24. (In Russ.).

VOLKHONSKII M.A. «*Iskat' preimushchestvennyu oporu v naibolee nadezhnom elemente kraya*». *Vsepoddannishaya zapiska glavnonachal'stvuyushchego knyazya A.M. Dondukova-Korsakova «Ocherk politicheskogo sostoyaniya Kavkaza». Dekabr' 1882* ["Seeking a preferential support in the most reliable element of the region". The all-subject note of the chief prince A.M. Dondukov-Korsakov "The sketch of the political state of the Caucasus". December of 1882]. IN: Kavkazskii sbornik. – Moskva, 2021. – Vol. 11 (45). – P. 112–138. (In Russ.).

VOLKHONSKII M.A. "Revision" by A.M. Dondukov-Korsakov of the Caucasian region in 1882 ["Revision" by A.M. Dondukov-Korsakov of the Caucasian region in 1882]. IN: Ural Historical Herald. – 2019. – No. 2 (63). – P. 79-86. (In Russ.).

VOLKHONSKII M.A. *Pervaya russkaya revolyutsiya i vosstanovlenie Namestnichestva na Kavkaze* [The first Russian revolution and the restoration of Governorate in the Caucasus]. IN: Kavkazskii sbornik. – M.: NP ID «Russkaya panorama», 2006. – Vol. 3 (35). – P. 87-106. (In Russ.).

Vysochaishee povelenie «O privilechenii k otbyvaniyu voinskoi povinnosti naseleniya Zakavkaz'ya i inorodtsev Terskoi i Kubanskoi oblastei» [The imperial order "On enlisting the population of Transcaucasia and the peoples of the Terek and Kuban regions"]. – Tiflis: Tipografiya kantselyarii glavnonachal'stvuyushchego grazhdanskoi chast'yu na Kavkaze, 1886. – 5 p. (In Russ.).

WORTMAN R.S. *Stsenarii vlasti: mify i tseremonii russkoi monarkhii. V 2-kh tt.* [Scenarios of Power: Myths and Ceremonies of the Russian Monarchy. In 2 vols. Vol. 2: From Alexander II to the abdication of Nicholas II]. – M.: OGI, 2004. – 796 p. (In Russ.).

Zametki o puteshestvii Ego Velichestva Gosudarya Imperatora po Terskoi oblasti (okonchanie) [Notes on His Majesty the Emperor's Travels in the Terek Region (End)]. IN: *Terskie ведомosti*. – 1871. – No. 42. – P. 2. (In Russ.).

Информация об авторе

Д.Н. Прасолов – кандидат исторических наук

Information about the authors

D.N. Prasolov – Candidate of Science (History)

Статья поступила в редакцию 05.05.2022 г.; одобрена после рецензирования 31.05.2022 г.; принята к публикации 14.06.2022 г.

The article was submitted 05.05.2022; approved after reviewing 31.05.2022; accepted for publication 14.06.2022.

Новейшая история

Научная статья

УДК: 93/94(470.64)

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-87-107

EDN: ENDLTP

«...ПЕРЕД СОВЕТСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ВОПРОС НУЖНО ПОСТАВИТЬ РЕБРОМ...». ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗГРАНИЧЕНИЯ ГОРСКОЙ АССР И КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В 1922-1924 ГГ.**Касболат Фицевич Дзамихов¹, Артур Гусманович Кажаров²**¹² Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия.¹ casbolat2013@yandex.ru² artur-kazharov@yandex.ru

Аннотация. В истории становления Кабардино-Балкарской автономной области важное значение имеет проблема ее административно-территориального разграничения с Горской АССР. Административно-территориальный процесс характеризовался противоречиями по поводу принадлежности, как отдельных участков территорий, так и целых населенных пунктов. Выносившиеся Центром до середины 1920-х гг. постановления, содержавшие разные формы разрешения этнотерриториальных противоречий, основывались на принципе перераспределения общегорского земельного фонда. В данном случае это означало необходимость существенных территориальных уступок со стороны Кабарды. Это обстоятельство было важным фактором, определявшим национально-политическое позиционирование не только кабардинского народа, но и кабардинской части советского руководства Кабардино-Балкарской автономной области. В случаях, которые касались решения проблем этнотерриториального разграничения с соседними народами, руководство Кабардино-Балкарии позволяло себе весьма жесткую позицию по отношению к политике советской власти. Публикуемые документы и материалы позволяют понять, что установление административно-территориальных границ представляло собой не «внешнее» формальное сопровождение процесса становления Кабардино-Балкарской автономной области, а его сущностный аспект. В глазах народов Кабардино-Балкарии и представляющих их элитных групп то или иное решение этнотерриториальных проблем составляло суть и смысл автономии.

Ключевые слова: Горская республика, Кабардино-Балкария, область, граница, территория, документы, постановление.

Для цитирования: Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г. «...Перед советским правительством вопрос нужно поставить ребром...». Документы и материалы по истории административно-территориального разграничения Горской АССР и Кабардино-Балкарской автономной области в 1922–1924 гг. // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 2. – С. 87-107. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-87-107. EDN: ENDLTP.

Original article

**"...THE QUESTION SHOULD BE PRESENTED POINTLY
TO THE SOVIET GOVERNMENT...".
DOCUMENTS AND MATERIALS ON THE HISTORY
OF THE ADMINISTRATIVE AND TERRITORIAL DISTRIBUTION
OF THE MOUNTAIN ASSR
AND THE KABARDINO-BALKAR AUTONOMOUS REGION IN 1922-1924**

Kasbolat F. Dzamikhov¹, Artur G. Kazharov²

¹² The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

¹ casbolat2013@yandex.ru

² artur-kazharov@yandex.ru

Abstract. Autonomous Region, the problem of administrative-territorial delimitation from the Mountain ASSR is crucial. The administrative-territorial process was described by contradictions regarding the ownership of both individual parts of territories and entire settlements. Conducted by the Center until the mid-1920s, resolutions containing various forms of resolving ethnic-territorial contradictions were based on the principle of redistribution of the all-mountain land fund. Here, this meant the need for significant territorial concessions from Kabarda. This circumstance was an important factor that determined the national-political positioning not only of the Kabardian people but also of the Kabardian part of the Soviet leadership of the Kabardino-Balkarian Autonomous Region. In cases that concerned the solution of the ethnic territorial demarcation problems with neighboring peoples, the leadership of Kabardino-Balkaria allowed itself a very tough position in relation to the policy of the Soviet government. The published documents and materials make it possible to understand that the establishment of administrative-territorial boundaries was not an “external” formal support for the process of formation of the Kabardino-Balkarian Autonomous Region, but its essential aspect. In the eyes of the peoples of Kabardino-Balkaria and the elite groups representing them, some or other solutions to ethnic territorial problems created the essence and meaning of autonomy.

Keywords: Mountain republic, Kabardino-Balkaria, region, border, territory, documents, resolution.

For citation: Dzamikhov K.F., Kazharov A.G. "...The question should be presented pointly to the soviet government...". Documents and materials on the history of the administrative and territorial distribution of the Mountain ASSR and the Kabardino-Balkar autonomous region in 1922-1924. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 2. – P. 87-107. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-87-107. EDN: ENDLTP.

© Dzamikhov K.F., Kazharov A.G., 2022

В истории формирования системы административно-территориального устройства национальной автономии кабардинского и балкарского народов особое место занимают процессы этнотерриториального разграничения Кабардино-Балкарской автономной области и Горской АССР в первой половине 1920-х гг. Объектом противоречий стали не только отдельные участки земли, но и целые населенные пункты. Степень конфликтности исключала возмож-

ность разрешения ситуации непосредственным взаимодействием органов власти Кабардино-Балкарии и Горской республики, в силу чего федеральный центр вынужден был принимать самое непосредственное участие в урегулировании ситуации.

В целях изучения административно-территориальных и этнотерриториальных проблем на Северном Кавказе еще с начала 1921 г., то есть с момента создания Горской республики, органы центральной советской власти практиковали формирование различных комиссий, которые выезжали в регион и собирали необходимые материалы для вынесения соответствующих постановлений. Процесс принятия подобных решений всегда сопровождался ожесточенной борьбой сторон.

Отношения между Кабардино-Балкарской автономной областью и Горской республикой стали ухудшаться с середины 1922 г. ВЦИК РСФСР направил очередную комиссию в регион [Русские... 1996: 66], однако силу протеста руководства Кабардино-Балкарии она была отозвана. ВЦИК РСФСР считал целесообразным заморозить ситуацию и 2 ноября 1922 г постановил «Кабардинскую АО оставить в существующих границах» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 13. Л. 98]. Но в условиях отсутствия в предыдущих постановлениях ВЦИК РСФСР четких описаний административно-территориальных границ между Кабардино-Балкарией и Горской республикой такой подход привел к активизации деятельности сторон по разрешению проблем в своих интересах, что привело к усилению напряженности в регионе.

13 февраля 1923 г. на третьем съезде Советов Горской АССР республиканским органам власти было поручено сформировать и направить в центр комиссию для отстаивания своих интересов, которые заключались в том, чтобы добиться возвращения «земель, фактически находившихся в пользовании трудовых масс Осетии и Ингушетии, ныне... находящихся в пользовании Кабардинской АО» [Кажаров 2019: 363].

В Кабардино-Балкарии на это решение отреагировали тем, что пленум ЦИК автономной области 20–24 февраля 1923 г., интерпретируя в свою пользу постановление ВЦИК РСФСР от 2 ноября 1922 г., вынес постановление «все бывшие частновладельческие участки» в районе сел Средний Урух и Лескен I, которые в свое время были образованы в Нальчикском округе, но в рассматриваемый период входили в состав Горской АССР, считать входящими в Кабардино-Балкарскую автономную область [УЦГА АС КБР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 13. Л. 12]. Данное решение не только в корне меняло ситуацию с административно-территориальными границами между Кабардино-Балкарией и Горской АССР, но критически ухудшало земельную обеспеченность жителей указанных населенных пунктов. Именно на это обстоятельство указывал Председатель СНК Горской республики С. Мамсуров в обращении к руководству Кабардино-Балкарии [Бугай 1994: 122].

В таких условиях органы власти Кабардино-Балкарии пошли еще дальше, приняв 20 марта 1923 г. постановление о присоединении Лескена I и Среднего Уруха к автономной области. Как и в случае с «бывшими частновладельческими участками», о которых говорилось выше, руководство Кабардино-Балкарии

сослалось на постановление ВЦИК РСФСР от 2 ноября 1922 г., в очередной раз прибегая к вольной трактовке его содержания. Вместе с тем, такой подход создавал предпосылки для решения земельного вопроса население указанных сел, многие из которых, судя по имеющимся архивным материалам, благосклонно восприняли создавшееся новое положение. В частности, 23 марта 1923 г. жители селения Лескен I постановили приветствовать ЦИК КБАО «за причисление ... в КБАО» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 13. Л. 12–13]. Очевидно, в основе такого отношения к решению вопроса об административно-территориальном статусе Лескена I лежало то обстоятельство, что оно в итоге могло привести к удовлетворению их земельных интересов.

Горский ЦИК выразил протест против включения указанных сел в пределы Кабардино-Балкарии. Посчитав, что в основе сложившейся ситуации лежит постановление ВЦИК РСФСР от 2 ноября 1922 г., руководство Горской республики обратилось в центр с просьбой отменить его [ЦГА РСФСР. Ф. Р-50. Оп. 1. Д. 61. Л. 103].

Президиум ВЦИК РСФСР 16 мая 1923 г. принял решение направить в регион выездную сессию Коллегии Высшего контроля по земельным спорам. Стороны по-разному отнеслись к решению ВЦИК РСФСР. Органы власти Горской АССР предписали готовить материалы для представления в комиссию [УЦГА АС КБР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 13. Л. 100–101], а руководство Кабардино-Балкарии попыталось донести до сведения представителей центра мысль о том, что пересмотр границ, а оно было уверено, что именно таким будет результат работы комиссии, может привести к протестам и волнениям населения Кабардино-Балкарии. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 4. Л. 15]. Руководители КБАО считали важным и необходимым добиться отмены решения об отправке комиссии, но им не удалось добиться своей цели.

29 июня 1923 г. Выездная сессия прибыла во Владикавказ [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 155. Л. 443]. Характеризуя суть разногласий сторон по вопросам административно-территориального разграничения Кабардино-Балкарии и Горской республики, председатель комиссии в своем докладе во ВЦИК от 17 июля 1923 г. отмечал «коренное разногласие в понимании обеими сторонами постановления Президиума ВЦИК от 2 ноября 1922 г.»: представители Горской республики считали, что «этим постановлением Президиума ВЦИК между ней и Кабардой утверждены существовавшие к моменту издания указанного постановления... границы; Кабарда же наоборот, считает, что этим постановлением... утверждена граница бывшего Нальчикского округа...». В своем докладе А.К. Берзин четко сформулировал свою позицию: «доводы Кабарды» не убедительны [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 155. Л. 444–445 об.].

Руководство Кабардино-Балкарии открыто предприняло усилия для срыва работы комиссии ВЦИК. На его позицию по вопросам административно-территориального и этнотерриториального разграничения с соседними этнополитическими образованиями большой отпечаток накладывал исторический контекст послереволюционного времени и сложившаяся практика решения земельных-территориальных вопросов. Многочисленные комиссии ВЦИК РСФСР, работавшие в регионе, неоднократно принимали решения об отторжении различных

территорий из земельного фонда Кабардино-Балкарии. Комиссия А.К. Берзина работала в подобном же ключе, поэтому руководство Кабардино-Балкарии в июле-августе 1923 г. фактически сформулировало общенациональную задачу, направленную на сохранение территориальной целостности автономной области.

13 июля 1923 г. состоялось объединенное заседание областного комитета РКП (б) и Президиума ЦИК Кабардино-Балкарской автономной области, на котором обсуждался доклад о работе выездной сессии Высшего контроля по земельным спорам [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 60-65]. 25 августа 1923 г. состоялся экстренный пленум областного исполнительного комитета Кабардино-Балкарии, на котором обсуждался «земельный вопрос и создавшееся положение... в связи с притязаниями Горской республики и Карачая» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 72. Л. 1-14об.].

Материалы заседаний органов власти Кабардино-Балкарии дают возможность понять всю остроту и драматичность сложившегося исторического контекста вокруг решения вопросов административно-территориального разграничения Кабардино-Балкарской автономной области и Горской АССР. Документы свидетельствуют, что Горская республика представила материалы в комиссию А.К. Берзина о претензиях примерно на 100 тыс. дес. земли. При этом важно, что ее органы власти претендовали не только на близлежащие к границе земли, но и в других районах Кабардино-Балкарии [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 60-62].

Особый интерес на этих заседаниях органов власти Кабардино-Балкарии представляют высказывания Б. Калмыкова. Например, 13 июля он заявил, что «перед советским правительством вопрос нужно поставить ребром: оставить Кабарду в тех границах, какие за ней были закреплены царским правительством» [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 63–65]. 25 августа 1923 г., когда состоялся экстренный пленум, Б. Калмыков назвал «историческим днем». Он считал, что «до сих пор в наших повестках совещаний стояла масса вопросов, но такого большого, политически важного вопроса у нас еще не стояло...». Б. Калмыкова не устраивало, что вопросы передачи части кабардинских земель соседним народам решаются «...без нашего участия» и «повторяются без конца». О серьезности ситуации свидетельствовало его заявление: «... если высшему органу нужна наша реальная работа, связующее звено, мы будем работать, но, если он, решая вопрос без нас мыслит, и мы ему нужны как простая передаточная инстанция, мы в таких условиях работать не можем, нам почетных портфелей не нужно» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 72. Л. 13-14 об.].

В таких условиях комиссия ВЦИК РСФСР удовлетворила заявки Горской республики только на 29 299 дес. земли, а вопрос об административной принадлежности спорных селений не разрешила [УЦГА АС КБР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 4. Л. 88].

3 декабря 1923 г. состоялось заседание Президиума ВЦИК, на котором было принято решение о необходимости поиска возможности разрешения земельного вопроса населения Горской республики за счет не только земель Кабардино-Балкарии. В результате проведенной работы 21 июля 1924 г. Президиум ВЦИК, рассмотрев вопрос о границах между КБАО, КЧАО и Горской респуб-

ликой, принял постановление, содержащее решение вопроса об установлении административно-территориальных границ [ЦГА РСО-А. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 205. Л. 45-48]. Заложенные в постановлении принципы проведения административно-территориального разграничения Кабардино-Балкарии и Горской республики устраивали заинтересованные стороны и отношения на некоторое время стабилизировались. Этому способствовало то обстоятельство, что решение Центра носило компромиссный характер. Лескен I остался в Горской республике, а от Кабарды было отрезано «лишь» 4 000 дес. [Бугай 1994: 133], что по сравнению с требованиями о прирезке 78 000 дес., видимо, представлялись руководством Кабардино-Балкарии незначительной территориальной потерей.

Публикуемые документы и материалы были извлечены из фондов Центра документации новейшей истории Кабардино-Балкарской республики (Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 60–65), Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики (Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 72. Л. 1-14 об.). Их анализ свидетельствует о высокой степени консолидации руководства и народов Кабардино-Балкарии по фундаментальным вопросам. Последовавшие за решениями руководства Кабардино-Балкарии события, связанные с деятельностью комиссии ВЦИК и выработкой различных решений ВЦИК РСФСР, показывают, что в центре со всей серьезностью восприняли позицию руководства Кабардино-Балкарии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бугай 1994 – Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент» (20-е годы). – Майкоп: Меоты, 1994. – 424 с.

Кажаров 2019 – Кажаров А.Г. Становление национальной автономии Кабардино-Балкарии: предпосылки, альтернативы, итоги (1917–1920-е гг.). – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2019. – 408 с.

Русские... 1996 – Русские на Северном Кавказе 20–30-е годы. Документы, факты, комментарии / Под ред. А.М. Гонова. – М.: Принформ, 1996. – 392 с.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации

УЦГА АС КБР – Управление центрального государственного архива архивной службы Кабардино-Балкарской автономной области

ЦГА РСО-А – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания

ЦДНИ КБР – Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики

REFERENCES

BUGAI N.F., MEKULOV D.Kh. *Narody i vlast': «sotsialisticheskii eksperiment» (20-e gody)* [Peoples and Power: "Socialist Experiment" (20s)]. – Maykop: Meoty, 1994. – 424 p. (In Russ.).

KAZHAROV A.G. *Stanovlenie natsional'noi avtonomii Kabardino-Balkarii: predposylki, al'ternativy, itogi (1917–1920-e gg.)* [Formation of the national autonomy of Kabardino-Balkaria: preconditions, alternatives, results (1917–1920s)]. – Nalchik: Kab.-Balk. un-t, 2019. – 408 p. (In Russ.).

Russkie na Severnom Kavkaze 20–30-e gody. Dokumenty, fakty, kommentarii [Russians in the North Caucasus in the 1920s and 1930s. Documents, facts, comments]. – M.: Prinform, 1996. – 392 p. (In Russ.).

GA RF – *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation]. (In Russ.).

UTsGA AS KBR – *Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Administration of the Central state archive of Archival service of Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russ.).

TsGA RSO-A. – *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya* [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania]. (In Russ.).

TsDNI KBR – *Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Center for Documentation of the Contemporary History of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russ.).

Документы

№ 1. Протокол объединённого заседания областного комитета партии и президиума ЦИКА

13 июля 1923 года

Присутствовали: Михайлов, Реймеров, Гемуев, Калмыков, Мидов, Боровицкий, Фаддеев, Кокожев, Перфильев, Зубков.

Повестка дня:

1. Доклад уполномоченных ЦИКа в сессию высшего контроля по земельным спорам (докл. т. Михайлов).

Слушали: Доклад уполномоченных ЦИКа в сессию высшего контроля по земельным спорам (докл. т. Михайлов).

Михайлов. Выезжая отсюда во Владикавказ для разрешения земельного вопроса с комиссией, мы подробно не знали о тех претензиях, какие имеет Горреспублика по отношению к Кабарде, и только уже там после нескольких заседаний, а они были в течение 3-х дней, мы начали понимать, что от нас хочет Горреспублика и что думает делать комиссия. Нам самим трудно было ориентироваться, и мы выехали сюда, чтобы посоветоваться и получить от Вас директивы и указания.

Горская Республика задалась мыслью как-нибудь разбогатеть землей за счёт кого угодно. Сейчас сессия будет разбирать претензии Горской Республики к Чечне, к Тергубернии и Кабарде, что она желает получить от Чечни и Терской губернии, нам неизвестно.

Что касается Кабарды, так Горская Республика желает получить следующие земли: почти всю Закурпскую часть в районе Малой Кабарды, большинство помещичьих участков внутри Малой Кабарды между Курпом и Тереком, большее количество мелких участков в Нальчикском округе, находящихся в пользовании русских хуторян, в Урванском округе огромную площадь кабардинского лесничества, юртовые земли Лескена 1-го и Коголкина, часть земель

станции Котляревской и, наконец, даже под Кисловодском в Баксанском округе в районе селения Кармово около 10-ти участков, площадью примерно до 2 000 десятин. В последний день нам были переданы новые претензии, частью с указанием литеров участков, а большая часть 1-2-3-5-10-20 десятин только с указанием фамилии арендаторов из юртовых земель кабардинских селений, месторасположение которых точно определить не предоставляется возможным. По постановлению сессии и по заявлению представителей Горской Республики мы должны были бы ещё получить после отъезда последние заявки, которые поручены нами взять тов. Месяцу.

В общем, претензий Горской республики к Кабарде заявлено около 100 000 десятин. Наркомзем Горской республики со всем своим штатом после постановления ВЦИКа, очевидно, до сего времени занят разборкой архивов Наркомзема и нотариальных контор и отыскивает, когда какой осетин купил или арендовывал землю, независимо от того, когда это было, и эту землю считать собственностью Горской Республики. Таким путём и составлены те 100 000 десятин, на которые и сделана заявка. Ко всему этому Горская Республика, работая полным темпом, готовилась минимум полтора месяца, а нам комиссия заявила, чтобы мы немедленно приступили к работе. На это мы заявили, что этого сделать не можем, а поставьте и нас в приблизительно такие же условия.

Все границы Кабардинской области, какие считаются у нас, там не признают и считают по своему и многие граничащие с Горской Республикой кабардинские селения считают своими и вводят там свои исполкомы. На это нами было заявлено, что до тех пор, пока мы все не начнём одинаково понимать границы, мы разговаривать не можем и не будем.

Одно из селений русский хут. Киевский мы уже отсудили, Лескен 1-й временно сделали условно сомнительным. Во многом ставит препятствие постановление ВЦИКа, туманно отредактированное, так что неизвестно, какие земли могут оспариваться: помещичьи или чрезполосные наделы, или юртовые, и оказывается, что в некоторых районах можно оспаривать и юртовые, так например, сел. Урух, хут. Сухотского и Раздольного, где оспариваются все юртовые земли в разное время мелкими участками, арендованные осетинами, частью проживающих в несомненных кабардинских селениях.

Состав комиссии для решения такого серьёзного по своим последствиям вопроса недостаточно авторитетный, тем более, что председатель беспартийный, один из членов уже был в прошлогодней комиссии по пересмотру границ и все время сбивается на пути работ прошлой осуждённой ВЦИКом и сама вся комиссия необъективно рассматривала вопрос, а помогала только горским представителям. Один из членов комиссии Горской делал неоднократные нападки на нас и читал наставления и вообще вёл себя не совсем корректно.

Когда мы начинаем доказывать и просим принять во внимание то или иное обстоятельство, нам заявляют, что наши доказательства являются срывом работы, это говорит, что они пристрастно относятся и создают условия и выносят постановления, ставящие нас в невозможное положение.

Принимая во внимание бывшие случаи в Крупском районе и Лескене 1 нетактичность Горреспублики – помощь переселенцам и посылка вооружённых в Лескен отрядов, памятуя, что маленькая неосторожность, нетактичность усилит волнение и возбуждение среди крестьянства Кабарды и все это создаст положение настолько трудное и серьезное для Кабарды, что уже руководящие слои не смогут, как это было до сих пор, справиться с стихией. Мы заявили просьбу сессии сделать перерыв до 17 июля с обязательством делать подготовительную работу в этот промежуток времени, дабы иметь возможность приехать в Нальчик и посоветоваться с вами, но и на это получили отказ и обвинение в попытке сорвать работу. После этого мы единогласно решили, что наша работа невозможна.

Мидов. Мотивом к созданию такого положения послужило то, что все архивы бывшего Терского областного межевого управления находятся у них, а не один клочок земли не мог быть продан без межевого управления. Кроме того, все нотариальные архивы находятся также у них. Покупки осетинами земли у кабардинцев они берут во внимание, а кто после эту землю перекупил и кто ею пользовался до революции, они принять во внимание не хотят, притом они претендуют и на те земли, что осетины брали в аренду у кабардинцев одну, две или полдесятины, хотя бы аренда была и годичная.

Боровицкий. Во-первых, то, что выездная сессия не та, что была назначена ВЦИКом. Члены сессии, находящиеся в данное время в большинстве, принимали участие в подготовительных работах в Москве. Сейчас же все землеустроительные работы в участках, на которые имеются претензии, должны быть прекращены. Горская Республика собирается создать контрреволюционные условия, распуская слухи, что начинает усиливаться бандитизм, идущий преимущественно из Кабарды. Требуется выезд комиссии в 4 места и из-за небольшого клочка земли необходимо вызывать не менее 100 свидетелей, а это влечёт за собой полный срыв полевых работ.

Зубков. Вся эта история по своим политическим последствиям печальна и население будет относиться к Советской власти подозрительно, недоверчиво, что создаст хорошие условия для контрреволюционного элемента. Ведь то, что происходит между советскими Горской Республикой и Кабардой, однородно с тем, что происходило между меньшевистской Грузией и Дашнакской Арменией. Комиссия прислана для того, чтобы, объективно разбирая этот вопрос, решить его, а мы видим как раз обратное. Присланная комиссия разбирается в вопросе субъективно и ведёт себя грубо, ясно показывая свою симпатию одной стороне.

Калмыков. Этот вопрос поднимается неоднократно в продолжение нескольких лет и теперь я думаю он будет решён уже окончательно. Старая Кабарда имела границу до Дона и в силу нажима царского правительства отступала и отступала до тех пор, пока не перешла Малку и не задержалась в том уголке, где она сейчас находится. Около полутора миллиона кабардинцев должны были покинуть родину и уехать в Турцию. Несколько сот тысяч погибло в Чёрном море, и этот оставшийся уголок царское правительство закрепило за Кабардой. Для того, чтобы в будущем держать в руках этот народ, царское прави-

тельство приблизило к себе помещиков и князей кабардинцев за счёт кабардинских крестьян наделило их участками земли, и оно не ошиблось, князья оказались верными слугами правительства и держали крестьян в когтях. Помещики и князья продавали отведённую им землю всем, кто пожелает, и русским, и осетинам, и немцам, и так продолжалось до 1912 года.

Когда князья прожили свою землю, они отобрали у крестьян последний клочок земли, Зольские пастбища разделили между собой. Крестьяне восстали против князей, но это восстание было подавлено царскими войсками, и крестьяне ещё больше придавлены. В таком состоянии Кабарда находилась до 1917 года. Как только началась революция, князья были частью изгнаны, часть расстреляны, а земля распределена между всеми трудящимися Кабарды. Такие же частновладельческие земли были и у других национальных республик, но там изгнали русских крестьян, а у нас наделили землей всех, кто жил, не считаясь с национальностью, и за это про нас говорят, что мы имеем много земли. Но в тех местах, где действительно земли много – Кубань-Дон, все население пошло за белыми, а здесь крестьяне грудью стояли за Советскую власть, и ни одна мелкая народность не имеет такой заслуги перед революцией, как Кабарда, которая кровью своей завоевала свой же клочок земли.

В прошлом году сюда приезжала комиссия и много кабардинской земли отрезала и для Карачая, и для Балкарии, Кабарда не могла протестовать, так ее душил голод и нужно было как-нибудь спастись самой от голода. Теперь горские работники надумали разбогатеть и решили, что от Кабарды можно будет отрезать сто тысяч десятин, но для них безразлично, если они получают и тысячу десятин, они и этим будут рады. И перед Советским правительством вопрос нужно поставить ребром: оставить Кабарду в тех границах, какие за ней были закреплены царским правительством, и этого отказать Советское правительство не может. Если горские работники набрались нахальства требовать землю, принадлежавшую им несколько десятков лет тому назад, так Кабарда должна тоже требовать и Кубань, и Дон, и Ставропольскую губернию и несколько сот тысяч десятин Астраханских степей, ведь эти земли она когда-то занимала, так мы о таких землях говорить не можем и не будем. Но делать такую ломку, как отрезать от нас сто тысяч в тот момент, когда нами начаты колоссальные работы и по возрождению хозяйства и землеустроительные, это недопустимо. Мы должны перед Москвой поставить вопрос твёрдо, определенно и решительно – оставить нас в границах, признанных царским правительством и прирезать ст. Зольскую, Марьинскую и другие, входившие ранее в состав Кабарды.

Постановили:

1. Считать условия, при которых должна протекать работа сессии, исключительно неблагоприятно сложившейся для Кабарды по следующим мотивам:

а) Горреспублика сделала заявку во всех округах, приблизительно на 100 000 десятин, причём многие мерой 3-5-10 десятин, без точного указания района и литеры участка.

б) Горреспублика имела возможность начать подготовку материалов минимум полтора месяца полным ходом, используя как сведения от населения,

так и архивные и нотариальные и другие данные, которыми она только и располагает.

в) Постановление ВЦИКа недостаточно ясно отредактировано и потому неясно должны ли их претензии распространяться на участки бывш. помещичьи или на чрезполосные наделы Кабардинских селений и даже юртовые, на что сейчас огромные заявки.

г) Непризнание Горреспубликой границ землепользований Кабарды, граница бывш. северная часть Нальчикского округа (Кабарда в составе Горреспублики до выделения).

д) Наличие в составе сессии работников, участвовавших в старых комиссиях, вносящие старые и настоящие претензии (Горсков, Берзин)

2. Считать требование о возврате 100 000 десятин вопросом политической важности, могущим повести к чрезвычайным стихийным осложнениям в народах Кабарды.

3. Отметить, что уже до начала работ имеются действия со стороны Горреспублики, будоражающие крестьянские массы – случай с переселенцами осетинами в Курпском районе посылки вооруженных отрядов в 30 и 150 человек с пулеметами в Лескен.

4. Действие уполномоченных ЦИКа в сессии высшего контроля по земельным спорам одобрить.

5. Послать в Москву делегацию в составе: Михайлова, Боровицкого, Мидова, Фаддеева, представителей: Урванского округа, Малой Кабарды, ст. Змейской, сел. Хаевского и просить ЦК пересмотреть постановления президиума ВЦИКа и отменить.

6. Об участии в работах сессии ввиду невозможности быть равными с Горреспубликой на суде представителей отозвать, о чем уведомить сессию.

7. Землеустроительные работы в Малой Кабарде и Урванском округе продолжить.

Председатель Калмыков.
Секретарь Логин.

ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 60–65.

№ 2. Доклад
на экстренном пленуме областного исполнительного комитета
Кабардино-Балкарской автономной области уполномоченного в комиссии ВЦИК по земельным спорам с Горреспубликой т. Мидова

25 августа 1923 г.

Прежде чем приступить к докладу о результатах работ Уполномоченного КабЦИКа в земельной комиссии ВЦИКа по разрешению земельных претензий Горреспублики по заявкам на 67 986 десятин я должен осветить земельное по-

ложение области, как постепенно отнимались от Кабарды принадлежащие ей земли.

Еще до революции распоряжением царского правительства было отведено из Кабардинских земель предгорной полосы 42 548 десятин взамен Зольских и Нагорных пастбищ Балкарии.

В 1918 году при социализации земель не трудового фонда, т.е. частновладельческих земель, также было отведено Балкарии 12 548 десятин, Карачаю 32 000 десятин. Оставшиеся недовольными представители Балкарии, Карачая, совместно с представителями Горреспублики стали вновь настаивать перед Центром на новых землях; причем Карачай сделал свои заявки около 100 000 десятин, Балкария около 50 000 десятин и Горреспублика на 109 000 десятин. Результатом чего была прислана комиссия ВЦИК под председательством тов. Дмитриева, которая проработала два месяца, после тщательного обследования Кабарды, Балкарии, Карачая и Горреспублики постановила: передать Балкарии еще 10 000 десятин, Карачаю 32 500 десятин и того по 1922 год из Кабардинских земель было отторгнуто 135 937 десятин. Претензии по заявкам Горреспублики были комиссией отвергнуты.

Горреспублика, не получив ничего от Кабарды, вновь стала всякими правдами и неправдами настаивать перед Центром о посылке новой комиссии. Действительно по постановлению Центра была назначена 10 октября 1922 года третья по счету комиссия под председательством т. Авдеева, но согласно протеста Кабардинской области комиссия отозвана и Кабарды была оставлена в ее дореволюционных границах.

В этот момент Кабарда считала вопрос о земельных притязаниях ликвидированными, приступила к проведению землеустроительных работ в области: сюда входит экономическое обследование и съемка земель некоторых районов, на что было затрачено более 5-ти триллионов. Затем был представлен Земельным Управлением землеустроительный проект, утвержденный ЦИКом, и приступили к проведению в жизнь по всем округам области, но совершить его не удалось.

По настоянию Горреспублики без ведома представителей Кабарды постановлением Центра была прислана новая комиссия, она именовалась выездной сессией Высшего Контроля по земельным делам, решения которой должны считаться окончательными, но в этой комиссии к великому сожалению не удалось не только миром разрешить спорные вопросы, но и вся работа комиссии не могла продолжаться дальше, главным образом по следующим причинам: 1. пристрастное отношение некоторых членов комиссии, 2. Невыносимые отношения представителей Горреспублики к заявка, 3. Поведение Горреспублики вообще в момент работ комиссии: они сочли для себя возможным и, несмотря на то, что комиссия еще была далека до окончания своей работы, послать экспедиционный отряд в селение Лескен, насильственно переселять осетин из Южной Осетии в пределы малой Кабарды и т.п. — все это не могло создать необходимой мирной обстановки; работа была сорвана, комиссия была реорганизована, даны новые задания, изменены полномочия и в настоящее время мы имеем новую по счету пятую комиссию, на которую мы возлагаем большие

надежды в смысле проявления полной беспристрастности и понимания особенностей земельных отношений, их национальной окраски.

Работа этой новой комиссии началась в селении Лескен I-й. Ей необходимо было не только рассмотреть земельные заявки, но и собрать материал для разрешения вопросы об административном подчинении Лескена I-го. Последний вопрос можно считать главным, ибо от того или иного его разрешения само собою разрешаются и заявки, предъявленные Горреспубликой, не говоря уже о том, что вопрос об административном подчинении Лескена имеет колоссальное политическое значение для лескенцев – вот почему нами были приняты меры к первоочередной постановке этого вопроса комиссии ВЦИК.

Представители Горреспублики все время настаивали на приведении в исполнение той части инструкции ВЦИКа, в которой говорится, что впредь до окончательного разрешения вопроса, Лескен I-й остается в административном подчинении Горреспублики. По этому поводу состоялось объединенное заседание комиссии и заинтересованных сторон, и мы вполне были согласны с необходимостью провести указанную часть инструкции в исполнение и даже на собравшемся на следующий день общественном сходе мы категорически предложили гражданам сдать дела и печати вновь организуемому Горреспубликой Ревкому.

Но сход требовал лишь одного: произвести голосование, могущее занять не больше часа времени и затем немедленно сторонники Кабарды сдают исполком и подчиняются Ревкому. Комиссия же под влиянием настойчивых требований представителей Горреспублики не согласилось с такой постановкой вопроса, требовала немедленной организации Ревкома, проявив тем полное непонимание настроения народа и своего рода бюрократическое отношение к волнующему население вопросам. Требование комиссии было настолько категорически, что она предпочла лучше совсем не проводить голосование и прервать здесь свою работу, чем удовлетворить просьбу лескенцев; и все мы по указанию комиссии переехали в селение Средний Урух. Но все-таки удалось установить при подсчете числа присутствовавших на сходе, что на нем было 318 сторонников Кабарды и только 140 сторонников Горреспублики.

В Среднем Урухе нас ожидал новый и притом неожиданный сюрприз со стороны Горреспублики: здесь тоже происходило объединенное заседание по вопросу об административном подчинении Среднего Уруха и тут вдруг представитель Горреспублики заявляет, что Средний Урух, кстати сказать, высказавшийся за Горреспублику, они согласны передать Кабарде, а на переход Лескена I-го в Горреспублику они настаивают. Это явное и несуразное предложение вызвало общее возмущение, и мы сочли необходимым на другой же день вручить комиссии заявление за № 2, в котором отметили такое странное отношение представителей Горреспублики к вопросам об административном подчинении и обрисовали те последствия, которые могут возникнуть вследствие не организации в Лескене I-м власти в соответствии с желанием народа. Мы просили срочно войти во ВЦИК с представлением о предоставлении комиссии полномочий на создание в Лескене I-м, впредь до разрешения вопроса по существу, исполкома для сторонников Кабарды и ревкома для сторонников Горрес-

публики, а также поставить ВЦИК в известность, что наше заявление во ВЦИКе по желанию Лескена I-го перейти в Кабобласть подтвердилось. Несмотря на то, что мы просили комиссию уведомить нас о мерах, принятых ею по нашему заявлению до сего времени нам ничего не сообщалось.

Здесь кстати считаю уместным и необходимым отметить следующее... В Лескене I-м комиссия нас уведомила, что, желая избежать какого-либо давления на сход, она решила не допускать присутствовать в нем представителей спорящих сторон.

Наша делегация это приняла к исполнению и на сход не появлялась, а между тем представитель Горреспублики т. Саламов совершенно открыто присутствовал на сходе, умело руководил своими сторонниками, и комиссия не сочла нужным не только его устранить, но и сделать ему какое-либо замечание. Далее в Среднем Урухе комиссия постановила допрашивать всех свидетелей без участия представителей сторон. Это требование нами было исполнено. Однако представители Горреспублики присутствовали при проверке доказательств и опять-таки без всякого протеста со стороны комиссии.

Но перехожу к докладу.

В Среднем Урухе нами даны возражения по заявкам Лескенского района и предъявлены в свою очередь заявки Горреспублики приблизительно на 5 340 десятин. Ввиду того, что горцы продолжали предъявлять все новые заявки, а комиссия требовала немедленного предоставления возражений или признания заявок, мы принуждены были вручить комиссии два заявления: в одном из них (за № 12) мы требовали предоставления нам двухнедельного срока на подготовку материала, основываясь на том, что ВЦИК дал комиссии один и половина месячного, а не месячный, срок для окончания работ лишь имея ввиду наше ходатайство о предоставлении нам необходимого времени для собирания материалов; в другом (№ 13) требовали установления предельного срока на предъявление Горреспубликой заявок.

Комиссия отказала нам в предоставлении отсрочки на собирание материалов и тут же поставила нам в известность, что на станции Котляревской 18 августа назначена проверка доказательств по всем остальным районам и это несмотря на наше заявление в том, что по Котляревскому району заявки Горреспублики нами не проверялось и материал еще не собран.

Возвращаясь 17 августа в г. Нальчик, мы в селении Старый Лескен получили сведения о приходе в Лескен I-й экспедиционного отряда Горреспублики, совершающего насилие над гражданами – приверженцами Кабарды. Мы тотчас же отправили начальнику отряда требование о прекращении арестов, возлагая на него ответственность за все последствия.

На станции Котляревской наша делегация, обсудив создавшиеся условия работы, решила предъявить комиссии ультимативное требование, в котором настаивали на отозвании отряда Горреспублики из Лескена I-го, чтобы дать тем возможность сторонникам Кабарды возвратиться из лесов домой и спасти погибающий урожай и 2-е, на обследование комиссией каких-либо двух селений из Горреспублики и Кабарды для выяснения фактического состояния, хозяйственного положения и землепользования. Это обследование имело бы громад-

ное значение и наглядно показало бы насколько действительно Горреспублика нуждается землей и пр.

Комиссия отказала нам в удовлетворении этих требований, и мы 20 августа за № 22 послали ей заявление, в котором поставили ее в известность, что так как требования наши не удовлетворены, то делегация Кабобласти принуждена воздержаться от участия в работах комиссии впредь до получения от КабЦИКа дополнительных полномочий.

21 августа наша делегация прибыла в гор. Нальчик.

УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 72. Л. 3–5.

**№ 3. Прения по докладу тов. Мидова
на экстренном пленуме областного исполнительного комитета
Кабардино-Балкарской автономной области**

25 августа 1923 г.

Тов. Михайлов. Та позиция, которая занята представителями власти Горреспублики при разрешении такого серьезного в условиях Кавказа вопроса, как земельный вопрос, при потворствовании населения Горреспублики устанавливать на кабардинских землях земельные границы и отмечать ветками предполагаемый отход от Кабарды земель, не только потворствуемая, но и осуществляемая планомерно, создает в области чрезвычайно неустойчивое положение и сильное волнение среди крестьянских слоев области.

Сейчас возле этого вопроса идет целая чехарда, все потеряли голову, вся работа приостановилась, созданное тяжелым трудом нормальное положение и работа в области сведены на нет.

Селение Лескен, бывшее в течение 45 лет в составе Кабарды, не желая быть в составе Горреспублики, т.к. население чувствует, что административное подчинение Владикавказу при отсутствии экономического тяготения и при невозможности даже быть связанным из-за отделяющих Лескен от Владикавказа горных хребтов, оно обречено на гибель, покоряется силой, туда вводятся отряды, которые постепенно усиливаются, население, видя репрессии за явное выражение быть в составе Кабарды, идет в лес, бросая все на произвол и разорение. Такая экзекуция и экономическое убийство совершаются над целым селением, которое само ни в чем не повинно, но вокруг которого разгорается спор.

Дальше. Свидетели из состава Горреспублики, проезжая по вызову комиссии по территории Кабарды, всюду говорят, что земля теперь их, т.е. ингушей и осетин, такая агитация до чрезвычайности будоражит население области и приводит к столкновениям...

...Меня до чрезвычайности удивляет не только необоснованность заявок Горреспублики, но даже предъявление своих претензий и на часть балкарских земель, с коей Горреспублика не соприкасается. Все это показывает, что очевидно Горреспублика хочет создать такие условия, в силу которых в Кабарде создалась бы анархия и можно было бы воспользоваться этим моментом.

Пленуму ЦИК надо обсудить этот вопрос, так как положение очень серьезно, надо обратить на это положение внимание Центра, чтобы он не такими путями разрешил этот вопрос, так как втягивание крестьянской массы в разрешение вопроса путем привлечения свидетелей с той и другой стороны, поднимает массу на враждебную активность, чреватую последствиями в наших горских условиях.

Я боюсь, что такой подход к решению (отрез Карачаю, Горреспублике) может создать то, что те достижения партийных и советских органов, которыми может гордиться Кабарда, пойдет насмарку.

Тов. Боровицкий. Констатируя чрезвычайно напряженное политическое состояние области, создавшееся вокруг работ комиссии, подогреваемой наглостью представителей Горреспублики, я не могу не отметить и того экономическо-хозяйственного урона, который претерпевает область.

За три года советского строительства пятый раз в разгар крестьянских полевых работ приостанавливается всякая работа. И мне нередко приходилось слышать вопросы: «Когда же кончат нас мучить, когда мы начнем сеять? Вы кричите об увеличении запашки, а когда приходит сбор, нас начинают делить и отбирать землю». Это действительно так, если наша работа будет дальше так продолжаться в таких условиях, мы ...потеряем всякое доверие к себе...

Тов. Мусукаев. Я никак не могу до сих пор понять, как это горские работники поднимают вопрос о малоземелье, ведь никто так не выиграл в земельном отношении от революции, как горцы: с самого начала революции Горская республика получила массу казачьих земель, остающихся до сих пор не обработанной и при таком положении говорить о малоземелье, это вводить всех в заблуждение.

Поражает и самая неправота разрешения земельного вопроса: Карачай весь в целом будучи одним из активных участников контрреволюционного движения получил себе в награду казачьи земли, забрал 65 000 дес. кабардинских земель... Кабардинцы, будучи одним их активнейших революционных народов, забрали княжеские земли, а теперь за свою активность должны передать эти земли Карачаю и Горской республике.

Я как представитель беднейшего крестьянства после таких решений не вижу никакого толка от революции.

Тов. Гемуев. Я удивляюсь хищничеству Горской республики, ведь за время революции они получили массу земель и теперь, очевидно, не удовлетворяясь этим, хотя полученные земли в известной части остаются не обработанными, стараются снова произвести захват.

Кабарда и Балкария активно боролись за революцию, Горская республика и Карачай были явно контрреволюционны, а теперь они пожинают плод чужих дел, вдобавок разграбив Кабарду.

Балкария, чувствовавшая малоземелье, получила мирным путем прирезку от Кабарды и теперь удовлетворена.

Да, и по существу, и кабардинское население слишком мало получило из частновладельческих фондов, так как они все были переданы при распределении земель иногороднему населению. При осуществлении еще отрезок нужно

заранее сказать, что здесь кабардинцам и балкарцам делать больше здесь нечего, надо уходить заранее, а не дожидаться, когда нас все равно погонят.

Тов. Акаев. Покушения на земли Кабардино-Балкарской области, большие достижения в этом вопросе Горреспублики я объясняю тем несогласием, которое существовало между кабардинцами и балкарцами.

Я виню в этом и товарища Калмыкова, который не побывал в Балкарии и нас разобщенных начинают теперь съедать.

Горреспублика забрала наши земли, скот и надо думать, что предъявят претензии на наших жен.

Тов. Зубков. У меня, да и, пожалуй, у всех остальных товарищей, сложился определенный взгляд, что Горреспублика, пытаясь разрешить экономический вопрос, не верно подходит к его осуществлению.

Вместо такого неверного антисоветского шага они должны были поставить вопрос об укреплении, развитии хозяйства внутри своей республики и вызвать население к хозяйственно-экономической работе так, как это сделала Кабарда.

Имея в виду все это, а также новые захваты (последняя телеграмма Президиума ВЦИК о предоставлении Карачаю Прималкинских пастбищ) нужно категорически протестовать против вопиющего безобразия, мы должны потребовать оставить нас в покое, нам нужно укрепить наше хозяйство, дать образование и т.д. Одним словом, нужна еще большая работа...

Вопрос в настоящий момент принимает большие размеры, массовый характер, сейчас как никогда нужны выдержка и спокойствие, нужна концентрация всего внимания и объединение всего населения, дабы оно не пошло на путь провокаций, не поддавалось неорганизованному массовому стихийному выступлению, объединилось вокруг советских и партийных органов.

Тов. Пачев. В момент переворота в начале 17-го года контрреволюция говорила: «Представители советской власти, вокруг которой вы группируетесь, Вас обманут, вы потеряете то, что имели при Николае Романове, говорим мы, что скот у вас заберут, заберут землю и так далее». Теперь контрреволюция ведет в этом направлении работу и лучшим доказательством является положение, создавшееся вокруг земельного вопроса.

Тов. Абуков. ...На эти наши заслуги Центр не обращает внимания и нас без конца в продолжение трех лет продолжают делить.

Надежд на Центр очень мало, нужно снова закреплять то, чего добились Кабарда, население этого требует.

Тов. Бесланеев. На местах начинается брожение, так как население в работе комиссии видит явный захват.

Все население, которое мне пришлось объехать, определенно заявляет, что оно не верит теперь ни советским, ни партийным органам и говорит, что ему пора теперь самому взяться за разрешение своих вопросов, так как видно, что в областном центре тогда, когда нас разоряют, занимаются только разговором.

Тов. Мусукаев. В настоящих притязаниях на кабардинские земли вина есть и товарища Калмыкова, который, руководя революционным движением Кабарды и Балкарии, говорил, что землю надо давать всем пришельцам вне зависимости от национальности. Это может быть нужно было делать в 1918 г., но

сейчас на этом играют. Земельный вопрос в связи с претензиями настолько назрел, что его надо теперь же решать, или сидящим здесь уходить.

Тов. Мидов. Я хочу отметить слова тов. Мусукаева, что не надо винить тов. Калмыкова за линию 18-го года, это не его линия, это выдержанная коммунистическая линия и благодаря ей и только ей сохранен тот глубокий интернациональный мир среди народов, населяющих Кабарду, который существует и поныне, и никто не может упрекнуть нас в нарушении этого мира.

Тов. Калмыков. Товарищи, сегодня у нас в действительности исторический день, действительно, не на словах и бумаге, чрезвычайное совещание. До сих пор в наших повестках совещания стояла масса вопросов, но такого большого, политически важного вопроса у нас еще не стояло. Нам на него надо обратить особо сугубое внимание, надо подойти со всей серьезностью.

Дело революции, дело перестройки, ломки всех старых устоев, дело хозяйственного строительства – большой крест, который мы на себя взяли, нести который нам придется еще очень долго, может быть, и при более трудных условиях, одно это уже заставляет и обязывает нас не отпускать руки в трудные минуты, не отчаиваться и твердо идти по раз predetermined пути.

Товарищи вскользь упоминают о разочаровании революцией, об этом могут говорить мягкотелые, непонимающие, что значит революция, не предвидевшие всех трудностей на этом пути. Нам этот крест, повторяю, придется еще долго нести. Не думаю, что тов. Мусукаев обвиняет меня за линию 18 года, ведь, когда в 18 году сюда стекалась со всех сторон контрреволюция, она для своих целей начала работу с разжигания ненависти и русскими и др. национальностями, призывая к поджогам, разграблению и изгнанию.

Я тогда говорил, что бедняк русский, осетин, кабардинец и т.д. не враг, что их общий враг помещик, князь, что их победа возможна только тогда, когда они в полном единении без различия национальностей поведут борьбу со своими классовыми врагами, они достигнут побед. Это была совершенно правильная линия 18 года, ее мы продолжаем и будем продолжать, результат этой линии у нас налицо, у нас нет национальной розни, у нас нет ни одного разоренного хозяйства, ни русского, ни немца, ни ингуша.

Таким образом, говорить, что моя линия сохранения интернационализма послужила следствием и захвату кабардинских земель не верно.

Относительно моего непосещения Балкарии, то товарищам балкарцам хорошо известно, как я был близко связан с балкарской массой до 20-го года, об этом нужно посмотреть Тифлиссские архивы, но с момента выделения Балкарии, я правда, туда не ездил, я хотел дать окрепнуть балкарским работникам, поставить работу так, чтобы вся работа по Балкарии была проделана их руками, что должно было дать вес им в глазах масс, я же оставался здесь для них, т.е. балкарских работников хорошим помощником, поэтому я явно уклонялся от поездки по Балкарии и буду уклоняться, пока не будет самими балкарцами при нашей помощи проделана работа, это нужно для общей работы, это нужно для балкарской массы и товарищей балкарцев, возглавляющих работу.

Теперь коренной вопрос – земельный, вопрос серьезный, но небезнадежный. Товарищи правы, говоря, что в 17-18 гг. наши князья полевели, что они

после царского неравенства не хотели старого строя и вели агитацию против коммунистов, предупреждая об отобрании земель и т.д., и что крестьянство теперь начинает вспоминать это, это может быть и так, т.е. крестьянство темно, малокультурно, не понимает всего и нам надо на это реагировать, разъяснить сущую истину, настоящее положение вещей.

Мы сумели хорошо построить свой административный аппарат, подчинить и управлять жизнью области, но это может прорваться, так как такие истории повторяются без конца.

Я думаю, что у Центра в разрешении земельного вопроса нет определенной линии, если взять и собрать все материалы по этому вопросу и показать ему, то думаю, что он удивится той путанице и линии, которую он занял, разрешая такой сложный вопрос. Ведь если просмотреть эти материалы, то из них будет видно, что такие большие вопросы, как передача кабардинских пастбищ, предрешение передачи 70 000 десятин пашни Горской республике, передачи участков Балкарии, решается без нашего участия и, если высшему органу нужна наша реальная работа, связующее звено, мы будем работать, но, если он, решая вопрос без нас мыслит, и мы нужны ему как простая передаточная инстанция, мы в таких условиях работать не можем, нам почетных портфелей не нужно. Никто не сумеет Кабардино-Балкарскую область свести на нет, мы сумеем ее права отстаивать и сумеем разъяснить истину нашему Правительству.

Мы должны сохранить абсолютное равновесие. Ни одна капля крови не должна быть пролита.

Здесь прав тов. Зубков, говоря, что нужно всем объединиться вокруг партии и советского органа, удержать массу и общими усилиями доказать нашу правоту, надо поставить дело так, чтобы масса нас не отталкивала, а организуя и удерживая, доказывать нашу правоту.

УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 72. Л. 11–14 об.

№ 4. Протокол экстренного пленума областного исполнительного комитета Кабардино-Балкарской автономной области

25 августа 1923 г.

Присутствовали: члены облЦИка: Калмыков, Фаддеев, Колос, Настуев, Гемуев, Сокуров, Хачетлов, Ткаченко, Кокожев, Мидов, Мусукаев, Бесланев, Боровицкий, Пачев, Абаев, Перфильев, Абуков, Зубков, Искандеров.

Кроме членов облисполкома присутствуют представители сельисполкомов области.

Председательствует т. Калмыков, секретарь Боровицкий.

Повестка дня:

1. Земельный вопрос и создавшееся положение области в связи с притязаниями Горреспублики и Карачая.

Слушали: Доклад представителя в комиссии ВЦИК по решению земельных споров между Кабардой и Горреспубликой. Докладчик т. Мидов.

Постановили: Констатировать, что:

1. Кабарда обеспечена землей менее многих областей и губерний Юго-Востока в процессе революции и решениями ВЦИКа должна была уступить из своих скудных фондов значительные площади соседям всего 200 тысяч десятин.

2. Ныне 5-я комиссия ВЦИК прибыла в Кабарду для обследования претензий Горреспублики, которые достигают 70 тысяч десятин пахотных земель, разбросанных по всем округам Кабарды и частью даже принадлежащих Балкарии.

3. Кабарда честно выполнила обязательство перед трудящимися и добытые революцией помещичьи земли в большей своей части розданные русским, немцам, осетинам, болгарам и т.п., наделы которых и душевая норма одинакова с кабардинской.

4. Кабарда не отказывалась и не отказывается от пересмотра заявлений живших на ее территории граждан всех национальностей и удовлетворила трудящихся...

Констатируя указанные факты:

...2. Считать, что выполнение постановления Президиума ВЦИКа по передаче Горреспублике частновладельческих участков и Карачаю Кабардинских Прималкинских пастбищ невозможно и невыполнимо.

3. Принять все меры и обязать представителей округов и мест успокоить население и удалить все то, что может вызвать стихийность взрыва на местах, организовав массу вокруг советов.

4. Категорически настоять перед Президиумом ВЦИКа о необходимости раз и навсегда прекратить всякие попытки соседних областей решать трудности их строительства путем обогащения за счет Кабарды.

5. Предложить окрисполкомам принять меры к точному выяснению земель в соседних областях, бывших в аренде у кабардинцев до революции и теперь.

6. Обязать Президиум ЦИК силами и средствами за счет селений добиться спокойствия, охранить интересы Кабарды и Балкарии не только от притязаний на землю, но самыми решительными мерами, вплоть до мобилизации большей части населения, прекратить бесконечные грабежи осетин, ингушей и Карачая.

7. Ввиду чрезвычайно тревожного положения в области... настоять перед Краем о немедленном приезде в Кабарду Предкрайэкономсовета и секретаря Югвостбюро.

Председатель Калмыков
Секретарь Боровицкий

УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 72. Л. 1–2.

Информация об авторах

К.Ф. Дзамихов – доктор исторических наук, профессор.

А.Г. Кажаров – доктор исторических наук, доцент.

Information about the authors

K.F. Dzamikhov – Doctor of Science (History), professor.

A.G. Kazharov – Doctor of Science (History), associate professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.05.2022 г.; одобрена после рецензирования 21.06.2022 г.; принята к публикации 28.06.2022 г.

The article was submitted 15.05.2022; approved after reviewing 21.06.2022; accepted for publication 28.06.2022.

Научная статья
УДК 93/94(470.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-108-126
EDN: EUKAEI

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА СЕМЕЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, ИНВАЛИДОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ДЕТЕЙ-СИРОТ (НА ПРИМЕРЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ)

Алим Инзрелович Тетуев

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, alim-tetuev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4387-291X>

Аннотация. Впервые на основе новых архивных документов и других источников проанализированы проблемы материально-бытового обустройства семей военнослужащих, инвалидов Великой Отечественной войны, демобилизованных военнослужащих и детей-сирот на материалах Кабардино-Балкарии. Исследована деятельность государственных и партийных органов по организации трудоустройства, социального обеспечения и помощи семьям фронтовиков, инвалидов, демобилизованных военнослужащих. Установлена численность льготников, получавших пособия и пенсии, а также трудоустроенных семей военнослужащих, инвалидов в годы войны. Выявлены упущения и недостатки в организации материально-бытового обустройства, нормированного обеспечения продовольственными и промышленными товарами семей военнослужащих и инвалидов войны. Рассмотрена деятельность государственных органов и общественности по организации помощи детям-сиротам и детям, ставшим беспризорными. Обобщен опыт трудовых коллективов заводов, фабрик, колхозов, совхозов, общественных организаций, граждан по оказанию шефской помощи, семьям фронтовиков, инвалидам и детям-сиротам.

Сделан вывод о том, что основными направлениями государственной и общественной поддержки семей военнослужащих, инвалидов войны, детей-сирот и демобилизованных в Кабардино-Балкарии являлись государственные пособия, пенсии, адресная материальная помощь, освобождение от налогов, обеспечение продовольственными и промышленными товарами, решение жилищных проблем, трудоустройство и восстановление детских домов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, государственные органы, общественные организации, Кабардино-Балкария, помощь, пенсии, пособия, декадники, семьи военнослужащих, инвалиды, демобилизованные, дети-сироты.

Для цитирования: Тетуев А.И. Государственная и общественная поддержка семей военнослужащих, инвалидов Великой отечественной войны и детей-сирот (на примере Кабардино-Балкарии) // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 2. – С. 108-126. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-108-126. EDN: EUKAEI.

© Тетуев А.И., 2022

Original article

**STATE AND PUBLIC SUPPORT FOR FAMILIES
MILITARY PERSONNEL, WORLD WAR II DISABLED VETERANS
AND ORPHANS (BY THE EXAMPLE OF KABARDINO-BALKARIA)**

Alim I. Tetuev

The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, alim-tetuev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4387-291X>

Abstract. This work analyzes for the first time, based on new archival documents and other sources, the problems of material and domestic arrangement of military personnel families; World War II disabled veterans, demobilized military personnel and orphans on the materials of Kabardino-Balkarian Republic. The activities of state and party bodies in organizing employment, social security and help to families of front-line soldiers, disabled, demobilized military personnel. This article established the number of beneficiaries who received benefits and pensions, as well as employed families of military personnel disabled during the war years. It also revealed the omissions and shortcomings in the organization of material and household arrangements, the normalized provision of food and industrial goods to the families of military personnel and war invalids. This paper considered activities of state bodies and the public in organizing the help of orphans and children who have become homeless. The experience of labor collectives of factories, factories, collective farms, state farms, public organizations, and citizens in providing patronage help, families of front-line soldiers, disabled people and orphans is summarized.

We concluded that the main areas of state and public support for the families of military personnel, war invalids, orphans and demobilized children in Kabardino-Balkarian Republic were state benefits, pensions, targeted material help, tax exemptions, provision of food and industrial goods, solving housing problems, employment and restoration of orphanages.

Key words: Great Patriotic War, state bodies, public organizations, Kabardino-Balkaria, assistance, pensions, allowances, ten-year-olds, military families, disabled, demobilized, orphans. Based on the analysis of historiography on the research topic, the article identifies issues that need to.

For citation: Tetuev A.I. State and public support for families military personnel, world war II disabled veterans and orphans (by the example of Kabardino-Balkaria). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 2. – P. 108-126. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-108-126. EDN: EUKAEI.

© Tetuev A.I., 2022

Введение

В изучении роли советского тыла в годы Великой Отечественной войны приоритетное внимание уделялось проблемам развития экономики для нужд фронта. В то же время вопросы реализации социальной политики государством и обществом в экстремальных условиях войны остаются в стороне, хотя они являются не менее актуальными. Победа ковалась не только на передовой, но и в тылу, поэтому важно было правильно организовать работу тыловых органов, связанную с оказанием социальной помощи семьям военнослужащих, инвалидам, сиротам и беспризорным детям.

Отметим, что эта тема неоднократно становилась объектом исследования в научной литературе. Особо следует сказать о десятом томе фундаментального труда «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.», в котором рассматривается весь комплекс проблем, связанных с повседневной жизнью гражданского населения в условиях войны [ВОВ 2014].

Отдельные аспекты оказания помощи семьям фронтовиков, инвалидам войны и детям-сиротам в различных регионах страны изучены в работах Д.А. Абузяровой, М.С. Зинич, А.Ш. Кабировой, А.В. Липатова, В.С. Меркурьевой,

Ф.А. Такташевой, И.М. Савицкого, Е.Н. Семеновой [Абузярова 2007; Зинич 2019; Кабирова 2015; Липатов и др. 2017; Савицкий 2019; Семенова 2010].

Имеется ряд работ по названной теме на материалах Кабардино-Балкарии. Так, в работе Е. Т. Хакуашева рассматриваются некоторые вопросы реализации социальной политики государства в Кабардино-Балкарии в годы войны [Хакуашев 1978]. Вместе с тем следует отметить, что исследование проведено в соответствии с идеологическими установками 60–70 гг. XX в., в нем недостаточно использован имеющийся архивный материал. В коллективной работе «Кабардино-Балкария: Тыл и фронт...» представлены интересные сведения, касающиеся помощи тыла фронту [КБТФ 2005]. Отдельные аспекты темы анализируются в работах автора данной статьи [Тетуев 2021].

Анализ архивных документов и материалов, фактически замалчиваемых ранее по идеологическим соображениям, позволяет во многом по-новому рассмотреть исследуемую проблему и приблизиться к реалиям военного времени. Материалы статьи могут быть использованы при написании обобщающих трудов по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., а также в учреждениях общего и профессионального образования при изучении курса «История Кабардино-Балкарской Республики».

Цель исследования – на основе новых архивных документов комплексно изучить формы государственной и общественной поддержки семей фронтовиков и инвалидов, а также детей-сирот в годы Великой Отечественной войны на примере Кабардино-Балкарии.

Методологической основой исследования являются принципы историзма, научности, объективности и системности. Кроме того, были использованы историко-сравнительный, историко-системный, историко-типологический методы, а также метод социального анализа.

Забота о семьях фронтовиков

В начале Великой Отечественной войны ЦК ВКП (б) выдвинул лозунг: «Забота о семьях фронтовиков – половина заботы о Красной армии!». Реализация этого обращения, несомненно, способствовала укреплению единства тыла и фронта.

В связи с этим приоритетным направлением социальной работы государства в годы Великой Отечественной войны являлась забота о семьях воинов-фронтовиков. Президиум Верховного Совета СССР (далее – ПВС СССР) и Совнарком СССР (далее – СНК СССР) приняли ряд указов и постановлений о различных льготах и пособиях для семей военнослужащих: Указ ПВС СССР «О назначении и выплате ежемесячных государственных пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава» от 26 июня 1941 г., «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР» от 21 ноября 1941 г.; постановления СНК СССР «О пенсиях и пособиях лицам высшего, старшего и среднего начальствующего состава, лицам младшего начальствующего состава сверхсрочной службы, специалистам рядового состава сверхсрочной службы и их семьям» от 5 июня 1941 г., «О сохранении пенсий за пенсионерами, вернувшимися на производство» от 28 июля 1941 г., «О бесплатном сохранении за военнослужащими их жилой площади на время войны» от 5 авгу-

ста 1941 г. [Указ 1941а; Указ 1941b; Постановление 1941а; Постановление 1941b; Постановление 1941с].

На основе перечисленных документов государственные органы социального обеспечения назначали пенсии инвалидам войны и их семьям из штатного оклада содержания по последней должности (инвалидам 1 группы (далее—гр.) — 75 % к окладу, 2 гр. — 55 %, 3 гр. — 40 %). Членам семей, состоявших на иждивении военнослужащих, выплачивались пособия: нетрудоспособным членам семьи, если в семье не было трудоспособных или если при одном способном к труду имелись три и более нетрудоспособных или двое детей до 16 лет (учащихся до 18 лет). Помимо этого, они освобождались от уплаты налогов, а хозяйства колхозников, рабочих и служащих, призванных в армию, — от сельскохозяйственного налога, а также сохранялись пенсии за пенсионерами, вернувшимися на производство.

С началом войны несколько тысяч уроженцев Кабардино-Балкарии были призваны на фронт, поэтому народное хозяйство республики, как и всей страны, испытывало недостаток рабочей силы, что удалось восполнить за счет мобилизации женщин, пенсионеров и подростков. Следует отметить, что многие из них на производство пришли добровольно, зная, что от успешной работы тыла зависит боеспособность Красной Армии. Как известно, Кабардино-Балкария с августа 1942 по январь 1943 г. была временно оккупирована немецко-румынскими войсками. В этот период органы государственного обеспечения на территории республики были ликвидированы, семьи фронтовиков лишились свидетельства на право получения пенсий и пособий. Сразу же после освобождения территории республики в январе 1943 г. была возобновлена работа государственных органов власти и общественных организаций, восстановлена организация помощи семьям военнослужащих.

22 января 1943 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «О мерах улучшения работы советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих, во исполнение которого СНК КБАССР принял решение «О мерах по улучшению работы советских органов по оказанию помощи семьям военнослужащих» от 2 февраля 1943 г. В нем указывалось: «Обязать городские районные и сельские исполкомы советов трудящихся немедленно покончить с бездушным бюрократическим отношением к нуждам семей военнослужащих и в кратчайший срок навести необходимый порядок в работе местных советских органов по обеспечению семей военнослужащих» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-714. Оп. 1. Д. 5. Л. 46].

Эти вопросы регулярно рассматривались на заседаниях партийных, советских и общественных организаций, а также на собраниях предприятий, учреждений, колхозов и совхозов. Во исполнение принятых решений были проведены организационные мероприятия по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих.

В результате, согласно справке заместителя председателя СНК КБАССР от 15 мая 1943 г., на 1 мая были восстановлены права 25726 семей на получение пособий и пенсий, трудоустроены 1570 человек, оказана единовременная материальная помощь в сумме 624 369 руб., обеспечены огородами 20 595 семей, топливом 1771 семья, квартирами 1338 семей, выдано семян картофеля 21 112 тыс. кг [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 645. Л. 6]. Кроме этого, в ней отмеча-

лось, что райгортделы государственного обеспечения и бытового устройства семей военнослужащих не в полном объеме выполняли запланированные мероприятия: в частности, не была закончена перерегистрация всех семей военнослужащих, не открыты для них детские ясли и столовые.

Анализ архивных документов свидетельствуют о том, что жалобы на материально-бытовое обустройство семей военнослужащих занимали большую часть – 1499 обращений. Причиной тому являлось формальное рассмотрение местными советскими и партийными органами жалоб, что побуждало родственников фронтовиков часто обращаться в военную прокуратуру или военный комиссариат по месту проживания. Так, например, в письме военного прокурора Нальчикского гарнизона С. Бермана в Кабардино-Балкарский обком ВКП (б) указывалось: «...При проверке поступивших жалоб установлен ряд фактов незаконного выселения из квартир (без предоставления другого жилья) семей военнослужащих, которые живут в этих домах по 4–7 лет. Прошу принять меры по устранению указанных нарушений по отношению семей военнослужащих» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 645. Л. 4, 6–9]. Другой пример: гражданка Монастырская в период оккупации немецкими захватчиками г. Нальчика в 1942 г. была эвакуирована. Ее муж и сын с первых дней войны были на фронте. В течение почти года она после возвращения не могла получить свою квартиру, так как в ней жил «блюститель закона» – прокурор [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1361 Л. 5]. Как свидетельствуют архивные документы, по жалобам проводилась проверка органами социального обеспечения республики и в большинстве случаев оказывалась помощь. Вместе с тем некоторые жалобы семей военнослужащих решались после обращения в высшие инстанции.

Наряду с поддержкой семей военнослужащих, установленной государственными органами, существенную помощь им оказывали комсомольские и профсоюзные организации. Они, используя различные формы, регулярно организовывали сбор средств. Особенно эффективными в этом плане оказались инициированные общественниками декадни под девизом «Забота о семьях фронтовиков – общенародное дело!», которые стали основой широкого движения. И в результате за период с 5 по 15 апреля 1943 г. было собрано в Урванском районе КБАССР кукурузы в зерне – 3030 кг, картофеля – 3346 кг, разной посуды – 44 штуки, овчин – 45 штук, денег – 23 180 руб., а также обувь, одежда; по г. Нальчику – 120 600 руб., продовольствия – 2628 кг, предоставлены и отремонтированы квартиры 583 семьям, подвезено топливо 163 семьям, трудоустроено 412 человека. По Эльбрусскому району выдано кукурузы и муки 737 кг, картофеля – 521 кг, мяса – 535 кг, дров – более 40 кубометров [КБТФ 2005: 128, 129].

В ходе декадника в фонд помощи семьям военнослужащих в Кабардино-Балкарии в целом было собрано 571 793 руб. деньгами, 198 640 кг различных продуктов питания. За это же время им было подвезено 7021 кубических метров дров и 466 центнеров фуража для скота, выделены 26 телят и 101 корова, предоставлены и отремонтированы 1354 квартиры [КБТФ 2005: 129, 130]. Результаты декадника явились выражением патриотических чувств граждан республики, их заботливое отношение к нуждам и запросам семей защитников Родины.

Общественные организации КБР оперативно откликались на решение насущных проблем семей фронтовиков. Так, по инициативе колхозников селения Аушигер Нальчикского района с 20 августа по 10 сентября 1943 г. проводился двухдекадник помощи семьям фронтовиков по подготовке к зиме. Коллективы предприятий и учреждений города Нальчика провели воскресник по заготовке топлива для семей военнослужащих и затем доставили им более 1500 кубометров дров. В Нагорном районе собрали для семей бойцов и командиров Красной Армии 122 500 руб., было выдано 676 ц продуктов, подвезено 1743 м³ топлива, отремонтировано 311 домов, 263 семьи получили коров, 172 – овец и коз [КБВОВ 1975: 458, 459].

В Хуламо-Безенгиевском районе двухдекадники организовывались дважды. Было собрано и выдано семьям военнослужащих деньгами 18 110 руб., кукурузы – 1662 кг, проса – 210 кг, ячменя – 123 кг, сыра – 119 кг, мяса – 452 кг, овощей – 782 кг, картофеля – 10 014 кг, яиц – 540 штук, молока – 6 500 литров, подвезено топлива 2 459 м³, корма для скота – 1900 ц, выдано телок 204 головы. Для семей фронтовиков был отремонтирован по району 271 дом и построено 14 новых домов [КБВОВ 1975: 130].

По Прохладненскому району в фонд семьям фронтовиков поступило 29 107 руб., кроме того, было отремонтировано 265 квартир, снабжены топливом 226 семей, новой обувью – 81 семья, сеном для корма скота – 208 семей, выданы продукты питания 43 семьям, оказана денежная помощь 32 семьям на 6 850 руб. [КБВОВ 1975: 460-462].

В центре внимания общественных организаций республики находилось также оказание помощи детям фронтовиков. СНК КБАССР и бюро обкома ВКП (б) постановлением от 6 декабря 1943 г. одобрили инициативу колхозников и колхозниц сельхозартелей селений Хабаз и Сармаково Нагорного района в организации помощи детям фронтовиков. В документе указывалось: «Объявить двухнедельник с 8 по 23 декабря сего года по сбору теплой зимней одежды для нуждающихся в ней школьников-детей фронтовиков [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 403. Л. 3, 4].

В ходе проведения двухнедельника в республике по Нальчикскому району в фонд помощи детям фронтовиков было собрано овчин для пошивки полушубков – 384 шт., кож для пошивки обуви – 219 шт., денег для покупки одежды – 25 481 руб., дров для семей военнослужащих – 478 возов, одежды – 39 шт., обуви – 52 пары, шерсти – 4650 кг, носков – 8 пар. Роздано мануфактуры – 550 м, кукурузы в початках – 2196 кг, картофеля – 322 кг, отчислено 1000 трудодней [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1064. Л. 15].

Анализ архивных документов позволяет сделать вывод о том, что в городах Нальчик, Прохладный и во всех населенных пунктах КБАССР в ходе двухдекадника выделялись ремонтно-строительные бригады для строительства и ремонта домов, хозяйственных построек, проводилась заготовка фуража для скота, топлива к зиме, создавался фонд продовольствия, одежды, денежных средств, что свидетельствует о конкретной помощи семьям фронтовиков в республике.

В результате работы, проведенной государственными органами и общественными организациями Кабардино-Балкарии в 1943 г., всего было взято на учет в 1943 г. 40 тыс. человек, получавших пенсии и пособия, выплачено посо-

бий и пенсий 26 895 тыс. руб., оказана единовременная помощь в сумме 659 тыс. руб., трудоустроено 19 417 человек, более 20 000 малоимущих получали талоны на бесплатное питание в общественных столовых, были открыты 43 детских сада на 2 054 чел. и 41 детские ясли с охватом 6 909 чел. Через оздоровительные мероприятия (детские санатории пионерские лагеря) было пропущено 1 240 детей фронтовиков. В период проведения декадников в республике было собрано 982 000 руб., 417 тонн различного продовольствия, колхозники отчислили 44 594 трудодня, выдано 246 595 литров молока, 2854 семьи получили коров, для скота подвезен 27 331 ц корма и построено 3208 помещений для скота. При участии тружеников республики было построено 364 новых дома, отремонтировано 4 304 квартиры, предоставлены квартиры 2 250 семьям, подвезено 50 809 кубометров топлива. В республике работали 64 общественные столовые с охватом в них более 20 000 семей фронтовиков, в том числе 3 детских столовых на 1 000 человек, были освобождены от военного и сельхозналогов 29 530 чел., а также по всем видам государственных поставок сельхозпродуктов – 15 470 семей военнослужащих [УЦДНИ АС КБР Ф. 1. Оп. 1. Д. 638. Л. 18,19; КБ ВОВ 1975: 471, 476].

Как известно, в этот период (8 марта 1944 г.) балкарский народ был оклеветан и депортирован в Среднюю Азию и Казахстан, на время разделил судьбы некоторых других народов. Депортация имела трагические последствия для истории всего балкарского этноса. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1944 г. была узаконена ликвидация автономии балкарцев и Кабардино-Балкарская АССР была переименована в Кабардинскую АССР (далее – КАССР) [ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 220. Л. 62, 63].

В местах поселений не только гражданское население, но и фронтовики, их семьи стали спецпереселенцами и были ограничены в правах, подвергались унижительной процедуре комендантского надзора. Что же касается поддержки государством фронтовиков и их семей, следует отметить, что они были лишены действовавших для них льгот, таких, как выплата пособий, получение жилплощади, освобождение от уплаты налогов и др. По воспоминаниям депортированных, фронтовики, их семьи, как и остальные, практически не имели продуктов питания и средств для их приобретения. Более подробно их социально-правовое положение рассмотрено в нашей работе [Тетуев 2021: 192–206].

Государственные органы власти и общественные организации и в 1944 г. проводили работу по оказанию помощи семьям военнослужащих. В отчете Кабардинского обкома партии в ЦК ВКП (б) от 10 октября 1944 г. «О работе советских органов и местных партийных организации по оказанию помощи семьям военнослужащих» от 10 октября 1944 г. сообщалось: «...По республике взято на учет на 1 октября 1944 г. семей военнослужащих 43 847, в том числе 3249 семей офицерского состава. Освобождены от военного налога 27 886 чел., по налогу со строения – 1 100 семей, от госпоставок сельхозпродуктов – 22 637 хозяйств семей военнослужащих. По предварительным данным за 9 месяцев 1944 г., по республике оказана помощь семьям военнослужащих: трудоустроены 7171 член семей военнослужащих, построено 147 новых домов, отремонтированы 1 882 квартиры, предоставлены 1 002 квартир, выделены продовольственные и промышленные товары, индивидуальные огороды...» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 774. Л. 24, 25, 26]. Следует отметить, что, несмотря на весьма

внушительный список различных форм помощи, в большинстве районов республики и в г. Нальчике имелись факты бездушного отношения со стороны советских и партийных органов к нуждам семей фронтовиков, случаи, когда остро нуждающиеся семьи военнослужащих зачастую не получали помощь. Например, в выступлении заместителя начальника политотдела военного комиссариата КАССР на республиканском совещании 28 февраля 1945 г. указывалось: «...В Урванском районе проживает семья старшего сержанта Сливенко, которая находится в тяжелых материально-бытовых условиях. В связи с этим командование части, в которой служит Сливенко, 14 июля и 30 ноября 1944 г. обращалось с письмом к председателю Урванского районного исполнительного комитета (далее. – РИК) с просьбой оказать помощь. При этом дважды РИК ответил, что семья обеспечена, имеет свой дом, огород и подсобное хозяйство и не нуждается в помощи. Проверка показала, что семья Сливенко действительно не имеет ни дома, ни подсобного хозяйства, дети разутые... и т.д.». [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1361. Л. 4].

В документе «О результатах проверки материально-бытового обустройства семей военнослужащих в Терском районе» от 2 февраля 1945 г. отмечалось: «...Обследование, проведенное райкомом ВКП (б), показало, что на февраль 1945 г. в этих 3-х колхозах имеется 200 семей остро нуждающихся колхозников. Они не имеют никакого подсобного хозяйства, ни единого грамма зерна, мизерное количество птиц и скота и практически у них нет никаких других источников существования. Как свидетельствуют врачебное обследование, большинство из них (главным образом дети) болеют безбелковым отеком на почве недоедания. Эти семьи нуждаются в неотложной помощи. Райкомом ВКП (б) принят ряд мер по оказанию помощи этим семьям...» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1357. Л. 12]. Указанные документы свидетельствуют о том, что органы социального обеспечения за общими цифрами не видели конкретные нужды людей, не всегда объективно проводили обследование положения в семьях. Несомненно, это сказывалось на самочувствии воинов Красной Армии. Уверенность в том, что их семьи обеспечены всем необходимым и государство заботится о них, придавала им сил.

Анализ архивных документов показал, что в 1945 г. в республике помощь семьям фронтовиков становится менее значимой. Наглядным примером этому служат то, что марте–апреле проводился только один месячник. В результате в фонд месячника поступило 205 500 руб., хлебопродуктов – 24 226 кг, овощей – 33 000 кг, жиров – 1 377 кг, других продуктов – 3 660 кг. Подвезено топлива 3708 кубометров, кормов для скота – 300 ц, предоставлена 141 квартира, построено 18 новых домов, наделена крупным и мелким рогатым скотом 231 семья. Выделено талонов на получение промтоваров – 6908 шт., отремонтировано одежды и обуви – 1384 ед. [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1219. Л. 106, 107].

Кроме того, в докладе наркома социального обеспечения КБАССР на республиканском совещании «О мерах улучшения работы советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих» от 22 января 1943 г., наряду с достижениями, был представлен подробный анализ недостатков по вопросам социального обеспечения семей военнослужащих в 1943–1944 гг. Так, в ряде районов состояние делопроизводства и контрольно-ревизионной работы было неудовлетворительным, неправильно и несвоевременно

назначались пенсии и пособия, результатом чего явилось расхищение государственных средств и др. [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1361. Л. 7].

Вместе с тем СНК СССР 15 апреля 1945 г. принял постановление «О мерах по дальнейшему улучшению организации помощи семьям военнослужащих», в котором отмечалось: «...В работе органов социального обеспечения автономных республик имеются серьезные недостатки в материально-бытовом обустройстве военнослужащих». Во исполнение данного документа СНК КАССР и бюро обкома ВКП (б) от 8 мая 1945 г. утвердили план мероприятий по улучшению материально-бытовых нужд семей военнослужащих [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1361. Л. 12-14].

В отчете Совнаркома КАССР от 17 ноября 1945 г. подведены итоги реализации указанных мер. Во втором квартале 1945 г. численность семей военнослужащих составляла 35 266, из них получали пособия 16 045 и пенсии 2547. Были освобождены от военного налога 13 251 чел., сельскохозяйственного налога 5654 семьи, госпоставок сельхозпродуктов 10 119 хозяйств, от госпошлин (50 %) 2127 семей военнослужащих. Трудоустроены 526 человек и приобрели новую квалификацию 1 005 человек. В результате обследования было выявлено 4 823 остро нуждающиеся семьи. Из них в продовольствии нуждались 1 577 семей, в одежде – 4 346, обуви – 4 210 семьи. Престарелых родителей и многодетных матерей, требующих особой заботы, – 1 596 семей. Как свидетельствуют архивные документы, указанным семьям фронтовиков была оказана материально-бытовая помощь (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Материальная помощь государственными органами власти семьям военнослужащих КАССР за 2–3 кварталы 1945 г. [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1219. Л. 107; УЦГА АС КБР. Ф. Р-714. Оп. 1. Д. 5. Л. 1].

Виды помощи	Размеры помощи	Численность семей, получивших помощь
Деньгами	564 742 руб.	2259
Зерно, хлеб	23 1967 кг	4639
Овощи, картофель	101 142 кг	2021
Разное продовольствие	7859 кг	736
Одежда и обувь (талоны)	17891	
Мануфактура	8097 м	2024
Яйцо	2772шт.	250
Мясо	595 кг	161
Молоко	6720 литров	673
Построено новых домов		226
Предоставлено квартир		623
Отремонтировано квартир		1782
Отремонтировано хозяйственных построек		1153
Огорожено приусадебных участков		981
Подвезено дров	1080 кубометров	
Подвезено угля	37 т	
Заготовлено топлива	11 072 кубометров	

Выдано кормов для скота	221 300 кг	
Наделено крупным рогатым скотом		364
Наделено мелким рогатым скотом		1225
Наделено земельными участками		30962
Выдано денег на приобретение семян	73 300руб.	
Оказана помощь вспашке огорода		5709

Анализ указанного и других отчетов государственных органов власти республики позволяет утверждать, что они не всегда отражали реальное положение на местах. Помощь семьям военнослужащих оказывалась по уравнительному принципу. При этом многие жалобы и заявления рассматривались формально и несвоевременно, о чем свидетельствует переписка военкомата КАССР с руководством республики, обращения в Северо-Кавказский военный округ и другие инстанции. Например, в выступлении военкома КАССР на республиканском совещании отмечались следующие факты: «В г. Нальчике проживал в ветхой и сырой квартире Воронков, ранее работавший в системе просвещения и награжденный орденом Ленина, сын его был на фронте. Он заболел туберкулезом и, чтобы его поддержать, ему необходимо было заменить квартиру. На протяжении восьми месяцев горсовет обещал ему заменить квартиру, однако до самой смерти (а он умер три дня назад) квартиру не заменили» [УЦДНИ АС КБР. Ф.1. Оп. 1. Д. 1361. Л. 4].

Имелись случаи бюрократического отношения со стороны отдельных руководителей к семьям военнослужащих. Так, к военному комиссару Прохладненского района Носову обратилась с просьбой мать двух сыновей, погибших на фронте 73-летняя К.И. Марышева, получающая пенсию 140 руб., о выдаче ей топлива. Начальник ст. Прохладная Токарев, к которому обратился Носков письменно (сын нуждающейся до призыва в Красную Армию работал стрелочником), прочитав письмо РВК, сказал: «...Вот тебе, бабка, даю два ведра угля: за каждого погибшего – по ведру». Только после вмешательства секретаря партийной организации узла станции Прохладная т. Колесниковой Марышевой было выдано 300 кг угля [УЦДНИ АС КБР. Ф.1 Оп. 1. Д. 1360. Л. 82, 83]. Подобных примеров бездушного отношения к заявлениям и жалобам семей военнослужащих в республике было много, они решались только после обращения в высшие инстанции.

Трудоустройство и оказание материальной помощи инвалидам Великой Отечественной войны

Составной частью работы государственных органов по социальной поддержке военнослужащих являлось трудоустройство и оказание материальной помощи инвалидам Великой Отечественной войны. В постановлении СНК СССР «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны» от 6 мая 1942 г. возлагалась персональная ответственность на руководителей наркоматов социального обеспечения, хозяйственных и советских организаций за трудовое устройство и создание всех необходимых производственных и бытовых условий, обеспечив предоставление инвалидам жилплощади в первую очередь.

Во исполнение постановления СНК СССР «О мерах по трудовому устройству инвалидов Отечественной войны» от 20 января 1943 г. СНК КБАССР 12 февраля 1943 г. принял решение: «Обязать Наркомсоцобеспечения республики: обеспечить в трехмесячный срок работой в соответствии с заключением врачебно-трудовой экспертизы (далее – ВТЭК) инвалидов войны 2-й гр. на предприятиях, в учреждениях, школах, колхозах, совхозах (с сохранением пенсии) [УЦГА АС КБР. Ф. Р-556. Оп. 1. Д. 4. Л. 14].

Вместе с тем анализ архивных документов позволяет утверждать, что инвалиды войны 3 гр., уклоняющиеся от работы в течение 2-х месяцев со дня направления их на работу по решению органов соцобеспечения, могли сниматься с пенсии. Снабжение продовольственными и промышленными товарами инвалидов 3 гр., уклоняющихся от работы, производили по нормам установленных для иждивенцев.

СНК КБАССР 4 мая 1943 г., заслушав ход выполнения указанного постановления, отметил: «...Наркомсоцобеспечения КБАССР и райгорисполкомы (Нагорный, Нальчикский, Зольский) не принимают меры по трудовому устройству инвалидов. Некоторые инвалиды не могут оформить свои документы на получение пенсии (Нальчикский, Лескенский, Кубинский, Курпский, Терский и др.) из-за несерьезного отношения к этому вопросу органов соцобеспечения». СНК обязал Наркомсоцобеспечения и райгорисполкомы республики закончить учет инвалидов войны 3 группы до 10 мая 1943 г. и принять меры по их трудоустройству [УЦГА АС КБР. Ф. Р-556. Оп. 1. Д. 4. Л. 94]. В рамках реализации упомянутого постановления в основном был завершен учет инвалидов, назначение им пенсий и пособий, но вопросы материально-бытового состояния инвалидов войны, в том числе офицеров, не были решены. Поэтому в целях организации и проведения практической работы по их трудовому устройству СНК КБАССР постановлением от 12 января 1944 г. создал постоянную республиканскую комиссию по трудовому устройству инвалидов [КБВОВ 1975: 465,466].

Помимо этого, бюро Кабардинского обкома ВКП (б) приняло постановление «О трудоустройстве и материальном обеспечении офицеров-инвалидов Великой Отечественной войны» от 5 июля 1944 г. В нем отмечалось, что трудоустройство и материально-бытовое положение офицеров-инвалидов Отечественной войны в республике находится в неудовлетворительном состоянии. В Прохладненском районе из 62 чел. инвалидов-офицеров трудоустроены 38 человек, Майском районе из 32 инвалидов-офицеров работают только 11 человек. Бюро обкома ВКП (б) обязало военный комиссариат и наркомат социального обеспечения республики навести необходимый порядок в учете офицеров-инвалидов войны обеспечить их трудовое и бытовое обустройство [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 860. Л. 5].

В результате организаторской работы военного отдела Кабардинского обкома ВКП (б), комиссии по трудоустройству Совнаркома республики и райгорисполкомов удалось добиться улучшения показателей трудоустройства инвалидов. По состоянию на 1 января 1945 г., из 3 333 инвалидов Отечественной войны (из них с 1 гр. – 88 чел., со 2 гр. – 1 457 чел., 3 гр. – 1 788 чел.), работающие составляли 2392 чел. (71,7 %), в том числе 2 гр. – 801 чел. (55 %), 3 гр. – 1588 чел. (88,8 %) [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1361. Л. 7].

По состоянию на 16 июля 1945 г. из 4041 инвалидов, получавших пенсию, в том числе 1 гр. – 83 чел., 2 гр. – 1 430 чел., 3 гр. – 2 528 чел., работающие составляли 3 345 чел. (82,7 %), в том числе 1 гр. – 11 чел. (0,32 %), 2 гр. – 891 чел. (26,6 %), 3 гр. – 2443 чел. (73,03 %) [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1355. Л. 7].

Анализ показал, что во втором полугодии 1945 г. по сравнению с началом 1945 г. численность трудоустроенных инвалидов увеличилась в 1,4 раза. Инвалиды войны работали на промышленных предприятиях, сельскохозяйственном производстве, в государственных учреждениях (см. таблицу 2).

Таблица 2

Численность инвалидов Великой Отечественной войны КАССР, работавших по специальностям во втором полугодии 1945 г. [Составлено по: УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1353. Л. 15, 16].

№ п.п.	Отрасли народного хозяйства и занятий	Из числа инвалидов, получавших пенсию
1	Всего в промышленности и кооперации, в том числе	726
	рабочих	405
	ИТР	29
	служащих	225
	Младший обслуживающий персонал (далее – МОП)	67
2	Всего в сельском хозяйстве, в том числе	1412
	а) в колхозах из них	1142
	председателями колхозов	53
	Счетоводами	67
	бригадирами	170
	б) прочих сельскохозяйственных предприятиях	284
3	Всего в учреждениях, промышленности, предприятиях, в том числе	610
	рабочих	285
	служащих	290
	МОП	35
	ИТОГО	2762

Согласно данным таблицы, более половины инвалидов работали в сельскохозяйственном производстве. При этом председатели колхозов составляли 53 чел., бригадиры – 170, руководители предприятий – 57, председатели сельских советов – 16. Анализ архивных документов позволяет сделать вывод об успешной работе инвалидов войны в качестве руководителей. Так, например, в колхозе им. Андреева Нальчикского района председатель колхоза, секретарь парторганизации, председатель сельского совета были инвалидами войны, и они ежегодно имели самые лучшие показатели в районе [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1355. Л. 7; Д. 1361. Л. 8, 8 об.]. Тем не менее практика назначения инвалидов войны на руководящую работу применялась слабо.

Работающие инвалиды войны добивались хороших результатов в производстве. Например, на кондитерской фабрике г. Нальчика инвалид 2 гр. Смотров выполнял план на 270–307 %, рабочий Герасименко – на 200 %. На мяс-

комбинате инвалиды 3 гр. Кнаж, Мознаев, Гречев и др. выполняли нормы от 150 до 200 %. В артели промысловой кооперации и кооперации инвалидов (далее – Коопинсоз) «Красный боец» инвалиды 3 гр. Иванченко, Осташев, Лазарев выполняли нормы на 200 %, Хибиев, инвалид 1 гр., из колхоза «Аушигер» Советского района в 1944 г. выработал 280 трудодней. В Лескенском районе инвалид 2 гр. Унежев выработал 368 трудодней, Прималкинском районе инвалид 2 гр. Макаров – 456 трудодней, инвалид 2 гр. Абазехов – 455 трудодней, инвалид 2 гр. Карежев – 400 трудодней, инвалид 3 гр. Жилоков – 677 трудодней [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1361. Л. 8, 8 об.].

В целях возвращения инвалидов к трудовой деятельности в г. Нальчике функционировала протезная мастерская, и только в первом полугодии 1945 г. было протезировано 662 человека.

Важное значение придавалось материально-бытовому обслуживанию инвалидов. В г. Нальчике в магазине для инвалидов войны выдавались по карточкам продукты, а по талонам – промышленные товары. Норма отпуска хлеба по карточкам в день на одного человека по 2 категории составляла 400 г. [ВОВ 2014: 182].

В г. Нальчике имелась столовая для инвалидов войны. Нормы расхода продовольственных товаров на ноябрь – декабрь 1943 г. и I квартал 1944 г. на одного человека в месяц в граммах составляли: мяса – 1800 г до 1100 г в месяц, жиров – 400 г, круп – 1200 г, сахара, кондитерских изделий – 400, соли – 400 г, чая – 12 г, картофеля – 7000 г, овощей – 3000 г [УЦГА АС КБР. Ф. Р-556. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 1 об.]. Желудочные и туберкулезные больные–инвалиды, кроме карточек в столовую, получали 120 карточек усиленного диетического питания, которые отоваривались сухим пайком. Тем не менее столовая не соответствовала своему назначению, так как пропуска выдавались не только инвалидам, но и многим другим категориям населения. Наряду с этим трест общепита ежемесячно не отоваривал полностью выданные в столовую карточки для инвалидов, что вызывало много жалоб.

Кроме того, приказ Наркомторга СССР от 9 августа 1943 г. «Об упорядочении снабжения инвалидов Отечественной войны» в республике выполнялся неудовлетворительно. Например, в Прималкинском районе в 1944 г. на учете состоял 161 инвалид. Однако им выдали 236 талонов, в том числе на трикотаж – 108, мануфактуру – 92, табак – 32, валенки – 4. В г. Нальчике в 1944 г. для 958 инвалидов и 1392 иждивенцев выдали только 2000 талонов [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1361. Л. 9].

В г. Нальчике работала специальная поликлиника для инвалидов Великой Отечественной войны. Нуждающиеся в санаторно-курортном лечении направлялись на курорты Пятигорска, Ессентуки, Железноводска, Нальчика. В первом полугодии 1945 г. в них получили лечение 129 инвалидов, в том числе 29 офицеров и 100 красноармейцев [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1353. Л. 18].

Значительную помощь семьям фронтовиков оказывали кассы общественной взаимопомощи колхозов (далее – КОВК). Всего в колхозах функционировали 117 КОВК, членами которых были 15 380 чел. Размер вступительных взносов для членов касс был установлен 5 руб. 35 коп., членских взносов в среднем – 8 руб. 50 коп. По информационным отчетам райсобесов КОВК, в первом полугодии 1945 г. была оказана помощь семьям военнослужащих, семь-

ям погибших на фронте, инвалидам Великой Отечественной войны и детям сиротам деньгами – 12 3854 руб., возвратными ссудами – 191 460 руб., зерном – 13 746 кг, маслом растительным – 648 кг, мясом – 100 кг, мукой – 188 кг, молоком – 1340 литров [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1353. Л. 18, 19].

После окончания Отечественной войны Верховный совет Союза ССР принял закон «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии» от 23 июня 1945 г. По данному закону демобилизации подлежали военнослужащие тринадцати возрастов (1905–1918 гг. рождения). Им выдавали единовременное вознаграждение за каждый год службы в армии в зависимости от звания. Местные органы власти должны были обеспечить демобилизованных работой не позднее месячного срока со дня их прибытия, а также обеспечить их жилой площадью и топливом [Закон 1945].

По состоянию на 15 сентября 1945 г. в республику прибыло 2002 демобилизованных, из них направлено в сельскую местность – 755, трудоустроено – 815, для них отремонтировано квартир – 137, построено домов – 30, предоставлено квартир – 47, подвезено топлива – 548 кубометров, наделено крупным и мелким рогатым скотом – 109. Оказана помощь деньгами – 27 тыс. руб., продовольствием (хлеб – 22 436 кг, жиры – 458 кг, овощи – 86 центнеров, мед – 237,5 кг). Выданы ссуды на строительство 635 тыс. руб., талонов на одежду – 862, обувь – 401 [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1355. Л. 11].

Согласно отчету Совнаркома КАССР по состоянию на 15 декабря 1945 г., в республику прибыли 6 187 демобилизованных, из них в сельскую местность – 854 (13,8 %). Трудоустроены – 4302 (69,8), в том числе в сельской местности – 2335 (38 %), не трудоустроены – 2408 (39,3 %), поступили в учебные заведения – 26 [УЦГА АС КБР. Ф. 779. Оп. 1. Д. 26. Л. 9].

В последующем трудоустройство инвалидов войны и демобилизованных было продолжено. На 1 декабря 1946 г. были трудоустроены 3940 инвалидов, что составляло 86,2 % от общего числа инвалидов. В целом на предприятиях, в учреждениях, организациях колхозах и совхозах были устроены на работу свыше 13 000 демобилизованных фронтовиков [КБВОВ 1975: 495].

Организация помощи детям-сиротам

Одним из главных направлений социальной работы в республике в годы войны была организация помощи детям-сиротам и детям, ставшим беспризорными. Во время войны и в период оккупации республики фашистами погибли родители многих детей. Кроме того, были разрушены учреждения школьного и дошкольного воспитания детей. По этой причине в республике возросло количество беспризорных детей. В связи с этим 15 апреля 1943 г. бюро Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б) вынесло решение: «1. Наркомпросу КБАССР принять меры по скорейшему восстановлению детских домов в городах Нальчике и Прохладном и организовать детские дома в 8 районах республики...» [КБВОВ 1975: 446, 447, 448]. Во исполнение указанного постановления были восстановлены и созданы 7 детских домов, в которых согласно списочному составу за 1943–1944 гг. числилось 1157 воспитанников» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 564. Л. 8-26].

Кроме этого, во исполнение постановления бюро обкома ВКП (б) и Совнаркома КБАССР «Об усилении борьбы с детской беспризорностью и хулиган-

ством» от 24 июня 1943 г. была организована на базе бывшего детского дома наркомпроса республики (село Каменка Чегемского района) трудовая воспитательная колония на 500 чел. для содержания беспризорных и безнадзорных детей, а также детей и подростков, замеченных в мелком хулиганстве и других мелких преступлениях [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 584. Л. 9].

При Совнаркоме КБАССР, районных, городских и сельских советах были созданы специальные комиссии по устройству детей, оставшихся без попечения родителей.

Важное значение придавалось взятию на обеспечение и усыновление эвакуированных детей-сирот. Такие благородные поступки совершили семьи колхозников Хамзета Шортанова из сел. Лескен II и Паты Ахаминава из сел. Плановского, жена рабочего гидротурбинного завода Богомолова, директор средней школы № 4 гор. Нальчика А.В. Мещерякова, учительница А. Е. Ершова, техничка школы Н.К. Склярова, комсомолка Гирзун из гор. Нальчика, жительницы пос. Тырныауза Я.М. Чагина, Р.К. Оганесян, Л.М. Горелик, Г.И. Соседко и многие другие [КБТФ 2005: 36]. Лицам, принявшим на обеспечение осиротевших детей, ежемесячно выдавалось государственное пособие в размере 50 руб. на каждого ребенка.

По инициативе Кабардино-Балкарского обкома ВЛКСМ в 1943 г. были проведены один воскресник в фонд помощи детям-сиротам (август) и одна неделя помощи детям-сиротам. В результате проведенных мероприятий в фонд помощи детям-сиротам, кроме продуктов питания и одежды, в 1943 г. поступило 266 078 руб. Израсходовано в 1943 г. 124 800 руб., из них выдано детдомам на питание 65 000 руб., куплено 75 путевок в пионерские лагеря для детей-сирот и детей фронтовиков на 17 800 руб. И оплачено общественное питание 108 детей фронтовиков – 6000 руб. Оказана индивидуальная помощь 123 детям-сиротам и детям фронтовиков – 36 000 руб. [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 872. Л. 122].

В 1944 г. проведены декадник помощи детям-сиротам (март) и в августе – воскресник. Поступило в 1944 г. в фонд помощи детям 670 439 руб. В 1944 г. выдано комсомольских стипендий учащимся школ города и рабочего поселка 37 000 руб., оказана помощь трудовой колонии НКВД г. Нальчика 35 тыс. руб., детдомам № 2, 6, 4 – 27 000 руб., пионерлагерям – 6 300 руб., колхозным лагерям Баксанского района за питание детей фронтовиков из Баксангэса 3 000 руб., за литературу для детских домов в книготорговое объединение государственных издательств. Оказана индивидуальная помощь 964 детям фронтовиков, 94 детям-сиротам, 34 детям инвалидов Отечественной войны и 34 многодетным на сумму 290 060 руб. [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 872. Л. 122].

Тем не менее, согласно справке Наркомата просвещения республики «О работе детских домов Кабардинской АССР» от 2 июня 1945 г., состояние материальной базы, организации медицинского обслуживания и питания, учебно-воспитательной работы не соответствовало установленным нормам. В документе отмечалось: «В детских домах не хватает кроватей, матрацев, подушек, одеял, постельного белья, кухонной посуды, верхней одежды, зимней обуви, оборудования для мастерских. ...Медицинское обслуживание осуществляется неудовлетворительно, отсутствует постоянный контроль за санитарным состоянием детских домов, имелись случаи заболевания корью, сыпным тифом, диф-

терией, стригущим лишаем...» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1329. Л. 10, 11]. Имелись недостатки также в обеспечении продуктами и учебно-воспитательной работе [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1245. Л. 96–99]. Наркомат просвещения республики по результатам проверки разработал и реализовал меры по устранению выявленных недостатков в работе детских домов. Развитие подсобных хозяйств во всех детских домах сыграло существенную роль в создании их продовольственной базы.

В результате реализации указанных мер по состоянию на 1 июля 1945 г. устроены в детские учреждения 4173 чел., в детские дома – 437, усыновлен – 131, воспитывались у родственников – 406, в патронатных семьях – 84, общественным питанием охвачены 1294 и оздоровительными мероприятиями – 1633 детей. Однако осталась неустроенной 21 сирота, не посещали школу 335, взято на учет остро нуждающихся семей военнослужащих 2749, выявлено 838 семей, не имеющих скота [УЦГА АС КБР. Ф. Р-714. Оп. 1. Д. 5. Л. 5]. Тем не менее эти меры позволили в годы войны спасти более 5 338 детских жизней.

Заключение

В годы Великой Отечественной войны Советским государством был принят ряд нормативно-правовых актов по материально-бытовому обустройству семей фронтовиков, инвалидов, демобилизованных и детей-сирот.

В рамках реализации указанных документов государственные органы власти Кабардино-Балкарии оказывали разнообразные меры поддержки семьям фронтовиков и инвалидам: это государственные пособия, освобождение от налогов, выдача продовольственных и промышленных товаров, решение жилищных проблем, трудоустройство. В условиях продолжавшейся войны данные меры не только носили эффективный характер, но и являлись показателем развития советского общества.

Значительную помощь семьям военнослужащих, инвалидам и детям-сиротам оказывали трудовые коллективы предприятий, учреждений, колхозов, совхозов, общественных организаций. Для этого использовались различные формы: декадники, воскресники адресной помощи, шефская помощь колхозов, совхозов, школ и граждан.

В государственных и партийных органах Кабардино-Балкарии регулярно обсуждались вопросы, связанные с улучшением организации помощи семьям военнослужащих и инвалидам войны, детям-сиротам, где наряду с достижениями отмечались и недостатки в реализации государственной социальной политики. Райгоротделы государственного обеспечения не всегда объективно и своевременно выявляли остро нуждающихся, имели место факты бездушного формально-бюрократического отношения отдельных руководителей к жалобам и заявлениям семей военнослужащих и инвалидов войны. Главной причиной этого являлись дефицит кадров, поверхностный подход к их подбору во всех звеньях партийного и советского руководства. Указанные факторы объективного и субъективного характера существенно повлияли на решение рассматриваемой проблемы. Однако при всех упущениях и недостатках вопросы социальной поддержки семей фронтовиков, инвалидов и демобилизованных и детей-сирот решались успешно, о чем свидетельствуют данные в таблицах, приведенных выше.

Все это в совокупности способствовало укреплению морально-политического единства фронта и тыла, содействовало приближению заветного Дня Победы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абузьярова 2007 – *Абузьярова Д.А.* Социальная защита инвалидов войны в 1941–1945 гг. // Вестник Мордовского университета. – 2007. – Т. 17. – № 2. – С. 146-150.

ВОВ 2014 – *Великая Отечественная война 1941–1945 годов.* В 12 т. Т. 10. Государство, общество и война. – М.: Кучково поле, 2014. – 864 с.

ГАРФ – *Государственный архив Российской Федерации.*

Закон 1945 – *Закон Союза ССР «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии» от 23 июня 1945 г.* // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16017#0N4Wv1TCaiMcyefr1> (дата обращения: 16.03.2022).

Зинич 2019 – *Зинич М.С.* Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. – М; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2019. – 347 с.

КБВОВ 1975 – *Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.* Сборник документов и материалов. – Нальчик: Эльбрус, 1975. – 795 с.

КБТФ 2005 – *Кабардино-Балкария: Тыл и фронт 1941–1945* (к 60-летию Великой Победы) / сост.: Х.М. Думанов, В.Х. Кажаров, А.И. Тетуев, О.Л. Опрышко. – Нальчик: Эльфа, 2005. – 340 с.

Кабилова 2015 – *Кабилова А.Ш.* Татарстан в годы военных испытаний (1941–1945 гг.) – Казань: АЗ, 2015. – 507 с.

Липатов и др. 2017 – *Липатов А.В., Меркурьева В.С., Такташева Ф.А.* Государственная и общественная поддержка семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны: на материалах Сталинградской области // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2017. – № 2 (115). – С. 192–198.

Постановление 1941a – *Постановление СНК СССР № 1901 «О сохранении пенсий за пенсионерами, вернувшимися на производство» от 28 июля 1941 г.* // Сборник постановлений СССР. – 1941. – № 17. – Ст. 335.

Постановление 1941b – *Постановление СНК СССР «О бесплатном сохранении за военными служащими их жилой площади на время войны» 5 августа 1941 г.* // URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/> (дата обращения: 12.01.2022).

Постановление 1941c – *Постановление СНК СССР «О пенсиях и пособиях лицам высшего, старшего и среднего начальствующего состава, лицам младшего начальствующего состава сверхсрочной службы, специалистам рядового состава сверхсрочной службы и их семьям» от 5 июня 1941 г.* // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=8418#ilimp1TsnncutkUo1> (дата обращения: 16.03.2022).

Савицкий 2019 – *Савицкий И.М.* Помощь трудящихся Западной Сибири семьям фронтовиков и эвакуированным детям в годы Великой Отечественной войны // Развитие территорий. – 2019. – № 1 (15). – С. 15-23. – DOI 10.32324/2412-8945-2019-1-15-23.

Семенова 2010 – *Семенова Е.Н.* Трудоустройство членов семей военнослужащих в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – № 9 (99). – С. 58-63.

Тетуев 2021 – *Тетуев А.И.* Историческая память о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (на примере Кабардино-Балкарии). – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2021. – 380 с.

Указ 1941a – *Указ Президиума Верховного Совета СССР «О назначении и выплате ежемесячных государственных пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава» от 26 июня 1941 г.* // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/> (дата обращения: 12.01.2022).

Указ 1941b – Указ Президиума Верховного Совета СССР «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР» от 21 ноября 1941 г. // URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/> (дата обращения: 14.01.2022).

УЦГА АС КБР – Управление центрального государственного архива архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

УЦДНИ АС КБР – Управление центра документации новейшей истории архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

Хакуашев 1978 – Хакуашев Е.Т. Кабардино-Балкарская АССР в годы Великой Отечественной войны. – Нальчик: Эльбрус. 1978. – 318 с.

REFERENCES

ABUZYAROVA D.A. *Sotsial'naya zashchita invalidov voyny v 1941–1945 gg.* [Social protection of warinvalids in 1941–1945]. IN: *Vestnik Mordovskogo universiteta*. – 2007. – Т. 17. – № 2. – С. 146–150 (In Russ.).

Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 godov [The Great Patriotic War of 1941–1945]. V 12 t. Т. 10. Gosudarstvo, obshchestvo i voyna. In 12 vols. Т. 10. State, society and war. – Moscow: Kuchkovo pole, 2014. – 864 p. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [GARF – State Archive of the Russian Federation].

Zakon Soyuza SSR «O demobilizatsii starshikh vozrastov lichnogo sostava deistvuyushchei armii» ot 23 iyunya 1945g. [Law of the USSR "On the demobilization of older ages of the personnel of the active army" of June 23, 1945]. IN: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16017#0N4Wv1TCaiMcyefr1> (data obrashcheniya: 16.03.2022) (In Russ.).

Kabardino-Balkariya v gody Velikoi Otechestvennoi voyny 1941–1945 gg. Sbornik dokumentov i materialov [Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War 1941–1945 Collection of documents and materials] – Nal'chik: El'brus.1975. –795 p. (In Russ.).

Kabardino-Balkariya: Tyli front 1941–1945 (k 60-letiyu Velikoi Pobedy) [Kabardino-Balkaria: Rear and front 1941–1945 (to the 60th anniversary of the Great Victory) comp.]. sost.: Kh.M. Dumanov, V.Kh. Kazharov, A.I. Tetuev, O.L. Opryshko. – Nal'chik: El'fa, 2005. – 340 p. (In Russ.).

KABIROVA A.Sh. *Tatarstan v gody voennykh ispytaniy (1941–1945 gg.)* [Tatarstan during the years of military trials (1941–1945)]. – Kazan': AZ, 2015. –507 s. (In Russ.).

KHAKUASHEV E.T. *Kabardino-Balkarskaya ASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voyny* [Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War.]. – Nal'chik: El'brus, 1978. – 318 p. (In Russ.).

LIPATOV A.V., MERKUR'EVA V.S., TAKTASHEVA F.A. *Gosudarstvennaya i obshchestvennaya podderzhka semei voennosluzhashchikh v gody Velikoi Otechestvennoi voyny: na materialakh Stalingradskoi oblasti* [State and public support for military families during the Great Patriotic War: based on the materials of the Stalingrad region]. IN: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. – 2017. – № 2 (115). – С. 192–198. (In Russ.).

Postanovlenie SNK SSSR № 1901 «O sokhranении pensii za pensionerami, vernuvshimisya na proizvodstvo» ot 28 iyulya 1941 g. [Decree of the Council of People's Commissars of the USSR No. 1901 "On the preservation of pensions for pensioners who returned to work" dated July 28, 1941]. IN: *Sbornik postanovlenii SSSR*. – 1941. – № 17. –St. 335. (In Russ.).

Postanovlenie SNK SSSR «O besplatnom sokhranении za voennosluzhashchimi ikh zhiloi ploshchadi na vremya voyny» 5 avgusta 1941 g. [Decree of the Council of People's Commissars of the USSR "On the free preservation of their living space for military personnel during the war" August 5, 1941]. IN: URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/> (data obrashcheniya: 12.01.2022). (In Russ.).

Postanovlenie SNK SSSR «O pensiyakh i posobiyakh litsam vysshego, starshego i srednego nachal'stvuyushchego sostava, litsam mladshego nachal'stvuyushchego sostava sverkhstrochnoi sluzhby, spetsialistam ryadovogo sostava sverkhstrochnoi sluzhby i ikh sem'yam» ot 5 iyunya 1941g. [Decree of the Council of People's Commissars of the USSR "On pensions and benefits to persons of higher, senior and middle commanding staff, persons of junior commanding personnel of long-

term service, specialists of ordinary personnel of long-term service and their families" dated June 5, 1941]. IN: URL:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=8418#ilimp1TsnncutkUo1> (data obrashcheniya: 16.03.2022) (In Russ.).

SAVITSKII I.M. *Pomoshch' trudyashchikhsya Zapadnoi Sibiri sem'yam frontovikov i evakuirovannym detyam v gody Velikoi Otechestvennoi voyny* [Helping the workers of Western Siberia to the families of front-line soldiers and evacuated children during the Great Patriotic War]. IN: Razvitiye territorii. – 2019. – № 1(15). – S. 15-23. – DOI 10.32324/2412-8945-2019-1-15-23. (In Russ.).

SEMENOVA E.N. *Trudoustroistvo chlenov semei voennosluzhashchikh v Zapadnoi Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (1941-1945 gg.)* [Employment of family members of military personnel in Western Siberia during the Great Patriotic War (1941-1945)]. IN: Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2010. – № 9 (99). – S. 58-63. (In Russ.).

TETUEV A.I. *Istoricheskaya pamyat' o Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg. (na primere Kabardino-Balkaria)* [Historical memory of the Great Patriotic War of 1941–1945. (on the example of Kabardino-Balkaria)]. – Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya «Print Tsentr», 2021. – 380 p. (In Russ.).

Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR «O naznachenii i vyplate ezhemesyachnykh gosudarstvennykh posobii sem'yam voennosluzhashchikh ryadovogo i mladshogo nachal'stvuyushchego sostava» ot 26 iyunya 1941 g. [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR "On the appointment and payment of monthly state benefits to the families of private and junior military personnel" dated June 26, 1941]. IN: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/> (data obrashcheniya: 12.01.2022) (In Russ.).

Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR «o naloge na kholostyakov, odinokikh i bezdetnykh grazhdan sssr» ot 21 noyabrya 1941 g. [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR "On the tax on bachelors, single and childless citizens of the USSR" dated November 21, 1941]. IN: URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/> (data obrashcheniya: 14.01.2022) (In Russ.).

Upravlenie tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva arkhivnoi sluzhby Kabardi-no-Balkarskoi Respubliki [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russ.).

Upravlenie tsentra dokumentatsii noveishei istorii Arkhivnoi sluzhby KBR [Of fice of the Center for Documentation of the Recent History of the Archival Service of the KBR] (In Russ.).

Zakon Soyuza SSR «O demobilizatsii starshikh vozrastov lichnogo sostava deistvuyushchei armii» ot 23 iyunya 1945 g. [Law of the USSR "On the demobilization of older ages of the personnel of the active army"dated June 23, 1945]. IN: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16017#0N4Wv1TCaiMcyefr1> (data obrashcheniya: 16.03.2022).

ZINICH M.S. *Povsednevnaya zhizn' naroda v gody Velikoi Otechestvennoi voyny* [Everyday life of the people during the Great Patriotic War]. – Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2019. – 347 s. (In Russ.).

Информация об авторе

А.И. Тетуев – доктор исторических наук, доцент.

Information about the author

A.I. Tetuev – Doctor of Science (History), associate professor.

Статья поступила в редакцию 06.04.2022 г.; одобрена после рецензирования 29.04.2022 г.; принята к публикации 15.05.2022 г.

The article was submitted 06.04.2022; approved after reviewing 29.04.2022; accepted for publication 15.05.2022.

Научная статья

УДК 94(470.64)

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-127-147

EDN: FCUXRW

**СОТРУДНИЧЕСТВО КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ОТДЕЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ПО КУЛЬТУРНЫМ
СВЯЗЯМ С СООТЕЧЕСТВЕННИКАМИ ЗА РУБЕЖОМ
С ЗАРУБЕЖНЫМИ ЧЕРКЕССКИМИ ДИАСПОРАМИ
В ЭПОХУ СОЦИАЛИЗМА (1966-1991)**

Анзор Викторович Кушхабиев

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, anzor-vk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4618-2148>

Аннотация. Выявлено, что в 1966-1991 гг. Кабардино-Балкарское отделение Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом (КБО) при поддержке руководства Кабардино-Балкарии осуществляло деятельность по пропаганде социалистической идеологии в зарубежных черкесских диаспорах, по увеличению среди них сторонников СССР и приверженцев социалистического строя. В период перестройки (1985-1991) работа КБО заключалась в разъяснении зарубежным соотечественникам сущности реформ в СССР и привлечении из их числа инвесторов. Деятельность и методы, использовавшиеся КБО, оказались довольно эффективными: в зарубежных черкесских диаспорах возрастал удельный вес сторонников СССР, лиц, поддерживающих связи с организациями и гражданами автономий Северного Кавказа, членов компартий Сирии и Иордании, молодежных демократических организаций, Партии арабского социалистического возрождения. Деятельность КБО способствовала укреплению дружественных отношений СССР со странами проживания соотечественников, преимущественно, с Иорданией и Сирией. Контакты (обмены делегациями и туристическими группами, обучение молодежи зарубежных соотечественников в вузах КБАССР, организация отдыха детей зарубежных соотечественников в пионерских лагерях и санаториях республики, систематическая переписка КБО и жителей республики с зарубежными соотечественниками) представителей зарубежных черкесских диаспор с исторической родиной, поставки зарубежным соотечественникам печатных, видео и аудио материалов, трансляции радиопередач на черкесские диаспоры в странах Ближнего Востока осуществлялись, в основном на черкесском языке, что в значительной степени способствовало сохранению этнокультурной специфики зарубежных черкесских диаспор. Сотрудничество КБО с неправительственными организациями (НПО) зарубежных соотечественников также способствовало изучению немалым их числом русского языка, русской и советской культуры.

Ключевые слова: Кабардино-Балкарское отделение Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом, зарубежные черкесские диаспоры, сотрудничество.

Для цитирования: Кушхабиев А.В. Сотрудничество Кабардино-Балкарского отделения Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом с неправительственными организациями зарубежных черкесских диаспор в эпоху социализма (1966-1991) // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 2. – С. 127-147. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-127-147. EDN: FCUXRW.

Original article

COOPERATION OF THE KABARDINO-BALKARIAN BRANCH OF THE SOVIET COMMITTEE FOR CULTURAL RELATIONS WITH COMPATRIOTS ABROAD WITH FOREIGN CIRCASSIAN DIASPORAS IN THE SOCIALISTIC TIMES (1966-1991)

Anzor V. Kushkhabiev

Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Nalchik, Russia, anzor-vk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4618-2148>

Abstract. It was revealed that in 1966-1991 years the Kabardino-Balkarian branch of the Soviet Committee for Cultural Relations with Compatriots Abroad (KBB), with the support of the authorities of Kabardino-Balkarian Republic, conducted activities to promote socialist ideology in foreign Circassian diasporas to increase among them supporters of the USSR and adherents of the socialist system. During the period of perestroika (1985-1991), the work of the KBB comprised explaining to foreign compatriots the essence of reforms in the USSR and attracting investors from among them. The activities and methods used by the KBB turned out to be quite effective: in the foreign Circassian diasporas the share of supporters of the USSR, persons maintaining ties with organizations and citizens of the autonomies of the North Caucasus, members of the communist parties of Syria and Jordan, youth democratic organizations, the Arab Socialist Renaissance Party increased. The activities of the KBB contributed to the strengthening of friendly relations between the USSR and the countries of residence of compatriots, mainly with Jordan and Syria. Contacts (exchanges of delegations and tourist groups, education of youth of foreign compatriots in the universities of the KBASSR, organization of recreation for children of foreign compatriots in pioneer camps and sanatoriums of the republic, systematic correspondence of the KBB and residents of the republic with foreign compatriots) of representatives of foreign Circassian diasporas with their historical homeland, supplies to foreign compatriots of printed, video and audio materials, broadcasting radio programs to the Circassian diasporas in the countries of the Middle East were mainly performed in the Circassian language, which largely contributed to the preservation of the ethno-cultural specifics of the foreign Circassian diasporas. The cooperation of the KBB with non-governmental organizations (NGO) of foreign compatriots also contributed to the study of the Russian language, Russian and Soviet culture by a considerable number of them.

Keywords: Kabardino-Balkarian branch of the Soviet Committee for cultural relations with compatriots abroad, foreign Circassian diasporas, cooperation

For citation: Kushkhabiev A.V. Cooperation of the Kabardino-Balkarian branch of the Soviet committee for cultural relations with compatriots abroad with non-governmental organizations of foreign Circassian diasporas in the socialistic times (1966-1991).. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 2. – P. 127-147. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-127-147. EDN: FCUXRW.

© Kushkhabiev A.V., 2022

Введение

В наши дни зарубежные черкесские диаспоры рассредоточены в ряде стран Ближнего Востока, Северной Африки, Западной Европы, в Соединенных Штатах Америки, в странах СНГ – более чем в 50 странах мира. Численность

зарубежной черкесской диаспоры по разноречивым данным, составляет около 4 млн человек, что в несколько раз превышает численность адыгского населения Северного Кавказа. Наиболее многочисленны черкесские диаспоры находятся: в Турции – свыше 3,5 млн чел., в Иордании – около 80 тыс. чел., в Сирии – около 50 тыс. чел. (до начала Гражданской войны в Сирии в 2011 г. численность черкесской диаспоры составляла около 100 тыс. чел.), в Германии – около 50 тыс. чел., в США – около 10 тыс. чел., в Израиле – 4,5 тыс. чел. [Кушхабиев 2013: 8, 40, 53, 58, 62, 65, 69]. В некоторых странах черкесами ошибочно называют и представителей других северокавказских диаспор. Это обусловлено тем, что преобладающую часть северокавказских диаспор составляют собственно черкесы (адыги). Представители черкесской диаспоры со времени ее образования предпринимали попытки к установлению связей с исторической родиной, которые стали возможными только во 2-й половине XX в.

Во 2-й половине XX в. внешняя политика Советского Союза была направлена на поддержку развивающихся стран, на сотрудничество с ними. В странах Ближнего и Среднего Востока советское руководство проводило масштабную пропаганду социалистической идеологии, которая способствовала установлению и развитию дружественных отношений с освободившимися странами (Сирия, Ирак и др.) и росту числа союзников в условиях холодной войны. В процессе реализации своих внешнеполитических задач советское руководство использовало и фактор зарубежных диаспор народов СССР, в частности фактор многочисленной черкесской диаспоры. В этой связи исследование позитивного опыта сотрудничества Кабардино-Балкарского отделения Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом (далее – КБО) с неправительственными организациями (далее – НПО) зарубежных черкесских диаспор в эпоху социализма (1966-1991) имеет важное фундаментальное и прикладное значение.

Изучение сотрудничества КБО с НПО зарубежных черкесских диаспор в эпоху социализма (1966-1991) не являлось предметом специального исследования. Краткая история и некоторые аспекты настоящей темы рассматривались в исследованиях А.В. Кушхабиева [Кушхабиев 2006; Кушхабиев 2007; Кушхабиев 2008; Кушхабиев 2013], в диссертационной работе Д.Ф. Максидовой [Максидова 2011] и др.

Статья подготовлена на основе анализа документов Управления Центра документации новейшей истории Архивной службы КБР (УЦДНИ АС КБР) – в основном делопроизводственной документации, материалов периодической печати и личных наблюдений автора.

Первые связи черкесской диаспоры Османской империи с этнической родиной

Зарубежная черкесская диаспора образовалась в результате массового выселения адыгского народа в Османскую империю в 1858-1865 гг., осуществленного правительством царской России по окончании завоевания Северного Кавказа (1763-1864). В меньших масштабах выселение адыгов в Османскую империю продолжались вплоть до начала 1920-х гг. [Дзидзария 1982: 197-247,

482-514; Касумов, Касумов 1992: 130-192; Кумыков 1994; Бэрзэдж 2012: 36-277; Кудаева 2014: 198-255; Кушхабиев 2007: 20-53].

Расселение черкесских иммигрантов осуществлялось в соответствии с геополитическими планами – в стратегически важных районах в форме военных линий: в районах с нелояльным населением, вблизи городов, портов, вдоль дорог, в относительной близости границ с Россией. В итоге поселения черкесских иммигрантов были основаны по всей территории империи, начиная с западных (европейских) районов, через всю Анатолию до восточных и южных окраин. Османское правительство эффективно использовало военный потенциал черкесских иммигрантов: массово привлекло их к несению военной и военно-пограничной службы. Основным родом деятельности черкесских иммигрантов в Османской империи, а затем и в государствах, образовавшихся после ее распада (Турция, Сирия, Иордания, Израиль) стала служба в вооруженных силах и, в меньшей степени – в административных органах [Кушхабиев 2007: 54-73].

Черкесские иммигранты и их потомки рассматривали свое пребывание в Османской империи, а затем и в странах, образовавшихся после ее распада, как временное. Они стремились сохранить свою этническую культуру и не теряли надежд на репатриацию. Однако османский монархический режим препятствовал развитию этнической культуры черкесской диаспоры (как и в целом культур этнических меньшинств) и ее контактам с этнической родиной. Первые связи черкесской диаспоры с этнической родиной были установлены после прихода к власти младотурок (неофициальное название партии «Единение и прогресс») в 1908 г. Основанная в том же году организация «Черкесское общество единения и взаимопомощи» установила связи с черкесской интеллигенцией на Северном Кавказе, стала направлять туда преподавателей и учебную литературу на черкесском языке. После установления Советской власти в России связи черкесской диаспоры с этнической родиной были прерваны по политическим причинам.

Установление и развитие связей Кабардино-Балкарии с зарубежными черкесскими диаспорами

В 1-й половине XX в. представители зарубежных северокавказских диаспор фактически не имели возможности посещения исторической родины в связи с действовавшим в СССР жестким режимом въезда и выезда. Согласно советским идеологическим установкам, лица, покинувшие страну во время Гражданской войны в России 1918-1920 гг. и Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., квалифицировались как изменники родины. Потомки эмигрантов, оказавшихся за пределами страны в XIX в., идентифицировались лишь как иностранные граждане [Кушхабиев 2007: 243; Кушхабиев 2008: 121, 122].

Официальные установки в отношении зарубежных соотечественников стали меняться в Советском Союзе во 2-й половине 1950-х гг. До этого в стране не было организаций, в функции которых входило установление и развитие связей с зарубежными соотечественниками.

В 1955 г. в Берлине был учрежден Комитет по возвращению на Родину (на основании Указа Президиума ВС СССР). В функции Комитета входило оказа-

ние содействия в репатриации советским гражданам, оказавшимся в Германии во время ВОВ. В 1959 г. Комитет преобразовали в Комитет за возвращение на Родину и развитие культурных связей с соотечественниками за рубежом. В 1963 г. был создан Советский комитет по культурным связям с соотечественниками за рубежом (в г. Москве). Позднее отделения этого комитета открыли в союзных республиках: на Украине, в Белоруссии, Армении, Азербайджане, Казахстане, Узбекистане и Грузии. В декабре 1975 г. Советский комитет по культурным связям с соотечественниками за рубежом был преобразован в Советское общество по культурным связям с соотечественниками за рубежом (Общество «Родина»)¹. В мае 1991 г. Общество «Родина» преобразовали в Советскую Ассоциацию по связям с соотечественниками, а в январе 1992 г. – в Международную Ассоциацию по связям с соотечественниками за рубежом (Ассоциация «Родина»).

Фактически первый контакт сирийских и иорданских черкесов с представителями исторической родины состоялся в 1957 г. в г. Москве на VI Всемирном фестивале молодежи и студентов. С этого времени стали устанавливаться связи между представителями черкесских диаспор Сирии и Иордании и представителями Кабардино-Балкарской АССР, Адыгейской АО и Карачаево-Черкесской АО. Кабардино-Балкарию также посещали представители черкесских диаспор этих стран – курсанты советских военных училищ, однако их визиты ограничивались 24 часами, так как Кабардино-Балкария входила в зону, закрытую для иностранцев (за исключением граждан стран социалистического лагеря) [Кушхабиев 2008: 122].

Связи советских организаций и граждан с зарубежными соотечественниками стали развиваться со 2-й половины 1960-х гг.: руководство СССР предоставило зарубежным соотечественникам, в том числе и северокавказским, больше возможностей в посещении исторической родины. В целях государственного регулирования связей зарубежной черкесской диаспоры с исторической родиной в 1966 г. в г. Нальчике было открыто Кабардино-Балкарское отделение Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом (с 1975 г. – Кабардино-Балкарское отделение Советского общества по культурным связям с соотечественниками за рубежом «Родина»; с 1992 г. – Кабардино-Балкарское отделение Международной Ассоциации по связям с соотечественниками за рубежом – Ассоциация «Родина») [Эфендиев 1994]. Председателем правления КБО был избран ректор Кабардино-Балкарского госуниверситета (далее – КБГУ), депутат Верховного Совета КБАССР, профессор К.Н. Керемов.

Основная функция Кабардино-Балкарского отделения Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом

Деятельность КБО осуществлялась в соответствии с главной целью, поставленной Советским комитетом по культурным связям с соотечественниками

¹ Комитет за возвращение на Родину (1955-1958) // Библиотека исторической информации [Электронный ресурс]. URL: <http://libinfo.org/index/index.php?id=747> (дата обращения: 05.03.2022).

за рубежом в рамках внешней политики СССР, и ежегодными планами. Основной функцией и целью КБО являлась пропаганда советской социалистической идеологии в зарубежных черкесских диаспорах, работа по максимальному увеличению среди зарубежных соотечественников сторонников СССР и приверженцев социалистического строя, по недопущению роста численности сторонников США. Для достижения этой цели оно стало налаживать сотрудничество с НПО зарубежных черкесских диаспор в сфере культуры, образования и туризма. В связи с тем, что в Адыгейской и Карачаево-Черкесской автономных областях не было структур, осуществляющих сотрудничество с зарубежными соотечественниками, органы государственной власти этих автономий стали проводить работу в данной сфере через КБО. В 1966-1970 гг. КБО установило официальные связи с Черкесскими благотворительными обществами (далее – ЧБО) Сирии и Иордании. Связи также были установлены с представителями черкесских диаспор в Ливане, Кувейте, Франции, ФРГ и Турции [Отчет... 1970: 3]. Вся деятельность КБО осуществлялась во взаимодействии и при поддержке (организационной, финансовой) органов государственной власти КБАССР.

Особенно активно стали развиваться связи КБО с ЧБО Иордании и Сирии. Правительства этих стран, установившие дружественные отношения с Советским Союзом, поддерживали стремление ЧБО к развитию отношений с автономиями Северного Кавказа и, прежде всего, с Кабардино-Балкарией. Спорадически и неофициально развивались связи НПО черкесской диаспоры Турции с организациями автономий Северного Кавказа, что было обусловлено «прохладным» характером советско-турецких отношений (Турция вступила в НАТО в 1952 г., в СЕНТО в 1955 г.), а также приостановкой их деятельности во время политических кризисов в стране в 1960-х – 1980-х гг. Тем не менее, представители черкесской и других северокавказских диаспор Турции посещали историческую родину в составах туристических групп и по частным приглашениям. Связи северокавказских диаспор Турции с республиками Северного Кавказа получили развитие во 2-й половине 1980-х – начале 1990-х гг. вследствие демократических преобразований в СССР и Турецкой Республике. Представители черкесской диаспоры получили возможность посещать историческую родину, молодежь – возможность обучаться в вузах Северного Кавказа [Кушхабиев 2008: 123, 124].

Политика советского руководства по отношению к зарубежным черкесским диаспорам, в частности, к черкесским диаспорам Сирии и Иордании, была довольно осторожной и прагматичной. Советское руководство учитывало значение черкесского фактора в Сирии и Иордании – то, что у черкесских диаспор были прочные позиции в социально-экономической сфере, а многие их представители занимали высокие посты в органах государственной власти, в вооруженных силах, в дипломатическом корпусе, в сферах науки и образования этих стран. Советское руководство также учитывало повышенный интерес черкесских диаспор к своей исторической родине, их стремление к сотрудничеству с северокавказскими автономиями. Сущность советской политики в отношении черкесских диаспор в Иордании и Сирии заключалась в использовании их потенциала и дружественной позиции в развитии отношений с правительствами

этих государств, в использовании черкесских диаспор в качестве одного из механизмов в проведении масштабной пропаганды социалистической идеологии в странах Ближнего Востока. В этой связи советское руководство стало поддерживать развитие связей черкесских диаспор этих стран с северокавказскими автономиями в сферах культуры, образования, туризма и др. [Кушхабиев 2013: 72, 73].

Содержание пропагандистской работы Кабардино-Балкарского отделения Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом

Сущность пропагандистской работы, проводившейся КБО с зарубежными соотечественниками, наглядно изложена в его отчете за 1974 г. В документе, в частности, сказано, что КБО, руководствуясь решениями XXIV Съезда КПСС и реализуя постановление VI Пленума Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом, сосредоточивало свою деятельность на пропаганде среди зарубежных соотечественников внутренней и внешней политики КПСС, деятельности ЦК КПСС по осуществлению Программы мира [Отчет... 1974: 1].

После изучения положения черкесской диаспоры Иордании КБО условно разделило ее на 3 группы (по отношению к СССР): 1-я группа, самая многочисленная – лица, занимавшие нейтральную позицию, которую оно обусловило недостаточной информированностью о Советском Союзе и, в частности, о КБАССР; 2-я группа – лица, занимавшие дружественную позицию по отношению к СССР, и стремившиеся расширять связи с КБАССР; 3-я группа – немногочисленная проамериканская. КБО основные усилия направила на работу с нейтральной группой, среди которой стремилась увеличить число сторонников СССР, для чего использовала представителей просоветской группы [Отчет... 1972: 7, 8]. Данный принцип идеологической работы использовался КБО среди всей зарубежной черкесской диаспоры.

В период перестройки (1985-1991) в Советском Союзе проводились масштабные реформы, направленные на преобразование (демократизацию) политической и социально-экономической системы, смену внешнеполитического курса и др. Кардинальные изменения произошли и в деятельности Советского общества по культурным связям с соотечественниками за рубежом. Была прекращена масштабная пропаганда социалистической идеологии среди зарубежных соотечественников. В соответствии с новой целью и планами, работа КБО заключалась в разъяснении зарубежным соотечественникам сущности реформ в СССР и привлечении из их числа инвесторов, желающих оказывать содействие в развитии экономики республики (создавать в КБАССР совместные предприятия и т. п.).

Основные направления деятельности и методы пропагандистской работы Кабардино-Балкарского отделения Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом

Организация обменов официальными делегациями и туристическими группами между Кабардино-Балкарией и зарубежными черкесскими диаспорами.

Одним из основных направлений деятельности и методов пропагандистской работы КБО являлись обмены с НПО зарубежных черкесских диаспор официальными делегациями и туристическими группами. По приглашению КБО, с 1966 г. делегации и туристические группы от зарубежных черкесских диаспор стали ежегодно посещать КБАССР с целью ознакомления с экономической и культурной жизнью республики. Членов делегаций от НПО зарубежных черкесских диаспор принимали представители органов государственной власти КБАССР. Гостей подробно информировали о внутренней и внешней политике СССР, о масштабных достижениях страны и КБАССР в разных сферах и др. Для них властные структуры организовывали посещение районов республики (колхозы и совхозы), промышленных предприятий, медицинских учреждений, учреждений и объектов рекреационной сферы, туризма и альпинизма, учреждений образования, культуры и спорта. Особое значение придавалось встречам делегаций и туристических групп от зарубежных черкесских диаспор с представителями научной и творческой интеллигенции республики. Президиум КБО регулярно проводил совместные заседания с делегациями от НПО зарубежных черкесских диаспор, на которых обсуждались проблемы и перспективы развития их сотрудничества [Справка... 1966: 9, 10; Отчет... 1970: 1-15; Справка... 1980: 4; О работе... 1983: 3, 4]. В период с 1966 г. до конца XX в. Кабардино-Балкарию посетили около 100 официальных делегаций от НПО зарубежных черкесских диаспор [Эфендиев 2000 а: 8].

В рассматриваемый период зарубежные черкесские диаспоры, как и в целом население стран Ближнего Востока, имели искаженное, негативное представление о реальной ситуации в СССР. Члены делегаций и туристических групп от зарубежных черкесских диаспор, побывавшие в КБАССР и других регионах СССР, получали объективную информацию о ситуации в стране, что в немалой степени способствовало изменению их представлений о Советском Союзе, росту среди них просоветских настроений.

Властные структуры так же стремились ограничивать круг лиц, допускаемых к общению с зарубежными соотечественниками. Среди населения Кабардино-Балкарии «определенными лицами» распространялись идеологические мифы о том, что посещавшие Кавказ зарубежные соотечественники, являлись шпионами и агентами вражеских спецслужб, врагами социализма и т. п. [Кушхабиев 2008: 123]. Возможно, что подобные деятели и посещали Северный Кавказ, но их удельный вес вряд ли был значительным.

Официальные делегации КБО и туристические группы из КБАССР стали регулярно посещать НПО черкесских диаспор в Иордании, Сирии, Турции и других странах. Официальные делегации формировались из партийных и советских работников, заслуженных учителей, деятелей науки и культуры, передовиков производства. В состав делегаций также включали исполнителей адыгских песен, актеров театров, танцевальные ансамбли. Туристические группы КБАССР выезжали в страны Ближнего Востока через Бюро международного и молодежного туризма «Спутник» и Всесоюзное акционерное общество «Интурист». Перед отъездом туристы получали в КБО соответствующий инструктаж. На делегации и туристические группы возлагались, прежде всего, пропаган-

дистские задачи (пропаганда крупномасштабных достижений СССР в коммунистическом строительстве, пропаганда дружбы народов и т. п.). Только в 1970 г. черкесские диаспоры в странах Ближнего Востока посетили 47 жителей Кабардино-Балкарии [Отчет... 1970 а: 4].

Делегации и туристические группы КБАССР принимали ЧБО в столицах Иордании (г. Амман) и Сирии (г. Дамаск) и в их региональных отделениях: в Аммане – в ЧБО, черкесском «Молодежном клубе» («НыбжьыщІэ хасэ»), «Женском обществе» («Цыхубз хасэ»), черкесском молодежном спортивном клубе «Ахли», черкесской школе им. принца Хамзы ибн Хусейна; в отделениях ЧБО в Вади-эс-Сире, Зарке, Джераше, Сувейлихе, Науре, Русейфе и др.; в Дамаске – в ЧБО и его отделениях в Халебе, Хомсе, Кунейтре (после 1967 г. – в Новой Кунейтре), Минбедже и др. В рассматриваемый период в зарубежной черкесской диаспоре наблюдался информационный «голод» об исторической родине, в связи с чем на встречи с делегациями и туристическими группами КБАССР собиралось значительное число ее представителей. В мероприятиях (встречи, собрания) ЧБО с представителями КБАССР, как правило, принимали участие представители органов государственной власти этих стран (министры, советники и др.), послы и сотрудники посольств СССР. Официальные делегации КБАССР регулярно принимали члены правительств Иордании и Сирии. Нередко руководителей делегаций КБАССР принимал король Иордании Хусейн ибн Талал. Во время собраний и встреч ЧБО Иордании и Сирии с делегациями КБАССР обсуждались актуальные вопросы сотрудничества в сферах культуры и образования, вопросы, связанные с получением российского гражданства, вида на жительство и др. Представители ЧБО отвечали на многочисленные вопросы присутствовавших. После завершения официальной части, как правило, проводились концерты, в которых принимали участие танцевальные группы ЧБО, деятели культуры КБАССР [Отчет... 1968: 4, 5; Справка... 1968: 1-6; Отчет... 1984: 4-7; Информация... 1990: 13].

Особой популярностью среди черкесских диаспор Иордании и Сирии пользовался Государственный академический ансамбль танца Кабардино-Балкарии «Кабардинка». В 1977 г. ансамбль «Кабардинка» побывал с гастролями в Сирии, в 1981 г. в Иордании [Эфендиев 2000: 405, 406]. На заключительном концерте ансамбля в г. Аммане присутствовали король Иордании Хусейн ибн Талал, королева Нур, премьер-министр М. Бодран, министры и сенаторы. После завершения концерта король Хусейн ибн Талал вручил ансамблю «Кабардинка» орден «Независимости Иордании I степени». Король подчеркнул, что гастроль «Кабардинки» служат укреплению культурных связей между Советским Союзом и Иорданским Хашимитским королевством [Отчет... 1981: 9]. В ноябре 1985 г. король Иордании вручил ансамблю «Кабардинка» (после завершения концерта в г. Аммане) высшую награду страны «Звезда Иордании I степени» за вклад в укрепление дружбы между народами СССР и Иордании [Письмо... 1985: 10, 11; Эфендиев 2000: 421]. Концерты ансамбля «Кабардинка» также транслировались по иорданскому телевидению.

В 1989 г. Сирию и Иорданию с гастролями посетил детский ансамбль танца Кабардино-Балкарии «Дети гор» [Эфендиев 1994: 241]. В июле 1991 г. В

НПО Сирии, Иордании и Турции состоялись Дни культуры Кабардино-Балкарии, на которых выступили артисты КБАССР и народный ансамбль Зольского района «Исламей» [Бетуганов 1991].

В то же время многочисленные туристические группы из Кабардино-Балкарии и других регионов Северного Кавказа, посещавшие страны Ближнего Востока, большую часть времени уделяли не пропагандистской работе, а коммерческой деятельности. В условиях возраставшего дефицита товаров в СССР советские туристы осуществляли масштабные закупки различных товаров, что наглядно противоречило их официальным выступлениям и рассказам о достижениях советской экономики.

В 1970-х гг. также получили развитие взаимные визиты представителей зарубежных черкесских диаспор и их родственников и друзей в северокавказских республиках, осуществлявшиеся по частным приглашениям. В то же время выехать в капиталистические и развивающиеся страны по приглашениям удавалось небольшому числу жителей Кабардино-Балкарии (как и других северокавказских республик), так как для получения выездных виз в Отделе виз и регистраций МВД КБАССР было необходимо получить несколько разрешений с места работы (от руководителя предприятия, председателя комитета Компартии и т. п.).

Тем не менее, число жителей КБАССР, посещавших черкесские диаспоры в странах Ближнего Востока по частным приглашениям и по линии Всесоюзного акционерного общества «Интурист», возрастала. Уже в 1983 г. зарубежные черкесские диаспоры посетили 150 жителей КБАССР [О работе... 1983: 5].

Во 2-й половине 1980-х гг. в процессе проводимой в СССР перестройки (1985-1991), произошли изменения и в политике страны по отношению к зарубежным соотечественникам: им предоставили право беспрепятственно посещать страну и устанавливать связи с организациями и гражданами СССР [Кушхабиев 2006: 393]. Был облегчен и выезд (оформление выездных виз) граждан СССР в капиталистические и развивающиеся страны по приглашениям. В этот период регулярными стали поездки туристических групп из республик Северного Кавказа, в частности из КБАССР, в страны проживания зарубежных соотечественников (Турция, Сирия, Иордания), организованные обществом «Интурист» и КБО. Регулярным и массовым стало и посещение зарубежными туристами-соотечественниками республик Северного Кавказа. В частности, в 1990 г. офис КБО посетили свыше 100 соотечественников, побывавших в Кабардино-Балкарии в качестве туристов [Информация... 1990: 13].

Поставки соотечественникам печатных, видео- и аудиоматериалов. В качестве эффективного метода пропагандистской работы КБО использовало поставки НПО зарубежных черкесских диаспор школьных учебников, художественной литературы, периодических изданий, аудио- и видеоматериалов (документальные фильмы, записи песенного и музыкального искусства, фотоальбомы) на черкесском (кабардино-черкесском, адыгейском), русском, карачаево-балкарском и абазинском языках. Поставки материалов осуществлялись через советские посольства в странах проживания соотечественников, через официальные делегации, туристов и студентов-соотечественников [Справка... 1966: 9,

10; Отчет... 1971: 2; О работе... 1983: 5; Информация... 1990: 31, 32]. Особое значение придавалось поставкам периодических изданий на кабардино-черкесском языке – газеты «Ленин гъуэгу» («Ленинский путь») и литературно-художественного и общественно-политического журнала «Iуашхъэмахуэ» («Эльбрус»), в которых содержались идеологические материалы КПСС. В рассматриваемый период зарубежные черкесы массово изучали грамматику кабардино-черкесского и адыгейского языков, читали фактически любую доступную литературу на них. Они также стремились изучать и русский язык, русскую и советскую культуру. В связи с систематическими обращениями НПО зарубежных черкесских диаспор о присылке материалов на черкесском языке, КБО ежегодно увеличивало масштабы поставок данных материалов. Так, в 1966-1970 гг. через советские посольства в Иордании, Сирии, Турции, Кувейте и Франции для НПО черкесских диаспор были отправлены следующие материалы: более 6 тыс. экземпляров республиканских газет, более 800 экземпляров школьных учебников кабардино-черкесского языка и литературы, 200 экземпляров журнала «Iуашхъэмахуэ», 2600 экземпляров произведений писателей, поэтов и драматургов, 150 сборников песен, более 400 альбомов с открытками, 250 нагрудных значков, более 12 тыс. метров магнитофонной ленты и 360 пластинок с записями народных мелодий и произведений композиторов Кабардино-Балкарии, Адыгеи и Карачаево-Черкесии [Отчет... 1970: 6, 7].

Материалы, необходимые для отправки зарубежным соотечественникам, предоставлялись КБО государственными учреждениями КБАССР, ААО и КЧАО.

Организация трансляций радиопередач на черкесские диаспоры в странах Ближнего Востока. Еще одним эффективным методом пропагандистской работы КБО являлись трансляции радиопередач на регионы проживания черкесов в странах Ближнего Востока. Подготовку и организацию трансляций радиопередач КБО с 1966 г. осуществляло при поддержке Всесоюзной радиостанции «Родина», Комитета по радиовещанию и телевидению КБАССР, арабского отдела Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР. Транслировали передачи на арабском (30 мин. в неделю) и кабардино-черкесском (30 мин. в месяц) языках. Эти передачи информировали зарубежных соотечественников о внешней и внутренней политике КПСС и Советского государства, о достижениях автономий Северного Кавказа в разных сферах и т. п. По Кабардино-Балкарскому радио и телевидению стали транслировать передачи о культуре зарубежных черкесских диаспор, о сотрудничестве республики с их НПО в сферах культуры и образования, подготовленные сотрудниками Комитета по телевидению и радиовещанию КБАССР.

На протяжении 1980-х гг. не осуществлялось трансляций радиопередач для зарубежной черкесской диаспоры. В январе 1990 г. снова началось радиовещание передач на черкесском (кабардино-черкесском и адыгейском) языке на страны Ближнего Востока (Турция, Сирия, Иордания), организованное Комитетом по телевидению и радиовещанию Кабардино-Балкарской АССР, при участии Комитета по телевидению и радиовещанию Адыгейской АО [Кушхабиев 2007: 164].

Радиопередачи были посвящены истории и культуре адыгского народа. Также передавались новости об общественно-политической ситуации в СССР и автономиях Северного Кавказа. В передачах принимали участие сотрудники министерств КБАССР, Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института (КБНИИ), преподаватели КБГУ, представители колхозов, совхозов, промышленных предприятий Кабардино-Балкарии, а также черкесы-репатрианты. Данные радиопередачи пользовались большой популярностью в среде зарубежной черкесской диаспоры [Переписка... 1967: 4; Справка... 1966: 2; Отчет... 1968: 4; Отчет... 1970: 7; Отчет... 1972: 3].

Переписка КБО с НПО и представителями зарубежных черкесских диаспор. Эффективным методом пропагандистской работы и получения информации являлась переписка КБО с НПО и представителями зарубежных черкесских диаспор. В условиях относительно высоких цен на международную телефонную связь переписка была самым доступным методом коммуникации. Члены президиума КБО вели систематическую переписку с НПО и значительным количеством соотечественников, в процессе которой отвечали на многочисленные вопросы (о ситуации в СССР, КБАССР и т. п.), а также получали необходимую информацию об их проблемах. Уже в первые несколько лет своей деятельности КБО вело переписку с более чем 300 зарубежными соотечественниками. Переписку с зарубежными соотечественниками также вели сотрудники редакций республиканских газет и журналов, радио и телевидения, КБНИИИФЭ, сотрудники и студенты КБГУ и др. [Отчет... 1970: 3; Отчет... 1971: 11; Отчет... 1974: 9; Отчет... 1980: 5].

Идеологическая работа со студентами-соотечественниками. Одной из важнейших составляющих внешней политики СССР являлись обучение иностранных студентов в вузах страны и идеологическая работа с ними. В Кабардино-Балкарии данная деятельность была возложена на КБО и ректорат КБГУ. В 1968 г. молодежи от ЧБО Иордании, в 1969 г. молодежи от ЧБО Сирии была предоставлена возможность обучаться в КБГУ и других вузах СССР. КБГУ, а позднее и Кабардино-Балкарский агрометеорологический институт (далее – КБАМИ), в отношении студентов-соотечественников должны были выполнять две главные функции – давать им образование по избранным специальностям и формировать из них сторонников СССР, приобщая к социалистической идеологии. В первые годы почти все студенты-соотечественники из этих стран обучались на медицинском, инженерно-техническом и сельскохозяйственном факультетах. Позднее зарубежные соотечественники стали обучаться и на других факультетах КБГУ, в КБАМИ и других вузах республики. В связи с многочисленными просьбами ЧБО Иордании и Сирии, Советский комитет по культурным связям с соотечественниками за рубежом ежегодно увеличивал квоты для молодежи от этих организаций. Если в 1970 г. в КБГУ обучалось 8 студентов-соотечественников из Иордании и Сирии, то в 1990 г. в КБГУ обучалось – 138, в КБАМИ – 14 студентов-соотечественников. В вузах Москвы, Ленинграда и других городов страны обучалось еще 20 студентов от зарубежных черкесских диаспор. В 1990 г. в КБГУ впервые были приняты 5 человек от черкесских диаспор Турции и Голландии. К этому году общая численность студентов-

соотечественников, окончивших вузы КБАССР, составила 200 чел. Все они успешно трудились по специальности в своих странах [Отчет... 1970 а: 6; Информация... 1990: 30].

Большинство студентов-соотечественников из Иордании и Сирии проявляло старание в процессе обучения и активность в общественной работе. Они участвовали во Всероссийских и региональных конференциях, в конкурсах студенческих работ по разным наукам. По просьбам иностранных студентов-черкесов, с 1970 г. для них были организованы факультативные занятия по кабардино-черкесскому языку и литературе, рассчитанные на весь период обучения [Отчет... 1970 а: 10].

Многие студенты-соотечественники из Иордании и Сирии занимались в Университете марксизма-ленинизма, на факультете общественных профессий, принимали участие в работе Совета студенческого самоуправления КБГУ, в факультетских студенческих собраниях, в смотрах художественной самодеятельности факультетов, в спортивных мероприятиях КБГУ, г. Нальчика и республики [Отчет... 1977: 7].

Администрации вузов КБАССР и КБО проводили идеологическую работу со студентами-соотечественниками, прежде всего, через преподавание общественных дисциплин. Для студентов-соотечественников ежегодно проводили специальные курсы по актуальным международным, социально-экономическим и политическим проблемам СССР. Например, в 1971 г. для них были разработаны и прочитаны лекции на следующие темы: «Конституция СССР – конституция победившего социализма», «Социализм и нации», «Коммунистическая партия Советского Союза – руководящая и направляющая сила советского общества», «К истории эмиграции представителей кабардинской национальности в страны Ближнего Востока», «Международное положение СССР» [Отчет... 1971: 10, 11].

В целях пропаганды среди советских и иностранных студентов дружбы народов и сотрудничества между дружественными странами, в КБГУ регулярно проводились торжественные мероприятия: День рождения В.И. Ленина, Международный день солидарности молодежи, День Победы Советского народа в Великой Отечественной войне, Международный День Мира, День рождения Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи, годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, Международный День студентов и другие важнейшие даты СССР. В данных мероприятиях принимали участие многие студенты-соотечественники [Отчет... 1973: 11].

В КБГУ регулярно проводились национальные праздники – Дни независимости Иордании и Сирии. В организации и проведении этих мероприятий принимали участие деканы факультетов и преподаватели, представители КБО, студенты, представители предприятий г. Нальчика и др.

В связи с увеличением количества иностранных студентов и возрастанием объема работы с ними в 1983 г. в КБГУ был открыт факультет по работе с иностранными студентами.

Для ознакомления иностранных студентов с достижениями КБАССР в разных сферах организовывали коллективные посещения театров, музеев,

встречи с деятелями культуры и искусств, ветеранами войны и труда, сотрудниками суда, прокуратуры, милиции и др.

КБО проводило для студентов-соотечественников вечера интернациональной дружбы, а в 1989 г. учредило Клуб интересных встреч.

Во время летних и зимних каникул для иностранных студентов организовывали отдых в профилакториях и спортивно-оздоровительной базе КБГУ в Приэльбрусье и др. Для них также организовывали экскурсионные поездки в города страны (Москва, Ленинград, Минск, Киев, Ташкент, Баку и др.), курортные города Северного Кавказа (Кисловодск, Минеральные воды, Железноводск, Пятигорск, Ессентуки), в туристические места Кабардино-Балкарии и т. п. Целью экскурсионных поездок являлась пропаганда советской действительности [Отчет... 1973: 11].

В 1991 г. было организовано обучение молодежи зарубежных соотечественников в средних специальных и профессионально-технических учебных заведениях Кабардино-Балкарии: Министерство народного образования КБССР получило разрешение Гособразования СССР принимать ежегодно до 50 юношей и девушек от черкесских (адыгских) и балкарских диаспор Сирии, Иордании, Ливана и Турции, на обучение в профтехучилища и другие средние специальные учебные заведения республики [Документы... 1992: 4; Адыгская и балкарская... 1991].

За период обучения в вузах Кабардино-Балкарии большинство студентов-соотечественников становились последователями советской идеологии и сторонниками СССР. По возвращении в страны проживания, они проводили активную работу по расширению сотрудничества с советскими организациями в разных сферах, и в целом, по развитию дружественных отношений Иордании и Сирии с Советским Союзом и Кабардино-Балкарией. Некоторые из студентов-соотечественников получили советское гражданство и остались в Кабардино-Балкарии.

Организация отдыха детей зарубежных соотечественников в пионерских лагерях и санаториях Кабардино-Балкарии. Методом пропагандистской работы КБО являлась и организация отдыха детей зарубежных соотечественников в пионерских лагерях и санаториях республики. Для них организовывали экскурсии в туристические места республики, посещение учреждений культуры и т. п. В качестве пропагандистской работы детей зарубежных соотечественников знакомили с жизнью сверстников в республике: их приобщали к участию в детских культурных мероприятиях и др. [Отчет... 1970: 4; Справка...1980: 7; Информация... 1990: 12]. Всего с 1966 г. до конца XX в. по приглашению КБО, в Кабардино-Балкарии отдохнули около 250 детей от зарубежных черкесских диаспор [Эфендиев 2000 а: 8].

После возвращения в свои страны дети соотечественников переписывались со сверстниками в КБАССР. Со временем многие из них стремились поступить в вузы СССР.

Выводы

В целом, в 1966-1991 гг. Кабардино-Балкарское отделение Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом (КБО) при поддержке органов государственной власти Кабардино-Балкарии осуществляло активную деятельность по пропаганде социалистической идеологии в зарубежных черкесских диаспорах, по максимальному увеличению среди них сторонников СССР и приверженцев социалистического строя, по недопущению роста численности сторонников США. Для этого оно развивало сотрудничество с неправительственными организациями (НПО) зарубежных черкесских диаспор в сфере культуры, образования и туризма. В период перестройки (1985-1991) работа КБО заключалась в разъяснении зарубежным соотечественникам сущности реформ в СССР и привлечении из их числа инвесторов, желающих оказывать содействие в развитии экономики республики.

Деятельность и методы, использовавшиеся КБО, оказались довольно эффективными: в зарубежных черкесских диаспорах возрастал удельный вес сторонников СССР, лиц, поддерживающих связи с организациями и гражданами автономий Северного Кавказа, членов компартий Сирии, Иордании, молодежных демократических организаций, Партии арабского социалистического возрождения («Баас»).

Деятельность КБО, осуществлявшаяся в рамках советской внешней политики, в определенной степени способствовала укреплению дружественных отношений СССР со странами проживания соотечественников, преимущественно, с Иорданией и Сирией. Контакты (обмены делегациями и туристическими группами, обучение молодежи зарубежных соотечественников в вузах республики, организация отдыха детей зарубежных соотечественников в пионерских лагерях и санаториях республики, систематическая переписка КБО и жителей КБАССР с НПО и представителями зарубежных черкесских диаспор) представителей зарубежных черкесских диаспор с исторической родиной, поставки зарубежным соотечественникам печатных, видео и аудио материалов, трансляции радиопередач на черкесские диаспоры в странах Ближнего Востока осуществлялись, в основном, на черкесском языке, что в значительной степени способствовало сохранению этнокультурной специфики зарубежных черкесских диаспор.

Сотрудничество КБО с НПО зарубежных черкесских диаспор также способствовало изучению немалым числом зарубежных соотечественников русского языка, русской и советской культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Адыгская и балкарская... 1991 – *Адыгская и балкарская диаспора* // Советская молодежь. – 1991.26.04. – № 17 (6304). – С. 1.

Бетуганов 1991 – *Бетуганов А.* Министерство культуры КБАССР: «И это не последняя встреча» // Кабардино-Балкарская правда. – 1991.15.11. – № 219 (17743) – С. 4.

Бэрэдж 2012 – *Бэрэдж У.Н.* Изгнание черкесов: причины и последствия. – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. – 288 с.

Дзидзария 1982 – *Дзидзария Г.А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми: Изд-во «Алашара», 1982. – 530 с.

Документы... 1992 – *Документы* (приказ, протоколы, письма) об организации обучения и выпуска из Нальчикского ПТУ-5 молодежи адыгской и балкарской диаспор (1992 г.) // УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-865. Ассоциация «Родина». Кабардино-Балкарское отделение международной ассоциации по связям с соотечественниками за рубежом. Оп. 3. Д. 173. Л. 1-6.

Информация... 1990 – *Информация* Кабардино-Балкарского отделения Общества «Родина» Советскому комитету по культурным связям с соотечественниками за рубежом, Совету Министров КБАССР, Кабардино-Балкарскому обкому КПСС о деятельности отделения Общества «Родина» в 1990 году, открытии студенческого клуба интересных встреч // УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-865. Ассоциация «Родина». Кабардино-Балкарское отделение международной ассоциации по связям с соотечественниками за рубежом. Оп. 3. Д. 146. Л. 1-34.

Касумов, Касумов 1992 – *Касумов А.Х., Касумов Х.А.* Геноцид адыгов. – Нальчик: Изд-во «Логос», 1992. – 200 с.

Кумыков 1994 – *Кумыков Т.Х.* Выселение адыгов в Турцию – следствие Кавказской войны. – Нальчик: Изд-во «Эльбрус», 1994. – 116 с.

Кудаева 2014 – *Кудаева С.Г.* Адыги Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. – Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2014. – 388 с.

Кушхабиев 2006 – *Кушхабиев А.В.* Международное черкесское движение (проблемы становления) // Исторический вестник ИГИ Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик, 2006. – № 4. – С. 390-411.

Кушхабиев 2007 – *Кушхабиев А.В.* Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 320 с.

Кушхабиев 2008 – *Кушхабиев А.В.* Связи Кабардино-Балкарской Республики с черкесскими общинами Турции, Сирии и Иордании // Взаимодействие народов и культур на Юге России: история и современность: Сборник научных статей. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. – С. 121-126.

Кушхабиев 2013 – *Кушхабиев А.В.* Проблемы репатриации зарубежных черкесов: история, политика, социальная практика. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2013. – 224 с.

Максидова 2011 – *Максидова Д.Ф.* Исторический опыт развития отношений Кабардино-Балкарии с черкесскими диаспорами Сирии и Иордании (1966-2006 гг.). Автореферат диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. – Майкоп, 2011. – 29 с.

Отчет... 1968 – *Отчет* о деятельности Кабардино-Балкарского отделения Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом за 1968 год // УЦДНИ АС КБР, Ф. Р-865. Ассоциация «Родина». Кабардино-Балкарское отделение международной ассоциации по связям с соотечественниками за рубежом. Оп. 1. Д. 22. Л. 1-7.

Отчет... 1970 – *Отчет* о деятельности Кабардино-Балкарского отделения Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом с июля 1966 года по август 1970 года // УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-865. Ассоциация «Родина». Кабардино-Балкарское отделение международной ассоциации по связям с соотечественниками за рубежом. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-15.

Отчет... 1970 а – *Отчет* о деятельности Кабардино-Балкарского отделения Советского Комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом за 1970 год // УЦДНИ АС КБР, Ф. Р-865. Ассоциация «Родина». Кабардино-Балкарское отделение международной ассоциации по связям с соотечественниками за рубежом. Оп. 2. Д. 4. Л. 1-26.

Отчет... 1971 – *Отчет* о деятельности Кабардино-Балкарского отделения Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом за 1971 год // УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-865. Ассоциация «Родина». Кабардино-Балкарское отделение международной ассоциации по связям с соотечественниками за рубежом. Оп. 2. Д. 7. Л. 1-12.

Отчет... 1972 – *Отчет* о деятельности Кабардино-Балкарского отделения Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом за 1972 год // УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-865. Ассоциация «Родина». Кабардино-Балкарское отделение международной ассоциации по связям с соотечественниками за рубежом. Оп. 2. Д. 9. Л. 1-14.

Отчет... 1973 – *Отчет* о работе Кабардино-Балкарского отделения Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом за 1973 год // УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-865. Ассоциация «Родина». Кабардино-Балкарское отделение международной ассоциации по связям с соотечественниками за рубежом. Оп. 2. Д. 12. Л. 1-13.

Отчет... 1974 – *Отчет* о деятельности Кабардино-Балкарского отделения Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом за 1974 год // УЦДНИ АС КБР, Ф. Р-865. Ассоциация «Родина». Кабардино-Балкарское отделение международной ассоциации по связям с соотечественниками за рубежом. Оп. 2. Д. 15. Л. 1-9.

Отчет... 1977 – *Отчет* о работе Кабардино-Балкарского отделения Общества «Родина» за 1977 год // УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-865. Ассоциация «Родина». Кабардино-Балкарское отделение международной ассоциации по связям с соотечественниками за рубежом. Оп. 3. Д. 12. Л. 1-14.

Отчет... 1980 – *Отчет* Кабардино-Балкарского отделения Советского общества «Родина» за 1980 год // УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-865. Ассоциация «Родина». Кабардино-Балкарское отделение международной ассоциации по связям с соотечественниками за рубежом. Оп. 3. Д. 30. Л. 1-8.

Отчет... 1981 – *Отчет* о работе Кабардино-Балкарского отделения Советского общества «Родина» за 1981 год // УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-865. Ассоциация «Родина». Кабардино-Балкарское отделение международной ассоциации по связям с соотечественниками за рубежом. Оп. 3. Д. 42. Л. 1-14.

О работе... 1983 – *О работе* Кабардино-Балкарского отделения Советского общества «Родина» в 1983 году // УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-865. Ассоциация «Родина». Кабардино-Балкарское отделение международной ассоциации по связям с соотечественниками за рубежом. Оп. 3. Д. 74. Л. 1-11.

Отчет... 1984 – *Отчет* делегации Кабардино-Балкарского отделения общества «Родина» о поездке в Сирийскую Арабскую Республику (1984 г.) // УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-865. Ассоциация «Родина». Кабардино-Балкарское отделение международной ассоциации по связям с соотечественниками за рубежом. Оп. 3. Д. 83. Л. 4-7.

Переписка... 1967 – *Переписка* Обкома КПСС с Президиумом Союза Советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами, Советским комитетом по радиовещанию при СМ СССР по вопросам укрепления дружбы и культурных связей с зарубежными соотечественниками (1967 г.) // УЦДНИ АС КБР. Ф. П-1. Кабардино-Балкарский областной Комитет КПСС. г. Нальчик. Общий отдел. Секретный сектор. Оп. 2. Д. 2093. Л. 1-62.

Письмо... 1985 – *Письмо* Первого заместителя Президиума ССОД Е.В. Иванова Первому секретарю Кабардино-Балкарского обкома КПСС Е.А. Елисееву (09.02.1985. № 15/469) // УЦДНИ АС КБР. Ф. П-1. Кабардино-Балкарский областной Комитет КПСС. г. Нальчик. Общий отдел. Секретный сектор. Оп. 15. Д. 232. Л. 1-11.

Справка... 1966 – *Справка* о работе Кабардино-Балкарского отделения Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом за период с 7 июня по 31 декабря 1966 г. // УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-865. Ассоциация «Родина». Кабардино-Балкарское отделение международной ассоциации по связям с соотечественниками за рубежом. Оп. 1. Д. 2. Л. 9, 10.

Справка... 1968 – *Справка* об итогах поездки по странам Ближнего Востока (Сирия, Ливан, Иордания), 15.11.1968 // УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-865. Ассоциация «Родина». Кабардино-Балкарское отделение международной ассоциации по связям с соотечественниками за рубежом. Оп. 1. Д. 32. Л. 1-6.

Справка... 1980 – *Справка* Кабардино-Балкарского отделения общества Советскому обществу по культурным связям с соотечественниками за рубежом (Общество «Родина») о работе отделения общества с зарубежными соотечественниками с 1976 по 1980 год // УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-865. Ассоциация «Родина». Кабардино-Балкарское отделение международной ассоциации по связям с соотечественниками за рубежом. Оп. 3. Д. 34. Л. 1-14.

Эфендиев 2000 – *Эфендиев К.К.* Bravo, «Кабардинка»! – Нальчик: Изд-во «Эльбрус», 2000. – 424 с.

Эфендиев 2000 а – *Эфендиев К.* Это великое слово – Родина! // Черкесский мир. – 2000. Июль. – С. 7-9.

Эфендиев 1994 – Эфендиев К.К. Общество «Родина» – связи и контакты» (О деятельности Кабардино-Балкарского отделения Общества «Родина») // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции 24-26 октября 1990 г. – Нальчик: Изд-во «Эльбрус», 1994. – С. 239-243.

REFERENCES

Adygskaya i balkarskaya diaspora [Circassian and Balkar Diaspora]. IN: *Sovetskaya molodezh'*. – 1991. – № 17 (6304). April 26th. – P. 1. (In Russ.).

BETUGANOV A. *Ministerstvo kul'tury KBSSR: «I ehto ne poslednyaya vstrecha»* [Ministry of Culture of the KBSSR: "And this is not the last meeting"]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1991. – № 219 (17743). November 15th. – P. 4. (In Russ.).

BERZEDZH U.N. *Izgnanie cherkessov: prichiny i posledstviya* [Expulsion of the Circassians: causes and consequences]. – Nalchik: ООО «Tetragraf», 2012. – 288 p. (In Russ.).

DZIDZARIYA G.A. *Mahadzhiirstvo i problemy istorii Abkhazii XIX stoletiya* [Muhajirism and problems of the history of Abkhazia in the 19th century]. – Sukhumi: Publishing House «Alashara», 1982. – 530 p. (In Russ.).

Dokumenty (prikaz, protokoly, pisma) ob organizatsii obucheniya i vyipuska iz Nalchikskogo PTU-5 molodezhi adygskoy i balkarskoy diaspor (1992 g.) [Documents (order, protocols, letters) on the organization of training and graduation from the Nalchik vocational school-5 of the youth of the Adyghe and Balkar diasporas (1992)]. IN: *UTsDNI AS KBR. F. R-865. Assotsiatsiya «Rodina». Kabardino-Balkarskoe otdelenie mezhdunarodnoy assotsiatsii po svyazym s sootchestvennikami za rubezhom* [Association «Rodina». Kabardino-Balkarian branch of the International Association for Relations with Compatriots Abroad]. Op. 3. D. 173. P. 1-6. (In Russ.).

Informatsiya Kabardino-Balkarskogo otdeleniya Obschestva «Rodina» Sovetskomu komitetu po kulturnym svyazym s sootchestvennikami za rubezhom, Sovetu Ministrov KBASSR, Kabardino-Balkarskomu obkomu KPSS o deyatel'nosti otdeleniya Obschestva «Rodina» v 1990 godu, ot-kryitii studencheskogo kluba interesnykh vstrech [Information from the Kabardino-Balkarian branch of the Association «Rodina» to the Soviet Committee for Cultural Relations with Compatriots Abroad, the Council of Ministers of the KBASSR, the Kabardino-Balkarian Regional Committee of the CPSU about the activities of the branch of the Association «Rodina» in 1990, the opening of a student club of interesting meetings]. IN: *UTsDNI AS KBR. F. R-865. Assotsiatsiya «Rodina». Kabardino-Balkarskoe otdelenie mezhdunarodnoy assotsiatsii po svyazym s sootchestvennikami za rubezhom* [Association «Rodina». Kabardino-Balkarian branch of the International Association for Relations with Compatriots Abroad]. Op.3. D. 146. P. 1-34. (In Russ.).

KASUMOV A.Kh., KASUMOV Kh.A. *Genotsid adygov* [Genocide of the Circassians]. – Nalchik: Publishing House «Logos», 1992. – 200 p. (In Russ.).

KUMYKOV T.Kh. *Vyiselenie adygov v Turtsiyu – posledstvie Kavkazskoy voyni* [The eviction of the Circassians to Turkey is a consequence of the Caucasian War]. – Nalchik: Publishing House «Elbrus», 1994. – 116 p. (In Russ.).

KUDAEVA S.G. *Adygi Severo-Zapadnogo Kavkaza v XIX veke: protsessy transformatsii i differentsiatsii adygskogo obschestva* [Circassians of the North-Western Caucasus in the XIX century: the processes of transformation and differentiation of the Circassian society]. – Maykop: Publishing House «Magarin O.G.», 2014. – 388 p. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Mezhdunarodnoe cherkesskoe dvizhenie (problemy stanovleniya)* [International Circassian movement (problems of formation)]. IN: *Istoricheskiy vestnik IGI Pravitel'stva KBR i KBNTs RAN* [Historical Bulletin of the IHR of Government of the KBR and KBNTs RAS]. – Nalchik, 2006. – No 4. – P. 390-411. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Ocherki istorii zarubezhnoy cherkesskoy diasporiy* [Essays on the history of the foreign Circassian diaspora]. – Nalchik: El-Fa, 2007. – 320 p. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Svyazi Kabardino-Balkarskoy Respubliki s cherkesskimi obschinami Turtsii, Sirii i Iordanii* [Relations of the Kabardino-Balkarian Republic with the Circassian commu-

nities of Turkey, Syria and Jordan]. IN: *Vzaimodeystvie narodov i kultur na Yuge Rossii: istoriya i sovremennost: Sbornik nauchnykh statey* [Interaction of peoples and cultures in the South of Russia: history and modernity: Collection of scientific articles]. – Rostov-on-Don: Publishing House of the YuNTs RAS, 2008. – P. 121-126. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Problemy repatriatsii zarubezhnykh cherkessov: istoriya, politika, sotsialnaya praktika* [Problems of repatriation of foreign Circassians: history, politics, social practice]. – Nalchik: Publishing House KBNTs RAS, 2013. – 224 p. (In Russ.).

MAKSIDOVA D.F. *Istoricheskiy opyt razvitiya otnosheniy Kabardino-Balkarii s cherkesskimi diasporami Sirii i Iordanii (1966-2006 gg.). Avtoreferat dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kand. ist. nauk* [Historical Experience in the Development of Relations between Kabardino-Balkaria and the Circassian Diasporas in Syria and Jordan (1966-2006). Abstract of dissertation for the degree of Cand. Hist. Sciences]. – Maykop. 2011. – 29 p. (In Russ.).

O rabote Kabardino-Balkarskogo otdeleniya Sovetskogo obshchestva «Rodina» v 1983 godu [About the work of the Kabardino-Balkarian branch of the Soviet Association «Rodina» in 1983] IN: *UTsDNI AS KBR. F. R-865. Assotsiatsiya «Rodina». Kabardino-Balkarskoye otdeleniye mezhdunarodnoy assotsiatsii po svyazyam s sootchestvennikami za rubezhom* [Association «Rodina». Kabardino-Balkarian branch of the International Association for Relations with Compatriots Abroad]. Op. 3. D. 74. P. 1-11. (In Russ.).

Otchet o deyatelnosti Kabardino-Balkarskogo otdeleniya Sovetskogo komiteta po kulturnym svyazyam s sootchestvennikami za rubezhom za 1968 god [Report on the activities of the Kabardino-Balkarian branch of the Soviet Committee for Cultural Relations with Compatriots Abroad for 1968]. IN: *UTsDNI AS KBR. F. R-865. Assotsiatsiya «Rodina». Kabardino-Balkarskoye otdeleniye mezhdunarodnoy assotsiatsii po svyazyam s sootchestvennikami za rubezhom* [Association «Rodina». Kabardino-Balkarian branch of the International Association for Relations with Compatriots Abroad]. Op. 1. D. 22. P. 1-7. (In Russ.).

Otchet o deyatelnosti Kabardino-Balkarskogo otdeleniya Sovetskogo komiteta po kulturnym svyazyam s sootchestvennikami za rubezhom s iyulya 1966 goda po avgust 1970 goda [Report on the activities of the Kabardino-Balkarian branch of the Soviet Committee for Cultural Relations with Compatriots Abroad from July 1966 to August 1970]. IN: *UTsDNI AS KBR. F. R-865. Assotsiatsiya «Rodina». Kabardino-Balkarskoye otdeleniye mezhdunarodnoy assotsiatsii po svyazyam s sootchestvennikami za rubezhom* [Association «Rodina». Kabardino-Balkarian branch of the International Association for Relations with Compatriots Abroad]. Op. 1. D. 3. P. 1-15. (In Russ.).

Otchet o deyatelnosti Kabardino-Balkarskogo otdeleniya Sovetskogo Komiteta po kulturnym svyazyam s sootchestvennikami za rubezhom za 1970 god [Report on the activities of the Kabardino-Balkarian branch of the Soviet Committee for Cultural Relations with Compatriots Abroad for 1970]. IN: *UTsDNI AS KBR. F. R-865. Assotsiatsiya «Rodina». Kabardino-Balkarskoye otdeleniye mezhdunarodnoy assotsiatsii po svyazyam s sootchestvennikami za rubezhom* [Association «Rodina». Kabardino-Balkarian branch of the International Association for Relations with Compatriots Abroad]. Op. 2. D. 4. P. 1-26. (In Russ.).

Otchet o deyatelnosti Kabardino-Balkarskogo otdeleniya Sovetskogo komiteta po kulturnym svyazyam s sootchestvennikami za rubezhom za 1971 god [Report on the activities of the Kabardino-Balkarian branch of the Soviet Committee for Cultural Relations with Compatriots Abroad for 1971]. IN: *UTsDNI AS KBR. F. R-865. Assotsiatsiya «Rodina». Kabardino-Balkarskoye otdeleniye mezhdunarodnoy assotsiatsii po svyazyam s sootchestvennikami za rubezhom* [Association «Rodina». Kabardino-Balkarian branch of the International Association for Relations with Compatriots Abroad]. Op. 2. D. 7. P. 1-12. (In Russ.).

Otchet o deyatelnosti Kabardino-Balkarskogo otdeleniya Sovetskogo komiteta po kulturnym svyazyam s sootchestvennikami za rubezhom za 1972 god [Report on the activities of the Kabardino-Balkarian branch of the Soviet Committee for Cultural Relations with Compatriots Abroad for 1972]. IN: *UTsDNI AS KBR. F. R-865. Assotsiatsiya «Rodina». Kabardino-Balkarskoye otdeleniye mezhdunarodnoy assotsiatsii po svyazyam s sootchestvennikami za rubezhom* [Association «Rodina»

на». Kabardino-Balkarian branch of the International Association for Relations with Compatriots Abroad]. Op. 2. D. 9. P. 1-14. (In Russ.).

Otchet o rabote Kabardino-Balkarskogo otdeleniya Sovetskogo komiteta po kulturnym svyazyam s sootechestvennikami za rubezhom za 1973 god [Report on the work of the Kabardino-Balkarian branch of the Soviet Committee for Cultural Relations with Compatriots Abroad for 1973]. IN: *UTsDNI AS KBR. F. R-865. Assotsiatsiya «Rodina». Kabardino-Balkarskoye otdeleniye mezhdunarodnoy assotsiatsii po svyazyam s sootechestvennikami za rubezhom* [Association «Rodina». Kabardino-Balkarian branch of the International Association for Relations with Compatriots Abroad]. Op. 2. D. 12. P. 1-13. (In Russ.).

Otchet o deyatelnosti Kabardino-Balkarskogo otdeleniya Sovetskogo komiteta po kulturnym svyazyam s sootechestvennikami za rubezhom za 1974 god [Report on the activities of the Kabardino-Balkarian branch of the Soviet Committee for Cultural Relations with Compatriots Abroad for 1974]. IN: *UTsDNI AS KBR. F. R-865. Assotsiatsiya «Rodina». Kabardino-Balkarskoye otdeleniye mezhdunarodnoy assotsiatsii po svyazyam s sootechestvennikami za rubezhom* [Association «Rodina». Kabardino-Balkarian branch of the International Association for Relations with Compatriots Abroad]. Op. 2. D. 15. P. 1-9. (In Russ.).

Otchet o rabote Kabardino-Balkarskogo otdeleniya Obshchestva «Rodina» za 1977 god [Report on the work of the Kabardino-Balkarian branch of the Rodina Society for 1977]. IN: *UTsDNI AS KBR. F. R-865. Assotsiatsiya «Rodina». Kabardino-Balkarskoye otdeleniye mezhdunarodnoy assotsiatsii po svyazyam s sootechestvennikami za rubezhom* [Association «Rodina». Kabardino-Balkarian branch of the International Association for Relations with Compatriots Abroad]. Op. 3. D. 12. P. 1-14. (In Russ.).

Otchet Kabardino-Balkarskogo otdeleniya Sovetskogo obshchestva «Rodina» za 1980 god [Report of the Kabardino-Balkarian branch of the Soviet Association «Rodina» for 1980]. IN: *UTsDNI AS KBR. F. R-865. Assotsiatsiya «Rodina». Kabardino-Balkarskoye otdeleniye mezhdunarodnoy assotsiatsii po svyazyam s sootechestvennikami za rubezhom* [Association «Rodina». Kabardino-Balkarian branch of the International Association for Relations with Compatriots Abroad]. Op. 3. D. 30. P. 1-8. (In Russ.).

Otchet o rabote Kabardino-Balkarskogo otdeleniya Sovetskogo obshchestva «Rodina» za 1981 god [Report on the work of the Kabardino-Balkarian branch of the Soviet Association «Rodina» for 1981]. IN: *UTsDNI AS KBR. F. R-865. Assotsiatsiya «Rodina». Kabardino-Balkarskoye otdeleniye mezhdunarodnoy assotsiatsii po svyazyam s sootechestvennikami za rubezhom* [Association «Rodina». Kabardino-Balkarian branch of the International Association for Relations with Compatriots Abroad]. Op. 3. D. 42. P. 1-14. (In Russ.).

Otchet delegatsii Kabardino-Balkarskogo otdeleniya obshchestva «Rodina» o poyezdke v Siriyskuyu Arabskuyu Respubliku (1984 g) [Report of the delegation of the Kabardino-Balkarian branch of the Association «Rodina» on a trip to the Syrian Arab Republic (1984)]. IN: *UTsDNI AS KBR. F. R-865. Assotsiatsiya «Rodina». Kabardino-Balkarskoye otdeleniye mezhdunarodnoy assotsiatsii po svyazyam s sootechestvennikami za rubezhom* [Association «Rodina». Kabardino-Balkarian branch of the International Association for Relations with Compatriots Abroad]. Op. 3. D. 83. P. 4-7. (In Russ.).

Perepiska Obkoma KPSS s Prezidiumom Soyuza Sovetskikh obshchestv druzhby i kulturnykh svyazey s zarubezhnymi stranami. Sovetskim komitetom po radioveshchaniyu pri SM SSSR po voprosam ukrepleniya druzhby i kulturnykh svyazey s zarubezhnymi sootechestvennikami (1967 g.) [Correspondence of the Regional Committee of the CPSU with the Presidium of the Union of Soviet Societies for Friendship and Cultural Relations with Foreign Countries, the Soviet Committee for Radio Broadcasting under the Council of Ministers of the USSR on the issues of strengthening friendship and cultural ties with foreign compatriots (1967)]. IN: *UTsDNI AS KBR. F. P-1. Kabardino-Balkarskiy oblastnoy Komitet KPSS. g. Nalchik. Obshchiy otdel. Sekretnyy sektor* [Kabardino-Balkarian Regional Committee of the CPSU. Nalchik. Common department. Secret sector]. Op. 2. D. 2093. P. 1-62. (In Russ.).

Pismo Pervogo zamestitelya Prezidiuma SSOD E.V. Ivanova Pervomu sekretaryu Kabardino-Balkarskogo obkoma KPSS E.A. Eliseyevu (09.02.1985. № 15/469) [Letter from the First Deputy of the Presidium of the SSOD E.V. Ivanova to the First Secretary of the Kabardino-Balkarian Regional Committee of the CPSU E.A. Eliseev (09.02.1985. No. 15/469)]. IN: *UTsDNI AS KBR. F. P-1. Kabardino-Balkarskiy oblastnoy Komitet KPSS. g. Nalchik. Obshchiy otel. Sekretnyy sektor* [Kabardino-Balkarian Regional Committee of the CPSU. Nalchik. Common department. Secret sector]. Op. 15. D. 232. P. 1-11. (In Russ.).

Spravka o rabote Kabardino-Balkarskogo otdeleniya Sovetskogo komiteta po kulturnym svyazyam s sootchestvennikami za rubezhom za period s 7 iyunya po 31 dekabrya 1966 g. [Information on the work of the Kabardino-Balkarian branch of the Soviet Committee for Cultural Relations with Compatriots Abroad for the period from June 7 to December 31, 1966]. IN: *UTsDNI AS KBR. F. R-865. Assotsiatsiya «Rodina». Kabardino-Balkarskoye otdeleniye mezhdunarodnoy assotsiatsii po svyazyam s sootchestvennikami za rubezhom* [Association «Rodina». Kabardino-Balkarian branch of the International Association for Relations with Compatriots Abroad]. Op. 1. D. 2. P. 9, 10. (In Russ.).

Spravka ob itogakh poyezdki po stranam Blizhnego Vostoka (Siriya, Livan, Iordaniya). 15.11.1968 [Information about the results of the trip to the countries of the Middle East (Syria, Lebanon, Jordan), 11/15/1968]. IN: *UTsDNI AS KBR. F. R-865. Assotsiatsiya «Rodina». Kabardino-Balkarskoye otdeleniye mezhdunarodnoy assotsiatsii po svyazyam s sootchestvennikami za rubezhom* [Association «Rodina». Kabardino-Balkarian branch of the International Association for Relations with Compatriots Abroad]. Op. 1. D. 32. P. 1-6. (In Russ.).

Spravka Kabardino-Balkarskogo otdeleniya obshchestva Sovetskomu obshchestvu po kulturnym svyazyam s sootchestvennikami za rubezhom (Obshchestvo «Rodina») o rabote otdeleniya obshchestva s zarubezhnymi sootchestvennikami s 1976 po 1980 god [Information from the Kabardino-Balkarian branch of the society to the Soviet Society for Cultural Relations with Compatriots Abroad (Association «Rodina») on the work of the Society's branch with foreign compatriots from 1976 to 1980]. IN: *UTsDNI AS KBR. F. R-865. Assotsiatsiya «Rodina». Kabardino-Balkarskoye otdeleniye mezhdunarodnoy assotsiatsii po svyazyam s sootchestvennikami za rubezhom* [Association «Rodina». Kabardino-Balkarian branch of the International Association for Relations with Compatriots Abroad]. Op. 3. D. 34. P. 1-14. (In Russ.).

EFENDIEV K.K. *Obshchestvo «Rodina» – svyazi i kontakty» (O deyatelnosti Kabardino-Balkarskogo otdeleniya Obshchestva «Rodina»)* [Association «Rodina» – connections and contacts» (On the activities of the Kabardino-Balkarian branch of the Association «Rodina»)]. IN: *Natsionalno-osvoboditelnaya borba narodov Severnogo Kavkaza i problemy mukhadzhirstva. Materialy Vsesoyuznoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 24-26 oktyabrya 1990 g.* [National liberation struggle of the peoples of the North Caucasus and the problems of muhajirism. Materials of the All-Union Scientific and Practical Conference October 24-26, 1990] – Nalchik: Publishing House Elbrus. 1994. – P. 239-243. (In Russ.).

EFENDIEV K.K. *Bravo. «Kabardinka»!* [Bravo, «Kabardinka»!] – Nalchik: Publishing House «Elbrus». – 424 p. (In Russ.).

EFENDIEV K. *Eto velikoye slovo – Rodina!* [This is a great word – Motherland!]. IN: *Cherkesskiy mir* [Circassian world]. – 2000. July. – P. 7-9. (In Russ.).

Информация об авторе

А.В. Кушхабиев – доктор исторических наук.

Information about the author

A.V. Kushkhabiev – Doctor of Science (History).

Статья поступила в редакцию 28.04.2022 г.; одобрена после рецензирования 27.05.2022 г.; принята к публикации 17.06.2022 г.

The article was submitted 28.04.2022; approved after reviewing 27.05.2022; accepted for publication 17.06.2022.

Научная статья

УДК 94+378

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-148-164

EDN: FDGDEW

«ЧЕРКЕССКИЕ» НАРРАТИВЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ ГРУЗИИ (2011–2021)

Максим Валерьевич Кирчанов

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия,
maksymkyrchchanoff@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

Аннотация. Цель этого исследования – анализ черкесского измерения современной грузинской политики памяти. Проанализированы основные векторы и траектории развития черкесских нарративов в современном мемориальном каноне Грузии. Новизна исследования состоит в анализе практик и стратегий, используемых грузинскими интеллектуалами в рамках функционирования черкесских нарративов в современном мемориальном каноне Грузии как элемента политики памяти. В статье проанализированы 1) роль политических элит и средств массовой информации в формировании черкесских нарративов в политике памяти, 2) особенности перформативного поворота в исторической политике продвижения черкесских образов, 3) роль черкесских нарративов в «войнах памяти». В статье показан как консолидирующий, так и конфликтогенный потенциалы черкесского измерения в грузинской исторической политике. Проанализирована роль государственных органов власти и средств массовой информации как основных участников политики памяти и форматоров мемориального канона. Предполагается, что черкесские нарративы в современном мемориальном каноне имеют преимущественно символическое значение для решения внутренних политических задач, так как реальное влияние Грузии в регионе минимизировано внешними факторами. Результаты исследования показывают, что черкесские нарративы в грузинской политике памяти стали элементом идеологической легитимации элит и продвижения концепта особой роли Грузии на Кавказе, а также формирования версий памяти, которые альтернативны восприятию черкесских образов в российском историческом воображении.

Ключевые слова: Грузия, историческая политика, политика памяти, «черкесские» нарративы, мемориальный канон, войны памяти

Для цитирования: Кирчанов М.В. «Черкесские» нарративы в современной политике памяти Грузии (2011–2021) // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 2. – С. 148–164. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-148-164. EDN: FDGDEW.

© Кирчанов М.В., 2022

Original article

"CIRCASSIAN" NARRATIVES IN THE MODERN POLITICS OF MEMORY IN GEORGIA (2011–2021)

Maksym V. Kirchanov

Voronezh State University, Voronezh, Russia, maksymkyrchchanoff@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

Abstract. This study analyzes the Circassian dimension in the modern Georgian politics of memory. The author analyzes the main vectors and trajectories of the development of Circassian narratives in the modern memorial canon of Georgia. The novelty of the study lies in the analysis of the practices and strategies used by Georgian intellectuals within the framework of the functioning of Circassian narratives in the modern memorial canon of Georgia as an element of the politics of memory. The article analyzes 1) the role of political elites and the media in the formation of Circassian narratives in the politics of memory, 2) the features of the performative turn in the historical policy of promoting Circassian images, 3) the role of Circassian narratives in the “wars of memory”. This article shows both the merging and conflict potential of the Circassian dimension in Georgian historical politics. The author analyzes the roles of state authorities and the media as the key participants in the policy of memory and formatters of the memorial canon. It is assumed that the Circassian narratives in the modern memorial canon are predominantly symbolic for solving internal political problems, since external factors minimized the real influence of Georgia in the region. The results of the study show that the Circassian narratives in the Georgian politics of memory became an element of the ideological legitimization of the elites and the promotion of the concept of Georgia’s special role in the Caucasus, as well as the formation of alternative versions of memory to the perception of Circassian images in the Russian historical imagination.

Keywords: Georgia, historical politics, politics of memory, "Circassian" narratives, memorial canon, wars of memory

For citation: Kirchanov M.V. "Circassian" narratives in modern politics of memory in Georgia (2011–2021). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 2. – P. 148-164. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-148-164. EDN: FDGDEW.

© Kirchanov M.V., 2022

Введение

«Историческая политика», известная в современной историографии как «политика памяти», на современном этапе развития общества относится к числу проблем, чье изучение представляется особенно актуальным и важным, так как мы наблюдаем очередную волну идеологизации истории и ее использования в политических целях правящими элитами или различными политическими группами. Подобные явления в научной литературе изучаются в исследованиях, сфокусированных именно на политике памяти. Под исторической политикой или политикой памяти в современной российской историографии понимается «набор приёмов и методов, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определённые интерпретации исторических событий как доминирующие» [Миллер 2009: 6].

В научной литературе, сфокусированной на изучении взаимозависимости исторической памяти и идеологической конъюнктуры, политика памяти может восприниматься, описываться и изучаться как почти исключительно европейское явление. Поэтому в большинстве исследований по данной проблематике явление исторической политики ограничивается почти исключительно центрально-европейскими и восточноевропейскими государствами. В современной историографии европейские примеры политики памяти претендуют на статус классических, так как именно эти страны поставили исторические исследова-

ния и формирование нового «мемориального канона» на службу интересам элит, что привело к созданию специальных «институтов памяти».

Политические элиты Грузии активно используют ресурсы исторической политики для консолидации общества и формирования нового мемориального канона. Последний в одинаковой степени основан на ревизии советского прошлого, последовательном антикоммунизме и декоммунизации исторического наследия. Эти тенденции сочетаются с гражданским и этническим национализмом. По всем этим показателям современная грузинская историческая политика мало чем отличается от политики памяти в других постсоциалистических обществах, актуализируя общие тенденции, характерные для идеологически мотивированных экспансий в сферу истории со стороны правящих политических элит.

Цель и задачи статьи. В центре авторского внимания в представленной статье будут проблемы исторической политики в современной Грузии. В силу того, что современная грузинская историческая культура памяти включает несколько уровней, в данной статье автор ограничился анализом только «кавказских» нарративов в современной грузинской исторической политике. В данном случае под последними понимаются «черкесские» нарративы, используемые для актуализации «кавказского» измерения в грузинской культуре исторической памяти. Целью статьи является изучение «черкесских» образов как элемента исторической политики Грузии, которая активно эксплуатирует «кавказское» измерение исторического воображения, активно применяемого в рамках форматирования коллективной памяти и формирования нового «мемориального канона». В число задач статьи входит анализ функционирования «черкесских» образов в политике памяти, а также изучение стратегий их актуализации и визуализации в рамках «проработок прошлого», имеющих место в Грузии.

Методология. С точки зрения методологии статья принадлежит к числу тех работ современной российской историографии, которые актуализируют достижения мемориального поворота [Леонтьева 2015], ставшего следствием роста исследовательского интереса к различным множественным культурам исторической и социальной памяти [Колосовская, Ткаченко 2020]. Поэтому методологически представленная статья актуализирует общие тенденции, выявленные в предшествующей историографии при изучении конструирования образов прошлого [Шапинская 2019], действия механизмов коллективной амнезии и преднамеренной актуализации тех или иных моментов в исторической памяти в ущерб другим. Позиционируя статью в рамках направления, порожденного в историографии мемориальным поворотом, автор считает необходимым указать на то, что ее объектом является не коллективная память в теоретическом плане, но ее дискурсивные и нарративные проявления, представленные идеологически мотивированными применениями прошлого для решения актуальных политических задач. Поэтому «черкесские» нарративы в статье редуцируются до дискурсивного проявления «мемориального» в современной грузинской интеллектуальной ситуации. С точки зрения методологии, данная статья близка к интеллектуальной истории, продолжая, в частности, предположения, высказанные В.А. Шнирельманом [Шнирельман 2003]. Исследовательские принципы исто-

рии идей оказываются продуктивными в рамках изучения политики памяти, так как конструирование образов прошлого неэффективно без привлечения интеллектуалов как участников воображения прошлого, так и ревизии истории, что проявляется в деконструкции доминировавших ранее представлений, вытесняемых новыми версиями исторической памяти, представленной в форме компромиссного «мемориального канона».

Историография. Проблемы исторической политики и ее отдельные проявления в Восточной и Центральной Европе изучаются в российской историографии неравномерно [Семененко 2020]. Вопросы политики памяти в Грузии [Кирчанов 2016] и на Кавказе относятся к числу изученных незначительно [Кирчанов 2020 а]. Этому способствует языковой барьер, недоступность большинства оригинальных источников историкам в России и определенная периферийность грузинской версии «проработки прошлого» в сравнении с аналогичными европейскими сюжетами, в большей степени привлекающими внимание отечественных исследователей. Поэтому отражение «кавказского» опыта исторической политики в Грузии в современной российской историографии представлено менее заметно в сравнении с другими национальными формами политики памяти, более активно изучаемыми в современной российской исторической науке [Kirchanov 2013; Кирчанов 2020 б; Кирчанов 2021; Нечаев, Леонова 2021; Маркедонов 2015].

«Кавказские» нарративы грузинской исторической политики

Кавказские образы неоднозначны и гетерогенны, будучи представлены кавказскими нарративами в целом, северокавказскими образами и попытками сконструировать «собственный» Кавказ Грузии, редуцированный до Южной Осетии и Абхазии. Кавказские образы в историческом воображении Грузии в своем развитии прошли несколько этапов от доминирования в литературе и академической историографии до миграции в современные средства массовой информации, которые стали основной формой и пространством реализации исторической политики. Наличие кавказских нарративов в исторической политике связано с развитием современного грузинского национализма – поэтому образы Кавказа в политике памяти Грузии интерпретируются в картвельской системе политических и культурных координат, что связано со значительной ролью этнической компоненты в современной истории грузинского национализма. Наличие кавказских образов в современной грузинской политике памяти подчинено решению политических задач, связанных одновременно с формированием позитивного образа Грузии, продвижением ее образа как жертвы и негативного образа России, которая одновременно позиционируется как страна, покусившаяся на суверенитет Грузии над ее отдельными регионами и на права населения северокавказских республик.

Распад СССР и появление новых государств, по мнению К. Аймермахера и Г. Бордюгова, привели к тому, что «люди стали пересматривать прежние представления о самих себе, столкнулись с сосуществованием старых и новых идентичностей, в том числе национальных. Это вызвало кризис самосознания и далеко не всегда рационально контролируемые политические проекции» [Аймер-

махер, Бордюгов 2003: 14]. В грузинской исторической памяти одной из такой актуализировавшихся проекций стали кавказские образы, которые было необходимо локализовать в рамках мемориального канона и грузинской культуры памяти. Таким образом, функционирование кавказских нарративов в современной политике памяти Грузии подчинено формированию определенных интерпретаций истории Кавказа, таких версий исторической памяти и коллективных представлений о прошлом, которые не только соответствовали идеологическому запросу правящих элит, но и доказывали бы их легитимность, в первую очередь – в глазах собственных граждан.

Предпосылки институционализации «черкесского» в грузинском мемориальном каноне (2010–2011 гг.)

«Кавказское» в грузинской политике памяти не ограничено только теми образами, которые в исторической политике воспринимаются как внутренние, то есть связаны с образами Южной Осетии и Абхазии. В грузинской мемориальной культуре особое внимание уделяется северокавказским образом, что связано с российско-грузинскими «войнами памяти», в рамках которых формируется негативный образ России в то время, как имидж Грузии позиционируется в принципиально иной системе координат. Поэтому Сакартвело воспринимается как идеальная модель свободы, хотя такие интерпретации в большей степени имеют отношение к политике и идеологии, что превращает представления о прошлом в компонент политических манипуляций, проводимых в рамках исторической политики или политики прошлого.

На протяжении XX в. политические элиты не имели потребности в подобных «проработках» истории, так как вполне надежно контролировали историографический дискурс при помощи цензурных и идеологических ограничений. Комментируя политизацию истории в XX столетии, грузинский историк Реваз Коява подчеркивает, что «в Советском Союзе переосмысление прошлого было особенно актуально для историков. Они чувствовали себя обязанными создавать версии истории, которые повышали бы престиж их республик или этнических групп... этнонационализм, видимый или невидимый, всегда существовал в видении истории и был свойственен историкам, работавшим в различных республиках... создаваемые ими этноцентрические версии истории оказывали глубокое воздействие... активизируя этническое самосознание и формирование идентичности»¹.

В начале XXI в. подобные стратегии утратили свою актуальность и эффективность в условиях исчезновения монополии академического сообщества формировать и воспроизводить исторические нарративы. По мнению российских исследователей Г. Бордюгова и В. Бухарева, «сервильность историков не требует особых комментариев» [Бордюгов, Бухарев 2003: 63], а склонность элит редуцировать академическую историографию до политики памяти актуализировала склонность отдельных общественных активистов и средств массо-

¹ ქოიავა რ. ქართულ-აფხაზური მეხსიერების ომები: მითები და პოლიტიკა // Regional Dialogue. 2021. დეკემბერი 9. URL.: <http://regional-dialogue.com/geo-abk-memory-politics/> (дата обращения: 5.04.2022)

вой информации как основных участников исторической политики в еще большей степени актуализировала сервилизм политики памяти. Поэтому историческая политика, осуществляемая общественными активистами и выражающаяся преимущественно при помощи средств массовой информации, начинает выполнять перечисленные выше функции, что проявляется, в том числе, и в «кавказских» нарративах, занимающих особое место в современном мемориальном каноне Грузии. Грузинский мемориальный канон в отношении Северного Кавказа основан на продвижении идеи, что грузины, как и народы региона, боролись за свободу, а их основным конкурентом была Российская империя, образ которой формируется в негативной системе координат, актуализируя качества Инаковости.

Особое внимание в рамках продвижения «кавказского» измерения в грузинской исторической политике уделяется черкесам. Политика памяти в современной Грузии основана на восприятии черкесов в качестве жертв агрессии со стороны России. Состав участников грузинской исторической политики на черкесском направлении относительно разнообразен. В формирование соответствующих нарративов вовлечены средства массовой информации, политические активисты и органы государственной власти. Например, в 2010 г. отдельные черкесские активисты обратились в парламент Грузии с просьбой признать факт совершения геноцида Российской империей. Нугзар Циклаури, председатель в 2010 г. комитета по связям с диаспорой, отреагировал на это, указав на то, что для Грузии важна «тысячелетняя связь с народами Кавказа, которая должна продолжаться для грузинского народа»¹.

Институционализация «черкесского» в грузинской политике памяти

13 мая 2011 г. парламентский комитет по вопросам диаспоры и Кавказа рассматривал вопрос «геноцида черкесов». 20 мая 2011 г. Парламент Грузии принял Постановление «О признании геноцида черкесов Российской империей». Постановление стало важным элементом политики памяти в Грузии, так как формировало негативный образ России, продвигая нарратив о том, что «политическое и военное руководство Империи заранее спланировало и впоследствии осуществило этнические чистки на территориях черкесов», в результате чего «более 90 % черкесского населения было физически уничтожено или изгнано с родины в результате многочисленных карательных военных экспедиций и искусственно инсценированных ситуаций голода и эпидемии, направленные на физическое уничтожение черкесов»². Таким образом, парламентское постановление определило основные векторы развития кавказской компоненты в политике памяти, включая как актуализацию особой роли Грузии в защите эт-

¹ ლიკლივაძე კ. ჩერქეზები მათი გენოციდის აღიარებას ითხოვენ // რადიო თავისუფლება. 2010. მარტი 22. URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/1990404.html> (дата обращения: 5.04.2022)

² საქართველოს პარლამენტის რეზოლუცია. რუსეთის იმპერიის მიერ ჩერქეზთა გენოციდის განხორციელების აღიარების შესახებ. თბილისი, 2011 წლის 20 მაისი. №4701-IX // საქართველოს საკანონმდებლო მაცნე. 2011. მაისი 20. URL.: <https://www.matsne.gov.ge/ka/document/view/1333945?publication=0> (дата обращения: 5.04.2022)

нических групп, так и формирование негативного образа России, позиционируемой в качестве угрозы той модели Кавказа, которая представлена в современном грузинском «мемориальном каноне».

Локализация «черкесского» как элемента именно грузинской исторической памяти стала попыткой преодоления советского наследия, так как еще до распада СССР на Кавказе «расцвела и молчаливо поощрялась местными партийными властями практика создания “оригинальных” версий прошлого своего народа – с непременным возвеличиванием его роли – за счёт соседних этносов» [Гатагова 2003: 263]. Поэтому благодаря усилиям как грузинских, так и некоторых северокавказских активистов в мемориальном каноне Грузии была принята попытка ревизии более ранних нарративов в направлении актуализации именно грузинской роли в региональном историческом процессе. Поэтому доминирующей стала точка зрения, согласно которой, во-первых, от российской политике пострадала не только Грузия, но и «сотни тысяч кавказских мусульман погибли в результате политики Российской империи, что означало насильственное изменение демографии». Во-вторых, активно продвигается нарратив, что до момента присоединения к России «черкесы жили по всему Черноморскому побережью России – от Анапы до Абхазии и на восток до границы с Чечней. В-третьих, предполагается, что в период Кавказской войны черкесы «оказали сопротивление русским и не позволили им двигаться на юг, но история черкесов в этом регионе все же закончилась в 1864 году, когда армия Александра II завоевала Кавказ»¹. В-четвертых, актуализируется негативный образ России, так как российская администрация вынудила черкесское население покинуть его исконные территории и переселиться на территорию Османской империи, что сопровождалось демографическими потерями. В целом, подобные интерпретации истории преимущественно политизированы и в значительной степени подвержены влиянию со стороны идеологии, но эта ситуация не уникальная для Грузии, так как большинство постсоветских обществ подверглись «гипертрофированной политизации» [Сагановіч 2010 а: 227].

В продвижении именно такой версии исторической памяти в Грузии активное участие принимают и университетские интеллектуалы. Например, Мераб Чухуа явно распространял на черкесов универсальные стратегии формирования образа жертвы, подчеркивая, что «более 20 процентов всего черкесского населения было убито. Это был ярко выраженный геноцид... У Грузии есть шанс восстановить справедливость и почтить память миллионов жертв и сотен убитых черкесов»². Таким образом, черкесы включаются в стратегии виктимизации, которые одновременно используются в собственной грузинской политике памяти, формируя образ Сакартвело как жертвы Российской империи и Советского Союза. Поэтому, черкесские нарративы в современной исторической

¹ თარხნიშვილი ნ. სამეცნიერო დასკვნის მიხედვით, ჩერქეზები გენოციდის მსხვერპლნი არიან // რადიო თავისუფლება. 2011. მაისი 13. URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/24107647.html> (дата обращения: 5.04.2022)

² თარხნიშვილი ნ. სამეცნიერო დასკვნის მიხედვით, ჩერქეზები გენოციდის მსხვერპლნი არიან // რადიო თავისუფლება. 2011. მაისი 13. URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/24107647.html> (дата обращения: 5.04.2022)

памяти в значительной степени мифологизированы в силу того, что мифы «как способ и форма сохранения и расширения знаний о прошлом бесспорно принадлежат к коллективной памяти» [Сагановіч 2012: 219], в том числе – о кавказском характере грузинской исторической традиции, что позволяет активистам исторической памяти позиционировать именно Грузию как защитника истории черкесов.

Поэтому 20 мая 2011 г. Парламент Грузии выступил с резолюцией, которая признавала со стороны современного грузинского государства геноцид черкесов со стороны Российской империи. Превращение парламента в интерпретатора исторических событий указывает на то, что в подобных ситуациях «профессиональная историография все меньше влияет на историческое сознание общества» [Сагановіч 2013: 185]. Резолюция стала важным элементом в исторической политике памяти, направленной на закрепление за черкесами особого места в мемориальном каноне как одних из жертв России, что в целом соотносилось с логикой грузино-российского конфликта памяти. Русудан Кервалишвили, вице-спикер парламента в 2011 г., определила признание геноцида как защиту истории и исторической памяти народов Кавказа¹. 1 июля 2011 г. грузинский парламент принял Постановление № 4989 «Об увековечивании памяти жертв геноцида Черкесский народ Российской империей»², что стало вторым структурообразующим элементом черкесского измерения в «кавказской» исторической политике Грузии.

Если «историки как авторы исторического нарратива "изобретают" традиции, на которых и возникают коллективные идентичности» [Сагановіч 2010 b: 89], то политические элиты могут эти нарративы успешно инструментализировать, что, например, проявилось в интеграции черкесских нарративов в тот инструментарий, который используется политическими элитами для консолидации общества. В 2011 г. на заседании парламента в рамках рассмотрения вопроса о геноциде черкесов были приглашены представители черкесских организаций, которые внесли свой вклад в функционирование кавказских образов в грузинской исторической памяти, подчеркнув, что «наша страна исчезла с карты мира 147 лет назад и ее там нет до сих пор. Более 90 процентов нашего народа изгнано со своей земли и не может вернуться на родину. Признание геноцида станет началом нашего возвращения, нашего возрождения, нашей надежды»³, что в целом вписывалось в логику функционирования мемориального канона, одной из основных стратегий которого стала мифологизация прошлого через виктимизацию, формирование и последовательное продвижения образа жертвы.

¹ თარხნიშვილი ნ. საქართველოს პარლამენტმა აღიარა ჩერქეზთა გენოციდი // რადიო თავისუფლება. 2011. მაისი 20. URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/24181508.html> (дата обращения: 5.04.2022)

² ბატიაშვილი ზ. საქართველოს მიერ ჩერქეზთა გენოციდის აღიარების საკითხი და მისი ასახვა თურქეთში // თბილისი Post. 2021. მაისი 5. URL.: <https://tbilisipost.ge/news/zurab-batiashvili---saqartvelos-mier-cherqezta-genoidis-aghiarebis-sakitkhi-da-misi-asakhva-turqetshi/4147> (дата обращения: 5.04.2022)

³ თარხნიშვილი ნ. საქართველოს პარლამენტმა აღიარა ჩერქეზთა გენოციდი // რადიო თავისუფლება. 2011. მაისი 20. URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/24181508.html> (дата обращения: 5.04.2022)

Черкесский культурный центр как институт памяти в исторической политике Грузии

Именно для этих целей в Тбилиси в октябре 2011 г. был создан Черкесский культурный центр, призванный консолидировать «кавказские» уровни в современной грузинской исторической политике. В открытие Центра приняли участие как власти Грузии, так и представители черкесской диаспоры, которые оказались солидарны в том, что изучение истории и культуры черкесов в общекавказском контексте¹ может содействовать развитию диалога и формированию новых компромиссных версий памяти, которые синтезировали бы раннее сложившиеся нарративы.

Предполагалось, что в рамках политики памяти Центр, созданный в силу того, что «народы Грузии и Северного Кавказа объединяет языковое и генетическое родство, культурно-традиционное единство и многовековая история двусторонних контактов»², будет проводить «проработку прошлого» путем популяризации истории и культуры черкесов, других народов Северного Кавказа и активизации диалога между грузинскими и другими кавказскими интеллектуалами. Такая ситуация в современной Грузии стала следствием нестабильности того мемориального канона, который на протяжении постсоветского периода сложился в обществе.

В связи с этим Заза Библашвили подчеркивает, что в грузинском обществе «память никогда не была нашей сильной стороной. Хуже того, мы не хотим, чтобы она когда-либо менялась... Память – это ответственность и усилия. Память – это фильтр, предлагающий естественные ответы на повседневные политические дилеммы. Ответы, которые не всегда желательны и удобны. Память – это стандарт для нашего коллективного «я», от которого мы не должны отставать... Память – это мышление, точнее – элементарный здравый смысл»³. Память в мемориальном каноне современной Грузии склонна подвергаться мифологизации в силу того, что «мифы – это не только компонент исторического сознания. Мифы, как и сама историческая наука, в равной степени формируют историческое сознание и национальную традицию» [Маркава 2012: 186]. Подобное восприятие коллективной исторической памяти в Грузии сталкивается с попытками его ревизии, так как этническая компонента является определяющим фактором как функционирования памяти, так и формируемого в ее рамках мемориального канона, актуализирующего, в том числе, и кавказские нарративы, в меньшей степени подверженные интеграции в концепты гражданской памяти нации как сообщества. Поэтому «кавказское» оказывается в меньшей степени интегрируемым в «здравый смысл» в отличие от их востребованности этническим национализмом.

¹ თარხნაშვილი ნ. გაიხსნა ჩერქეზთა კულტურის ცენტრი // რადიო თავისუფლება. 2012. თებერვალი 16. URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/24486077.html> (дата обращения: 5.04.2022)

² დიასპორისა და კავკასიის საკითხთა კომიტეტმა ჩერქეზული კულტურის ცენტრის დირექტორს, მერაბ ჩუხუას მოუხმინა // იმედი. 2020. სექტემბერი 30. URL.: <https://imedinews.ge/ge/sazogadoeba/165005/diasporisa-da-kavkasiis-sakitkhta-komitetma-cherqezuli-kulturis-tsentr-is-direktors-merab-chukhuas-mousmina> (дата обращения: 5.04.2022)

³ ბიბლაშვილი ზ. რაც გინახავს, ისევ ნახავ! // ჭავჭავაძის ცენტრი. 2020. ოქტომბერი 19. URL.: <http://chavchavadzecenter.ge/en/blog/365-rac-ginaxavs-isev-naxav> (дата обращения: 5.04.2022)

«Черкесское» как фактор «войн памяти»

Активность в сфере пересмотра исторической памяти стала стимулом для обострения грузино-абхазских «мемориальных» войн, содействуя также росту противоречий между Грузией и Россией в сфере исторической политики и памяти. Российско-американский историк Н. Копосов определяет мемориальные войны как «конфликты партикулярных идентичностей и исторических памятней разного рода “воображаемых сообществ”» [Копосов 2013: 68]. Именно поэтому склонность грузинской стороны продвигать историю в общественные и социальные пространства не только указывает на активность активистов, вовлечённых в политику памяти, но и служит поводом для обострения мемориальных противоречий с их оппонентами в России, которые склонны развивать другие версии мемориального канона.

Непонимание со стороны российских активистов политики памяти встречают попытки монументализации темы принуждения, насилия и подавления, предпринимаемые Тбилиси, по инициативе которого, например, 21 мая в городе Анаклия был открыт мемориал в память о черкесах¹, погибших или выселенных в результате присоединения региона к Российской империи². Сослан Салакая, заместитель директора Института гуманитарных исследований (Сухуми), критически отзывается о деятельности Черкесского культурного центра³, так как в активности грузинской стороны склонен видеть стремление сформировать альтернативный абхазскому канону исторической памяти. Кроме этого, абхазская и грузинская версии политики памяти фактически стали попыткой разделения черкесов между политическим проектом Абхазии и Грузии, так как в период грузино-абхазского конфликта многие черкесы воевали на стороне абхазов⁴.

В такой ситуации попытки грузино-черкесского «мемориального» сближения воспринимаются со стороны Сухуми крайне негативно. Абхазские и северокавказские интеллектуалы, как правило, игнорируют инициативы Черкесского культурного центра, направленные на ревизию более ранних версий исторической памяти в силу того, что «гуманитарные науки являются интерпретирующими дисциплинами» [Досс 2013: 10]. Подобные интерпретации и реинтерпретации в рамках политики памяти могут становиться объектом ревизии, которая не всегда протекает безболезненно, стимулируя «войны памяти». «Кавказское» в исторической политике Грузии стимулирует мемориальную конфронтацию с Абхазией. Грузинский историк Малхаз Тория полагает, что мемориальные практики современных грузинских интеллектуалов основаны на признании гетерогенного характера Кавказа в то, время как абхазские активисты

¹ წულაძე ზ. ჩერქეზთა გენოციდის 155-ე წლისთავი // ამერიკის ხმა. 2019. მაისი 30. URL.: <https://www.amerikiskhma.com/a/cherkasian-genocide-155-years/4938641.html> (дата обращения: 5.04.2022)

² ტუპგოვია ლ. 21 მაისი ჩერქეზეთის დამოუკიდებლობისთვის დაღუპულთა ბრძოლის დღეა // ჩერქეზული კულტურის ცენტრი. 2019. მაისი 17. URL.: <http://circassiancenter.org/permalink/90799.html> (дата обращения: 5.04.2022)

³ სოხუმში მიაჩნიათ, რომ თბილისში არსებული ჩერქეზული ცენტრი ეროვნებათშორის შუღლს აღვივებს // კვირა. 2015. ივლისი 25. URL.: <http://kvira.ge/194526>

⁴ უგულავა ს. ჩერქეზთა გენოციდის 150-წლიანი ისტორია // ტაბულა. 2011. მაისი 31. URL.: <https://tabula.ge/ge/news/542536-cherkezta-genotsidis-150-cliani-istoria> (дата обращения: 5.04.2022)

исторической памяти предлагают альтернативный «национальный проект, который ставит своей целью представить всю территорию региона как исторически моноэтнично-абхазское пространство и продолжить его этническую гомогенизацию в будущем»¹.

В этом контексте грузинская политика памяти в ее «кавказском» измерении на современном этапе в большей степени подчинена решению политических задач, связанных с формированием и продвижением представлений о грузинском обществе как социуме западного типа, признающим этническое и культурное многообразие. Актуализация, в свою очередь, альтернативного образа политики памяти Абхазии призвана в одинаковой степени продвигать негативный образ политического Другого, чья модель памяти основана на принципах этничности, а не нации как сообщества граждан. Мероприятия в рамках грузинской «кавказской» политики памяти содействуют разделению национальных мемориальных канонов Грузии и Абхазии через призму восприятия черкесского фактора в истории Кавказа.

Форум «Грузино-черкесские исторические и культурные отношения» и конференции «Исчезающие народы – неоконченные преступления: черкесы и народы Северного Кавказа между прошлым и настоящим»², «Проблемы этничности Джикети и проблема ее места в истории Грузии»³ были направлены одновременно на визуализацию Грузии в кавказском контексте и «кавказского» в грузинском историческом процессе.

Аналогичные протесты со стороны некоторых активистов Северного Кавказа вызывают попытки со стороны грузинских институций, вовлеченных в реализацию политики памяти, проводить Дни родного языка⁴ и специализированные мероприятия в сфере этнической моды⁵, призванные визуализировать черкесскую этничность, воспринимаемую в контексте грузинского культурного разнообразия, что приводит к актуализации коллективных травм, связанных с утратой идентичности и попытками Тбилиси монополизировать представление кавказских наций на международном уровне. В целом, «черкесское» в грузинской политике памяти стало частным случаем ее большого «кавказского» измерения.

¹ თორია მ. ეთნიკური ფესვებისკენ მიბრუნება, თუ განდევნის პოლიტიკა აფხაზეთში? // Civil.ge. 2017. ოქტომბერი 31. URL.: <https://civil.ge/ka/archives/219050> (дата обращения: 5.04.2022)

² ჩერქეზების გენოციდი // ლიბერალი. 2012. ივლისი 30. URL.: <http://liberali.ge/blogs/view/4436/cherqezebis-genotsidi> (дата обращения: 5.04.2022)

³ რეზოლუცია- ჯიქეტის ეთნიკური კუთვნილების პრობლემა და ჯიქეთი საქართველოს ისტორიაში // ჩერქეზული კულტურის ცენტრი. 2015. დეკემბერი 25. URL.: <http://circassiancenter.org/permalink/22052.html> (дата обращения: 5.04.2022)

⁴ კომიტეტის სხდომაზე ჩერქეზული კულტურის ცენტრის მიერ გაწეული საქმიანობის თაობაზე ინფორმაცია მოისმინეს // MediaMall. 2019. მარტი 14. URL.: <http://mediamall.ge/new/78241-komitetis-skhdomaze-cherqezuli-kulturis-centris-mier-gatseuli-saqmianobis-taobaze-informacia-moismines> (дата обращения: 5.04.2022)

⁵ ჩერქეზული სამოსის დეფილე ეროვნულ ბიბლიოთეკაში // საქართველოს პარლამენტის ეროვნული ბიბლიოთეკა. 2019. ივნისი 19. URL.: https://www.nplg.gov.ge/geo/events/Cerqezuli_samosis_defile_erovnul_biblioTekaSi/4075 (дата обращения: 5.04.2022)

«Черкесское» в грузинской исторической политике: перспективы развития

По мнению болгарского историка Д. Крыстева, «обращение к прошлому является результатом стремления к терапевтической коррекции настоящего» [Кръстев 2003: 420], что превращает государство в вынужденного и неизбежного участника формирования «мемориального канона». Именно поэтому в политических и идеологических компаниях «проработки прошлого» участвуют и государственные служащие современной Грузии. Нугзар Циклаури, председатель парламентского комитета по связям с диаспорой и народами Кавказа, с одной стороны, подчеркивал, что открытие Центра станет «шагом навстречу сердцам черкесов, шагом навстречу другим кавказцам, чеченцам... шагом навстречу Кавказу в целом»¹. С другой, Мераб Чухуа, директор Центра и профессор Тбилисского государственного университета, полагал, что деятельность этой институции будет содействовать актуализации «кавказских» нарративов в грузинской исторической памяти, так как «центр будет пытаться вернуть Грузию то культурное пространство на Кавказе, которое она утратила, в результате чего черкесская культура потеряла свое место, как и ингушская, чеченская, дагестанская... центр будет местом, где черкесская культура, как и другие кавказские культуры, найдет себе пристанище»².

Аналогичное мнение было выражено и Мекой Хангошвили, одним из лидеров чеченской диаспоры в Грузии в начале 2010-х гг., который подчеркивал, именно кавказскую компоненту в деятельности Центра: «не имеет значения, будет ли открыт черкесский культурный центр в Грузии, или чеченской, ингушской или любой другой. Главное, что он будет делать кавказскую работу. Если мы выживем, то мы выживем только вместе»³. В этом контексте грузинская политика памяти претендовала на ревизию не только грузинской, но и других региональных историй, стремясь стать универсальной моделью для формирования новых мемориальных канонов для других кавказских народов, что в целом вписывалось в логику российского-грузинского исторического противостояния в контекстах войн памяти.

Грузинский историк Реваз Коява, комментируя спектр манипуляцией историей в обществе, полагает, что «если наше отношение к прошлому характеризуется определенной объективностью, то оно находится в процессе бесконечных изменений, которые заставляют нас вносить коррективы в оценку происходившего в прошлом или коренным образом пересматривать его»⁴. В такой ситуации ревизии в современной политике памяти Грузии подвергаются и «кавказские» нарративы. В рамках актуализации именно «кавказского» измерения исторической политики Культурный черкесский центр, начиная с конца

¹ ქვეანიშვილი ე. თბილისში დაარსდა ჩერქეზთა კულტურის ცენტრი // რადიო თავისუფლება. 2011. ოქტომბერი 19. URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/24364471.html> (дата обращения: 5.04.2022)

² თარხნიშვილი ნ. გაიხსნა ჩერქეზთა კულტურის ცენტრი // რადიო თავისუფლება. 2012. თებერვალი 16. URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/24486077.html> (дата обращения: 5.04.2022)

³ თარხნიშვილი ნ. გაიხსნა ჩერქეზთა კულტურის ცენტრი // რადიო თავისუფლება. 2012. თებერვალი 16. URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/24486077.html> (дата обращения: 5.04.2022)

⁴ ქოიავა რ. ქართულ-აფხაზური მეხსიერების ომები: მითები და პოლიტიკა // Regional Dialogue. 2021. დეკემბერი 9. URL.: <http://regional-dialogue.com/geo-abk-memory-politics/> (дата обращения: 5.04.2022)

2010-х гг., начал проявлять большую активность в политически и идеологически мотивированной «проработке прошлого» в рамках пересмотра истории грузино-абхазских отношений¹.

Именно поэтому была озвучена идея создания специализированного Абхазского культурного центра². Лейтмотивом его деятельности должна стала актуализация идеи общности грузинской и абхазской историй в рамках общего кавказского контекста. Наибольшая актуализация таких нарративов в рамках «кавказского» измерения политики памяти в Грузии имела место в конце 2000-х – начале 2010-х гг., но постепенно их актуальность уступила место другим сюжетам, которые в мемориальном каноне оказались востребованы в большей степени, чем идеи «кавказской» солидарности. Это не означало полного исчезновения кавказских нарративов из политики памяти, которые изменились, будучи в большей степени адаптированы к требованиям консолидации именно грузинского общества, а не ее региональных амбиций в форме солидарности с другими народами Кавказа.

Выводы

«Черкесские» нарративы в современной политике памяти Грузии выполняют несколько функций, актуализируя одновременно идею о Кавказе как зоне потенциального культурного и политического грузинского влияния, с одной стороны, визуализируя также исторические мифы о былом величии Грузии, которая исторически была одним из ведущих государственных образований Кавказа.

Обращение грузинской исторической памяти к ее «черкесскому» как «кавказскому» измерению фактически является формой своеобразной коррекции прошлого, так как современная Грузия является глубоко периферизированной страной, чье региональное влияние чрезвычайно ограничено внешними акторами. Актуализация «черкесского» пласта в грузинской исторической политике в большей степени подчинено решению внутренних задач, связанных с трансляцией в общество нарративов о Грузии как о кавказском государстве, что призвано актуализировать приверженность элит защите национальных интересов, связанных с «возвращением» Абхазии и Южной Осетии.

«Черкесские» нарративы в грузинской политике памяти на актуальном этапе ее развития являются важными символическими компонентами формирования и консолидации «мемориального канона» Грузии, которая в силу негативной для нее внешнеполитической конъюнктуры утратила контроль над рядом собственных исторических территорий, что вынуждает элиты конструировать исторические «кавказские» образы в рамках современных идеологически мотивированных интервенций в прошлое с целью решения актуальных задач политической консолидации общества.

¹ კომიტეტის სხდომაზე ჩერქეზული კულტურის ცენტრის საქმიანობის შესახებ ინფორმაცია მოისმინეს // კვირა. 2021. დეკემბერი 15. URL.: <http://kvira.ge/714542> (дата обращения: 5.04.2022)

² “ქალები კავკასიიდან – ასმათ საღირისის სამყარო” – გამოფენა გაიხსნება // კვირა. 2019. თებერვალი 11. URL.: <http://kvira.ge/448368> (дата обращения: 5.04.2022)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аймермахер, Бордюгов 2003 – *Аймермахер К., Бордюгов Г.* «Свое» и «чужое» прошлое. Введение // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов; предисл. Ф. Бомсдорфа. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. – С. 14–17.

Бордюгов, Бухарев 2003 – *Бордюгов Г., Бухарев В.* Национальная историческая мысль в условиях советского времени // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов; предисл. Ф. Бомсдорфа. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. – С. 21–72.

Гатагова 2003 – *Гатагова Л.* Северный Кавказ: метаморфозы исторического сознания // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов; предисл. Ф. Бомсдорфа. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. – С. 255–272.

Досс 2013 – *Досс Ф.* Как сегодня пишется история: взгляд с французской стороны // Как мы пишем историю / отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. – М.: РОССПЭН, 2013. – С. 9–56.

Кирчанов 2016 – *Кирчанов М.В.* "Политика прошлого" в современной Грузии, или как СМИ и публичные политики формируют коллективные представления о прошлом // Диалог со временем. – 2016. – № 56. – С. 374–395.

Кирчанов 2020 а – *Кирчанов М.В.* Историческая политика в национальных республиках Кавказа: коммеморативные практики как изобретенные традиции // Электронный журнал "Кавказология". – 2020. – № 1. – С. 219–236. – DOI 10.31143/2542-212X-2020-1-219-236

Кирчанов 2020 б – *Кирчанов М.В.* "Цхинвальский регион" и "Автономная Республика Абхазия" как "места памяти" и изобретенные традиции в современном грузинском политическом воображении (2018-2019) // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2020. – Т. 4. – № 3. – С. 327–333.

Кирчанов 2021 – *Кирчанов М.В.* Дихотомия "Европа – Россия" как изобретенная традиция современного грузинского национализма // Международная аналитика. – 2021. – Т. 12. – № 1. – С. 35–54.

Колосовская, Ткаченко 2020 – *Колосовская Т.А., Ткаченко Д.С.* Имперская политика памяти на Кавказе: механизмы конструирования массового исторического сознания (XIX – начало XX веков) // Новый исторический вестник. – 2020. – № 2 (64). – С. 131–154.

Копосов 2013 – *Копосов Н.* Исторические понятия в мире без будущего // Как мы пишем историю / отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. – М.: РОССПЭН, 2013. – С. 57–93.

Кръстев 2003 – *Кръстев Д.* Канон и/или агон. Литературноисторическите (ре)конструкции // Култура и критика. Т. 3. Краят на модерността? / съст. А. Вачева, Г. Чобанов. – Варна: LiterNet, 2003. – С. 416–449.

Леонтьева 2015 – *Леонтьева О.Б.* "Мемориальный поворот" в современной российской исторической науке // Диалог со временем. – 2015. – № 50. – С. 59–96.

Маркава 2012 – *Маркава А.* Гістарычная свядомасць як прадмет самарэфлексіі ў чэшскай гістарыяграфіі // Беларускі Гістарычны Агляд. – 2012. – Т. 19. – Сш. 1–2. – С. 179–212.

Маркедонов 2015 – *Маркедонов С.М.* Праздники и памятные даты постсоветского Закавказья: история и политика // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2015. – № 3. – С. 273–285.

Миллер 2009 – *Миллер А.И.* Россия: Власть и история // Pro et Contra. – 2009. – № 3–4. С. 6–23.

Нечаев, Леонова 2021 – *Нечаев Д.Н., Леонова О.В.* Мемориальная культура и политическая мифология: политика памяти в сфере государственного управления России и государств постсоветского пространства // Вестник Поволжского института управления. – 2021. – Т. 21. – № 1. – С. 12–21.

Сагановіч 2010 а – *Сагановіч Г.* Беларуская гістарыяграфія ў ацэнках яе гісторыкаў // Беларускі Гістарычны Агляд. – 2010. – Т. 17. – Сш. 1–2. – С. 225–229.

Сагановіч 2010 б – Сагановіч Г. Танэнберг / Грунвальд / Дуброўна 1410: сімвалізацыя бітвы ў Беларусі // Беларускі Гістарычны Агляд. – 2010. – Т. 17. – Сш. 1–2. – С. 89–116.

Сагановіч 2012 – Сагановіч Г. Палітычны міф у гістарычнай памяці і гісторыяпісанні // Беларускі Гістарычны Агляд. – 2012. – Т. 19. – Сш. 1–2. С. 213–238.

Сагановіч 2013 – Сагановіч Г. Безуладдзе і праўладнасць беларускіх гісторыкаў // Беларускі Гістарычны Агляд. – 2013. – Т. 20. – Сш. 1–2. – С. 173–188.

Семененко 2020 – Семененко И.С. Политика памяти в Европе и европейская политика памяти: нарративы и ориентиры // Дневник Алтайской школы политических исследований. – 2020. – № 36. – С. 23–31.

Шапинская 2019 – Шапинская Е.Н. Образы прошлого в (пост)современных репрезентациях // Культура и искусство. – 2019. – № 9. – С. 70–82.

Шнирельман 2003 – Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2003. – 591 с.

Kirchanov 2013 – Kirchanov M. The Caucasian and the Russian in contemporary Georgian nationalism // Central Asia and the Caucasus. – 2013. – Vol. 14. – No 4. – P. 101–109.

REFERENCES

AYMERMACHER K., BORDYUGOV G. «Svoye» i «chuzhoye» *proshloye* ["Own" and "foreign" past]. In: Natsional'nyye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh / red. K. Aymermakher, G. Bordyugov; predisl. F. Bomsdorfa. – M.: Fond Fridrikha Naumanna, AIRO-XX, 2003. – S. 14–17. (In Russ.).

BORDYUGOV G., BUKHAREV V. *Natsional'naya istoricheskaya mysl' v usloviyakh sovetского времени* [National historical thought in the Soviet era]. In: Natsional'nyye istorii v sovetском i postsovet skikh gosudarstvakh / red. K. Aymermakher, G. Bordyugov; predisl. F. Bomsdorfa. – M.: Fond Fridrikha Naumanna, AIRO-XX, 2003. – S. 21–72. (In Russ.).

DOSS F. *Kak segodnya pishetsya istoriya: vzglyad s frantsuzskoy storony* [How history is written today: a view from the French side]. In: Kak my pishem istoriyu / otv. red. G. Garreta, G. Dyufu, L. Pimenova. – M.: ROSSPEN, 2013. – S. 9–56. (In Russ.).

GATAGOVA L. *Severnyy Kavkaz: metamorfozy istoricheskogo soznaniya* [North Caucasus: metamorphoses of historical consciousness]. In: Natsional'nyye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh / red. K. Aymermakher, G. Bordyugov; predisl. F. Bomsdorfa. – M.: Fond Fridrikha Naumanna, AIRO-XX, 2003. – S. 255–272. (In Russ.).

KIRCHANOV M. *The Caucasian and the Russian in contemporary Georgian nationalism*. In: Central Asia and the Caucasus. – 2013. – Vol. 14. – No 4. – P. 101–109. (In Russ.).

KIRCHANOV M.V. "Politika proshlogo" v sovremennoy Gruzii, ili kak SMI i publichnyye politiki formiruyut kollektivnyye predstavleniya o proshlom ["Politics of the past" in modern Georgia, or how the media and public politicians form collective ideas about the past]. In: Dialog so vremenem. – 2016. – № 56. – S. 374–395. (In Russ.).

KIRCHANOV M.V. "Tskhinval'skiy region" i "Avtonomnaya Respublika Abkhaziya" kak "mesta pamyati" i izobretennyye traditsii v sovremennoy gruzinskom politicheskom voobrazhenii (2018-2019) ["Tskhinvali region" and "Autonomous Republic of Abkhazia" as "places of memory" and invented traditions in the modern Georgian political imagination (2018-2019)]. In: Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya. – 2020. – T. 4. – № 3. – S. 327–333. (In Russ.).

KIRCHANOV M.V. *Dikhotomiya "Yevropa – Rossiya" kak izobretennaya traditsiya sovremennoy gruzinskogo natsionalizma* [Dichotomy "Europe - Russia" as an invented tradition of modern Georgian nationalism]. In: Mezhdunarodnaya analitika. – 2021. – T. 12. – № 1. – S. 35–54. (In Russ.).

KIRCHANOV M.V. *Istoricheskaya politika v natsional'nykh respublikakh Kavkaza: kommemorativnyye praktiki kak izobretennyye traditsii* [Historical Politics in the National Republics of the Caucasus: Commemorative Practices as Invented Traditions]. In: Elektronnyi zhurnal "Kavkazologiya". – 2020. – № 1. – S. 219–236. – DOI 10.31143/2542-212X-2020-1-219-236 (In Russ.).

KOLOSOVSKAYA T.A., TKACHENKO D.S. *Imperskaya politika pamyati na kavkaze: mekhanizmy konstruirovaniya massovogo istoricheskogo soznaniya (XIX – nachalo XX vekov)* [Imperial Politics of Memory in the Caucasus: Mechanisms for the Construction of Mass Historical Consciousness (XIX - early XX centuries)]. In: Novyi istoricheskiy vestnik. – 2020. – № 2 (64). – S. 131–154. (In Russ.).

KOPOSOV N. *Istoricheskiye ponyatiya v mire bez budushchego* [Historical concepts in a world without a future]. In: Kak my pishem istoriyu / otv. red. G. Garreta, G. Dyufu, L. Pimenova. – M.: ROSSPEN, 2013. – S. 57–93. (In Russ.).

KRÜSTEV D. *Kanon i/ili agon. Literaturnoistoricheskite (re)konstruktsii* [Canon and / or agon. Literary-historical (re) constructions]. In: Kultura i kritika. T. 3. Krayat na modernostta? / süst. A. Vacheva, G. Chobanov. – Varna: LiterNet, 2003. – S. 416 – 449. (in Bulgarian).

LEONT'YEVA O.B. *"Memorial'nyi povorot" v sovremennoy rossiyskoy istoricheskoy nauke* ["Memorial turn" in modern Russian historical science]. In: Dialog so vremenem. – 2015. – № 50. – S. 59–96. (In Russ.).

MARKAVA A. *Historychnaja sviadomasć jak pradmiet samarefliksii ŭ češskaj historyjahrafi* [Historical consciousness as a subject of self-reflection in Czech historiography]. In: Bielaruski Historyčny Ahliad. – 2012. – T. 19. – Sš. 1–2. – S. 179–212. (in Belarusian).

MARKEDONOV S.M. *Prazdniki i pamyatnyye daty postsovetskogo Zakavkaz'ya: istoriya i politika* [Holidays and memorable dates of the post-Soviet Transcaucasia: history and politics]. In: Neprikosnovennyi zasap. Debaty o politike i kul'ture. – 2015. – № 3. – S. 273–285. (In Russ.).

MILLER A.I. *Rossiya: Vlast' i istoriya* [Russia: Power and history]. In: Pro et Contra. – 2009. – № 3–4. – S. 6–23. (In Russ.).

NECHAYEV D.N., LEONOVA O.V. *Memorial'naya kul'tura i politicheskaya mifologiya: politika pamyati v sfere gosudarstvennogo upravleniya Rossii i gosudarstv postsovetskogo prostranstva* [Memorial Culture and Political Mythology: The Politics of Memory in the Sphere of Public Administration in Russia and the States of the Post-Soviet Space]. In: Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya. – 2021. – T. 21. – № 1. – S. 12–21. (In Russ.).

SAHANOVICH H. *Bielaruskaja historyjahrafiya ŭ acenkach jaje historykaŭ* [Belarusian historiography in the estimations of its historians]. In: Bielaruski Historyčny Ahliad. – 2010. – T. 17. – Sš. 1–2. – S. 225 – 229. (in Belarusian).

SAHANOVICH H. *Biezuladdzie i praŭladnasć bielaruskich historykaŭ* [Anarchy and the rule of Belarusian historians]. In: Bielaruski Historyčny Ahliad. – 2013. – T. 20. – Sš. 1–2. – S. 173–188. (in Belarusian).

SAHANOVICH H. *Palityčny mif u historychnaj pamiaci i historyjapisanni* [Political myth in historical memory and historiography]. In: Bielaruski Historyčny Ahliad. – 2012. – T. 19. – Sš. 1–2. – S. 213–238. (in Belarusian).

SAHANOVICH H. *Tanenbierh / Hrunvałd / Dubroŭna 1410: simvalizacyja bitvy ŭ Bielarusi* [Tannenberg / Grunwald / Dubrowna 1410: symbolization of the battle in Belarus]. In: Bielaruski Historyčny Ahliad. – 2010. – T. 17. – Sš. 1–2. – S. 89–116. (in Belarusian).

SEMENENKO I.S. *Politika pamyati v Yevrope i yevropeyskaya politika pamyati: narrativy i oriyentiry* [The Politics of Memory in Europe and the Politics of Memory in Europe: Narratives and Landmarks]. In: Dnevnik Altayskoy shkoly politicheskikh issledovaniy. – 2020. – № 36. – S. 23–31. (In Russ.).

SHAPINSKAYA E.N. *Obrazy proshlogo v (post)sovremennykh reprezentatsiyakh* [Images of the past in (post)modern representations]. In: Kul'tura i iskusstvo. – 2019. – № 9. – S. 70–82. (In Russ.).

SHNIREL'MAN V.A. *Voyny pamyati: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'ye* [Memory Wars: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia]. – Moscow: Akademkniga, 2003. – 591 s.

Информация об авторе

М.В. Кирчанов – доктор исторических наук.

Information about the author

M.V. Kirchanov – Doctor of Science (History).

Статья поступила в редакцию 06.04.2022 г.; одобрена после рецензирования 15.05.2022 г.; принята к публикации 07.06.2022 г.

The article was submitted 06.04.2022; approved after reviewing 15.05.2022; accepted for publication 07.06.2022.

ФИЛОЛОГИЯ**Литература народов Российской Федерации
(литература народов Северного Кавказа)**

ЩІэныгъэ тхыгъэ

УДК 608:81(470.6)

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-165-181

EDN: FDUNVY

**ХУДОЖЕСТВЕННЭ КОНФЛИКТЫМРЭ ХЪЭЛ-ЩЭНХЭМРЭ
ЛЫКЪУЭЖЬ НЕЛЛИ И «МЫЩІЭВАГЪУЭ» ПЬЕСЭ-ПСЫСЭМ
КЪЫЗЭРЫЩЫГЪЭЛЪЭГЪУАР****Абазэ Албэч Чамир и къуэ**

Бэрбэч Хь. М. и цІэр зезыхъэ Къэбэрдей-Балъкър къэрал университет,
Налшык, Урысей, abazov1964@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3823-393X>

Аннотаци. Мы щІэныгъэ тхыгъэм щызэпкъырыхашц Лыкъуэжь Нелли адыгэ сабий драмэ-псысэ жанрым хуищІа хэлъхъэныгъэр. Нобэр къыздэсам щыІэкъым иджырей сабий литературэм теухуа къэхутэныгъэ-лэжыгъэ, абы кыхэкІкІэ, адыгэ сабий литературэм драматургиэмрэ и жанр куэд нэсу джа, зэпкъыха хъуакъым. Мыбы ехъэлІауэ нэхъ мащІэу къэхутауэ щытщ хабзэ хъуа е щІэщыгъуэу къэунэхухэр. Нобэ глобализацэм къишэ Іуэху зэІумыбзхэр къэплъытэмэ, драматург-либреттист Лыкъуэжь Нелли ІуэрыІуатэм щызекІуэ сюжетхэм гулътэ зэрыхуищІыр иужьрей лъэхъэнэм Хэку лъэпкъыбэ литературэм хабзэщІэу узыщрихъэлІэ Іуэхугъуэу зэрыщытыр кыхэгъэгъэщын хуейщ. Иджырей адыгэ литературэм ехъулІэныгъэфІхэр щіІэу псысэ жанрыр хэтщ икІи увыпІэ щхъэхуэ щеубыдыр: цІыхум и акъылым зэрызиуэщІым, гъащІэм и зэхэтыкІэр, и философиер куууэ къыщыхош, икІи а гупсысэр нэсу къэІуэтэ хъун щхъэкІэ, художественнэ Іэмал зыбжанэ иджырей псысэхэм къышагъэсэбп; дамыгъэ, нэщэнэ, псалъэм и мыхъэнэ дьдэм нэмыщІ нэгъуэщІ кыкІыу къэхъын. Лыкъуэжь Нелли и "МыщІэвагъуэ" пьесэ-псысэм иджыри зы гъэщІэгъуэнагъ хэлъщ: либреттэтх Іэзэм нэсу гулътэ хуешІ, къегъэсэбп псысэ жанрым и къалэн нэхъыщхъэхуэ лъэпкъ-щэнхабзэр, псалъэм и къэгъэсэбпыкІэр, абы щІилъхъэ гурыІуэгъуэр, жылагъуэ пщэрылбыр, ди адыгэ лъэпкъыр, абы и щэнхабзэр щІэныр, къызэщІегъэубыдэныр. ИкІи апхуэдэ драмэтическэ тхыгъэхэр гъуэгугъэлъагъуэ яхуохъу, нэхъ пэгъунэгъу ухуащІ дунейр зэрыщытыр художественнэу къэгъэлъэгъуэныр. Фи пашхъэ къытлъхъэ мы статьям дэ иджыри ди нэІэ зытета Іуэхугъуэхэм ящыщц Лыкъуэжь Нелли и пьесэ-псысэм лъэпкъ щыІэкІэ-псэукІэм ехъэлІа гупсысэхэм щыгъуазэ щІынымкІэ темэм, гупсысэ нэхъыщхъэхэм, стилым, нэгъуэщІ щхъэхуэныгъэхэм, щытыкІэхэм зэрыхуэ-Іэижыр.

Псалъэ ІункІыбзэІуххэр: драматургие, литературэ, пьесэ-псысэ, художественнэ конфликт, либреттэ, сюжет, персонаж, миф, типология, ІуэрыІуатэ.

Цитатэ къызэрыхэпхыну: Абазэ А.Ч. Художественнэ конфликтымрэ хъэл-щэнхэмрэ Лыкъуэжь Нелли и «МыщІэвагъуэ» сабий пьесэ-псысэм къызэрыщыгъэлъэгъуар // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 2. – С. 165-181. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-165-181. EDN: FDUNVY.

Original article

**ARTISTIC CONFLICT AND THE CHARACTERS OF THE FAIRY-
TALE PLAY "THE STARSTONE" BY NELLY LUKOZHEVA****Albek Ch. Abazov**

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik, Russia, abazov1964@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3823-393X>

Abstract. The article explores the contribution of Nelly Lukozheva to the development of the genre in the Adyghe children's dramatic tale. Until now, in Adyghe literary criticism, there is no research work on modern children's literature, and many genres of Adyghe children's literature and drama are still poorly studied. The appeal of the playwright-librettist Nelly Lukozheva to folklore motives in globalization problems should be considered as a certain trend that has recently been noted in domestic multinational literature. Currently, the genre of literary fairy tale in the Kabardino-Circassian language occupies an important place in modern Adyghe literature. The world of the author's artistic fairy tales reflects the life philosophy of the author and the moral and ethical norms and laws of society and the state, transmitted through symbols, signs, metaphors and various sentiments. The play-fairy tale "Starstone" by Nelly Lukozheva provides a relevant subject of research, because the author turns his close attention to the cultural, ethnic, lexical and social functions of fairy tales. Therefore, the emergence of recent works of drama makes it possible to touch the spiritual culture of the Adyghe people. Dramatic works as fairy tale plays are of special scientific interest both in theoretical terms and in studying the forms and features of the existence of folklore. The proposed article also draws attention to the presence in the fairy tale play of Nelly Lukozheva of ethnic information at the level of themes, ideas, style and some specific aspects, reveals artistic conflict and gives images of the heroes characteristics in her fairy tale play "Starstone."

Keywords: dramaturgy, literature, fairy tale play, artistic conflict, language, libretto, plot, character, myth, typology, folklore.

For citation: Abazov A.Ch. Artistic conflict and the characters of the fairy-tale play "The starstone" by Nelly Lukozheva. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 2. – P. 165-181. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-165-181. EDN: FDUNVY.

© Abazov A.Ch., 2022

Научная статья

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНФЛИКТ И ОБРАЗЫ ГЕРОЕВ ПЬЕСЫ –
СКАЗКИ «ЗВЕЗДНЫЙ КАМЕНЬ» НЕЛЛИ ЛУКОЖЕВОЙ****Альбек Чамирович Абазов**

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, abazov1964@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3823-393X>

Аннотация. В статье исследуется вклад Нелли Лукожевой в развитие адыгской детской драматической сказки. Отмечается, что до сих пор в адыгском литературоведении отсутствует исследовательская работа по современной детской литературе, а многие жанры адыгской детской литературы и драматургии все еще остаются малоизученными. Обращение драматурга-либреттиста Нелли Лукожевой к фольклорным мотивам в контексте проблем

глобализации следует рассматривать как некую тенденцию, которая в последнее время отмечается в отечественной многонациональной литературе. В настоящее время жанр литературной сказки на кабардино-черкесском языке занимает важное место в современной адыгской литературе. Мир авторских художественных сказок отражает жизненную философию автора и морально-этические нормы и законы общества и государства, передаваемые через символы, знаки, метафоры и различные сентенции. Пьеса-сказка «Звездный камень» Нелли Лукожевой предоставляет собой актуальный предмет исследования, потому что в ней автор обращает внимание на культурно-этническую, лексико-образную и социальные функции сказок. Поэтому появление новых художественных произведений драматургической направленности дает возможность прикоснуться к духовной культуре адыгского народа. Драматические произведения в форме пьес-сказок представляют собой особый научный интерес как в теоретическом плане, так и с точки зрения изучения форм и особенностей существования фольклора. В предлагаемой статье также обращено внимание на присутствие в пьесе-сказке Нелли Лукожевой этнической информации на уровне тем, идей, стиля и некоторых специфических аспектов, выявляется художественный конфликт и дается характеристика образов героев пьесы-сказки «Звездный камень».

Ключевые слова: драматургия, литература, пьеса-сказка, художественный конфликт, язык, либретто, сюжет, персонаж, миф, типология, фольклор.

Для цитирования: Абазов А.Ч. Художественный конфликт и характеры пьесы – сказки «Звездный камень» Нелли Лукожевой // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 2. – С. 165-181. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-165-181. EDN: FDUNVY.

© Абазов А.Ч., 2022

АдыгэбзэкIэ тха сабий литературэр ди художественнэ литературэм и зы Iыхьэщ, ещхьыркэабзэуи сабий драматургиери а литературэм и зы пкыгъуэ нэхьыщхьэщ, уеблэмэ адреихэм нэхьри нэхь гугъуш. Арагъэнщ тхакIуэ куэдым а жанр мытыншым зыщIрамыпщытри.

Нобэрей адыгэ сабийхэм папщIэ литературэм и щытыкIэм уригъуазэмэ, гу лъумытэу кьанэркьым драматургиер усыгъэми прозэми кыкIэрыху хуэдэу зэрыщытым. Ауэ, насып диIэщи, а жанр гугъум шылажьэу, сабийхэм яхуэтхэ драматург зыбжанэ ди тхакIуэхэм яхэтщ. Абыхэм ящыщ зыщ Лыкбэужь Нелли [Абазов, Ахметова 2015:31].

• Адыгэ цIыхубз – либреттэтх Лыкбэужь Нелли иджыблагъэ и Iэдакъэ кыщIэкIащ инверсие гъэпсыкIэ зрита «МыщIэвагъуэ», адыгэ псысэхэр зи лъабжьэ пьесэ-таурыхьыр [Лукожева 2021: 108–139]. Псысэ-пьесэм кыщIэдзапIэ хуэхъуар Плъыр-дадэ и башыр (ар НэжыгъушIыдзэ кыыхуихъауэ арат) ядыгъауэ, дыгъэ кыкбэуэгъэкIынри, вагъуэ исхэм я бжыгъэр зы щIыжынри хъужыртэкьым. ЗанщIэу кыжытIэнщи, фIагъ зыдэплъагъу лIыхъужь хъуар Плъыр-дадэ, бзаджагъэ зыдэплъагъуу хъуар – отрицательнэхэр НэжыгъушIыдзэ я телхъэу мы пьесэм гупитIу щызэпэщIэтщ.

Къуажэм и теплъэмкIэ, пщэдджыжь нэхушым дунейр кызыэрыушымкIэ, Плъыр-дадэ абыхэм псоми зэрыхэлэжьыхьыр, бзухэмрэ уэрэдхэмрэ зэдежъуужу махуэр кызыэрырагъыхьэмкIэ пьесэм кыщIедзэ. ЗэрыщIидзэу гурыIуэгъуэ мэхъу мы пьесэр псысэу зэрызэхэлъыр. Дадэм уэрэд щыжиIэкIэ, бзухэр кы-дожъу, и Iэр ищIмэ, мазэр кыкбэуокI-кыуохъэж, апхуэдабзэщ дыгъэри. Япэ дыдэ сценэм деж долъагъу Плъырдадэм и башыр НэжыгъушIыдзэм

зэрызылэригъэхэр, абы и ужьым иту зы вагъуи кызырехуэхар. Иджы, а мэгу башыр абы имылэжмэ, дунейр сытым дежи кыфлу шытыну арат. Мыщлэвагъуэрэ мэлыхуэ башырэщ къэхукъащлэхэм я курыкупсэм итыр. Ахэр зылэрыхъэ лъэныкхуэр, флыр е лейр, дунейм тепщэ шыхунуш.

Ауэ Плыр дадэм зэран кыхуэхуэ зэпыту - зы луэху зэран гуэр щылэщ. А щыкълэм тету щылым зы гузэвэгъуэ гуэр кызырыхуэ дыхуигъэхэзыру аращ авторым. Апхуэдэу, щэхуу нэхуу здэшысым, уафэм, кыздиклари кызди-хуари ямышлэу, адакхэным тесрэ Нэжыгушылдзэр зи шыплэм дэс Уэзрэдж-ябгэр кьольэтэх. А теплэгъуэ шынагъуэмкълэ къэхун-кыщлэнухэм я щлэд-заплэм дыхуегъэхэзыр авторым. А нэгушлэклымкълэ Уэзрэдж ябгэм кыуажэм флы кызэрыхуимыхар дегъэлагъу. Апхуэдэурэ авторым дыхешэ пьесэ псысэм ди нэгу шыщлэклын луэхугъуэхэмрэ къэхукъащлэхэмрэ. «Мыщлэвагъуэ» пьесэ-псысэм персонаж дыщызрихъэлэхэм я зэхуэдитлыр псэушхъэхэщ. Ахэр Алмэсты пашэ, Алмэсты хыджэбз, Джэду, Тлы, Алмэсты-хэр, хъэщхъэвылэхэр, бзадженаджэ-нэджэлуджэхэр, адакхэш сымэщ.

Псэушхъэхэр мэпсалъэ, цыхум зэрихъэ лэмэпсымэхэр кыагъэсэбэпыф, теп-лэкълэ флэкла цыхухэм кыащхъэщыкыркым. Цыхухэр нэхъ акылыфлэщ жыплэнумэ, а псэушхъэхэми акыл жан зилэхэри яхэтщ. Ауэ псэушхъэхэм пер-сонаж гурыхъ яхэткым, цыхухэм зэрахэтым хуэдэу. Алмэстыхэм, Бзадж-энаджэхэм, Тлыми, Джэдуми я кыалэныр зыщ Нэжыгушылдзэ хуэпщылын, абы и лъэныкхуэу шытын. Хъэклэкхуэкълэхэр кыэгъэдэлугъуафлэщ, ауэ Тлымрэ Джэдумрэ лей гуэр кыатехъати, фызыжым пэщлэувэжахэщ асыхъэту.

Уафэм епха теплэгъуэхэми пьесэм щыплэшхуэ щаыгыщ. Ахэр Мыщлэвагъуэ (вагъуэхэр) Плыр-дадэ зыкълэпыплэ Мазэмрэ Дыгъэмрэщ. Иджыри мыхъэнэшхуэ тхыгъэм щилэщ Плыр-дадэ и мэлыхуэ башым. «Джэлэс» псалъэр космосым щылыгъ увыплэ, щилэ шытыкълэ мыхъэнэр илэу кыщоклуэ тхыгъэм.

Кыхэгъэщыпхъэщ Шыкхумцлий цыхухэм лумпэм щакълым псалъэгъу кыхуэхуэр кыуалэбзухэр, мазэр, дыгъэр, вагъуэхэр арауэ зэрыщытыр.

Пьесэм адыгэ луэрылуатэр, псысэхэр лъабжъэ хуэхуащи, и ухуэкълэм укълэпыплэмэ, псэушхъэхэм епха теплэгъуэхэм увыплэ ин щаубыд.

Нелли и тхыгъэм ущииныгъэ-гъэсэныгъэ мыхъэнэшхуэ илэщ. Ар ешэлэш лыгъэ пхэлын зэрыхуеймрэ персонаж гурымышхэм ещхуэ ущытыныр зэры-емыклумрэ. Сюжетым зи гугъу ищлэхэм нэмышлэ текстым куэдэ хэтщ узыущий лъэпкь гупсысэхэр кызыригъэлагъуэ псалъэжхэр, жылэгъуэхэр: «Ллым я нэхъ мыгъуэми луэхугъуибгъу игу илыщ», «...Сыт уи ныбжъ, жалэу, нэхъыжым зэремыупщлри кызгуролуэ...»; «Зыщлэж щылатэмэ, зыщлэжи щылэнт» [Лу-кожева 2021: 113;115].

Пьесэм кыхош Шыкхумцлий, Нэжыгушылдзэ, алмэстыхэр, испы нэгъуэщлхэри [Адыгские сказки, 2018]. Шыкхумцлий – положительнэ пер-сонаж, адрей адыгэ луэрылуатэм кыщыхэщ положительнэ персонажхэм елы-тауэ Шыкхумцлий бзаджэгъэ хэлыщ.

Пьесэм щыдолгагъу, я ныбжкълэ зэтемыхуэми, ижъ-ижыж лъэхъэнэ лъандэрэ лъэпкым кыдэгъуэгурыклуэ миф персонажхэр. Абыхэмкълэ авторым кыегъэлагъуэ нобэ дызахэпсэукълэ гыщлэм и нэщэнэхэри ди дуней зэхэтыкълэри.

Нелли а персонажхэр нобэ ди нэгу щІэкІ гьащІэм кьришэлІащ, псэщІэ яритащ жыпІэмэ, ущыуэнукьым. Феплът зэрытелътджэм: Дахэжан жеІэ: «Абыхэм я гьусэу сурэт зытрезгьэхашэрэт» е НэжыгьущІыдзэ и псалътэхэр «космосым долътэ» [Лукожева 2021: 117;138].

ЩыпІэр драмэ гьэпсыкІэм ит тхыгьэм и зы Іэнэ лъткьуэщ. Аращ цІыхухэм нэмыщІкІэ миф персонажхэри зэзышалІэ шхэпсу пьесэ-псысэм кьыщыкІуэри. Абы кьыхэкІу кьэхукьащІэхэр щокІуэкІ зэм (псалътэхэм) зэм щІыльэм (гьащІэр щызэблэкІ философиэ категориэу кьэлътытапхьэщ), зэми щІы щІагьми (ахьрэтым).

Пьесэми, тхыгьэ куэдым ещхьуи, псысэхэм хуэдэу, фІымрэ Іеймрэ, нэхугьэмрэ кІыфІыгьэмрэ щызэпэщІэтц. Лыгьэ зыхэлътымрэ шынэкьэрабгьэмрэ щызэхокІ. Ахэр епхащ нэхьыбэу гупитІу щызэпэщІэт гурыхь персонажхэу/лІыхьужьхэу: ШыкьумцІий, Плыр-дадэ сымэрэ персонаж гурымышь НэжыгьущІыдзэ, Уэзредж-ябгэ сымэрэ. ФІымрэ емрэ яку дэт персонажхэщ Домбей, Щхьэжь, Алмэстыпашэ, Алмэсты хьыджэбз, Испы, БжьэпІытІ (Алмэсты хьыджэбзым и щауэ) Джэду, ТІы, Алмэстыхэр, хьэщхьэвылътэхэр, бзадженаджэ-нэджэІуджэхэр. Зэрытлътгьущи, пьесэр зытха авторым Дахэжани хьэл мыхьумыщІэ хэлътхэм дригьэгупсысын щхьэкІэ мы гупым кьыхишащ.

Пьесэм кьыщыкІуэ щхьэ – цІэхэмкІэ персонажхэр хэт сыт ищІысми куэд кьыбжаІэ. Нобэрей театреплътхэм кьазэрыщыхьунум тегузэвыхьу Лыкьуэжь Нелли пьесэр кьыщигьэщІым диалог зэшыгьуэхэм, хьэлътэхэм зыдримыгьэхьэхьыщэу усэхэр, уэрэдхэр хигьэуващ. А жанрхэмкІэ Нелли зэры усакІуэ-уэрэдус лътэрызехьэр аргуэру зэ дигу кьыгьэкІыжащ.

Пьесэм фразеологизм куэду кьыщыгьэсэбэпащ, кьимыдэкІэ метафорэ, эпитет, зэгьэпщэныгьэхэр, бзэр дахэ, шэрыуэ, щІэщыгьуэ зыщІ нэгьуэщІ Іэмалхэри. ГьэщІэгьуэну иджыри зы Іэмалым дыщрохьэлІэ пьесэм, ар – оксюморонкІэ узэджэ хьуну шапхьэхэр зэрыхэплътгьуэрщ: (тхьэлухуд нэ закьуэу, ди нанэ ябгэ) [Лукожева 2021: 115].

Пьесэм, фІымрэ емрэ нэмыщІ нэхумрэ кІыфІымрэ щызэпэщІэтц. Псысэхэм зэрыщыхабзэщи, нэхур кІыфІым токІуэ, нарт эпосми лІыхьужьым кьарум имызакьуэу бзаджагьэ, ІушыгьэкІэ текІуэныгьэр кьехь. Мис мы псысэ щытыкІэм и зы нэщэнэщ синкретизм жыхуэтІэр.

ЕтІуанэ теплътгьуэм деж гу лътумытэу кьанэркьым Домбейрэ Щхьэжьрэ я зэдэуэныгьэм. Ахэр тІури щхьэзыфІэфІхэщ, я щхьэ фІуэу ялътгьуж, Дахэжан щхьэкІэ ахэр зодауэ. Домбей кьарууфІэу, теплът дахэ иІэу зелътэтж. Щхьэжь акьылыфІэу зелътэтж, тхыль куэду зэреджэри кьыхегьэщ. Дахэжан пщащ дахэу щыІэм ялейщ, езыми зыфІэдахэжщ, вагьуэ кьехуэхари абы дежт кьыздэщыхутар. Хэту пІэрэ Дахэжан и псэр а тІум языхэзу нэхь зытхьэ-кьуфынур жыхуиІэ интригэми мыбдеж кьыщыщІедзэ...

ЦІыхубэм я псалътэм зы цІыхум и гьащІэм мыхьэнэшхуэ зэрыщиІэ гупсысэр (темэр) НэжыгьущІыдзэрэ ШыкьумцІийрэ я образхэмкІэ кьыщыгьэлътгьуащ тхыгьэм. НэжыгьущІыдзэ и псалътэхэщ мыхэр:

«ЦІыхухэр зэхыхьэри, сэ кьуажэм сыкьыдахуауэ щытащ. КьысфІамыщари укІуэдыж – «убзаджэщ, убзэгузехьэщ, упцІыупсщ, удыгьэ зыбохьэ, удыгьуэгьуакІуэщ» [Лукожева 2021: 129]. ЯпэщІыкІэ зыри кьыскІэлътымыкІуэж хьуат.

ИтІанэ, хуэм-хуэмурэ закъуэныгъэм мэлхьэпІатІэу си псэм зыкыхиукІэу щыщІидзэм, мис мы мэзыжым сыкыхьщІэтІысхьащи, сыщІэсщ, бзаджэнаджэ сыщІэхьухьауэ».

ШыкьумцІийри кыдахуну хунэсатэкым иджыри, ауэ НэжыгъущІыдзэ кыдамышу щІыкІэ и гъащІэр зэрыщытам абы ейри ещхьыркъабзэт: зыми зыхагъэхьэртэкым, кымылэжъа псалъэ гуауэхэр кърапэст, ираудыхт. Апхуэдэурэ кІуатэмэ, НэжыгъущІыдзэ и лъэужым иувэнкІэри хьунут ди лІыхьужь нэхьыщхьэр. Ауэ абы кыхуэзащ гугъэ гуэр кыхэзылтхьа Дахэжан (сызыхэдэн хуейхэр тІукьым, щы фохьу зэрыжиІамкІэ), кыщхьэщыжа, зыгъэгушхуа Плгыр - дадэ.

Аращ, НэжыгъущІыдзэ апхуэдэ цІыхухэм яхуэзакым, зыдекІуэкІахэм, зыдэщІыгъуахэм хуэдэ хьуауэ аращ. Фызыжъ ябгэм итІани хабзэ гуэрхэр кыхэзнащ, укІытэ хэлщ: «А - ды - дыд мыгъуэ, си напэжыр токІри!» [Лукожева 2021: 139]. Ауэ пьесэм дызыщрихьэлІэ НэжыгъущІыдзэ кызырыкІуэр а и хьэлщэныфІ тІэкІум текІуэдэжуш: ШыкьумцІии а фызы-жым укІытэ зэрыхэлтыр къегъэсэбпри абыкІэ текІуэныгъэр къехь.

Лыкьуэжъ Нелли и пьесэм цІыхубз отрицательнэ персонажу кыщокІуэ НэжыгъущІыдзэ, Дахэжан, Алмэсты хьыджэбз. УвыпІэ нэхьыщхьэ пьесэм щызыІыгъхэм ящыщ НэжыгъущІыдзэ. Ар миф персонажщ, гъущІыдзэ Іуту, а фызыжыр бзаджэжыщ, Іеижыщ, пьесэм кызырыщыхэщымкІэ ар къуажэм кыдахуащ бзаджэу, дыгъуэгъуакІуэу, пцІыупсу, лей зэрихьэу, щхьухь - псыхь зэрихьэу кыхужалэри, а псор пэжу жыпІэ хьунуш, и щыхьэти пьесэм кыщокІуэ. Абы ШыкьумцІий кыгъэпцІащ, Дахэжан идыгъуащ, ахэр щхьухь псыхькІэ зэІэза гъуджэмкІэ игъэпцІуащ. Ар фызыжъ нэпсейщ, вагъуэм зэрыхуейм кышчинэмышІ, ар щІалэ хьужыну хуейщ...

Игу ирилхьа щІэпхьаджагъэхэри къехьулІэнкІэ хьунут, тІэкІу нэхь губзыгъэІуэу щытамэ, арщхьэкІэ цІыкІум ар кыгъэпцІэфаш, зыхуеяри ІэщІэкІащ.

Алмэсты хьыджэбзым пьесэм зэ ушрихьэлІэу аращ, ауэ итІани, а зэм абы и Іушагъыр болъагъу, дауикІ, щыалмэстыкІэ къэгубжыгъуафІэуи, Іуплъэгъуейуи щытынуш. Абы и псалъыхьу щІалэм, Домбей езэуа нэужь, Алмэсты хьыджэбзыр Домбейм псэгъуу кыхуагъэфаш... Алмэсты хьыджэбзым кІэщІуи зэрызигъэкІуэдын Іэмалхэм я щэхухэмкІэ Домбей кыдогуашэ. Ауэ Домбей и нэхум и лыхьуакІуэу здыдежъа и ныбжыгъухэм зэрешІыжыр жриащ. А персонажыр отрицательнэхэм хэббжэ хьуну кыщІэкІынщ, Іей дэдмыльэгъуами, ар алмэстыхэм ящыщ зыуэ зэрыщытым кыхэхэкІкІэ.

Вагъуэр щІым кыщІехуэха хьыджэбз тхьэлухудщ Дахэжан. Ар хьыджэбз дахэщ, тІэкІуи псынщІэщ, ар машІэу допсэлъей, щхьэхуэфІщ, а и щхьэхуэфІагъым и зэранкІэ НэжыгъущІыдзэм идыгъун лъокІ, иужькІэ ар ШыкьумцІий кьрегъэл.

Лыкьуэжъ Нелли итха пьесэм щызэпэщІэтщ фІымрэ емрэ. Ар занщІэу нэрылъагъу тцохьу тхакІуэм пьесэм хэт лІыхьужьхэм я цІэлейхэр кышприбжэкІкІэ. Къэтхынщ, псалъэм папщІэ, Щхьэжъ. Сыт абы авторым Щхьэжъ фІищын хуей щІэхьуар? Сыт ар щІэмы-Лъакьуэжыр, е щІэмы-Пщэжыр? Ари тынш дыдэу гурыІуэгъуэ мэхьу. ЩІэ-Щхьэжыр – ар губзыгъэщи, и акылым зрегъэужьри, куэд йоджэри, икІи абы иропагэри аращ.

Апхуэдэ зы лыхъужыщ Домбей жыхуиІэри. Ауэ ар губзыгъэкІейуэ аракъым, атІэ гъумщ, зыІэщІэлыщ. Ари икъукІэ апхуэдэ щытыкІэ зэриІэм иропагэ.

Пьесэ-псысэм и япэ теплъэгъуэ дыдэхэм кыпщыхъункІэ хъунуш щІалэхэр зтеплъэ мыхъуу, ахэр лыхъужь Іейуэ кыхэхшу. Ауэ пьесэм и кум унэмысуи гурыІуэгъуэ мэхъу а тІум я гум фІы зэрилтыр. Зэпеуэ пэтми, Іуэху тхъэбзэ ящІэну зыхушІэкъур зы нэхур цІыхубэм къахуэзэужынырщ.

Плтыр – дадэ и образри фІыхэм ящыщ. Абыи и цІэм куэд кыджелэ, кыдгурегъаІуэ. Ар бзэджагъэр дунейм кытримыгъэхъэн папщІэ дунегъэм кІэлъоплъ, нэхумрэ жэщымрэ зыхимыгъэгъуащэу зэблэгъэкІ. Персонаж нэхъыщхъэхэм языхэзщ. Ауэ, гъащІэми ещхъу, ар къефыгъуэ бзаджащІэхэм тыншу ягъэпсэуркъым, къару шынагъуэхэм цІыхубэм я насыпым и символу щыт нэхугъэр фІадыгъу и мэлыхъуэ башри дэкІуэу...

АтІэ къедбжэкІа псор фІым и телхъэмэ, Іейуэ хэтыр сыт хуэдэ лыхъужь, сыт хуэдэ Іуэхугъуэ, жыфІэнщ. ДауикІ, ари Лыкъуэжь Нелли ди пащхъэ кърилхъэфаш пьесэм и пэщІэдзэ дыдэм. Къару шынагъуэм и лыкІуэху гушыкІ зыхуэпщІ (отрицательнэ) персонажхуэ пьесэм кыщокІуэ НэжыгъушІыдзэ, Уэзрэдж - Ябгэ, алмэстыхэр.

ФІыр сыт щыгъуи пэжщ, нэхъ къарууфІэщ, фІыр сытым дежи ем токІуэ. Ем и къару пэлъытэу пьесэм кыпщыхъащ пцІыр. Къару шынагъуэхэм я лыкІуэхэр зэпымууэ хушІокъу пцІы зэрахъэну, псори пцІым хуашэну, пцІымрэ леймрэ дунейм кытранэу фІуэ щыІэр ягъэкІуэдын мурад зэрахуэ.

Лыкъуэжь Нелли и «МыщІэвагъуэ» тхыгъэр хуабагъэ къозыт ІэдакъэщІэкІ хъуащ. Пьесэм укыщеджэкІэ, а хуабагъэ нэрымылгагъуу зэхэпщІэм ижъ гуакІуэ кыпщІеху, ІуэрыІуатэ лъахэм ухешэ, уи лъэр егъэжанри къафэм укы-хуегъауш. Апхуэдэ щытыкІэ тхыгъэм ириткІэрэ, авторым адыгэхэм яхэлъа хъэл – щэн дахэхэр кыдегъащІэ: къэрабгъэр я Іумпэму, залымым худачыху, гу Іуш Іауэ, я псалъэ быдэу зэрыщытам ехъэлІа гушхуэныгъэ кыпхелхъэ.

Мы тхыгъэм кыхош Уэзрэдж-ябгъэр – ар ем и телхъэхэм я пашэщ. Абы игу илтыр лей зэрызыхъэнщ. Ар ШыкъумцІий пэщІоувэри текІуэныгъэр кыфІехъ... Тхыгъэм щызэфІэгъэува персонажхэм уакІэлъыплъмэ, авторскэ импатиерэ симпатиерэ хыболъагъуэ. А приемымкІэ – «авторская позиция рассказчика» жыхуиІэм - и фІыгъэкІэ нэрылгагъу къохъур хэт Іейми, хэт фІыми. Пьесэ-псысэм псэушхъэхэм къалэн пыухыкІахэр щагъэзащІэ щІым.

Дэтхэнэ зы персонажми я гугъу дымышІми, цІыху цІыкІу гъащІэм щылей цІыху темэр къригъэлъэгъуэну тхакІуэм кышщаш ШыкъумцІий. Ар абы зэрыхибжэм щыхъэт тохъуэ езы ШыкъумцІий и псалъэхуэ пьесэм кыпщыкІуэмкІэ: «Сэ аргуэру зыми сыхабжэркъым, Ди Тхъэ, щхъэ апхуэдэу сыкъэбгъэщІа? ЦІыху цІыкІу щыІэкъым, мурад цІыкІушщ щыІэр. ...» [Лукожева 2021: 116]. Мы зы Іыхъэм узыхуигъасэр, уи акъылыр зыхуишэр сыт хуэдиз гупсысэ! Дэтхэнэ зы цІыхуми дежкІэ, сабийми балигъми, мы пьесэр щхъэпэщ. Псысэу зэхэлъми, пэж кызыхомыхыфын, гъащІэм хуумыгъэдэфын, дуней узыхэтым хуомышэфын зыри хэткъым. «Инщ жыпІэу ущымышынэ, цІыкІушщ жыпІэу утемыгушхуэ» [Лукожева 2021: 113], - жыхуиІэ псалъэжыр мыбдеж хуэкІуэу кызолытэ. ИкІи арщ и кІэух хъуари пьесэм. ШыкъумцІий цІыкІушщ

жаӀу тегушхуа псори кыыхи-гъэщӀащ, дунейр зыщышынӀу, зӀызыщӀӀу псӀуа НӀжыгъушӀыдзӀ и псӀупӀэм кыикӀын шынӀу, укӀытӀу кыигъэнащ.

Плъыр-дадӀ кыыжиӀӀ «МывӀ хъурей уи япӀкӀӀ бгъажӀмӀ, ухуозӀж», «Ӏей пщӀауӀ фӀым ущымыгугъ», «ЗӀхъзӀэхуӀр мӀунӀри, зӀижитӀыр мӀунӀхъу» [Лукожева 2021: 117], псалъӀжхӀмкӀӀ драматург ЛыкъуӀжъ Нелли лъӀпкӀ гупсысӀм и къарур кыегъӀльагъуӀ.

ПьесӀ цӀыкӀум къӀхъукъащӀӀм увывӀӀӀхуӀ шаубыд. ПьесӀм щекӀуӀкӀ къӀхъукъащӀӀ псоми щыпхырыша образ курыхщ ШыкъумцӀий. Ар ӀӀмащӀӀ-лъӀмащӀӀӀ, сытым дежи и закъуӀщ, теплъӀ щӀагъуӀ иӀӀкыым, цӀыкӀунитӀӀӀ, цӀыхухӀм кызрапӀскыым. АхӀр псори зӀдӀщӀыгъуу башыр къалтыхъуӀну йожъӀ икӀи ШыкъумцӀий псалъӀ быдӀ дадӀм ирет ар кыихыжыну. АхӀр алмӀс-ты куӀдым ирихъӀлахӀщ, куӀдми къелахӀщ. АуӀ абыхӀм ДахӀжан яхӀтыжкыым - ар НӀжыгъушӀыдзӀм идыгъуащ. Башым и закъуӀӀкыым ахӀр иджы зылыхъуӀн хуейр, атӀӀ ДахӀжан пщащӀри къалтыхъуӀжын хуейт. НӀхъ къарууфӀӀу, акъы-лыфӀӀу зызылытахӀр нӀхъ шынӀкъӀрабгъуӀ кыщӀӀокӀыж, абыхӀм я щхъӀр япӀ ирагъӀщ, ахӀр башми, ДахӀжани хуеижкыым, ШыкъумцӀиикӀ сыт кыщыщӀми арӀзыхӀщ. А щӀалитӀыр зыхуей-зыхушӀӀкъухӀр псӀууӀ, зыми я гугъу къамыщӀу кӀуӀжынырт. Псом нӀхърӀ нӀхъ ӀушӀу, нӀхъ губзыгъуӀ, нӀхъ акъылыфӀӀу, куӀдым гу лызытӀу кыщӀӀӀкӀар ШыкъумцӀийщ. Абы куӀд дыдӀ и фӀӀ дӀкӀащ, куӀд ишӀӀащ. ДауӀ мыхъуами, ар ита и псалъӀм епцӀыжакыым. Абы хульӀкӀащ НӀжыгъушӀыдзӀм и деж щигъӀпцӀкӀуа щӀалитӀыmrӀ ДахӀжанрӀ къригъӀлыну, башри кышӀтӀжыну. ЩӀалитӀми зӀрамыгугъауӀ кыщӀӀӀкӀащ ШыкъумцӀий. Ар зӀрыӀӀмащӀӀ-лъӀмащӀӀм емылтытауӀ бзаджӀу икӀи ӀушӀыцӀу кыщӀӀӀкӀат. Аращ Плъыр- дадӀ и псалъӀхӀр нӀхъыбӀу зыхуӀгъӀза хъуари.

Мы пьесӀм бӀрӀ кыщыгъӀсӀбӀпащ тропхӀр. Художественно - изобразительнӀ ӀӀмалхӀм ящыщ къӀгъӀпсӀуныгъӀм и шапхъӀ дӀ щыдолъагъу ДжӀдумрӀ ТӀыmrӀ я диалогхӀм деж; художественнӀ зӀгъӀпцӀӀныгъӀхӀр: къуалӀбзу цӀыкӀу; макъ жыгъру; гуп цӀыкӀу. РемаркӀхӀр щыкуӀдщ кыщыгъӀсӀбӀпащ.

ЛыкъуӀжъ Нелли кыигъӀсӀбӀпащ «говорящие имена» жыхуиӀӀ ӀӀмалыр. ПсалъӀм папщӀӀ, ДахӀжан и цӀӀм кыбжеӀӀ, ар дахӀу, зӀкӀужу зӀрыщытыр. Домбей - зӀрызӀӀӀщӀӀлыр, къарууфӀӀу зӀрыщытыр; ЩхъӀжъ – зӀрыакъы-лыфӀӀр, нӀгъуӀщӀхӀри. ЛыкъуӀжъ Нелли персонажхӀм яфӀища цӀӀлейхӀм я фӀыгъӀкӀӀ дӀ кыдошӀӀӀ абыхӀм я дуней тетыкӀӀр, я хъӀл-щӀӀныр.

ЩӀыпӀӀм пьесӀм увывӀӀӀхуӀ щеубыд. ЩӀыпӀӀ куӀд кыыхощ пьесӀм – уӀгу, ДахӀжан и унӀр, АлмӀс-тыхӀм я пщыӀӀ – унӀхӀр, бгъуӀнщӀагъ, жыгыжыым деж, НӀжыгъушӀыдзӀм и унӀр, мӀзыр. А щӀыпӀӀ дӀтхӀнӀмкӀи географии действий (щӀыпӀӀmrӀ зӀманымrӀ кытримыгъӀзӀжӀу, зӀмыщхъу) жыхуиӀӀр ӀупщӀу ди нӀгу кыщӀӀигъуӀвӀну хульӀкӀащ Нелли.

ДахӀжан и образыр пьесӀм и персонаж нӀхъыщхъӀхӀм ящыщ, щӀалӀхӀм (ШыкъумцӀий, Домбей, ЩхъӀжъ сымӀ) я ныбжъӀгъушӀ. Ар хъыджӀбз дахӀм и собирательнӀ образщ. Дунейм езым нӀхъ дахӀ темыту зыкыфӀӀӀыж хъыджӀ-Ӏбым: «Ахъей, сыдахӀ!.. ДахӀу щыӀӀм сралейуӀщ зыкызӀрысщыхъужыр! Псом хуӀмыдӀжӀу иджы зысфӀӀдахӀжщ, сыт щхъӀкӀӀ жыпӀӀмӀ, вагъуӀ нӀгъунӀ уафӀм къехуӀхӀащ, сӀ щӀыгъуӀн папщӀӀ» [Лукожева 2021: 111]. Ар Плъыр-дадӀ и мыщӀӀвагъуӀу арат.

Плтыр-дадэ и башыр фIадыгъуа нэужь, дыгъэр афIэкI кызырыкъуэ-мыкIыну, цIыхухэри кызырымыушыну кыщищIам, абы жиIэрт езым нэхърэ нэхъ дахэ дунейм темытыну. Ауэ езы хъыджэбзым и щхъэ апхуэдизу фIыуэ зэрилъагъум щхъэкIэ, мыгъэсауэ аракъым. Аращ Плтыр-дадэ япэу зыльэгъуар икIи хабзэм тету зигъэпсэхуну, псы иригъэфэну къезыджар.

Езы Дахэжан мы пьесэм статичнэ персонажу фэ кышчытеуаш. Езым лэжыгъэ куэд имыгъэзащIэми, ар щхъэусыгъуэ хуэхъуаш щIалищыр Плтыр – дадэ и мэлыхъуэ башыр къахъыжыну зэрежъам.

Пьесэм НэжыгъушIыдзэм и унэм щIэт гъуджэм нанэжъ къэгубжъам къуаргъ лъэбжъанэм ещхъ и IэпхъуамбэхэмкIэ хъыджэбзым и щхъэщыр кърешэкIри: «Зэи зыми урамылъагъуж - тIэ» [Лукожева 2021: 126], – жеIэри, хъыджэбзыр ауэ щыт гъуджэм хеери нэрымылъагъу ещI. Ауэ ШыкъумцIий гъуджэр зыхэлъа рамэм бгъэдохъэри, абы зырызурэ кърешыж и ныбжъэгъухэри, Дахэжани, Плтыр - дади, и башыр зэриIыгыу. Ахэр, НэжыгъушIыдзэ имылъагъуу, шындэбзий щхъэгъубжэмкIэ кыщIегъэкIуэсыкIыж. ШыкъумцIий псори шыхэм трегъэтIысхъэ, егъэшэхэри щIегъэпхъуэж.

Лыкъуэжъ Нелли и пьесэ "МыщIэвагъуэм" IуэрыIуатэмрэ абы кыхъэ-щыж лIыхъужьхэмрэ увыпIэ нэхъыщхъэ щаубыд. Пьесэр бзэ дахэкIэ, бзэ къулейкIэ тхаш. IуэрыIуатэ жанрым и къарур дигу къегъэкIыж, абы щызекIуэ сюжетхэм езым и творческэ авторскэ гупсысэ щIэлъу зэрегъэпэщыж, дэтхэнэ персонажми езым и шыфэлIыфэ иIэжу кьокIуэ, и лIыхъужьхэр нэхъ нэIуасэ дахуэхъун пащIэ кыдегъэцIыху абы, жанр зэхуэмыдэхэм я поэтикэмрэ бзэмрэ и Iэмалхэмрэ къэгъэсэбэпкIэрэ.

Испыхэр дэ зэрытцIыхур нарт эпосым хэт цIыху цIыкIужьей лъэпкъ гуэрущ. Испыхэр егъэлеяуэ къарууфIэщ, губзыгъэщ, акъылышхуэ ябгъэдэлъщ, лIыгъэшхуэ яхэлъщ, пагэхэщ. Щхъэхуитыныгъэр я нэрыгъыу, кызыфIэщIыж хъэл яхэмылъу эпосым кыхошщыж. Испыхэр шы папщIэу зытесыр тхъэкIумэкIыхъщ, иныжхэр лIыщIэу ягъэлажъэ. Я тхъэмадэ жъакIэхур я пашэу ахэр къуршым щопсэу, я быдапIэхэмрэ испы унэ цIыкIухэмрэ ису. Мифым и зы варианты зэрыжиIэмкIэ, испыхэр лъэпкъкIэ НэжыгъушIыдзэм кытекIащ. Пьесэм кыхошщыж ахэр зэрызэпхар. Испы персонажым НэжыгъушIыдзэ нанэжыр Тхъэм хуегъадэ, абы зыхуегъазэ, и лъэIухэр аращ зэхъэлIар.

Испыхэм я псэукIэр нартхэм я псэукIэм ещхъщ. Абыхэм хуэдэу мэщакIуэ, щIыгур ялэжъ, Iэщ ягъэхъу; языныкъуэ нартхэм хуэдэуи испыхэр тхъэпэушц (тхъэпэщIэтщ).

ШыкъумцIий цIыкIум и образри занщIэу уи нэгум кышцIоувэ. Абы и образыр адыгэ таурыхъхэм кыхэщыж образ нэхъыщхъэщ. А цIыкIум и къекIуэкIыкIар сабийхэм ящIэ, и хахуагъым, и губзыгъагъэм щыгъуазэщ, абы зыпащIыж. НэжыгъушIыдзи и цIэр кыхэбгъэщыну щхъэпэщ. Ар фызыжъщ, теплъэкIэ шынагъуэщ, гъушIыдзэхэр Iутщ, сабийхэр едыгъури ешх. ЦIыкIухэр щызэраным деж, кышчызэрыкIым деж НэжыгъушIыдзэ теухуа хыбархэмкIэ ягъэшынэ, абы и теплъэм, и зекIуэкIэм, и псалъэкIэм зыпащIыж, зыгуэр имыщIэмэ, идыгъуу и унэм ихъыну жеIэ нэхъыжъым.

ЗэрыжытIащи, Лыкъуэжъ Нелли и пьесэм Испы цIыкIужьейр къахуозэ ШыкъумцIий, Домбей, Щхъэжъ сымэ, дуней нэху къагъуэтыжыну мэзым

щыкIуам щыгъуэ. Ахэр щыпсэур испы унэт, е къуакIэбгыкIэм унэ щашIырт. Ари къыхош мы тхыгъэм.

Мыпхуэдэу закъыхуегъазэ Испым щIалэгъуалэм: «КIыхьлIыхь дымыхъун щхьэкIэ занщIэу вжызоIэ: си къуажэхьхэр къыфхуэщIэмэ, щIыпIэ нэхь дахэу щыIэм яз фызот. КъыфхуэмыщIэрэ – зы лъэбакъуэ фэзгъэчкъым, икIыжыпIэри фэзгъэлъагъукъым. Хъым фижыхъауэ фисынщ. ДызэгурыIуа?» [Лукожева 2021: 120]. АбыкIэ пьесэм щыгъэбыда мэхъу испыхэр бланэу, зыми щымышынэу, я НэщIгъуыщIыдзэ хуэпэжу зэрыщыт гупсысэр.

Алмэстыхэр нарт эпосым и лIыхъужьхэм ящыщ зыщ. Ахэр щопсэу къуакIэбгыкIэхэм. ЩызекIуэр, къыщежьэр нэхъыбэу пшәпэр зэхэуа нэужыщ. Ахэр эпосым къызэрыхэщыжымкIэ цыбэщ, уафэгъуагъуэм, уэшхым щошынэхэр. Ахэр цIыхухэми яхуэлIыщIэу щытащ, я зы щхьэц налгъэ унагъуэм илгъэмэ, ауэ ар къагъуэтыжа иужь кIуэжыкIей яIэу, гуауэ унагъуэм къыхуагъанэу кIуэжу щытауэ жалэж.

Пьесэм къыхэщыж Алмэсты цIыхубзым фIыуэ илгъагъу иIэщ. Домбей алмэсты пелуаным Iэпщэрыбанэр къыщыфIихъам алмэстыхэм нэхь дахэу яIэ цIыхубзыр абы псэгъуу къритыну мурад ящI, ауэ Алмэсты цIыхубзми къажреIэ щIалэхэр псынщIэу мы щIыпIэр къабгынэу щIэпхъуэжыну. «Е ахьмакъ, дахэ уищыпэлъагъу? Е лэгъунэ шауэ мыфэмыщ, сыт зо си БжъэпIытIу щIалэ къуданым сыкыщIыIэщIэпхар? Зытеубгъуэ мо си мыщафэри, зегъэхь шындэбзиймкIэ. Си щIалэм уи ныбжъэгъухэр щIыунэм къригъэкIыжауэ кыппоплгъэхэр. Нэху мыщ щIыкIэ уэ укIуэсэжыфмэ, сэ лIы сратыжынущ. Аращ ди хабзэр. Фэ фыкъэзыубыдаращ сэ лIыуэ сызратынури, ди Iуэху зэблэвмыгъэууэ, псынщIэIуэу фыбгынэ ди щIыпIэр» [Лукожева 2021: 119]. Мыбдежым алмэсты цIыхубзыр щIалэщIэхэм ядэлэпыкъуа щхьэкIэ, ар щIищIар абы сэбэп яхуэхъун папщIэкъым, атIэ дэтхэнэ бзаджэнаджэми хуэдэу и щхьэ фIэкI нэгъуэщI емыгупсыс мурад иIэти, езым и Iуэху къызэрикI и лъэныкъуэкIэ ищIа Iуэхуу аращ. Алмэсты хьыджэбзыр зи хьэл щэнхэкIэ миф персонажу къыщызэтенэжаш зи гугъу тщIы мы пьесэми.

ШыкъумцIий и образу пьесэм къыщыкIуэм цIыкIухэр гулгъытэ, гууз-лыуэ яIэу, набдзэгубдзаплгъэу, Iуцу, Iэмалшыуэ, акъылыфIэу щытыным хуегъэуш. И теплгъэкIэ цIыкIу щхьэкIэ, IэмащIэ - лъэмащIэми, и акъылым, и гупсысэм куууэ зиужьащ. И псэлгъэкIэри, и дуней еплгъыкIэри гъэщIэгъуэнщ, абы и щхьэр зыхуэкIуа Iэмалхэр куэдым яхузэфIэкIынукъым, цIыху Iущщ, жиIэнури, ищIэнури ищIэу, и псалгъэр къышигъэсэбэпыфынури ищIэжу. ЦIыхум зэрыдэлэпыкIуным фIым зэрыхуишэным щIокъу, и щхьэ ирилгъыту, гущIэгъу зыхэлгъэ цIыхуу кегъэлъагъуэ авторым мы образыр. Гупсысэ куэд къыхэпхыфынущ мы псысэ цIыкIум иджырей зэманым кыпхуэщхьэпэну. Япэрауэ, цIыхум и теплгъэракъым узэплгъын хуейр, атIэ и Iуэхухэрщ, и акъылырщ, дуней тетыкIэрщ. Ар тхыгъэм и кIуэцIэкIэ зыIуа куэдым игъэIуша персонажщ, ШыкъумцIий, зы еплгъыкIэкIэ мыхъуу, лъэныкъуэ куэдкIэ Iуэхум йогупсыс икIи ар зэрыдэкIыным хуэдэу егъэзэф.

НэжыгъуыщIыдзэ бзаджэнаджэхэм ящыщ зыщ, мыщIэвагъуэр кьидыгъуат, зэпымыууэ Iей фIэкI зыри дэплгъагъуркъым, пьесэм и кIэм нэс укъеджэху. ЦIыхухэм зэран уахуэхъуу, е фIэкI уигу зыри имылгъу, фIы ухуэзэжын?

Домбей щІалэ мыжь-мытІу пьесэм кыхош. Абы кыошохуэ езым нэхъ кьару шымыІэу, нэхъ теплэ дахэ иІэу кышохуж, псоми ар кьарукІэ ятекІуэну и гугъэщ. Домбейрэ Щхьэжьрэ сытым шыгъуи зэпоуэхэр, хэт нэхъыфІми зэхагъэкІыну, Шыкьумціий зыуи кьрадзэкьым, «уэ теплэ уиІэкьым, уцІыкІуш» [Лукожева 2021: 109], жраІэурэ щодыхьэшххэ. Ахэр Дахэжан кызырэдахьэхыну пхьэкІэ зэпеуэу здэщытым кьалъагъу Пльыр - дадэ. Пльыр кьабгъэдыхьам и щхьэ кьрикІуа мыгъуагъэр ныбжьыщІэхэм яреІуэтылІэ. Абы иужькІэ Домбей, Щхьэжь, Шыкьумціий, Дахэжан симэ унафэ ящІ башыр кьахыжынуи йожьэхэр. Домбей? кьарууфІэу зыкышохужри сытым дежи псоми текІуэну, кьарукІэ псори кыхыфыну мэгугъэ. Ауэ, я гъуэгум фІыуэ хэщІауэ здэкІуэм, Домбейрэ Щхьэжьрэ шынэн щІадзэ. Домбей блэм Іейуэ шышынэт. Домбей кьарукІэ куэд хузэфІэкІыну жиІэ щхьэкІэ, пьесэм фІыуэ уеджэмэ, шыболъагъу зэрышынэр. Ауэ сытми шыІэкьым адыгэ псалъэж, «цІыкІуш жыпІэу утемыгушхуэ, инщ жыпІэу ушымышынэ», жиІэу.

Пльыр-дадэ пьесэм и персонаж нэхышхьэщ. Ар мазэм шыпсэурт щынитІ игъэхуу (Адыгэм игъащІэ лъандэрэ жалэ «Мазэм итщ мэлыхуэ, мэлыхуэ баш иыгъуу, мэлыхуэ пыІэ щхьэрыгъуу, щІакІуэ теубгъуауэ.). Щынэ хужьыр махуэм (символ света) мэхуакІуэ, жэщым - фІыщІэр (символ темных сил). Ауэ зы махуэ гуэрым и бийхэм и башыр кытрахри фІрахьэжыащ. А и башыр имыІэмэ, щынэ хужьыр игъэхуфынукьым. Пльыр-дадэ цІыхухэм ядэІэпыкьурт - жэщымрэ махуэмрэ зэблихурт. А башыр зыІэрызыгъэхьа БзэджащІэхэр нэхъ лъэщ хьуащ, цІыхухэр ягъэкІуэдыну яужь итщ... Абы кыхэкІыуи мэлыхуэ башыр цІыхухэр дыкъэзыгъэщІа тхьэшхуэу лъапІэу лъагэм зэхэщІыкІ зилэ цІыхухэм кьарита хуитыныгъэмрэ гъащІэмрэ я кыхьагъымрэ кІэщІагъымрэ я пщалъэу (символу) солъытэ.

Пльыр-дадэ куэд и кьарукІэ илэжыну хузэфІэмыкІыжми, хэмытами болъагъу гъащІэм и пІалъэм куууэ зэрыхищІыкІыр, куэд зэрилъэгъуар. Пльыр-дадэ еплътэкьым цІыхур лъэщрэ Іушрэ, абы кыгурыІуэрт зэман гуэрым цІыху нэхъ кьаруншэ дыдэр нэхъ лъэщ дыдэу, нэхъ Іуш дыдэу кызырэщІэкІыфынур. КыщІэкІащ апхуэдэ цІыхуу Шыкьумціий.

Пьесэм и кыхьагъкІэ зэгъусэу, сыт хуэдэ Іуэхугъуэми зэдэщІыгъуу шызекІуэр Щхьэжьрэ Домбейрэщ. А тІур сытым дежи зодауэ, зоныкьуэкъу, я зэхуаку псалъэмакъ гуэр дэлъщ. Щхьэжь хуабжьу фІэфІщ и щхьэ щытхужыну ("Сэ сынэхъ тІасхьэ цІыкІу уимыгугъэ... Сэ тхылъу сызэджар пщІащэрэт..." [Лукожева 2021: 110]. А хьэлыр а тІум зэщхьу яхэлъу жыпІэ хьунуш. Апхуэдиз зэдаур къэзышэр тІуми фІыуэ ялъагъу хьыджэбз тхьэлухуд Дахэжант, хэт абы пылтынуми яхузэхэмыгъэкІыу арат.

Домбей а пщащэр кьафэкІэ кыдихьэхын, Щхьэжь и акылыфІагъкІэ лъагъуныгъэ усэ кыхуоджэри Дахэжан егъэгугІэ. Пльыр-дадэ нэхыжыым и пащхьэ щиувами, а тІум укІытэ яхэмылъу, хабзэм темыту я щхьэ щытхужт ("Сэр нэхъ акылыфІи дунейм темыт!", "Сэр нэхъ кьарууфІэ мы дунейм темыт!" [Лукожева 2021: 114], - зэдауэт, зэфІэнэхэт. Іуэхур зытетыр псори зэхаха, кьагурыІуа нэужь, а тІум зыжъэу дадэ Іумахуэр кьагъэгугъэ и мэлыхуэ башыр кыхуахыжыну.

Абдежми, Щхъэжь псом хуэмыдэу, нэхъ текъузауэ жёлэ ар зыхуээфлэклы-нур езыр арауэ, сыту жыплэмэ, абы "нэхъ лущ" яхэмыту, и псалтэ игъэпэжыну къегъэгугъэхэ. Щхъэжь флэфлт мыарэзыныгъэр, и губжьыр псалтээжыклэ къыгъэлъэгъуэн. Апхуэдэу Шыкъумцлийм мэлыхуэ башыр къыхыжыну, а луэхум зрипщытыну щыжилам, Щхъэжь абы щыдыхъэшхаш, мыпхуэдэ псалтэ жагъуи иридзаш: «Уи щхъэм уклэтыплъыжыфарэт уэ. Зызыцлэж щылатэмэ, зызылэжи щылэнт» [Лукожева 2021: 115].

Гъуэгу техъэн ипэ, Щхъэжь и гъусэхэм захуигъэзащ ущие псалтэклэ: «Лэб-элагъым лэпхуамбэхэр щызэкъуэтмэ - къарущ; бийм дежклэ лэштлымщ, флы зигу имылтым щхъэклэ шыклуртымщ; зыл и быну дызэкъуэвгъэт», [Лукожева 2021: 117].

Щхъэжь къуажэхъкли лэзэщ, ахэр флыуэ къещлэ. Ауэ а зэныбжьэгъуитлым хьэл мыгъуэу яхэлъар я псалтэ зэрэпцлыжарщ, жадам зэрытемытыжарщ. Дахэжан и щхъэ кърыклуам иужь, а тлур къэгүзэвэжаш зыцлэгупсысыжаш, зыгуэр къащымыцл щыклэ ягъэзэжмэ нэхъыфлу, ирахъэжыа луэхур Шыкъум-цлий къыхуагъэнэжмэ я щхъэ нэхъ хъума хъуну.

Щхъэжь и образым къалэнышхуэ щегъэзащлэ пьесэм. Абы и луэхуцлафэхэмклэ, и гупсысэхэмклэ дэ дыхуеуций, дыкыхуреджэ къыдбгъэдэтхэм, къыддэпсэхэм зэран дахуэмыхъуну, псалтэ ттар дгъэпэжыфу, щхъэщытхъугъэр къэдгъанэу, луэхуфл нэхъыбэ длэжыныр псом зэрынэхъапэм дегупсысу дызэрыпсэун хуеймклэ. Зэрыжытлаци, пьесэм хэт псоми езым я хьэл, увыллэ ялэжщ.

Алмэсты пашэм и образым дызэрыхуэзэр Шыкъумцлий, Щхъэжь, Дахэжан, Домбей жилю гъуэгуэ здытетым къапэув къарум и лыклуэущ. Зэныбжьэгъухэм гу лъатат абы я щытыклэм: «Уэл, сыту нэджэлуджэ мыхэр», - жилам Шыкъумцлий. [Лукожева 2021: 117]. Иныжхэщ, лъагъугъуейхэщ, я теплэзакъуэм уегъэшынэ. Номинхэм хуэдэу фэклэ ещхьщ, цыбэщ, я инагъклэ абрагъуэщ, лъэбакъуэ ячыхуклэ макъ ин къэлуу, щызеклуэклэ цыхум я къэклухыклуэу щыт гуэрхэщ.

Нэхум и лыхъуаклуэ ежыа зэныбжьэгъухэр алмэстыхэм къаубыдащи, ахэр яшхыну хуейуэ мэлъалуэ алмэстыхэр. Ауэ ар Алмэсты пашэм къахуидэркъым. Пашэр зэцлэгуэуклри куэдыр зыцлигъэбырсеящ, щым хъуахэщ. Мыбдеж гурылуэгъуэ тхуэхъунуцл псоми абы пцлэшхуэ къызэрыхуащлыр, жилам пеуэну зэрыпэрымыуэр. Щым хъуахэ нэужь псалтэу зэрызахуигъэзамклэ иджыри зы къыдощлэ: ахэр номинхэм хуэдэми, цыху пэлытэщ, езыхэми цыхуу зыкъалытэж. Япэм щыгъуэ зэрышхэу щытахэр цыхулмэ, иджы абыхэм зэрад-эпсэум къыхэкклэ, цыхухэр пшхымэ, езыхэм ящыщ зы яшхыжауэ къабжыр.

Алмэстыхэр хэтт гъэр къащла щлалэхэр Нэжыгъуцлыдзэ ирату, абыхэм ящлыгъу Дахэжан хьыджэбзыр езыхэм къызыхуагъэнэну. Абыхэм яб-зыщлырккъым гъэунэхуплэ ихуа щлалэхэр, алмэстыхэм къагъэлъэгъуа зэпеуэ гъэунэхуныгъэм щытеклуэми, флы защлэклэ хуит къащлыжу гъуэгу зэрытра-мыгъэхъэжыну. Уеблэмэ ахэр хъэзырщ цыхубэ насыпыр къэзыхыжыну ежыа щлалэхэм ящыцу теклуэм езыхэм ящыщ зы алмэсты хьыджэбз псэгъу пэлытэу къратыну...

Пьесэм кыщыкIуэ собирательнэ образщ Алмэсты пашэр. Ар дэ нэхъ гъунэгъу кыщытхуэхъур Нэхур къэзыхыжыну ежъа щIалэщIэхэр алмэстыхэм бгыхэм гъуэгъу щыпхрашам (Алмэсты пашэм и хэщIапIэм ухуэзышэ) техъауэ щыкIуэм шыгъуэщ. ЗэрыжалэмкIэ, алмэстыхэм я щыпIэ псэупIэр бгы щIыIэ здэщыIэращ.

Уэзрэдж-ябгэ пьесэм кыыхощыж НэжыгъушIыдзэ и пщылIхэм ящыщ зыуэ. А зымкIэ гурыIуэгъуэ мэхъу абы игъэзащIэ къалэнхэр зэрыIейри. ГурыIуэгъуэщ авторым зыхуигъэувыжа къалэнри – ар хуейщ къигъэлыагъуэу хъуамкIэ цIыху дунейм тетхэм я щытыкIэр, псэукIэр зырызэмыщхьыр дигъэлыагъукIэрэ фIым дызэрыхушIэкъун хуейм дыхуиуущину.

Уэзрэдж-ябгэ цIыкIужей щхьэкIэ къаруушхуэ хэлъщ, пхуэмыIуэтэн щытыкIэ гуэрхэри дыболъагъу, абы кыыхэкIыуи гъэщIэгъуэн кытщохъу. Абы игъэзащIэ къалэн шынагъуэхэм ящыщIа блэгъуэ нэщIам ещхъу зыми я жъэ хуахын кымыгъанэу и закъуэ псори зэтришхыныну гутъапIэ зэриIэр. ЕтIу-анэращи, аращ нэхъыбэуи пьесэр зытха авторми дызыкIэлъыгъэплъыну и гуращэри, гъэщIагъэ защIэкIэ къалэн, лэжыгъэ кыпэщыльхэр зригъэхъулэнущ.

Уэзрэдж ябгэ адреи персонажхэм зэрахуштыри гъэщIэгъуэнщ. Абы ахэр гъэщIагъэкIэ гъунэгъу зыхуешI, кыдехъэх. ПщIэ яхуишI хуэдэурэ зещIыр, адреихэми ар я фIэщ ящIри дзыхъ хуащI. Апхуэдэ щIыкIэкIэ къигъэщIа цIыху гъуэгурыкIуэхэр къигъэIулэурэ НэжыгъушIыдзэ фызыжым и хэщIапIэм гъунэгъуу ирешалIэ. Апхуэдэурэщ абы Дахэжан нэIуасэ дызэрыхуишIар. Ар йогупсыс Дахэжан и дахагъэр НэжыгъушIыдзэ нанэм сэбэп зэрыхуэхъуфыным абы жьыфэ кытемыуэу и гъащIэр кIыхъ хъуну зэрыщIэхъупсыр кыгуроIуэуэри.

ТIы персонажым игъэзащIэ ролыр тIуащIэщ, Iейуи фIыуи пхужылэнукъым, ауэ зыщ жыпIэфынур: ар мэлъу зэрыщытыр къэзыгъэлыагъуэр ТIым НэжыгъушIыдзэ зэрыхуштыращ, мэлхэр здахум макIуэ, дыгъужь ялыагъумэ мэшынэр, апхуэдэушI тIыр мы пьесэм зэрыхэтыр. Нэхъ куууэ уегупсысмэ, абы игъэзащIэ ролыр щIагъуэкъым, сыт щхьэкIэ жыпIэмэ, НэжыгъушIыдзэ доIэпыкъу, жиIэхэр егъэзащIэ. Пьесэм ТIы персонажыр кыщыхэщыр ипэ щIэдзэмрэ и кIэухымрэщ. ИкIэм кызырыхэщыр НэжыгъушIыдзэ яубэрэжыныну зегъэхъэзыру, ипэм «Ди нанэ» жиIами, иужькIэ и кIэн кыкIыжыркъыми иубэрэжыныну зегъэхъэзыр. ТIы персонажым и ухуэкIэр ебгъэщхъ хъунущ урысхэм я псысэ персонаж Баба Ягам дыIэпыкъуэгъуу иIауэ щыта Кот-Баюн, Гуси-Лебеди, нэгъуэщIхэми. ЯпэщIыкIэ ахэр Баба-Яга дэщIыгъуш, ауэ икIэм игъусэжхэкъым...

Пьесэм кыыхэщыж Джэду персонажым уигу къегъэкIыж урыс таурыхъ «Морозко» хэта уд фызыжым и унэм щIэса джэду фIыщIэр. Дэтхэнэ джэдуми ещхъу, Лыкъуэжь Нелли и пьесэм кыыхэщыж Джэдур джэду гъэфIэнщ. Нанэм шхыным я нэхъ IэфIыр ирегъэшх, егъафIэ, йоубзэ. «Шэч лъэпкъ кытесхьэркъым сэ нанэжь нэхъыфIу сыкызыэрилыагъум. Сэ щхьэантибгъум сытесщ, зэгъунэгъуибгъум я шэ пэгунибгъур кысхуехъри сегъэтхъэж. Тхьэм ещIэ, иджы схуишIэфIауэ сынэсыжыныр. ТхьэмщIыгъуныбэ, ныбапхъэ?». Езым хуэдэ дунейм темыту зыкыщохъуж. ЗыфIэдахэщ, зыфIэбэлыхыщ. И гъусэр фIэделэщ, тIэкIуи зримыпэсу пIэрэ жыпIэу: «Ахъей, а хъэуазэпIэм

хэлъыр, мэкъу Іэмбатэм хэшхыхьыр сэ кыспимыщІынкэ абы» [Лукожева 2021: 123]. Араш хужіІэр ТІым.

Нанэми и джэдур фІыуэ елъагъу: «ЗэвгъэцІыху. Мыр си джэду нагъуэ цІыкІураш. Си гъэфІэнщ. КъакІуэ мыдэ си шабэ цІыкІу» [Лукожева 2021: 127]. Джэдур быдэщ, зыми зыри иритынукъым. Сысейр сысейщ жыхуиІэщ. Нанэм хъэщІэ кышыхуэкІуэр фІэфІкъым, зэгуоп: «Сэ сыхуейкъым, си нэр кыжу мо Іейхэм си шэр ирафыжыну, си щхъэнтэр зыщІадзыну. Нанэ и шэ пэгунибгъум сыхэфа нэужь, къауц щхъэнтэм тесыпхъэр сэраш. Зы-щыв-мы-гъэ-гъуп-щэ. ЗыщІевгъэх дахэкІэ» [Лукожева 2021: 130].

Зи унэ щІэсым ещхъу пьесэм щытлъагъу Джэду акъылышхуэ бгъэдэлъкъым. КхъузанэкІэ псы кызырэпхуэмыхьынур занщІэу кыгу-рыІуакъым. Езыми НэжыгъушІыдзэ и псалъэр тІу ищІкъым, и унафэм фІэкІкъым. Іуэхугъуэхэр зэрызэкІэлъыкІуэм уригъуазэурэ урикІуэмэ, кы-болъагъу Джэду персонажыр и нэпсеягъэм текІуэдэжа зэрыхъуа щІыкІэри. ШыкъумцІий ар гъэпцІагъэкІэ «Сэ сщІэрт ар гувэ - щІэхми, сещакІуэм, се-щакІуэрэ, а щхъэ гъуыр кызырэсІэрыхъэнур, къэным сигъапщхьы псынщІэу къэзгъэубыд а дзыгъуэ гъуамэр, гъуэмбым (гу лъытапхъэщ мыбдеж къакІуэ «гъуэмб» псалъэм ипІэкІэ «гъуэ» жиІуэ щытын зэрыхуейм. Аннаграммэм и шапхъэщ. – А.А.) имыпщхъэж щІыкІэ» [Лукожева 2021: 133], жиІа нэужь ар къэным ирегъапщхъэри и щхъэр епхэж. Пьесэм и кІэх Іыхъэхэм деж апхуэдиз кыыхуэзыщІарэ, апхуэдиз къезыгъэшха нанэжым жиІэр и фІэщ мыхъуу, къельэІукІи кымыгъанэу йокъури йожьэж.

Алмэстыхэр, хъэщхъэвылъэхэр, бзадженаджэхэр, нэджэІуджэхэр Нэжыгъужьыдзэ и ІуэхутхъэбзащІэхэщ. Ныуэжь ябгэм жиІэр я унафэщ. Ар бзадженаджэрэ нэджэІуджэу дунейм тетым я гуащэщ. «ЛІэ» яжриІэ къудеймэ, абыхэм загъэлІэжыну хъэзырыххэщ. КъедбжэкІа отрицательнэ персонажхэм зэдэуэ НэжыгъушІыдзэ дунейпсом и тету, и тепщэу ябж. Абыхэм нэху ялъагъункІэ Іэмал иІэкъым, я нэхэр щоункІыфІыкІ, абы и кыыхэкІкІи мэз кІыфыр я хэщІапІэ-псэупІэщ.

Къару шынагъуэхэм я лІыкІуэхэм ШыкъумцІийрэ и ныбжьэгъухэмрэ гъэру кышшаубыдам, япэу яшхыну хуожьэ. ЖыпІэ хъунуш а нэджэІуджэхэм цІыху, хъэкІэкхъуэкІэ я мымыхъэмышхыу щытауэ. Псом хуэмыдэу ахэр къуейщІейщ, хъэлыншэхэщ. Абы и зы шапхъэу къэпхъ хъунуш а шынагъуэжхэм я гъэрыпІэ ихуа, Нэхум и лыхъуакІуэ ежъа ныбжьыщІэ цІыкІухэр япхыу, щыдыхъэшхыу, я щыгъынхэр шаудыну хуейуэ, я хъуреягъыр кызырафыхьыр.

ГушыкІ зыхуозыгъэщІ персонажхэм псоми зыхуэпщылІ НэжыгъушІыдзэ фІыуэ ялъагъу, абы хуэпэжщ, абы папщІэ я псэр ятынуш. Езыхэм фызыжъ ябгэм и дзэ хахуэм щыщ зауэлІу забжыж. Ауэ пьесэм щыпхрышаш гупсысэ куу, зэгуэр Іейуэ щытар фІы хъужыну гугъэ уигъэщІу. Феплъыт а Алмэсты па-шэм жиІэм: - «цІыхухэр тшхын щыдвгъэгъэтыж, емыкІуш» [Лукожева 2021: 118]. Абы тепщІыхъмэ, жыпІэ хъунуш алмэстыхэм я ІуэхушІафэкІэ за-мышъуэжыпэми, фІы гуэрхэри ягу къэкІыу. ТеплъэкІэ ахэр узижэгъуэнщ, но-минкІапэщ, фІалъэ япытщ.

Алмэсты пашэ нэджэІуджэр зи ныбжь хэкІуэтэ Уэзрэдж ябгэщ. Ар алмэ-ты жьы дыдэхэм ящыщщ, абы кыыхэкІкІи нэхъ губзыгъэщ, нэхъ бзаджэщ,

Гэмалшыщ. Адрей алмэстыхэми ещху Уэзрэдж ябгэ цыхухэм, дуней нэхум ятеплэ хьуркьым.

Пьесэм дызыщрихьэлэ алмэстыхэм я лэягьымрэ я нэджэлуджагьэмрэ уемыплэмэ, цыху хьэл-щэн дахэ гуэрхэри яхэлъу кыпщоху. Псалъэм папщлэ, Алмэсты хьыджэбзыр фыуэ ильагьу алмэстым дэклэуэн папщлэ, гьэрыплэ ихуа Домбей хуит кьещлыжри кьыщлэгьэпхуэж.

Псори зэхуэпхьэсыжмэ, жыплэ хьунуш Алмэстыхэр, хьэщхьэвылэхэр, бзадженаджэхэр, нэджэлуджэхэр япэ еплыгьуэклэ деж лейуэ, ауэ уаклэлыжыпэмэ, флагь ильэныкьуэклэ хьэл-щэн дахэхэри яхэлъу.

Пьесэм образ категориеу кыщоклуэ щыплэр. Зэрытлагьуши, пьесэ-псысэм кыщыгьэлъэгьуа лухугьуэхэр пыухыклауэ зы щыплэ гуэрым е зы топоним щхьэхуэм ешэлауэ е епхауэ щыткьым. Абы кыхэкьли, кыжытлэн хуейщ «художественнэ принцип единства места, времени и действия» жыхуэтлэ пьесэ зэратх хабзэхэм авторыр тлэклэу кытеклауэ. Ар ныкьусаныгьэу кыумылътэми мэху, сыту жыплэмэ пьесэм кыщыгьэлъэгьуа щыплэхэм абы щыпсэум, е абдеж кыщыгьэлъэгьуа лыхужьым и дуней тетылэ кьагьэлъагьуэу щытц. Псалъэм папщлэ, Плыр-дадэ и башымклэ жэщыр махуэу щызэрихьуэкьлэ лухур щоклуэкь кьаажэ гуэрым. Бзухэм уэрэд жалэ, адакьэхэр мауэ, псори кызэщлоушэ. Мыдэклэ алмэстыхэм, бзадженаджэхэм я гугьу щыщкьлэ лухур щеклуэкьыу дигьэлъагьур бгьуэнцлагьщ. Абыхэм нэмыщлэ лухугьуэхэр щоклуэкь мэзым, губгьуэм, Нэжыгьушцлэ дзэ и унэж цыкьлэм.

Пьесэм ущрохьэлэ архаизмхэм, историзмхэм (псалъэм папщлэ, гьэриб, джэлэс, пхьэшкы), абы кыдэщлыгьуу мусылтымэн диным ехьэллэ псалъэхэми (ярэби, тобэ, нэгьуэщлэхэри). Иужьрей шапхьэхэм тепщыхьмэ, авторым и зэман концептыр жыжэ дьдэ нэсыркьым...

Пьесэр псом хуэмыдэу бейщ псалъэжхэмклэ, дэтхэнэ зы геройми псалъэж кыжьэдэклэщ мьзэ-мытлэу. Псом нэхьыбэу псалъэж зы бзэ кыхэхуэр Плыр – дадэщ.

Пасэ зэманым щыгьуэ хьуэхьухэмклэ цыхухэр кьулейуэ щытащ. Пьесэми хьуэху дахэ куэди хэтц, псалъэм папщлэ, цыкьлэхэр зеклуэ щэжьэм, Плыр-дадэ яжрелэ «Сыхьэтым я нэхьыфлым тхьэм фыхуишэ!».

Пьесэ псор зытещыхьар зэман зыхьуэжыныращ. Нэжыгьушцлэ дуней нэхур, мазэр, дыгьэр, вагьуэхэр едыгьу, дуней псор кьыфлэ хьун папщлэ. Абы иужь цыхухэр кьэмыушыжыфу жейуэ кьэнахэщ. Ауэ а жэщым ди лыхужь нэхьыщхьэхэр мыжейуэ ирихьэллати, дуней псом нэхур кьэзыхьыжыну кызытехуар ахэрщ. Махуэмрэ жэщымрэ зызыблахьун зэрыхуейр лухузэфлэмыбз (проблемэ) нэхьыщхьэу хоувэ.

Лыкьуэж Нелли и пьесэр гьэщлэгьуэну зэхэгьуэува хьуащ. Псом хуэмыдэу абы ильэныкьуэкьлэ гу зылыптэр кьэхьукьашлэхэм (еклуэкь лухугьуэхэм) я зэкьлэтыхьыклэмрэ абыхэм яку дэль зэпыщлэныгьэмрэщ, абы имызакьуэу таурыхь хуэмэбжымэхэр зэрыхэтырщ. Бгьэбелджылы хьунуш Нарт эпос стилистикэр авторым флэкабылу зэрыщытыр, абы и хабзэ зэтеувахэм закьытрилэтыкьыщэу щымытми. Сюжет ухуэкьлэ, композицэ и лэныкьуэкьлэ пьесэр

зэрыщыту кьапщтэмэ, езым и сюжет зиІэ мыпхуэдэ едзыгъуэ зэмылІэужьыгъуэу бгуэш хьунуш:

1. НэжыгъушІыдзэрэ абы и алмэстыхэмрэ дуней псо нэхур зэрадыгъуар. Мыр япэ дыдэ кьэхьукъащІэщ. Пльыр-дадэ и «мэлхэр» игьэхьуу уафэгум ит пэтрэ, НэжыгъушІыдзэ дэнэ кыкІами кыгурымыІуэу кьохутэри, дыгъэр, мазэр, дуней псо нэхур, Пльыр-дадэ и башыр ядыгъу. Иджы дуней псор кІыфІу кыызэтенащ, цІыхухэри кьэушыфыркъым. Дадэ, и жейр фІэкІуэдауэ, и щхьэ кьрыкІуа мыгъуахэхэм хэкІыпІэ кьахуилъыхьуэну хуожьэ.

2. ШыкьумцІий, Домбей, Щхьэжь, Дахэжан сымэ зекІуэ зэрежьа эпизодыр зэпыщІа хьуащ. Пльыр-дадэ гъуэгум шаІуошІэ ШыкьумцІий, Домбей, Щхьэжь, Дахэжан сымэ мыжейуэ, жыг щІагъым щІэту зэпеуэ-зэдауэу. Дадэ абыхэм яхуиІуэтащ еру бзаджащІэхэм нэхумрэ и мэлыхьуэ башымрэ зэрадыгъуар. Ар зэрызэхахьу, а гупым я зэпеуэн шагъэтри, ежьэу дуней нэху псор кьахьыжыну зэгуроІуэ. Мис абдеж ещанэ эпизодымрэ етІуанэмрэ зэпыщІа щохьу.

3. Нэхумрэ Мэлыхьуэ башымрэ кьэзыхьыжыну ежьа гупыр НэжыгъушІыдзэ и мэз хэщІапІэм кыщохутэ. Мыбдежым бзаджагъэ зигу кьэмыкІ лыхьуакІуэхэр гьэрыпІэ йохуэ. Домбей тхьэмыщкІэжьи Алмэсты хьыджэбзым щыдихьэхым, щІежьа Іуэхур ІэщІыб ищІу ар псэгъуу кьишэ пэтащ. Ауэ цІыхубэ насыпым и лыхьуакІуэ ежьа гупым гьэрыпІэм кыкІыжу, а лъахэ шынагъуэм кызэрыкІыжын Іэмалрэ хэкІыпІэрэ кьагъуэтыфащ. Хуиты-ныгъэ лъагъуэм хуэкІуэ лыхьужь цыкІухэр здэжэм, псори зэщІыгъуу гъуэм-бышхуэ гуэрым йохуэ. Ар Испым и хэщІапІэу кыщІокІ... Мыбдежым еплІанэ эпизодым кыщыщІедзэ.

4. Испым кыІэрыхьа «лЫкІуэхэр» и бгъуэнщІагъым щызэпрегъауэ кьуажэхь кьэщІэнкІэ. Щхьэжь мы эпизодым и зэфІэкІхэр щыдигъэльэгъуащ. Испым кьуажэхь псори Щхьэжь кьищІащ. Абы хэтуи Уэзрэдж ябгэр кьрохьэлІэри Дахэжан едыгъу. АдэкІэ нэхум, дадэ и башым и лыхьуакІуэ ежьахэм я пщэ кьыдохуэ иджыри зы Іуэхугъуэшхуэ – Дахэжан кьрагъэлыну. Абдеж етхуанэ эпизодыр кьэубла щохьу, ныбжыщІэхэр шынэ ямыщІэу НэжыгъушІыдзэ и хэщІапІэм макІуэ.

5. НэжыгъушІыдзэ и пэшым кыщыхута хьуа ШыкьумцІий удз фызыжьыр кьегъапІэ. Мыбдеж ШыкьумцІий зыхэт Іыхьэм щыщІедзэ. ШыкьумцІий хьэщІагъэшхуэ НэжыгъушІыдзэ зырыригъэхри, иужьыжым псыхьэ кхьузанэкІэ игьэкІуащ. Ар кьэсыжыху езы гуп цыкІури кыщІопхьуэж. И щхьэ кьрапэса псор хуэмыхьыж щыхьум, НэжыгъушІыдзэ зэгупрэ зэгуэдурэ Пльыр-дадэ и деж кьэблэгъащ.

6. Пльыр-дадэ НэжыгъушІыдзэ хьэщІагъэ кьрех. «Хьыджэбз» хьэщІэр тІэкІуи ягъэукІытэу, уэрэд хужаІэу, шагъэсащ. НэжыгъушІыдзэ и напэ текІауэ зилъытэжри и хэщІапІэм игьэзэжыпаш, абы иужь зэй кыщІэкІыжакъым.

7. АдэкІэ Дунейпсо нэхур кьрахьэлІэжри Пльыр-дадэ и вагъуэхэри иригъэтІысхьэжащ. Жэщымрэ махуэмрэ щІэрыщІэу зым зыр зызэблахьуу я гъуэгу техьэжащ.

Нелли лыхьужьу и пьесэм хигъэхьахэм я образхэм уегъэгугІэ, уи псэр дехьэх, тхыдэм и лъагъуэхэр зэрызэпымыужам ахэр зэрымыкІуэдыжыным урегъэгупсыс.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Лукожева 2021 – Лукожева Н. Звездный камень. Пьеса-сказка. На основе адыгских сказок // Ошхамахо. – 2021. – № 5. – С. 108-139.

LUKOZHEVA N. *Zvezdnyj kamen'. P'esa-skazka. Na osnove adygskikh skazok* [Star stone. The play is a fairy tale. Based on the Adyghe fairy tales]. IN: Oshkhamakho. – 2021. – № 5. – S. 108-139 (In Russ.).

А.Ч. Абазов – кандидат филологических наук.

Статья поступила в редакцию 18.05.2022 г.; одобрена после рецензирования 16.06.2022 г.; принята к публикации 28.06.2022 г.

Илму статья

УДК – 821.512

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-182-198

EDN: DWGQIX

ТОЛГЪУРЛАНЫ ЗЕЙТУННУ «ЖЕТЕГЕЙЛЕ» ДЕГЕН ЭПОПЕЯСЫНДА ХАЛКЪНЫ ТАРЫХ СЫНАМЫ

**Атабийланы Дауутну кызы Асият¹, Сарбашланы Мустафаны кызы
Алена²**

^{1,2} Гуманитар тинтиулени Институту – Россей илмуланы академиясыны
Къабарты-Малкъар илму арасыны филиалы, Нальчик шахар, Россия.

¹ bolatovaatabieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2384-6108>.

² alenasarb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7457-9823>.

Къысха магъана: Илму ишде малкъар жазыучу Толгъурланы З. «Жетегейле» деген чыгъармасы тинтиледі. Къуралыу-магъана шартларына (кенг эм жайма кёрумдюзюне, тарых болумланы хыйсапларын тюз кёзден ангылатханына, хапарлауну кёп заманнга созулууна, урушну суратлагъан бёлюмлерине, талай сюжет жипни биргелей айныгъанларына, халкъны къадары бла баш жигитлени жашауларыны байламлыкларына) кёре анга эпопея дерге тийишлиди. Романны эм магъаналы шарты халкълыкды. Илму ишни баш борчу – чыгъармада эпопея жанрны энчиликлерин белгилеп, халкъны тарых сынамы (совет низамны тохташыуу, эрттегили жашау турмушну оюлууу, алгъыннгы адет-тёре / адеп-намыс жорукъланы угъайлау, жамауат жашауда адамланы бир бирлери бла кыйын келишиулері, къыстау тюрлене баргъан дуниягъа инсанны тюзелирге кюрешгени бла байламлы болумла) къаллай суратлау даражада кёргюзтюлгенин ачыкълаудады. Аллай кыйгъылы кезиулени ахыр хыйсаплары адамланы барын тенгликге келтириу неда ёз сайлауларын этерге азатлык бергенлери угъай, халкъны бир бирден кенг тургъаны бла арагъа сууукълук кийиргенлери болгъанды. Октябрь революция бла байламлы болумланы сюзерден алгъа, жазыучу баш жигитлерини ич сырларын айныу халда ачыкъларгъа итингенди. Суратлау чыгъарманы ниет магъана ёзегин тинтиу, инсан кылыкъланы ёсюу жолларын, аланы тарых болумлагъа къатышханларын, хар жигитни ангылаун, этилген жангылыклагъа къошумчулугъун чертирге онг бергенди. Толгъур улу, кесини энчи кесамат ызын ачыкълагъанда, романны баш ниетин адамлык сезим бла байламлы этгенди. Хапарлауда аз-аздан хар бир жамауат къауумну келечилери суратланып, аланы тегерекде бола тургъан ишлеге кёз къарамлары, ёз оюмлары, халкълыкны ёлчемлерин кеслерича ангылагъанлары белгилене барадыла (артыгъыракъда Нух бла Къазакъны къаршчы сыфатларында). Башда сагъынылгъан затла жазыучуну тарых заманны энчилигин толу ачыкъларгъа жетишгенине, романны да эстетика даражасыны жангылыгъына шагъатлык этедиле.

Баш магъаналы сёзле: Толгъурланы З., роман-эпопея «Жетегейле», тарых сынам, халкълык, инсан кылыкъланы айныуу, кылыкълык.

Цитата этерге: Атабийланы А.Д., Сарбашланы А.М. Толгъурланы Зейтунну «Жетегейле» деген эпопеясында халкъны тарых сынамы // Кавказология. – 2022. – № 2. – С. 182-198. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-182-198. EDN: DWGQIX.

© Атабийланы А.Д., Сарбашланы А.М. 2022

Original article

THE HISTORICAL EXPERIENCE OF THE PEOPLE IN ZEITUN TOLGUROV'S EPIC "THE BIG DIPPER"

Asiyat D. Atabieva¹, Alena M. Sarbasheva²

^{1,2} The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

¹ bolatovaatabieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2384-6108>

² alenasarb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7457-9823>

Abstract. In this research area, interest is an epic - scale canvas by the Balkarian prose writer Z. Tolgurova “Big Dipper”. According to all structural and content parameters (large format, panoramic view, aim reflection and comprehension of historical events, the length of the narrative in time and space, during battle scenes, parallel developing storylines, the conjugation of the destinies of the people and the main characters of the work) it is classified as an epic novel. Nationality is singled out as a defining feature. The purpose of the study is to identify the epic features of the novel and reflection degree in it of the historical experience of the people (the process of planting Soviet ideology, the tragic consequences of breaking the old patriarchal world, the denial of the former moral and ethical norms, the difficulties of coexistence of people in society, human adaptation to a spontaneously changing reality. The result of the dramatic events was not the achievement of universal equality or freedom of choice, but alienation and disunity in the ethnic environment, mutual hostility based on class. The reality of the period of the October Revolution is considered by Tolgurov in the evolution's context of individual consciousness. The study of the conceptual layers of the literary text made it possible to trace the transformation of the characters, to determine the spiritual and moral potential of each image, to determine the level of awareness and involvement of the characters in the historical process. The author's evaluation line contributed to the realization of humanistic concepts and ideas. The work gradually reveals the ideological attitudes of representatives of different social strata, subjective ways of translating the mental component of the people (using the example of the ideological antipodes of the Nuh and the Cossack). All these provisions confirm the scale of the writer's reflection of the specifics of the era, the relevance and artistic and aesthetic value of the novel.

Keywords: Z. Tolgurov, the epic novel "The Big Dipper", historical experience, nationality, evolution of characters, psychologism.

For citation: Atabieva A.D Sarbasheva A.M. The historical experience of the people in Zeitun Tolgurov's epic "The big dipper". IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 2. – P. 182-198. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-182-198. EDN: DWGQIX.

© Atabieva A.D., Sarbasheva A.M., 2022

Научная статья

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ НАРОДА В ЭПОПЕЕ ЗЕЙТУНА ТОЛГУРОВА «БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА»

Асият Даутовна Атабиева¹, Алена Мустафаевна Сарбашева²

^{1,2} Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия

¹ bolatovaatabieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2384-6108>

² alenasarb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7457-9823>

Аннотация. В поле исследовательского интереса находится эпически масштабное полотно балкарского прозаика З. Толгунова «Большая медведица». По всем структурно-содержательным параметрам (крупный формат, панорамность, объективное отражение и осмысление исторических событий, протяженность повествования во времени и пространстве, наличие батальных сцен, параллельно развивающихся сюжетных линий, сопряженность судеб народа и главных героев произведения) оно классифицируется как роман-эпопея. В качестве определяющей черты выделена народность. Цель исследования заключается в выявлении эпопейных признаков романа и степени отражения в нем исторического опыта народа (процесс насаждения советской идеологии, трагические последствия ломки старого патриархального мира, отрицание прежних морально-этических норм, трудности существования людей в социуме, адаптации человека к стихийно меняющейся реальности). Результатом драматических событий явилось не достижение всеобщего равенства или свободы выбора, а отчужденность и разобщение в этнической среде, взаимная неприязнь по классовому признаку. Действительность периода октябрьской революции рассмотрена Толгуновым в контексте эволюции индивидуального сознания. Изучение концептуальных пластов художественного текста позволило проследить трансформацию характеров, определить духовно-нравственный потенциал каждого образа, уровень осознанности и степень вовлеченности героев в исторический процесс. Авторская оценочная линия способствовала реализации гуманистических концепций и идей. В произведении поэтапно выявляются мировоззренческие установки представителей разных социальных страт, субъективные способы трансляции ментальной составляющей народа (на примере идеологических антиподов Нуха и Казака). Все эти положения подтверждают масштабность отражения писателем специфики эпохи, актуальность и художественно-эстетическую ценность романа.

Ключевые слова: З. Толгунов, роман-эпопея «Большая медведица», исторический опыт, народность, эволюция характеров, психологизм.

Для цитирования: Атабиева А.Д., Сарбашева А.М. Исторический опыт народа в эпопее Зейтуна Толгунова «Большая медведица» // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 2. – С. 182-198. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-182-198. EDN: DWGQIX.

© Сарбашева А.М., Атабиева А.Д., 2022

Толгъурланы Зейтунну «Жетегейле» деген биринчи романы 1981 жылда басмаланганды, ол Къабарты-Малкъарда Совет власть тохташа башлагъан къайгъылы кезиуню юсюнден хапарлагъан кенг эпикалы чыгъармады. Сёзсюз, жашауда жангы низам тохташырча, эскиликни ояргъа тюшеди, аны ючюн инсаннга оюмлаун, дуниягъа къарамын тюрлендирирге, ниет кюрешин къыстау бардырыргъа керек болады. Малкъар жазыучу бу болумла бла байламлы жарашыулу суратлау сыфатла къурап, адамла арасында эсленнген ниет-сезим къажаулукъну жашау кертиликге кёре, ийнаныулу кёргюзтгенди.

Къарачай-малкъар адабиятны тинтген алимле сагъынылгъан чыгъармагъа уллу эс бургъандыла, кесамат ишлеринде аны суратлау даражасын чертгендиле [Болатланы (Атабийланы) 2016, Болатова (Атабиева) 2021; Полухина 1989; Сарбашева 2001, 2018; Султанов 1989; Толгуров 2010]. Бу илму ишни тинтиу борчу – «Жетегейле» деген романда эпопея жанрны баш шартларын белгилеп, халкъны тарых сынамы аны магъанасында не тюрлю ачыкъланнганын кёргюзтюдю. Аны толу тамамлар ючюн, эпикалы чыгъарманы ниет даражасына, жигитле къауумуну къуралыууна, аланы миллетлик сезимлерине, ич дунияларына, тарых болумлада инсан къылыкъланы тюрлениу халларына къараргъа тийишлиди.

Толгъурланы 3. чыгъармасында чынтты эпопея ышанла баямланадыла: эпикалы хапарлауну кенг, жайма кёрюмдюсю, талай хапарлау ызны биргелей ачыкъланыулары, халкълыкъ, тарых оюмлауну кючлениую, къылыкълыкъ, жигитлени жашау болумлары миллет тарыхны кюзгюсюнде берилгенлери. Тарых жүрюшю бла бирге халкъны да бушуулу къадарын жазыучу энчи юйюрню, инсанны юлгюсюнде кёргюзтгенди. Эпикалы хапарлау уллу кезиуню, жамауат жашауда эсленнген магъаналы окуяланы сыйындыргъанды. Совет идеологиягъа жакъ басханланы неда анга къаршчы сюелгенлени, эрттегили жашау турмушха къажаулукъ бла бюсюреулюкню белгилегенден сора да, романны баш ниети, суратлау борчу заманны экили бетин, алдаулу илишанларын, къырал идеологияны жангылычларын тюз ачыкълауда болгъанды. Социализмни тау элдеде тохташдыргъан заманда, революция бла байламлы жамауатны акъылында ишеклик къозгъагъан кёп зат баямлана эди. Ынкъылапчылагъа ариу кёзден къарамакълыкъ жокъну орнунда эди, нек дегенде, ала бардыргъан кюреш кёплени жашауларын ойгъанды, кюйсюз, терс ишлери да аз болмагъанды.

Миллет адабиятны айныуунда эпопея жанрны энчи алып къарагъанда, аны магъана ёзегин бек биринчиден тарых болумла къурайдыла, аллай кенг эпикалы чыгъармада халкъны сынамы бла адамны къадары къысха байламлыкъда берилдиле, инсан къылыкъ да айныу халда, толу суратланыр онг табады. Романны къош къурамы аны баш жигитлерини айныу жүрюшюн кёргюзтюрге амал береди. Сыфатланы къылыкъ энчиликлери къайгъылы тарых окуялада берилип, инсан кюрешде чыныгъадыла, хар бирини ич дуниясыны байлыгъы неда ниет-сезим такъырлыгъы аллай хапарлауда тынгылы ачыкъланадыла.

Толгъур улу чыгъармасында къурагъан суратлау сыфатланы кёпмагъаналыкълары хапарлауну айныгъаны бла бютюн кенгере, ангылашына барадыла. Жангы жашау турмушну тюз кёзден ачыкълаугъа кёбюсюнде тенгешдириу белгиле себеплик этедиле. Заманны къайгылы халын кёргюзтюр амал излей, сары топуракъны юсюнден жазыучу былай оюмлайды: андан не ишленирин айтыргъа кыйынды, ол къаллай адамны кёолуна тюшгенине кёре, кёрюмдюсю аз-аздан тюрлене, алышына, энчи бет ала барлыкъды. Жашау да алайды, адамны хар атламы, ниет айырыуу аны жангы болумлагъа келтиреди. Ол себепден, халкъны бурунгу турмушун сёгюп, озгъан заманланы да терслеп, эрттеден орналгъан жорукъланы ояргъа итинмеклик эссизликден башха туююлду. Аллай тюрлениулени хыйсаплары да къаллайла болурла, киши билмейди. Жазыучу ангылатханны эсге алгъанда, миллетни ёмюрлюк сынамы бла байламлыгъын юзсенг, жашнай тургъан терекни тамырларын кесгенчады. Заманга кёре, жашау тюрленнгени бла, инсанны кыйлыгъы, дунягъа кёз къарамы, ич дунясы, кёлюндеги сезимлери да башха бола баргъанларын автор энчи сыфатны юсюнде ачыкъларгъа жетишгенди. Хар адамны кыйлыгъы кыйын тарых кезиуледе бирча болмайды дегенни чертеди жазыучу.

Кёргюзтюрген заманны энчи шартларыны санында бушуулукъну белгилерчады. Аны кючлендирген мадарладан бири – халкъны кёлден айтылгъан чыгъармачылыгъы бла байламлыкъды. Фольклор төреле жазыучулукъ иште жангы эстетика магъананы тутадыла. «Суратлау чыгъармада ала жазыучуну поэтика-хат энчиликлерин белгилейдиле, суратланган тарых болумлада инсанны, аны бла бирге уа саулай да халкъны миллет шартларын, кыйлыгъын кёргюзтюрге себеплик этедиле» [Сарбашева 2017: 38]. Толгъурланы Зейтун «Жетегейле» деген романында таулу анала, юй бийчеле (Тюйме, Зайнаф, Эккяй) инсан урушда жоюлгъан жашларыны, баш иелерини (Аскер, Кёккес, Аслан) жияуларын эте, ачыуларын сарнаугъа, кюйге салып айтадыла. Ол себепден бушуулада жүрюген төреле хапарлауда айырмалы жерни аладыла. Юлгюге бир юзюкню келтирейик: «Кёпден бери жыйылып, тыйылып тургъан суу ычхыннганлай – кеси селейгинчи аны ким тыялыр. Аш-суу къайгыда жиямукъ кёргюзтмеген Эккяй да андан ары тёзалмады. Жаулукъ къанаты бла бетин жабып, аш юйден чабып чыкъды да, отоугъа кирип, сарнаугъа берилди. Алай бир кесекден аман кычырыкълa, къатыш-къутушла тохташдыла да, арбаздагъыла къайсыны эсе да ауазын шарт эшитдиле:

Кенг жауурунлу, ой, назик белли Аскер,
Жюрегими нечик кюйдюрдюнг,

Ананг сылаучу къара чачынгы, харип,
Къызыл къанынга бояп, узакъда жоюлдунг.

Былай айтып сарнагъан Асланны анасы Тюйме эди. Аны ариу, таралгъан ауазы эр кишилени жерге къаратды, сёзлерин тамакъларында тунчукъдуруп, шошайтды. Тиширыула да, тохташып, Тюймеге кюй айтма кюйдула, сора ол жүрекдени бек ачитхан сёзлеге жетгенлей, эжиу этгенча, бир аууздан кысха-

къысха сарнап, дагъыда къулакъ саладыла. Тюйме кюй этип сарнаргъа уста болуучусун эллиле биледиле, алай, бюгюнча, жүрекден таралып, инжиллип аны ким кёрген эди» [Толгъурланы 3. 1982: 379-380].

Толгъурланы Зейтунну эпикалы прозасында инсан къылыкъла бла аланы ниет айырыулары не заманда да ал сатыргъа чыгъарыладыла. Аны жигитлери, тарыхны къыстау бурулгъан тирменине тюшюп, къайгъылы кезиуде, къыйын жашау болумланы аллында кеслерини ангыламларына кёре ёз жерлерин табаргъа итинедиле, тюз ызны сайларгъа кюрешедиле. Тинтилген романда бир талай жамауат къауумну къылыкъ энчиликлери чертиледиле: Нух эфендини, Мамаш бийни, Байдуллахны, Болатны (чам аты Маскеди) дагъыда башхаланы. Ниет къаршчылыкъда суратланган сыфатланы (Нух бла жалчысы Къазакъ) жангы властыны низамына къарамлары тарых кертиликде бериледиле. Ол кезиудеги жашау хал, кертида, экили эм алдаулу болгъанды; адамланы бир бирден айыргъанда, бу ышаныулуду, башхасы уа аманды, деп таукел айтырча тюйюл эди. Жазыучу инсанланы ич сагъышларын, кёлдеги сезимлерин, жарсыуларын, дуниягъа къарамларын, тегерекде бола тургъан ишлеге ёз оюмларына кёре багъа бичерге итиниулери ачыкълайды. Айтханыбыз бла байламлы «Жетегейледе» баш жигитлени ич монологларына эс бурурчады.

Къазакъны, Нух эфендини, аны жангыз къызы Саудатны бушуулу къадарларыны баш сылтауун жазыучу аланы къаршчы жамауат къауумлагъа юлешиниулериинде, эки тюрлю къарамны бир-бирге чюйре сюелгенлериинде кёредиле. Аланы хар бири кесине тюз жол айырыуда артыгъыракъда ич сезимлериин таянады. Жигитлени барысы бир бирлериин къаллай ниет тутханларына, этген муратларына кёре энчиленедиле. Чыгъармада ол тюрлю къаршчылыкъны ачыкъларгъа амал берген мадар – табийгъат болумланы тенглешдириу халда суратлауду. Черекни эки жагъасында къалгъанланы «сууну ары жанындагъылагъа» ариу кёзден къарамагъанлары шартланады. Алай бла романда инсан къылыкъланы типология энчиликлери айырыладыла. Толгъур улу жамауат чюйрелик бла бирге психология чюйреликни да терен ачыкълайды. Жазыучу кесини философия оюмларында бийик ниет магъананы жыйышдырып, бир ненча жангы суратлау ызны белгилейди.

Романны баш жигити Къазакъ – Нух эфендини жалчысы – жамауатха энди къошула башлагъан жаш адамды. Бу сыфатны юсю бла жазыучу ёз миллетини ажымлы къадарын суратлайды, терслик бла тюзлюк деген философия ангыламланы араларында келишимсизликни тинтеди. Класс кюрешден тышында, Толгъур улу баш жигитлериини ич дунияларында, кеслерин жүрютюу халлериинде чюйрели шартланы ачыкъларгъа итинеди. Жазыучу, къуру жамауат жашауда эсленген тюрлениулени суратлау бла чекленип къалмай, ол тарых болумла жигитни къылыгъында, къадарында да бушуулу ыз къойгъанларын сюзеди. Хар бири кеси жолу бла барады, тамамлагъан иши, кюрешти, къадары, сайлауу да энчидиле. Болсада, аланы барысын бирикдирген – заманны ажымлылыгъы бла кюйсюзлюгюдю. Бу оюмгъа Мамаш бийни сагъышлары тюшюндюредиле: *«Адамла чач-тюк – араларында къутургъан суу – кечиюу жокъ... хар адамны ёз таягъы – баргъан анга таянып барады. Мени таягъым жарылды, белинден къыркъылды, мен жыгъылдым...»* [Толгъурланы 3. 1982:

421]. Къазакъ сайлагъан жол да къыйынды, айланчды. Жамауат жашаудагъы болумла неда тарых ишле бла байламлы Къазакъны ич сезими, къылыгъы, дуниягъа кёз къарамы да алышына башлайдыла. Алай жазыучу жигитни сыфатында болгъан тюрлениулени бирден кёргюзтюр къояргъа ашыкъмайды: аны толу ангылатыр ючюн, ол таулу жашны ажымлы жашау сынауун суратлайды. Къазакъ эркинликге, тенгликге итинген адамды, болсада бу ёлчемлени ол кесича ангылайды. Нухча дин ахлулары эм башха онглу бийле ишчи халкъны басынчакъларгъа ёчлюклерине ыразы болмагъанлыкыгъа, жангы властыны омакъ сёзлерине да терк ийнанып, алгъадан окъуна аны жанлы болуп къалмайды. Романны баш жигити жамауат арасында тенглик болурун сюеди, сора, кеси башына азат болур ючюн, эркинлик излейди.

Толгъурланы З. алгъаракълада жазылгъан тарых-ынкъылап чыгъармалада тохташхан тёрели жорукъну бузгъанын Къазакъны юлгюсюнде кёребиз, ол тюзюнлей революция кюрешчи болуп къалмайды. Окъууу-билими болмагъаны себепли, аны саясатдан хазна ангылауу жокъду, жамауат къауумланы арасында белгилене башлагъан кюрешни жашырын сылтауларын терен сезерча туююлдо. Алай, не десенг да, эркинлик ючюн кюрешни бардырыргъа жалчы таукелди, жангы жарыкъ жашаугъа да итиниуюлго уллуду. Къазакъ, къалгъан эллилерича, властыа къуланмайды, баш урмайды, аны излеу жолу, бийик умуту башхады. Кёлюндеги экиликден азатланалмай кёп заманны кечиннгени уа – Нух эфенди анга ата кёзден къарагъаны бла байламлы болгъанды, ол себепден бий къауумгъа къажар сюелирге жаш базынмайды: «...*Санга игилик излегенни аманлыкъ бла къалай къуугъун? Нух эфендини къолундан туз гыржын ашагъанма. Эллиле не айтырла? Сора таулу таулугъа сауут кётюрген неге ушайды?*» [Толгъурланы З. 1982: 22]. Быллай сагъышла аны барлыкъ жолундан артха тыядыла, этерик ишлерине сокъурандырадыла. Адет-тёре, намыс-сый дегенча миллетлик сезимни энчилеген ариу шартла Къазакъны акъылында терен тамырланнгандыла, аллай магъаналы затланы, не бек кюрешсе да, ол сансыз эталлыкъ туююлдо. «*Ата-бабадан бери келген, иги, аман эселе да, тёрелени, адетлени жангыртхан тынч болмаз. Къазакъ кесинден таматалагъа, къартлагъа, къоншулагъа намыс, хурмет этип ёсгенди. Ол андан баиха адетге юйренмегенди. Душманнга жетгенде, къоншу, тамата, къарт деп айырыргъа жарамазлыкыгъын билмейди. Таулу сабийле насыпларын, жашауларын табар ючюн, аланы эзген баиха таулулагъа сауут кётюрген айып, гюнях да болмагъанына къайдан тюшюнюрюкдю?*» [Толгъурланы З. 1982: 31]. Болсада, аны ангылаууна кёре, ёз насыбына элтген жолун кесерге бир адамны да эркинлиги жокъду. Экили сагъышларындан, эртте-кеч болса да, азатланып, жигитни бу оюмгъа келлиги ишексизди.

Кертиди, жангы жашау болумлагъа тюзелиу адамлагъа тынч болмагъанды. Бир талай заманны хар инсан, дуниягъа кёз къарамын тюрлендирир ючюн, кёп чурумлагъа тюбеп, арсарлыкъда ётдюргенди. Къазакъны ич сезиминде да алгъа бийлеге, сора энди тохташхан властыа ачыуу хорлайды, артда уа жашау сынамы аны ыразылыкъ бла тенгсиниуге келтиреди. Оюмлауу, къылыгъы, кесин жүрютюую да алышынмай жарамазын, айтхан сёзюн тергеую ачыкъларгъа кереклисин ангылайды, аны себепли, ауур сагъышла эсинден кетмейдиде. Жи-

гитни кылыгы экиленгенин тюрлю-тюрлю жашау болумлада кёребиз. Ол ёз айырыуун жаланда таукеллик бла неда бир затха толугу ийнаныулугуун сезгенден сора этеди. Аны инсанлык аныламы коммунизм жоруклаган ниетни угайлаудан башланады. Романны ахырында уа Къазакъ кесини борчун социалист жашау турмушну жакылауда кёреди.

Къазакъ элиди, тергеулюдо, ол бир ызы тутуп, аны бла барырга кюрешмейди. Жюрек термилиую бла акылы буюрган атлама, бири бирин угайлай, жашны кёлүнде тохтамай сермеш кыозгаганлай турадыла. Суймеклик бла ыразылык сезимлерими женгерле, огъесе борчму хорлар, деген соруулагы жууап берген кыйынды. Тюзюн айтханда, жангы идеологияны низамы тохташханлай, битеу кыра халкыга эркинлик, онгу жашау тежеп кыоярына ийнаныулугу тутхучсуз болганын жаш анылай эди. Совет власть аны тууган элинде битеу оноуну кеси кылуна алып тохтаганлы уа – бютүнда. *«Бёрю кыйгы сен туюлюсе», – дегенлей, сейирди быланы ишлери. Аяклары киргинчи, таяк кёргюзтүп, деп келди Къазакъны эсине. Тюзлюк ол эсе, сора терсликлери кыаллай болукыду? Керилген а этгендиле, уруп кыачан башларыкыдыла ансы?»* [Толгурланы З. 1982: 77]. Бийик чакырыула бла кызыл байракны кётюрюп элге келгенле, халкны мюлк-ырысхысын ууучлаган заманда, гитче-тамата деп жамаутха бет этмегендиле. Элде тохташдырыла башлаган коммунизмни ёкюллеринден бири болуп романда Барасбий суратланады. Бу жумушну тамамлауда ол кесине чексиз базынулу болганын жазычу энчи болумда кёргюзтеди. Нух эфендини жангы кызы Саудатны алтын кереклерин сыйырама деп сюелгенинде, этген артыкылыгына тёзалмай, Къазакъ тишируу жанлы болады. Артда бийни кызын кыоруулаганы ючюн «кызылла» жигитни кесин терсегендиле. Хапарлауда аллай болум дагыда бир кыатланады: Къазакъ, Кыйытны кызы Майрушханны намысын кыоруулай, кызыл аскерчиледен кыутхарган эди, ол заманда да аны, ырбынга тыйып, жер юйге атхан эдиле. Алгы Асланча чынтты кыорешчилеге ушаргы сюйген, ала бла ёхтемлене, тутхан ниетлери ючюн жанын берирге хазыр болган Къазакъ энди, аланы жангылыч ишлерин жашырмай, Асланны, Аскерни, Кыаспотну, Барасбийни да ачык айыплайды. Жигитни аныламына кёре, революцияны келчилери «жаханимлик адамладыла», бери келгенли, элчилеге бир кюн тынчык бермей жашатхандыла. Былай кыйсюз заманда адамлык, кыоншулык, бурунгу адет-тёреде, ислам динге ийнанмакык да унутулуп, Барисбий эм аны кибикле тууган эллеринде биреуню мюлкюне дау этип сюелгенлери Къазакъны юрегин жарсытады, властьны терс ишлерине кёзюн ачырып, шеклик туудурады. Адамлыгы ёчюлмеген инсанны бу болумла, крти да, сагайтырчадыла. Жаш арсарлыкдан терк ычыналмайды. Мындан ары да Нухну кылу, жалчысы болганлаймы турсун, огъесе жангы жашауга келишдирсин кесин? Бу соруу жигитни инжилтеди, юрегине туюрелгенлей турады. Ол кеси кеси бла ушак эте, былай сагышлайды: *«Шериат тохташдырган тюзлюкге жангы власть, большевикле не кыошаллыкыдыла? Муслиман дининги, ийманынги кыфырлагы хылыкка этдирип неда кесинг кибик бир муслиманнга аты айтылганны жоюп алган «Большебик эркинлик» неге керекди, ол арбазда мал айнырма, сабийле ёсерлеми? Къазакъ кесини гит-*

че миллетчигине, асыры аздан таулагъа юркюп жашагъан миллетчигине, дин къарындашларына сауут кётюрлюк тюйюлдо. Ол жалчыды, неди да, кимге жалынады, мындан ары да кесине керекни къан тёкмей да алыр» [Толгъурланы 3. 1982: 48-49]. Бола тургъан ишлеге Къазакъ кёлю бла къатышмагъаны чыгъармада шарт кёрюнеди, бир атламы бла да ол адамлыкъ даражасын экили этмегенди. Кёлсюзлюкден терк къутулалмагъанлыкъгъа, иги умутун юзмейди, къачан болса да, белин тюзетип, ёхтем жашар кюню келирине ийнанады.

Толгъурланы 3. жамауат жашауну алышына баргъанын, революцияны ниет излемлерин баш жигитлерини ич дунияларын ачыкълау бла, аланы кюрешлеринде ким да ийнанырча суратлайды. Чыгъармада жазыучу жангы хапарлау ызны сайлагъанды – инсанны ич сёзюн, ёз оюмун терен ачыкълау бла байламлы. Быллай суратлау мадар адам къылыкъны тюрлениун, жашаугъа къарамын тынгылы, айныу халда ачыкъларгъа себеplik этеди. Артдан-артха заманны жангырыууну юсюнден Къазакъны философия оюму, ангылауу да ёсгенин кёребиз. Жашауда бола тургъан экили ишле, магъаналы соруула аны эсин бийлеп, тынгысыз этгенлей турадыла. Байланы бла жарлыланы, къызылла бла акъланы араларында айрылыкъ неда демлешиу жашны жүрегінде шургъулукъ къозгъайдыла. Алай Къазакъ ол затладан терк къутулургъа жетишпайды. Гитчелигинден бери кечесин, кюнюн да жалчылыкъда ётдюрген Къазакъны жашауунда махтаныр, къууаныр жери азды. Аны кёлюн бир бёлек кезиуге дери жарытхан – Нух эфенди кеси жанлы этер муратда берген чепкен, жараулу къама бла ажирди. Ол хаух «саугъаладан» да анга келлик жокъду, Къазакъ аны кеси толу сезмегенликге. Адамланы кеслерин жүрютюу халлери, айтхан сёзлери бла этген ишлери бир бирге келишмейдиле, тегерекде хар зат алдаулуду.

Романны баш жигити эки отну ортасындады: бир жанындан – жангы идеологиягъа базынмагъаны, аны ниетине толу тюшюналмагъаны; экинчиден – Нух бла Мамаш бийни аманлыкъдан артха турмай, жарлы халкъны кеслерине къулландырып жашагъанлары. Жазыучу аны арсарлыкъын былай суратлайды: «*Эки дунияны бирине къошулалмагъан, орталыкъда къалгъан жан*» [Толгъурланы 3. 1982: 266]. Кеси айтханлай, бу жалгъан дунияда тюз жол сайлай билмеклик кёкню жети къатысына барып къайтхандан эсе кёп да къыйынды.

Биринчи битеудуния къазауаты сора инсан уруш, эм алагъа кёмюлген адамланы, халкъланы да тарых къадарлары бушуулу эдиле. Ол арада кишиге эс табар онг жокъду. Иш кёллю жарлы халкъ, жалчылыкъдан озмай, юйюрлерин ачдан ёлтюрмезге кюрешеди, бий тукъумланы ёмюрле бла тюзелген жашау турмушлары оюлады, дуния къатышлыкъгъа жангы сынаула къошуладыла. Тамблагъы кюнлерине ышаныулукъ жокъ, эл жамауатны бирикдирген бурунгу адеп-къылыкъ, ниет тёреле учузланнгандыла, тукъум юлюш, жууукълукъ жүрютюу унутула барадыла. Динни тутхан да къоркъуулу ишди, къыраллыкъ низамгъа чюйре келгени ючюн, аны эсден кетерирге буюрулгъанды. Урушдан, арсарлыкъдан да къыйын а – бир бирге къажаулукъ эди. Социалист жашауну ёлчемлери халкъгъа ангылашыныусуздула. Жангы власть миллетни тутуругъун къурутуп, тамбласында къаллай жашау келтирлиги белгисизди. Кёпле билмейдиле не этерлерин, къайсы кючге ийнаныргъа, кимге ышаныргъа да. Ол къыйын

сагъатда адам кесине окъуна базынмай эди, ёз жерин табаргъа, къайсы жолну айырыргъа, «акъланымы»/«къызылланымы» ызларындан барыргъа. Умутлары толмай, айрылыкъда инжилгенле да аз туююлдоле. Жамауат арасында келишимсизлик, кёрюпболмаулукъ, къаршчылыкъ Нух бла Къазакъны сыфатларында тынгылы кёрюнеди. Заманны саркъыуунда адам тюрлене барады, аны къарамы да алышына. Алгъадан умут этгени бла тегерекде кёргени бир бирге чюйре келгенин сезеди. Къазакъ да эндиге дери, ёз насыбын бирлеге къурман эте, жашай келгенди. Башха эссизле уа, тарых тирменине тюшюп, жоюлгъандыла. «Акъла» бла «къызылла», халкъдан кеслерине бойсунуулукъну излей, ташыуул чайнагъанча, арада инсанланы тюз жолдан тайдыргъандыла.

Алай бла Толгъурланы З. эпикалы чыгъармасында, алгъыннгы адетлени тузагъындан къутулалмай, ажашып айланнган, революцияны бораны тынчлыгъын къурутхан таулуну сыфаты уста къуралгъанды.

Къазакъ къаллай жигитди деген соруугъа жууаплагъанда, ол ётгюр, кесине базыныулу, кючлю адамды, неда шарайыпсызды деп ишексиз айтырча туююлдо. Этген ишлеринде жалчы бирде къатыды, ёхтемди, бирде сокъураныулу, экили болады. Жамауат жашаудагъы тюрлениуле аны эсин, жюрютюу халын да алышындыргъанлары баямды. Тенгликге итиниую бла бирге, муратларын тамамлар ючюн, анга мурдарлыкъ этерге да тюшеди. Тюзюн айтханда, революция кюрешчилеге аллай ишле жангы болмагъандыла. Жаш, Нух эфендини ёлтюргенлей, бирден битеу зорлукъну, артыкълукъны, тенгсизликни тамырларын кесгенге санайды. Алай, этген мурдарлыгъы анга тынчлыкъ бермези баямды. Кебинсиз, къабырсыз къалгъан Нух, эки дуниядан биринде да жер табалмай, ырахатлылыгъын тас этгени ючюн, Къазакъгъа кесини ачыуун билдиреди. Аны тынгысыз жаны суу бойнунда къаргъыш къычырыкълары бла элчилени къоркъутуп тургъанды. Бийни энди жаланда дерт жетдириудю мураты, ёлгенден сора да жалчысы бла даулашын андан къоймайды. Аралары алыкъа айырылмагъанды.

Къазакъ кеси къолундан жоюлгъан эфендини ауазын къуруда эшитгенлей турады, андан бери кёп заман озгъанлыкъгъа, алгъыннгы иесини ачыулу соруулары эсин жангыдан къозгъайдыла: *«Сен да уруш этдинг, къан тёкдюнг, къайдады ол тапхан уллу насыбынг? Къайдады мангылайынгда жарыкъ жанган жулдузунг? Тегерек бёркюнде къызыл къаашханг, къылычынг къайдады? ...Жараларынг тапхан насыбынг...»* [Толгъурланы З. 1982: 10]. Жалчыны жүрек жаралары, ёмюрден-ахыргъа тынчлыкъ бермей, ашланнганлай турлукъдула. Баш жигитини сыфатын жашау кертиликде ачыкълар умутда, жазычу аны къадарын къарт терекни сыфаты бла тенглешидиреди. Экисини жашаулары да алышынмайдыла – терек, тамырларын тереннге жиберип, кесин желден, ырхыдан сакълагъанды. Балта тийген, бичакъ кесген таплары да кёпдоле. Къарт эменни къатында сюелип, мудах сагъышларына батхан Къазакъны бушуулу къадары ол терекни юсю бла белгиленеди: *«Бу дунияда ёхтемлик, насыпсызлыкъ да бар, иги, осал да, къарыулу, онгсуз да, эслилик, эссизлик да бар, аллай заманда игини амандан артха салырча билим, эс, онг да жокъ...»* [Толгъурланы З. 1982: 175]. Кеси жашауунда ол аз зарауатлыкъмы

сынагъанды, къуругъан терекге жүрегини теренинден аны ючюн жарсыйды. Экисини да къадарлары бирча ажымлыдыла.

Чыгъармада ачыкълана келген энчи сюжет ызладан бирин Къазакъны таза суюмеклиги къурайды. Бай юйде ёсген кызыны (Саудатны) сыфаты асыры кючбюсюреу кёрюнеди. Сёзю, къарамы, этими бла да ол атасыны жалчысына бюсюремеулюгюн, ыспассыз этгенин кёргюзтеди, бий тукъумуна ёхтемленип, башхаланы эниш этерге кюрешгенин да. Тиширыуну сыфатында жазыучуну тенгледидириуле бла хайырлана билгени шарт кёрюнеди. Къаршчы суратлау бояула излеуде, жаз тилге кёчюп, ушашдырыула къурауда Толгъур улу усталыгъын кёргюзтеди. Нух эфендини кызы кесини насыпсыз къадарына кюй этеди: *«Мени къадарым кемелей уллу эди, энди аягъымда окъа чарыгъымлай – гитче. Къадарым – къолумда сары алтын жюзюгюм – ычхынып кетип, ташла ортасында зынгырдадын»* [Толгъурланы 3. 1982: 164]. Эси, ахшы умутлары да алгъын заманда къалгъанлары ючюн, Саудат башхалагъа дау этеди. Бюгюнню жашаугъа тюзелир амал табалмай, акъылындан шашып, ачыуундан кеси кесин къыйнайды, адамлагъа кёрюпболмаулугъун жашыралмайды. Нух эфендини кызы жангы тохташхан жамауат болумлагъа келишалмагъанында тиширыуну бушуулу къадары ачыкъланады.

Тинтилген юлгюлеге кёре, «Жетегейлени» кенг хапарлауунда баш жигитлени ич сырлары бютюн кючлю, терен ачыкълана баргъанын кёребиз. Романны суратлау энчилигине эс бурсакъ, бек алгъа инсан кюрешге къатышыргъа тюшген онгсуз, жаланнгач адамла бла эрттегили заманны жорукъларына таянып жашагъан бий къауумну ич сезимлерин жазыучу уллу усталыкъ бла ачыкълагъанын чертирчады. Малкъар адабиятта алгъын байланы-бийлени зулмучулача кюйсюз бетде кёргюзтген төре эди, аланы кылыкъ-ылыгъы, бет сыфатлары окъуна бюсюреусюз бояула бла суратланнгандыла. Бу чыгъармасында Толгъур улу ол эрттеден тохташхан төрени бузгъанды.

Жигитлерини кылыкъ энчиликлерин суратлауну жазыучу аланы кёллеринде жашырылгъан ич сезимлерин ачыкълаудан башлайды. Аллай тынгылы берилген сыфат – ёзден къауумну келечиси – Нухду. Ол кесини баш борчун юйюрюню, тукъумуну намысын эниш этдирмей, жыйышдыргъан харакетин сакълауда кёргенди. Жюрегинде менсилик сезими хорлагъан инсан болгъанлыкъгъа, бирде, кесине таплыкъны излей, халкъдан туракълагъанлыкъгъа, аны жашау сынамы, эслилиги уллуду. Заманны алдаулугъуна да къарамай, ол туугъан жерине кертчилей къалады. Не къыйын болса да, журтун сакълагъанды, халкъы бла бирге къадар буюргъанны сынаргъа таукел сюелгенди. Ол кезиудеги класс къауумлаугъа кёре, байла бла бийле революцияны ачыкъ душманларына саналгъандыла. Тюркге къачып, байлыгъын сакъларгъа онгу бола тургъанлай, Нух бир айыргъан жолдан таймайды. Дуниягъа кёз къарамын, төгерекде бола тургъан тюрлениулени жаратмагъанын ачыкъ айтхандан, властха къажаулугъун кёргюзтгенден да хайыр болмазлыгъын ол ангылайды. Алай, керек болса, эфенди элчилери бла тап жараша, кенгеше биледи, сакълыкъ аны баш ышаныды. Жигитни хыйла акъылы, хар затны тергеп, келир кюнде не болурун узакъдан кёреди. Кесини жалчыларына окъуна кёзбау сёз айта биледи, Къазакъгъа да бирде «жашым» деп сёлешеди, багъалы кийим-

ле, неда саутгала берип алдайды. Керек заманда коммунистлеге (Асланнга, Аскерге, Къаспотха) огъурсуз сезимин, терс ишлерине онгсунмагъанын жашырыргъа да юйренгенди. Болсада ныгъышха жыйылгъан жамаутха айланып ол кесини оюмун ачыкъ айтханды. Бу хаух дуняда тенглик жокъду, табийгъатда окъуна хар не да бирча тюйюлдю, тереклени, къаяланы да бири бийик болады, бирсиси – эниш. Адамланы да кими ишчиди, кими эринчеклей къалады, бирлери мадарымлы болса, башхалары – къарыусуз, хар бирини ёз жарсыуу, къайгъысы, жүрек асыуу. Биреуленден зорлукъ бла сыйырып, башхасына юлешгенликге, анга андан насып не хазна къошулур. Миллет ичинде къарындаш къарындашны къанына боялгъан гыржынны къалай ашар? Адамланы эслерин уятыргъа жүрешген Нухну сёзлери заманны кюйсюз бетин ачыкълайдыла. «Аны ангылаууна кёре, адамланы жаныуарладан бир башхалыкълары жокъду. Халкъ, тёзе кетип, бирден тепсе, аны къара кючю къоркъуулу болгъанын Нух эртте сезгенди» [Болатланы (Атабийланы) 2016: 90].

Бийлени араларында бардырылгъан ушакъда, сёз ючюн, жашырын магъанада хайырланылгъан халкъ айтыула кёп санда тюбейдиле. Романны халпарлауунда ала суратлау къуллукъдан сора да жыйышдырыулу философия магъананы ачыкълайдыла: *«Нух бир заманда да ит жыйынны къаты бла жууукъ озаргъа сюймегенди. Бири юрюп, юсюнге чапса, барысы да секиредиле. Айхай, къолунгда, хуржунунгда гыржын бурхунг, сюегинг болуп, жыйыннга ата билсенг, не къайгъы, тонунг да – сау, сюек жетмегенле да бир бирлерин кесерле»* [Толгъурланы З. 1982: 136]. Жангы властыны толкъунларына кирип, анда жутулгъан инсанны Нух эфенди тенгизге къошулуп, кесин тас этген черекге ушатады, аллай адам туугъан жеринден айырылгъандан башха тюйюлдю, дейди. Былайда Нух эфендини сыфаты, анга сыйынган суратлау кюч сагъыш этдирмей къоймайдыла. Битеу къыралны сагъайтхан тарых тюрлениулени кезиуюнде жамаут арасында ыспасы жүрюген, не къыйынлыкъда да ёхтемлигин тас этмеген, онглу таулуну сыфаты миллет адабиятта кесини тийишли жерин алгъанды. Романны окъуй келгенде, бирле Нух эфендини терс къылыкълы жигитге санаргъа боллукъдула. Ол да не себепден болгъанын ангылагъан къыйын тюйюлдю. Бийлиги аны класс къауумлауну жоругъуна бойсундурады. Болсада, жазыучу Нухну ёзден неда дин ахлусуча угъай, бек биринчиден бушуулу къадары болгъан инсанча суратлагъанды. Толгъур улу эфендини сыфатында, жангы жашауну тузагъына тюшюп, ол жүрешде ажымлы жоюлгъан кёп тау бийлени, билимлери, къолайлары да болгъан акъыллы адамланы бирикдиргенди. Ол да «Жетегейле» деген романны къыйматлы шартларындан бириди.

Нухну жашау къыйынлыкъларыны сылтаун байлыгъы бла байламлы этип къоймайды жазыучу. Романны жигити хар затха, адамлагъа да гурушхалыкъ бла къарайды, кишиге базыналмайды. *«Сууукъ адамла – сууукъ жулдузла. Сиз бир бирден узакъсыз, арагъыз – жолсуз, зарлыгъыгъыз – чексиз. Сизни зарлыгъыгъыны ууу дуняны къара кёмюр этди, мени жүрегими уа – таи...»* [Толгъурланы З. 1982: 11]. Бу эртте ёлген Нухну ауазыды, эфендини тынчлыкъсыз, кебинсиз къалгъан жаны Къазакъны жүрегинде сокъураныулукъ эслер умутдады. Тюзюн айтханда, жангы жашау турмушдан халкъ артыкъ насыплы болалмады, ахшылыкъ, ыспаслыкъ да тапмады. Ишлегенича ишлейди,

кече-кюн белин тюзетмей, кыралны излемлерин жалчыта. Кызакъ кеси да сынамады насып не кыуанч, кыартлыгына дери жашагъанында да.

Башха жигитлени сыфатлары бла тенгештиргенде, Нух эфенди сынаулуду, тарых тюрлениулеге эсли кёзден кыарайды. Ынкылапчыла тау эллени асламысын кыолгъа жыйгъан хапарын эшитсе, башха бийлеча, кыаны кызып, кыамасына жабышып, кыаугъа кыозгъап башламайды. Эрттегили адет-тёреде, намыс-сый деген ангыламла учузланып, ата-бабалары тохташдыргъан жашау болумла кёз туурасында оюлуп, энди жокъ болуп кетгендиде. Алай ол тарых кыатышлыкъда Нух кесини мюлкюн сакъларгъа таукелди: жерин, малын, харакетин. Аны оюмлауу бла, кёп жылланы жыйышдыра келген ырысхысын «кыарабыдырлагъа» тонатдырмаз амал излерге керекди, алагъа ачыуун эфенди кючден тыяды. Кыыйынлыкъ келген сагъатда, ол Кызакъны таянчагыча кёредди, жалчысы анга билеклик этеригине ишексизди. Нух ол умутун юзмейди, хыйла бламы, огъесе кёзбау сёз бла, Кызакъны жууукъда тутаргъа, билек кючюн, кертчилигин да хайырланыргъа сюйгенди. Нух анга аман болмагъанын жалчысы унутмазгъа керекди, ашын, сууун кыызгъанмай, кийим керекли этмегинин, ат белинден тюшюрмей журютгенин да. Болсада, бий Кызакъгъа кеси излегенча базаыналмайды. Кызакъ да, жамауатны асламысыча, хыны чайкыалгъан тенгизде жюзген кемеге ушайды, аны толкыуларында батмазгъа кюрешеди. Толгъур улуну жигити жашауда кесине жол излейди, энчи ниет айыруун этеди. Кызакъ бу эки кючден бирине ийнанырча болмагъанын ангылайды, ол не Совет власть, не Нух жанлы туююлдо: тутхан ниетине кертчилей кыалыргъа сюеди, тюзлюкню жолундан аны бир адам зор бла тайдыраллыкъ туююлдо.

Романны эпикалы хапарлауунда Нух бла Кызакъ жигине дери тынгылы суратланган адабият жигитледиле, кыаршчы оюмланы ачыкылагъан, тарых тюрлениуледе ёз сайлауларын этген. Толгъур улу аланы кыылыкъларын, ич ниетлерин, этимчиликлерин толу кёргюзталгъанды. Нух эфендини байлыгы улуду, этген оноууна халкъ сыйынады, ишине бир чурум табылмайды, жалчыларындан да ишни таплыгъын бек кыаты сурайды, ич тасхасын а кишиге билдирмейди. Аны кыылыгында огъурсузлукъ, хыйлачылыкъ, экибетлилик шартла биргелей белгиленедиле. Жазычу Нухну ол илишанларын аны тукъум даражасы бла угъай, ич дуниясын терен ачыкылау бла баямлайды. Кемчиликлерин санап турмай, аны туугъан жерине керти сюймеклигин, халкына жууукълугъун да чертеди. Ол шартла Нухну ич сагъышларында ачыкъ боладыла. Нух, черек жагъасында олтуруп, суу бла ушакъ этеди: *«Сен да, менлей, жан-жанынгы талай, ашыгъаса, сарнайса... Айтчы, ары, кыула тюзлеге жетеме деп, жиляуунгуму этесе? Тенгизге кыошулуп, тас боллугъунгу тарыгыуунму этесе? Жамауатха кыошулгъан адам – тенгизге кыуюлгъан черек... Тенгизге кыошулгъан черек – жеринден айырылгъан адам...»* [Толгъурланы 3. 1982: 138]. Толгъур улу жигитини бушуулу кыадарын табийгъат болумлада (черек суу тенгизни кенглигинде жутулгъаныча) тенгештириулени болушлукълары бла кёргюзтеди. Нух кесини жашауун черекге ушатханлыкъгъа, тюз жолну сайлауда экилиди: башын алып ёз журтундан тыш жерге кёчмесе, мюлкюнден да кыуру кыалыргъа, ажымлы жоюлургъа боллукъду, тегерегинде ол затха сылтаула

кёпдюле. Тынгысыз заманлада бий къяуумдан кёплери Тюркге кетгендиле. Нух кесин, юйюрюн ёлюмден сакълауну мадарларын тергейди, ыспассызлыкъ сынагъандан эсе, жашаргъа буюрулгъан ёмюрюн ажымсыз ётдюрюр амал излейди. Алай туугъан жерге суюмеклиги ол оноуна келиширге кёймайды: бийлик берилген, тукъуму орналгъан жерде жашауун андан ары бардырыргъа, туугъан элинде намысы бла ёлюрге кереклисин биледи. Артда да Нух Тюркге кетмегенине ачыу этмейди: аллай къоркъакълыкъ эр кишиге ушамагъан ишди. Жамауат кёргенликден, аты айтылгъан бий, жел къайры урса, ары бюгюле турлукълукъладан туююлду.

Башда тинтилген суратлау юлгюлеге кёре, «Жетегейлени» баш жигитлерини къадарлары бушуулудула. Толгъурланы Зейтунну романы миллет адабиятны тарыхында октябрь революцияны болумларын жашау кертиликде ачыкълагъан жетишимли суратлау чыгъармаладан бириди. Къыраллыкъ идеология халкъгъа не ахшылыкъла бергенди, адамланы къаллай оюмлагъа келтиргенди? Жазыучу ол соруулагъа ашыгъыусуз, тынгылы жууаплайды. Инсан урушну къазауатында чыныкыгъан таулула (Аслан, Аскер, Къаспот) кеслерини баш борчларын азат жашауну къурауда, тюзлюк, баш эркинлик ючюн кюрешде кёредиле. Болсада, Толгъур улу чертгеннге кёре, хар жарлы адам революцияны эсли кюрешчиси болуп бармайды, тюзню терсден айырыргъа барысыны да ангылаулары жетишмейди. Кёпле менсилик сезимден азатланалмайдыла (ол санда – Маске, Шамгъун дагыда башхала), кеслерине таплыкъны излейдиле. Ол да романнга жангылыкъ кийирген кыйматлы шарт болгъанды. Аллай сыфатланы юсю бла жазыучу ынкылап байрагъын кётюрген адамла жангызда тенгликни ёкюллери болуп, халкъгъа игилик излеуню жолун айырып бармагъанларын ангылатады. Бу чыгъармада Совет власть ючюн жаланда жарлыла къан тёкгендиле деп, аланы кыылыкъларында бир тюрлю шарайып табылмайды деген терс оюм кесаматланады. Жашауда кертиси бла да алай болуп къалса эди, коммунизмни хорлауу бла байламлы уллу тюрлениулени кезиуюнде жамауат турмушха, кырал къурулушха башчылыкъ этерге, ол жумушланы жалчытыргъа адам хазна табылмаз эди. Жангы власть халкъ андан сакълагъан ахшылыкъланы келтирдими, ол умутланы толмагъанлары да не хыйсапдан болгъанды дегенча соруула сюзюледиле. Ёзденлени, башха онглу адамланы ырысхыларын зор бла сыйырып, тонагъанларыды большевиклени этген «игиликклери». Совет власть ючюн къанлы къазауатха къатышхан кюрешчилени арасында да бар эдиле этген ишлерини, тутхан жолларыны тюзлюгюне ишекли болгъанла. Ала жууукъгъа, тенгнге, элчилерине зорлукъ этгенлерин кеч ангылайдыла. Артха къарап, жангылычларына сокъуранадыла, аны ючюн жокъду жүрек тынчлыкълары, ахшы умутлары да ол себепден толмайдыла. Сёз ючюн, Барасбийни (кёп аманлыкъдан артха турмагъан большевикни), ахыр ууахтысы жетгенинде, алгъын этген терс ишлерине сокъураныулукъ бийлейди. Нух эфендини кызы Саудатдан зорлукъ бла сыйыргъан алтынларын, тенги Къазакъгъа тилеп, иесине къайтарады. Аны ол жангылычы бла байламлы айтхан сёзлери айырмалыдыла: *«Харам мюлк кимни онгдурады... Алтын кеси тот болмайды, алай адамлыкъны уа, темирни тот ашагъанлай, ашайды»* [Толгъурланы З. 1982: 59]. Къызыл аскерчилени элчилеге сынатхан артыкълыкълары аны бла

чекленмегендиле. Аллай кюйсюз ишле, жамауатны ынкылапчыладан элгендирип, жангы болумлагъа экили кьаратхандыла.

Тинтилген чыгъарманы баш жигитлери кьырал саясат болумлагъа багъа бичерге кьолларындан келмеген, эссиз адамладыла деп айталлыкъ туююлбюз. Аны алайлыгъын Сейитни сыфатында кёребиз, жигитни терен оюмлауунда революцияны алдаулу бети ачыкъланады. Байладан сыйырылгъан жер, мюлк, ырысхы къара халкыгъа насып келтирмегендиле, эркинлик, тенглик да бермегендиле. Сейитни жашау юлгюсюнде окъуучу ол оюмгъа тюшюнеди. Алгъа жер юлюш берип, Совет власть жалчыны бек ыразы этген эди, уллу юйюрюн ачлыкъдан, жаланнгачлыкъдан сакълар адыргыда, ол кючюн аямай, кече-кюн ишлегенди. Алай, ёсдюрген будай сабанына кьууанып бошагъынчы, «кьызылла» элден ашыгъышлы кетип, Даутокъ улуну «акъ» жыйыны битеу тирлигин, жерин да зор бла артха сыйыргъанды. Жерде суююп урунган огъурлу ишчини салгъан кьыйыны керексизге кьорап, алтын сабанындан кьуру кьалады, кеси да ол жыртыч кьауумдан жаны саулай кючден сакъланады.

Кёп магъаналы суратлау сыфатла, бир бирге чюйре келген ниетлени ачыкълаугъа бойсунуп, адам улуну дуняда жашаууну экили бетин шартларгъа болушадыла, жашау бла ёлум, огъурлулукъ бла кюйсюзлукъ дегенча ниет ангыламлагъа тюшюндюредиле. Озгъан заманны артха бурулмазын ачыкълагъан белгиле да кёпдюле чыгъармада. *Жардан энишге тёнгереген таш, саргъалып жерге тюшген чапыракъ, жел* ургъаны бла энишге бюгюлген терекле, кырдык – бары тенгleshдириу халда суратланадыла. Быллай сыфатла халкыны хорлагъан кючню аллында амалсызлыгъын ачыкълайдыла. Ол себепден, «жазыучу жашауну кьыстау бурулгъан *урчукъ* бла тенгleshдиреди, халкыны уа – ол *урчукъну* силкиннгенине кючден чыдагъан *инчге халыгъа* ушатады. Жашауну бушуулу халын, инсанны да бу жашауда жерин черте, Толгъур улу кесини философия оюмларын... ачыкълайды... Алай бла «Жетегейледе» автор «адам бла заман», «тарых бла инсан» деген магъаналы соруулары айнытады» [Болатланы (Атабийланы) 2016: 93].

Чыгъармада Толгъур улуну алгъадан белгилеген ниетин ангылар ючюн, хапарлауну ахыр бетлеринде Къазакъ бла Жалдузну ушакъларын эсге келтирирге боллукъду. Романны атын кьурагъан *Жетегейле*, хар адамны ёз насыбына тартыныуун ачыкълап, жүрекде иги кьууум бла ийнаныулукъну белгиси болуп келедиле. Жарсыугъа, баш жигитлени бири да бийик умутларына, насып берлик жулдузларына жеталмагъандыла.

Романда эрттеден ачыкъланырын излеген соруу салынады: дуняда тенглик бармыды? Ол философия сорууну жууабы бирди – жамауат жашауда тенглик болур амал жокъду! Адамла бир-бирден башхача, кьадарлары, турмушлары, дунягъа кьарамлары, кьылыкъ илишанлары да энчидиле. Аны себепли, арада тюзлукъ, бирчалыкъ болмазы баямды. Совет властыны биринчи кюнлеринде окъуна атны асылы, кийимни сыйлысы, ариуу, тутхучлусу кьуллукъчулагъа жетгенди. Жазыучу ол кьайгъылы заманны сыфатын суратлау сёзю кючю бла тынгылы кьурагъанды.

Кьырал, миллет, инсан – ол ючюсюню тарых кьадарлары романда жашау кертиликде суратланадыла. «Жетегейледе» халкылыкъ ангыламны бийик дара-

жада берилгенин чертирге тийишлиди. Романда адамны кылыкъ энчилигин, ич сырын, огъурлулукъга неда кюйсюзлюкге баш ургъанын, жамауат-политика тюрлениулеге кырамын Толгъур улу уста ачыкълайды. Инсан кюрешде тюз жолну сайлау кыйын болгъанын, заманны да ангылашыныусузлугъун кѳргюзталгъанды. Романны магъанасына, баш жигитлерини сыфатларына да окъуучу кеси багъа бичеди – ниет айырыугъа, хар атламгъа, айтхан сѳзге, кыатышхан ишге эс буруп, жамауат ючюн этилген хайырлы жумушлагъа кыошумчулугъун тергеуге алып. Ол себепден чыгъармада адамны сагъышлары, оюмлауу, юрегинде не тюрлю сезимле демлешгенлери магъаналыдыла.

Романда ниет сезимлени тюрлюлери жигитлени юлгюлеринде баямланадыла. Жазыучу заманны барыуунда хар адамны энчилигин чертип, аны инсанлыкъ сезимини ѳсгенин кѳргюзтеди. Алай бла автор саясат тюрлениулеге кыатышхан аз санлы таулу халкъны бушуулу кыадарын, заманны ажымлыгъын да жашау кертиликде суратлагъанды.

Толгъурланы Зейтун, кесини суратлау борчун толтура, миллет сезимни эм тарых оюмлауну бийик даражагъа жетишдиргенди, чыгъарманы философия фикирин терен этгенди, аны бла бирге суратлау кыолайын байыкыдыргъанды.

ХАЙЫРЛАНЫЛГЪАН ИШЛЕНИ ТИЗМЕСИ (СПИСОК ИСТОЧНИКОВ)

Болатланы (Атабийланы) А. 2016 – *Болатланы (Атабийланы) А.* Малкъар эпикалы прозада суратлау белгини энчилиги (Особенности системы символов в балкарской эпической прозе). На кар.-балк. яз. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. – 156 с.

Болатова (Атабиева) 2021 – *Болатова (Атабиева) А.Д.* Личностное самоопределение героев эпопейного повествования (роман З. Толгурова «Большая медведица») // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2021. – № 3(50). – С. 118–128. DOI:10.31007/2306-5826-2021-3-50-118-128.

Полухина 1989 – *Полухина Л.* У каждого свой посох // Литературная Россия. – 1989. – 29 янв.

Толгъурланы З. 1982 – *Толгъурланы З.* Жетегейле (Большая медведица): Роман. – Нальчик: Эльбрус, 1982. 428 с.

Толгуров 2010 – *Толгуров Т.З.* 2010 – Толгуров Т. З. Зейтун Толгуров // Очерки истории балкарской литературы. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. – С. 692–707.

Сарбашева 2001 – *Сарбашева А.М.* Формирование историзма мышления и балкарский роман. – Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2001. – 148 с.

Сарбашева 2017 – *Сарбашева А.М.* Специфика взаимодействия балкарской литературы 70–80-х годов XX века с фольклором (на материале повести «Солнце не заходит Алима Теппеева») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 8-1 (74). – С. 38–40.

Сарбашева 2018 – *Сарбашева А.М.* Эволюция идейных поисков героя в романе «Большая Медведица» З. Толгурова // Известия КБНЦ РАН. – 2018. – № 2. – С. 89–93. DOI: 10.18411/2018812 11 9124

Султанов 1989 – *Султанов К.К.* Динамика жанра (особенное и общее в опыте современного романа). – М.: Наука, 1989. – 151 с.

REFERENCES

BOLATOVA (ATABIEVA) A.D. *Osobennosti sistemy simvolov v balkarskoi ehpicheskoi proze* [Features of the symbol system in Balkar epic prose]. – Nal'chik: Izdatel'skii otдел KBIGI, 2016. – 156 p. (In Karachay-Balkarian).

BOLATOVA (ATABIEVA) A.D. *Lichnostnoye samoopredeleniye geroyev epopeinogo povestvovaniya (roman Z. Tolgurova «Bolshaya medveditsa»)* [Personal self-determination of the heroes of the epic narrative (Z. Tolgurov's novel "Big Dipper")]. IN: *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy*. – 2021. – No 3 (50). – P. 118–128. DOI: [10.31007/2306-5826-2021-3-50-118-128](https://doi.org/10.31007/2306-5826-2021-3-50-118-128). (In Russ.).

POLUKHINA L. *U kazhdogo svoi posokh* [Everyone has their own staff]. IN: *Literaturnaya Rossiya* [Literary Russia]. – 1989. – 29 yanv. (In Russ.).

TOLGUROV Z. *Zhetegeyle (Bolshaya medveditsa)* [The Big Dipper: novel]: Roman. – Nal'chik: Elbrus, 1982. – 428 p. (In Karachay-Balkarian).

TOLGUROV T. Z. *Zeitun Tolgurov* [Zeitun Tolgurov]. IN: *Ocherki istorii balkarskoi literatury* [Essays on the history of Balkarian literature]. – Nal'chik: Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., 2010. – P. 692–707. (In Russ.).

SARBASHEVA A.M. *Formirovanie istorizma mishleniya i balkarskii roman* [Formation of historicism of thinking and the Balkar novel]. – Nal'chik: Izdatelstvo KBNC RAN, 2001. – 148 p. (In Russ.).

SARBASHEVA A.M. *Spetsifika vzaimodeystviya balkarskoi literatury 70-80-kh godov khkh veka s fol'klorom (na materiale povesti «Solntse ne zakhodit Alima Teppeeva»)* [The specifics of the interaction of Balkarian literature of the 70s and 1980s of the twentieth century with folklore (on the material of the story "The Sun does not enjoy Alim Teppeyev")]. IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. – 2017. – № No 8-1 (74). – P. 38–40. (In Russ.).

SARBASHEVA A.M. *Evolyuciya ideinikh poiskov geroya v romane «Bolshaya Medvedica» Z. Tolgurova* [The evolution of the ideological search for the hero in the novel "The Big Dipper" by Z. Tolgurov]. IN: *Izvestiya KBNC RAN*. 2018. No 2. – P. 89–93. DOI: 10.18411/2018812-11-9124. (In Russ.).

SULTANOV K.K. *Dinamika zhanra (osobennoe i obshchee v opyte sovremennogo romana)* [The dynamics of the genre (special and common in the experience of the modern novel)]. – Moscow: Nauka, 1989. – 151 p. (In Russ.).

Авторланы юслеринден билдириу

Атабийланы А.Д. – филология илмуланы кандидаты.

Сарбашланы А.М. – филология илмуланы доктору.

Information about the authors

A. D. Atabieva – candidate of science (Philology).

A. M. Sarbasheva – Doctor of Science (Philology), associate professor

Информация об авторах

А. Д. Атабиева – кандидат филологических наук.

А. М. Сарбашева – доктор филологических наук, доцент.

Авторланы кьошумчулукълары: илму ишни басмагъа хазырлауда авторланы кьошумчулукълары тенгди. Авторла энчи излемлери бла байламлы арада даулукъ болмагъанына шагъатлыкъ этедиле.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Илму иш редакциягъа 11.04.2022 ж. жиберилгенди; 25.05.2022 ж. кесаматлаудан сора, 10.06.2022 ж. басмаланыргъа тийишли болгъанды.

The article was submitted 11.04.2022; approved after reviewing 25.05.2022; accepted for publication 10.06.2022.

Статья поступила в редакцию 11.04.2022 г.; одобрена после рецензирования 25.05.2022 г.; принята к публикации 10.06.2022 г.

Научная статья

УДК 821.352.3

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-199-213

EDN: FTVOAN

БЫЛОЕ В СХОЖДЕНИИ ДВУХ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ОДНОГО ПИСАТЕЛЯ: «ВИД С БЕЛОЙ ГОРЫ» И «ЧЬЕ СТРЕМЯ МЫ ДЕРЖАЛИ» А.П. КЕШОКОВА

Инна Анатольевна Кажарова

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского
научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия,
barsello@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-0840>

Аннотация. В статье сопоставляются два автобиографических произведения А.П. Кешокова – повесть «Вид с белой горы» и рассказ «Чье стремя мы держали». Отслеживаются конкретные проявления различных ипостасей пишущего, особенности соотношения автора изображающего и автора изображенного, масштаб изображения собственного образа, «местоположение», которое он отводит собственному образу в пространстве и времени произведения, эмоциональные контрасты, определяющие ценностный вектор развития событий. Примечательно, что возвращение писателя к однажды рассказанному фрагменту своей биографии обнаруживает весьма значимые смысловые расхождения между двумя произведениями. Писатель не мог не понимать, что эти расхождения не ускользнут от внимания его читателя, и в этих моментах проясняется аксиологический аспект рассказа и самого факта повторного возвращения к ранее освещенному. В схождении двух автобиографических произведений одного писателя вскрываются различия не только в полноте изображения событий и лиц, но и весьма заметные изменения ценностного отношения к ним.

Ключевые слова: Алим Кешоков; автобиографическая проза; образ автора; событие; повествование; эпоха; аксиологический аспект.

Для цитирования: Кажарова И.А. Былое в схождении двух автобиографических произведений одного писателя: «Вид с Белой горы» и «Чье стремя мы держали» А.П. Кешокова // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 2. – С. 199-213. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-199-213. EDN: FTVOAN.

© Кажарова И.А., 2022

Original article

THE FORMER CONVERGENCE OF TWO AUTOBIOGRAPHICAL WORKS BY ONE WRITER: «THE VIEW FROM THE WHITE MOUNTAIN» AND «WHOSE STIRRUP WE HELD» BY A.P. KESHOKOV

Inna A. Kazharova

The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia,
barsello@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-0840>

Abstract. The article compares two autobiographical works by A.P. Keshokov — the story «The View from the White Mountain» and the story «Whose stirrup we held». This work tracks the specific manifestations of the writers various hypostases, the peculiarities of the relationship between the author of the depicting and the author of the depicted, the scale of the image of his own image, the "location" that he assigns to his own image in the space and time of the work, emotional contrasts, determining the value vector of the development of events. It is noteworthy that the writer's return to a fragment of his biography once told reveals very significant semantic discrepancies between the two works. The writer could not help but realize that these discrepancies would not escape the attention of his readers. And in these moments, the axiological aspect of the named story and the very fact of returning to the previously illuminated is clarified. The convergence of two autobiographical works by the same writer reveals differences not only in the depiction's completeness of events and persons, but also very noticeable changes in the value attitude towards them. relationship between the author of the depicting and the author of the depicted, the scale of the image of his own image, the "location" that he assigns to his own image in the space and time of the work, emotional contrasts that determine the value vector of the development of events. It is noteworthy that the writer's return to a fragment of his biography once told reveals very significant semantic discrepancies between the two works. The writer could not help but realize that these discrepancies would not escape the attention of his reader. And in these moments, the axiological aspect of the named story and the very fact of returning to the previously illuminated is clarified. The convergence of two autobiographical works by the same writer reveals differences not only in the completeness of the depiction of events and persons, but also very noticeable changes in the value attitude towards them.

Keywords: Alim Keshokov; autobiographical prose; the image of the author; event; narrative; epoch; axiological aspect.

For citation: Kazharova I.A. The former convergence of two autobiographical works by one writer: «The view from the white mountain» and «Whose stirrup we held» by A.P. Keshokov. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 2. – P. 199-213. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-199-213. EDN: FTVOAN.

© Kazharova I.A., 2022

Стержневая фигура автобиографического сочинения – тот, кто его создал. Данная очевидность обосновывает жанр литературной автобиографии и создает иллюзию простоты в понимании образа автора, по идее, предельно совпадающего со своим прототипом. И все же, исследователи жанра дают понять, что именно автор оказывается чуть ли не самой загадочной фигурой своего творения. К слову, Борис Дубин, характеризуя главные линии в творчестве апологета литературной автобиографии Филиппа Лежёна, замечает: «Милая наивность думать, будто себя-то уж повествователь знает куда лучше, чем всех других и чем все эти другие знают его. Никаким врожденным, “природным” превосходством самопонимания человек, как известно, не обладает, от себя зачастую скрывается еще глубже, чем от окружающих, а уж хитрит с собой куда чаще и, как ему кажется, успешнее (кто здесь, впрочем, кого надул?). Но не только в искренности дело, хотя и она вещь непростая. Наше знание самих себя (это чувствует, думаю, каждый, без этого мы не были бы собой) уникально именно в том, в чем оно непередаваемо, не правда ли? Так что одно дело — знать и совсем другое — рассказывать...» [Лежён 2000: 110]. Выходит, расхождение между автором изображающим и автором изображенным неизбежно. Вряд ли

надо доказывать, что это расхождение органично вплетено в довольно тонкие соотношения форм представленности автора в произведении, что также добавляет нюансов к трактовке образа создателя художественной автобиографии. Сводя в некоторое единство взгляды именитых литературоведов на проблему автора (В.В. Виноградов, М.Л. Гаспаров, М.М. Бахтин, Н.К. Бонеецкая), И.Н. Сухих приходит к следующим категориям: *«биографический автор – образ автора – автор-повествователь (или просто повествователь) – чистый автор, авторская позиция»* [Сухих 2016: 292]. При этом объединяющим все остальные ипостаси оказывается именно «чистый автор» – творческая сущность, художественное сознание биографического автора, носитель концепции и смысла произведения [Сухих 2016: 292]. Конечно, актуализированное автобиографическим жанром соотношение художника с созданным им собственным изображением не умаляет роли всех иных ипостасей автора.

Продвигаясь к «чистому автору» как средоточию концепции и смысла произведения, нам интересно обратиться к случаям, когда писатель по прошествии времени после написания своей биографии считает необходимым вернуться к некоторым ее сюжетам, или написать новое автобиографическое произведение. Как замечает в связи с последним Г.И. Романова, мы имеем несколько автобиографий у М. Горького, С.А. Есенина, М.А. Булгакова, М.М. Зощенко. «Автобиографии пишутся по разным поводам и соответственно могут иметь разную стилистическую окраску» [Литературная... 2001: 15].

Достойный внимания, но пока не рассмотренный исследователями случай повторного обращения писателя к сюжетам собственной биографии можно наблюдать в творчестве классика адыгской литературы Алима Пшемаховича Кешокова (1914–2001). Речь идет о соотнесенности автобиографического рассказа «Чье стремя мы держали» (Зи лъэрыгъыпс тЫгъа», 1989) с довольно протяженным фрагментом повести «Вид с белой горы» (1973). Начиная с главы «Мир, распахнутый букварем» и условно до главы «Война», повесть описывает временной отрезок, который узнаваем и в рассказе. В последнем случае галерея лиц и событий представлена более камерно, но дело не только в тесноте границ, положенных жанром рассказа. Само собой, взгляды писателя не могли оставаться неподвижными на протяжении шестнадцати лет, разделяющих оба произведения, да и слишком разителен исторический контраст между годами их написания: в первом случае так называемый «период застоя», почти безболезненно наследовавший предыдущему этапу советского строя, а во втором – перестроечное время, по сути, эпоха культурного слома. Совершенно разные по духу, эти эпохи должны были, как минимум, обуславливать психологическую разность в преломлении одних и тех же эпизодов минувшего.

Пожалуй, самое устойчивое, из всего, что сопряжено с личностью автора и прослеживается в повести и рассказе – это масштаб, который А. Кешоков избирает для своего изображения. Он не склонен показывать его крупным планом. При том, что повествование по большей части выдержано от первого лица, биографическое «Я» не стремится быть смысловым центром изображенного мира. Главный интерес составляет не ход собственной жизни, а эпоха, которой эта

жизнь причастна («Вид с белой горы»), и личность, под влиянием которой писатель имел счастье оказаться («Чье стремя мы держали»).

Явное желание не загромождать изображаемое собственной персоной позволяет говорить о том, что оба произведения тяготеют к мемуарной прозе. Между автобиографией и мемуарами грани тонки, но все же есть: «автобиография ориентирована на рассказ о себе и своей жизни, а мемуары – на запечатление событий и людей, с которыми имеет дело мемуарист. <...> Различие двух жанровых форм состоит в том, на что делается авторский упор – на себя или на события и фигуры эпохи» [Цзяо 2019: 50]. (Видимо, мемуарный «уклон», нередкий для автобиографических сочинений, и позволил составителям словаря «Поэтика» прибегнуть к обозначению «автобиография-мемуары», не совпадающему с мемуаристикой в собственном смысле [Поэтика... 2008: 10]). Как бы то ни было, мемуарный уклон не отменяет того, что лицо, от имени которого ведется повествование, автобиографическое.

Помимо масштаба изображения собственного образа немало об установках писателя (биографического автора) может поведать «местоположение», которое он отводит собственному образу в пространстве и времени произведения. Понятно, что по мере развития событий местоположение меняется, но, как правило, существует некая «точка исхода», которая, если и не определяет с точностью, то, во всяком случае, намечает импонирующий автору вектор восприятия его образа в дальнейшем. В этой «точке» может определяться мотив, который подвиг человека запечатлеть свои воспоминания.

«Вид с белой горы» начинается с небольшого философского вступления. Жизнь как восхождение («Жизнь – непрерывное восхождение по нехоженой тропе, которая вьется по горным склонам» [Кешоков 2007: 193]). Восхождение как череда преодолений. Опоэтизированная философия. Даже вдвойне опозтизированная, поскольку сосредоточена в живописных образах родного ландшафта и одновременно – в узнаваемых координатах стихотворного мира Алима Кешокова. Путь к вершине, заоблачный мир («пшэ адрыщI»), пребывание героя на самой вознесенной точке пространства – все это хорошо знакомые мотивы и образы кешоковской поэзии. Присутствует и автореминисценция. «Ты начал восхождение, когда твои усы были черными, а теперь идешь с белой бородой...» [Кешоков 2007: 193] – суждение, которое побуждает вспомнить его стихотворные откровения, некогда адресованные Поэзии (сборник «Теплый камень», 1964): «Зэгүэр уэзмыкуу зысIэжьями, / Гьуэгущхибл зы махуэм зэпысчащ. / *Си пацIэр фIыцIэу сынежьями, / Си жьакIэр хужьбу сынIуцIац*» [Кешоков 2004: 135]. – «Пусть когда-то я в несмелости медлил пред тобой, / (А все ж) перекресток семи дорог за день преодолевал. / *Хоть и были мои усы черны, когда тронулся я в путь, / Будучи (уже) белобородым я повстречался с тобой*» (Подстрочный перевод наш. – И.К.) [Кешоков 2004: 106]. Литературное творчество, которое возникнет в его биографии как бы между прочим (подражание ученика любимому наставнику), разовьется в полновесную тему его жизни. Было так задумано или нет, но тема эта сначала проглянет во вступлении, сквозь красноречивые образы и автореминисценцию, и постепенно разрастется к финалу повести, заключив ее тем самым в своеобразную рамку.

Цель, с которой А. Кешоков приступает к воспоминаниям, в повести прямо не обозначена, но ее подсказывает щемящий душу образ минувшей молодости. Видимо, ее и важно было запечатлеть ему в первую очередь:

«Моя молодость осталась за дальней горой, словно жеребенок, отбившийся от табуна. От его жалобного ржания я иногда просыпаюсь...

Я стою на белой горе и гляжу в синеющую даль пройденных дорог. Впереди высится вершина над голубой папахой снегов. Удастся на нее взобраться – увижу новые дали» [Кешоков 2007: 193].

Если говорить о местоположении собственного образа в обрисованном пространстве, то оно ненавязчиво вписано в родной пейзаж, точнее, помещено на очень высокую его точку. Сложности восхождения позади. Человек достиг вершины. Уже можно взглянуть на прожитое сверху вниз, и в то же время панорама новых вершин стала обозримей. В этом пространстве преобладают светлые тона, и ступени преодоления не ассоциированы с чем-то трагичным: «начало подъема, ощущение пути» – «от высоты захватывает дух» – «чувствуешь сердцебиение, шаги становятся медленными» ...

Совершенно иными настроениями окрашено начало рассказа «Чье стремя мы держали», хотя в логике построения и образного оформления вводных рассуждений сохранилось немало прежнего. Вновь интерпретация жизни как преодоления нехоженной тропы. «*Лъагъуэ пхытшыныр ІэджэкІэ нэхъ гугъуи, ар гъуэгужь хъуа нэужь урикІуэным нэхърэ*» [Кешоков 2006: 518] – «Намного трудней проложить тропу, нежели идти по ней уже тогда, когда она превратится в дорогу» (перевод наш. – И.К.). Однако лицо, преодолевающее этот путь, другое, не автобиографическое. Именно оно одухотворяет пейзажный набросок, без которого писатель не обходится и в этот раз. Это очень тревожный пейзаж. Что же до автобиографического «Я», то его местоположение определяется теперь не столько пространственно, сколько ментально. «Я» существует в своем отношении к главному герою рассказа: «*ЩоджэңцІыкІу Алий хиша лъагъуэраиц дэ гъуэгущуэ тхуэхъуауэ дызытетыр, фІы къыдэхъулІэми, ди гум щыхэицІа къэхъуами, ди япэ ищам дыкІэльопІаицІэ, нэхъ тегуишхуауи докІуэ, сыту жыпІэмэ гъуэгур къуейицІейми, гъуэгур мытынышми, щыхупІэ иІэми, доицІэ, пэрытым игъэунэхуаици*.

Алий и усакІуэ вагъуэр уафэ къабзэкъым къыщыицІэкІар. Дунейр кІэгъэпшагъэ къудей мыхъуу, уафэ лъаицІэр зэицІэуфІыицІа зэпыту, уафэхъуэпскІыр жэицІи махуэкІи къыхэлъэтыкІмэ, дунейр зэІыхъэнуиц жыпІэу укъыхигъэицтыкІыу иытаиц. Ар дыдэм дунейр тет зэпытурэ, ЩоджэңцІыкІу Алий и гъаицІэр иухаиц» [Кешоков 2006: 518]. – «Тропа, проложенная когда-то Али Шогенцуковым, ныне стала дорогой, по которой все мы следуем, с достижениями либо огорченные неудачами, мы торопимся за тем, кто идет впереди, и движемся все решительней, ведь если дорога и труднопроходима, сложна, граничит с пропастью, нам известно об этом, поскольку все уже испытано первопроходцем.

Когда восходила поэтическая звезда Али, небо ясным не было. Кроме того, что мир заволокло густым туманом, небосвод день ото дня оставался черным, молнии, сверкая днем и ночью, то и дело заставляли вздрагивать в предчув-

ствии грозы. Вот так непрерывно, и вся жизнь Али Шогенцукова, до самого конца, пришлась на эту пору» (перевод наш. – И.К.).

Если в повести оказывается важным запечатлеть былое, что и происходит поэтапно – с описания той поры, которая предваряет семейную хронику, вплоть до «времени настоящего», в котором на тот момент пребывает писатель, то в фокусе биографического времени и пространства рассказа оказывается личность, знаковая в судьбе писателя и целой культуры. Алим Кешокову важно запечатлеть этот образ, не только избавляя его от пелены времени, но и от совершенно неуместной ретуши: *«Ауэ нэхъыфIм, Алий фIыкIэ хуэупсэу ятхакъомым усакуэр апхуэдизу политизировать ямыцIу ятхыгъатэмэ. Езы Алий хуэфIэкIар мацIэкъым зыхэмыта Iуэху хэтац жыпIэу птхын хуэдэу, и Iэдакъэ цIэкIами уаситI хуэбгъэувын хуейц, япэ къицри лъагъуэ ди культурэм цыхишащи.*

Зэман куэдыцэ блэкIащ Алий япэ дыдэ сыцыхуэза лъандэрэ, ауэ а лъэхъэнэм хэкум и кIуэцIкIэ куэдыцэ къыцыхъуащи, зыцыбгъэгъутицэну ухуежъами, пхуэфIэкIынкъым. Сэ зи гугъу сцIынуур ЩоджэныцIыкIу Алий дэсцIэу цытаращ» [Кешоков 2006: 518]. – «Только было б лучше, если бы в этой массе сочинений, что посвящают Али из лучших побуждений, не политизировали бы поэта настолько. Достижений Али итак немало, так что нет надобности приписывать ему то, к чему он не был причастен, и произведения его ценны вдвойне, ведь, вырвавшись вперед, он проложил новую тропу в нашей культуре.

Минуло очень много с того дня, как я впервые повстречал Али, однако в ту пору в нашем крае произошло столько всего, что если и захочешь позабыть, не сможешь. Я расскажу о том, что мне известно об Али Шогенцукове» (перевод наш. – И.К.).

Эмоции, которыми окрашены вступительные части обоих произведений, составляют контраст. Нет и следа от философической размеренности, равновесия, которые с первых строк интонируют «Вид с белой горы». Намечая свои главные мотивы в рассказе «Чье стремя мы держали», Кешоков дает понять, что поведет разговор не просто о человеке на фоне эпохи, а еще о чем-то таком из минувшего, что не дает покоя ему самому («...если и захочешь позабыть, не сможешь»).

«Вид с Белой горы» – это изложение взвешенных мыслей, прочно устоявшихся и проясненных для себя взглядов. Наверняка, таким и должен быть взгляд на прошлое в тот момент, когда ощущаешь себя на верхней точке пройденного пути. Все акценты расставлены. Во всем царит ясность. Не только в понимании времени, но и самого себя. Ближе к финалу автобиографическое «Я» вновь напомним о своем «местоположении» и внутреннем равновесии: «С этой высоты оглядываюсь назад, на пройденный путь, мысленно предстаю перед своей совестью и без боязни готов признаться в своих ошибках, раскрыть скобки, объяснить секрет удач, если они были. Я безмерно рад сознавать, что пришел на эту вершину, неся в своем сердце чистоту заоблачных снегов. Верни меня к началу моего пути – иной дороги я бы не избрал, чем та, которой шел и иду» [Кешоков 2007: 397]. Намеченный в начале вектор восприятия собственного образа не изменился, и автор лишь подчеркнул это. Раскрывая нюансы ав-

тобиографического мышления, М.М. Бахтин замечает, что «автор биографии – это тот возможный другой, которым мы легче всего бываем одержимы в жизни, который с нами, когда мы смотрим на себя в зеркало, когда мы мечтаем о славе, строим внешние планы жизни; возможный другой – впитавшийся в наше сознание и часто руководящий нашими поступками, оценками и видением себя самого рядом с нашим я-для-себя <...> это не я средствами другого, а это сам ценный другой во мне» [Бахтин 2003: 151–152]. (Возвращаясь к самому началу нашего разговора, стоит заметить, что мысль М. Бахтина, наверняка, объясняет и указанное Б. Дубиним расхождение между автором изображающим и автором изображенным). Много постигшее, с высоты глядящее автобиографическое «Я» повести «Вид с белой горы» как бы подчеркивает константную суть «ценного другого во мне». Зато в рассказе важно иное. Здесь словно открываются глаза (автобиографического «Я» и читателя) на подоплеку тех трагических событий, которые оставались для автора неясными в годы юности, либо попросту не попадали в поле его внимания.

События и лица, которые связывают рассказ и повесть, во втором случае осмысливаются через сопоставление прежнего уклада и новой реальности. Разумеется, явные симпатии автора на стороне нового. Они звучат своеобразным рефреном в объеме всего повествования – в непосредственных утверждениях автора («Не будь Октябрьской революции, поэтов и писателей, ныне известных, ждала бы судьба безымянных песнопевцев, слагавших песни о горькой участи своего народа» [Кешоков 2007: 267]; «И сейчас живы многие из тех, кого когда-то уговаривали вступить в коллективное хозяйство, а они проливали горькие слезы над парой волов и земельным наделом. Но теперь эти люди настолько выросли в колхоз, сроднились с ним, что просто не представляют себе иной жизни» [Кешоков 2007: 271]), в эпизодах, где так или иначе сталкиваются наивные представления персонажей с новой, стремительно прогрессирующей действительностью. В этом поступательном утверждении превосходства нового строя над старым, конечно, читается и соответствие названной повести соцреалистическому канону. Вместе с тем от Кешокова не ускользала опасность унификации, которая утверждала свои права в рамках нового строя. Это нигде не высказано открыто, но этнографические комментарии, в которых он старается зафиксировать весьма значимые сведения о былом укладе адыгов, выдают беспокойство об утрачиваемой аутентичности, этнической красоте, которая совершенствовалась на протяжении не одного столетия.

Что касается рассказа, можно заметить, что воссоздание событий и лиц, знакомых по повести, зачастую сопровождается вопросами. Неясность, какая-то затемненность смысла многого из того, что принесло новое время, преломляется через призму коллективного сознания учащихся школы-интерната и отдельно – через восприятие автобиографического героя. Поначалу это скорее трудности постижения детским сознанием переломных событий эпохи, их воплощений в родном крае, затем – смятение перед трагизмом времени уже взрослого человека. Интересно, что приближение к сути происходящего достигается в рассказе благодаря наставнику, Али Шогенцукову. Сам наставник от главы к главе раскрывается все глубже и драматичней, что тоже примеча-

тельно, поскольку в повести, даже если не брать отдельно фигуру Шогенцукова, при немалом количестве персонажей тенденции к их самораскрытию нет (и даже сам автобиографический герой придерживается преимущественно внешнего периметра своей жизни). В повести мы видим официальный, почти парадный портрет Али Шогенцукова. Все его черты выверены. Этот портрет «оживает» и приобретает человеческое, земное измерение только в одном эпизоде, когда Шогенцуков спрашивает мнение Алима Кешокова о своих поэтических переводах. Здесь открывается порывистость и одновременно самоирония в характере Али Шогенцукова, а еще – красноречивая «реакция» его лица, все то, о чем не знавшие поэта лично, уж точно заподозрить не смогли бы:

«Али вскочил с места и зашагал по комнате.

– Как ты угадал?

– По неровности. Ты словно рубашку на бегу надевал. Пуговицы отлетели, один рукав порван, да и вообще рубашка на тебе плохо сидит. Сразу видно, что не твоя.

Али по-мальчишески застенчиво улыбнулся:

– Я переводил, когда жена жарила меня на вертеле. Сердился, не знал – переводить или жену успокаивать» [Кешоков 2007: 264].

И главное – все это в динамике диалога. Во всех остальных фрагментах повести, посвященных Али Шогенцукову, все его мысли, высказывания облечены в форму косвенной речи. При этом «Я-рассказчик» периодически уступает место безличному повествованию от третьего лица.

Зато в рассказе Али Шогенцуков говорит, он вступает в диалоги, и его речевая манера маркирована. Последнее станет особенно заметно в напряженной беседе, которую они поведут с Кешоковым после посещения съезда карачаевских писателей (глава V).

По мере развития рассказа количество тревожных вопросов нарастает. Нарастают и диалоги. Вообще, появление Али Шогенцукова в рассказе происходит на очень беспокойном фоне, в момент, когда воспитанники Баксанской школы-интерната теряются в смутных догадках о причинах отсутствия учителя кабардинского, Ибрагима Тлигурова: *«Соловки яшэр дгъэхъыбарурэ ицэджыжъ гуэрым агроном ицалэу дезыгъаджэр классым кыицыхъац, гъусэ илэу. <...> Агроном егъэджакIуэм и гъусэр ныбжъкIэ езым нэхърэ куэдкIэ нэхъыжътэкъым, лIы лъахъиэ гъурт, гъуэниэдэж лъапахъуэм джанэ гъуабжэ теутIыицхъарэ, абы и ицIыIум пиджак укъуея тIэкIуи тельыжу. ЛIы кыицыхъар къамылыфэт, и ихъэцыр дэжъеят, лъагъугъуафIэт, ауэ «ПыIэ гъуабжэ пIыфэм хуэдэу бжъыфIэтэкъым. «Къэбыстэ лъабжъэр» кыныгуфIыкIыу и гъусэм дежкIэ еплъэкIри урысыбзэкIэ кыиджиIац:*

– Знакомьтесь: Али Асхадович Шогенцуков. Теперь он будет учить вас родному языку» [Кешоков 2006: 520–521].

«Мы все еще продолжали распространяться по поводу отправляемых в Соловки, как однажды поутру в класс вошел наш учитель-агроном, и не один. <...> Спутник нашего агронома на вид был чуть старше его, невысокий худощавый мужчина в потертом пиджаке, серой рубашке, выпущенной поверх брюк широкого покроя. Незнакомец был смугл, с зачесанными назад волосами, сим-

патичный, правда, не такой представительный, как «Сероватая папаха» (прозвище, которое ученики закрепили за Ибрагимом Тлигуровым. – *И.К.*). «Капустный корень» (прозвище учителя-агронома. – *И.К.*) приветливо глянул в сторону своего спутника и объявил:

– Знакомьтесь: Али Асхадович Шогенцуков. Теперь он будет учить вас родному языку» (перевод наш. – *И.К.*).

Помимо беспокойств, которые ученики, зная о происходящем в Баксанском окружном центре, испытывают по поводу Ибрагима Тлигурова, собственный мотив для тревог имеет и автобиографический герой, питающий искреннюю симпатию к отсутствующему учителю кабардинского. Умного, образованного Ибрагима Тлигурова связывает дружба с отцом мальчика, Пшемахо Кешоковым. Мальчик гордится и этим обстоятельством, и тем, что некогда удостоился похвалы Ибрагима, и вообще считает, что благодаря этой дружбе с отцом, Ибрагим относится к нему чуть внимательней, нежели к другим. Все эти мотивы несколько обособляют точку зрения автобиографического героя от коллективной точки зрения одноклассников. Он задает Али Шогенцукову тревожащий его вопрос, и вместе с ответом чутко улавливает невербальную реакцию учителя: *«Алий гукъыдэж ицIагъуэ имыIэу къыджелэ: Ибрэхым кыгъээжынкIэ хъуниц, хэт ицIэрэ? Абы кыгъээжыху, сэ фезгъэджэниц. Хъуну апхуэдэу?»* [Кешоков 2006: 521].

«Али ответил без особого воодушевления:

– Может и вернется Ибрагим, как знать? А пока он не вернулся, вас буду обучать я. Договорились?» (перевод наш. – *И.К.*).

«Без особого воодушевления», «слегка улыбнулся», «и сам он, приветливый, подвижный, давал нам, младшим, возможность оставаться детьми, а более старшим – осознавать себя взрослыми»... Новый учитель постепенно раскрывается в динамике своего эмоционального мира.

В повести, как мы помним, ничего подобного нет. Момент появления нового учителя представлен через личное повествование от первого лица множественного числа, но, тем не менее, сводится к безэмоциональной констатации происходящего: «Прислали в школу и нового заведующего – Али Асхадовича Шогенцукова. Он же стал преподавать у нас родной язык.

Новый заведующий не очень разбирался в хозяйственных делах, зато воспитателем он был прекрасным. Ученики полюбили его. Али Асхадович разговаривал с нами, как равный с равными, был внимателен к нашим нуждам» [Кешоков 2007: 236]. И все остальное (к чему автор еще вернется в рассказе) – приобщение воспитанников Али Шогенцукова к поэзии, постановка любительского спектакля по его пьесе, участие пионеров-культурмейцев в ликвидации безграмотности – будет выдержано ровно в той же повествовательной манере. Внешний взгляд на минувшее, в котором все четко «расставлено по местам».

Мы уже упомянули о том, что приближение автобиографического героя и персонажей рассказа «Чье стремя мы держали» к сути происходящего достигается благодаря Али Шогенцукову. В этом отношении интересно представлены так называемые Баксанские события 1928 г. Они освещены в рассказе с трех

точек зрения: детской, точки зрения Али и, условно говоря, объективно-исторической – той, что открылась автору много лет спустя.

Детская точка зрения опирается, во-первых, на наглядное напоминание о Баксанских событиях – однорукого однокашника, пострадавшего в те дни (была пора каникул, и, вернувшись домой в селение Исламей, тот на беду оказался в гуще восставших), а во-вторых – на историю «участия» группы воспитанников школы-интерната в этих событиях. Так сложилось, что несколько учеников на время каникул были оставлены в школе, дабы не оставался без присмотра школьный огород: «...хъыбар шынагъуэ ди деж – уэ къэпхъа, сэ къэсхъа? – къэсащ: интернатым щІэсхэр бэлиэвыч быници, кулакхэм я къамэр щІэлъыкІауэ къэкІуэнууц дыфІагъэжыну, жаІэри» [Кешоков 2006: 525]. – «...страшная весть – я ли ее услышал, или кто другой? – дошла до нас: потому как воспитанники интерната дети большевиков, кулаки придут с наточенными кинжалами, чтобы нас перерезать» (перевод наш. – И.К.). Вслед за перепуганным столяром-румыном и его дородной супругой мальчишки кинулись прятаться в картофельном поле. С трудом прикрыв травой «смахивающую на бочку» жену столяра, ребята замерли среди высоких грядок, и, томясь от голода и жажды, пролежали там до наступления темноты: «ЩІлантІэм дыкъыдохъэжри – зэрыщытиц, унэм дыщІохъэжри – ари аращ, ауэ тета шхыныр исри Іисраф хъуащ, пихы мыхъужыну» [Кешоков 2006: 527]. – «Заходим во двор – все по-прежнему, заходим в дом – и там так же, только вот еда, оставленная на плите, сгорела, не поужинать.

Вот так и были пережиты нами «Баксанские события» (перевод наш. – И.К.).

Узнав причину, по которой один из учеников стал инвалидом, Али Шогенцуков уже не может не коснуться злосчастных событий:

«Вот как Али объяснил случившееся.

Истари адыгские села обосновывались вдоль речных русел. <...> Если село небольшое, особых трудностей с водой не было, если селились в два-три ряда, и проживающие в большем отдалении испытывали трудности с водой, то выводили из реки арык, и все дела.

А когда к адыгам подселили казачьи станицы, где было взять вдоль устьев рек столько места, чтобы всем хватало? Одной из таких станиц оказалась Кременчуг-Константиновская. Зная об этом, руководители приняли решение провести к казачьим станицам каналы от реки Баксан. В каждом селе хозяева подворий должны были рыть каналы» [Кешоков 2006: 524]. Решение, которое на сельском съезде поддержало большинство, конечно, было принято не всеми. И причины на то имелись. «Это было летнее время, время покоса, время прополки угодий. Когда люди, взяв лопаты, каждый на отведенном ему участке, принялись за работу, нашлись и несогласные, троих арестовали по распоряжению Бетала Калмыкова. Разве могли сельчане стерпеть такое, и разве такое могло обойтись без конфликта?» [Кешоков 2006: 524].

Причина многочисленных арестов, последовавших за восстанием, долгое время оставалась неизвестной, и открылась автору, как он пишет, «лишь спустя тридцать лет после случившегося». «Не было в «Баксанских событиях» ничего

такого, что стоило бы раздувать, однако ж, на взгляд Бетала Калмыкова – было, и не то что не разглашать, случившееся необходимо было придать как можно большей огласке: мол, селение Исламей попыталось разрушить Советскую власть. И пусть в этом не было правды, необходимо было разнести это по всей отчизне» [Кешоков 2006: 525], со всеми вытекающими из этого репрессивными последствиями, но главное – с привлечением в качестве вдохновителя восстания фигуры Назира Катханова.

Возвращаясь к повести, можно видеть, что упоминание о «Баксанских событиях» включено в главу о Бетале Калмыкове «Головной журавль», и только оттеняет решительный и смелый образ первого секретаря. Причины событий объясняются обобщенно – трудностями коллективизации и ломки патриархального сознания. В детали случившегося писатель не вдаётся и трагедии не вскрывает: «Проводить коллективизацию в Кабардино-Балкарии было нелегко. Кабардинцы селились по родовому принципу. В роду пятнадцать-двадцать дворов, а в кулаки выбился из рода один. Он всегда руководил всеми, кто носил его фамилию, и заставить многочисленный род назвать кулака кулаком со всеми вытекающими отсюда последствиями было часто не легче, чем с места сдвинуть гору. Ведь родовые узы крепились веками. Род вступался за «своих», правы они или виновны.

В 1928 г. в ауле Исламово, расположенном в трех километрах от окружного центра, были арестованы три человека, уклонявшиеся от государственных хлебозаготовок. В родовых общинах, выходцами из которых являлись арестованные, поднялся ропот. Все, кто носит «папаху», двинулись к сельсовету, к ним присоединились и женщины. От сельсовета, в котором никого не оказалось, разъяренная толпа двинулась к окрисполкому.

О происходящем узнал Бетал Калмыков. Он примчался на автомобиле и предстал один перед толпой» [Кешоков 2007: 244].

Конфликт затихает на фоне почти фольклорного величия и бесстрашия Бетала Калмыкова:

«Громовой бас Бетала подействовал на исламовцев отрезвляюще. Вилы, которыми размахивали люди, опустились и замерли у ног. <...>

– Глядите, от вашего позора горы скрыли лицо за облаками – не хотят видеть вас. Опустили свои белые вершины под тяжестью вашей вины...

Исламовцы постепенно затихали. А к вечеру люди, несшиеся в бешеном порыве к окрисполкому, медленно брели к себе в аул. Бетал укротил их» [Кешоков 2007: 245].

Примечательно, что совсем иную, нежели в рассказе, «локацию» (следовательно, и точку зрения) автор отводит в этих событиях воспитанникам школы-интерната: «Мы, ребяташки, наблюдали поединок Бетала с толпой, теснясь на крыше окрисполкома» [Кешоков 2007: 244–245] (как «выяснится» спустя годы, на самом деле залегли, ни живые ни мертвые, среди картофельных грядок школьного огорода).

К личности Бетала Калмыкова писатель обращается в повести неоднократно. Этот образ овеян легендами: богатырь, вскормленный грудью женщины-богатыря. Даже на ограниченном участке повести, интересующем нас своей со-

отнесенностью с рассказом, Алим Кешоков успевает представить многогранность натуры Калмыкова: он лично возглавлял отряды, выступавшие против бандитских шаек; его имя «стало синонимом всего нового», изобретательность и фантазия его не знали предела; истинный вожак масс, объединивший их «силой личного примера, проникновенным словом, чистотой помыслов»; «другие хорошие люди», которые трудятся рядом с ним, признают его незыблемый авторитет, отступают «на шаг в сторону, чтобы больше света падало на него».

Но есть и то, что должно уравновесить эту апологию: «его рука не знала пощады» в отношении несогласных с ним, «а о мягкости, уступчивости характера говорить не приходилось»; «как у всякого смертного, у Бетала случались и осечки»; «самолюбие людей Бетал вообще щадил не слишком»; «это была сложная человеческая натура – глыба, отколовшаяся от скалы, со всеми ее острыми углами» [Кешоков 2007: 252]. Как мы сказали, к личности Калмыкова писатель возвращается неоднократно, словно всякий раз корректируя сказанное о нем ранее. И даже, когда он мимоходом дает читателю намек о причастности Бетала Калмыкова к тому, как несправедливо обошлись с его отцом, Пшемахо, старается сгладить болезненную тему словами самого же Пшемахо: «Головной журавль волен выбирать путь» [Кешоков 2007: 252].

В рассказе «Чье стремя мы держали» вместо «Головного журавля» фигурирует совсем другое прозвище Калмыкова – Щхъуэжь – «Матерый волк» или, попросту, «Серый». И масштаб его деяний оценивается в совершенно ином ракурсе «*Къалмыкъ БетIалу нобэм къэс хэкур зэхэзыIуцIыхъар...*» – «...Калмыков Бетал, который по сегодняшний день обстреливал край...». С акцентами на не самых привлекательных чертах характера Бетала Калмыкова излагается история уничтожения им бывшего соратника, Назира Катханова, проскальзывает недвусмысленный намек на причины загадочной смерти Бекмурзы Пачева вскоре после его прямолинейных высказываний в лицо первому секретарю, отмечается умение последнего выставлять злейшими врагами нового строя тех, кого лишь вчера называл друзьями.

Подтекст многих чудовищных явлений, которые кажутся Кешокову необъяснимыми, вскрывает Али Шогенцуков в долгой беседе, о которой мы упоминали выше. Али Шогенцуков проводит параллели с кровавой историей Баязида Второго, который в борьбе за власть сначала уничтожил своего отца, а затем умертвил человек шестьдесят из числа своих братьев, дабы тем самым присмирить оставшихся. Но особенно Баязида тревожило существование брата, который во всем его превосходил. Наконец, уничтожив и его, он устраивает пышные похороны, «ничего не пожалел ради брата». «Цыхур езым и акъылкIэ мыпсэужмэ, къуэш укIыынкIэ си мурадыр зыIэщIэзгъэхъэнщ жиIэу иукъуэдиймэ, кIуэдауэ къэлъытэ» <...> Емынэм къелар хъумбэлейм ихъащ жыхуаIэм хуэдэу былыхълажьэм ерагъпсырагъкIэ къела тIэкIум Къалмыкъыр яхэлъэщыхъурэ мащIэ IэщIэкIуэдакъым» [Кешоков 2007: 545, 547]. – «Если человек не опирается на свой ум, а стремится к цели через братоубийство, считай, все пропало <...> Как говорится, выживших после чумы унесла река Камбилеевка. Сохранившаяся после тяжких испытаний горстка народа стараниями Калмыкова оказалась почти уничтоженной» (перевод наш. – И.К.).

В контексте этого разговора открывается много пугающих явлений из жизни края в условиях нового строя. На этой волне вновь возникают имена Туты Борукаева, Пшикана Шекихачева, но теперь они звучат в контексте репрессий, которым подверглась национальная интеллигенция. Вновь повторяется история о том, как премьера спектакля по пьесе «Коригот» стала национальным праздником. Но если в повести история спектакля завершалась праздником, то рассказ воссоздает ее подлинный финал: арест Пшикана Шекихачева вскоре после знаменательной премьеры. Далее упоминается о трагической судьбе Туты Борукаева. Если в повести Борукаев был изображен в разгаре споров лингвистической комиссии по поводу графики кабардинского алфавита, и мимоходом охарактеризован как «человек, к сожалению, не отличавшийся эрудицией» [Кешоков 2007: 258], то в рассказе автобиографический герой уже считает нужным сказать о том, как часто за годы учебы в Орджоникидзе и Москве ему доводилось не только слышать, что высокое звание «профессор» неотрывно от имени Борукаева, но и наблюдать это на титуле многих учебников [Кешоков 2006: 539]. Из разговора с Али Шогенцуковым он узнает о причинах, по которым Тута Борукаев стал жертвой репрессий: духовное образование, служба в полку «Дикой дивизии», а еще – якобы искажающий смысл подлинника перевод на кабардинский гимна «Интернационал».

Тута Борукаев и Пшикан Шекихачев были реабилитированы задолго до появления повести, и, в общем-то, писателю уже ничто не мешало упомянуть в ней о их трагической судьбе, но этот момент оказался обойден стороной.

По рассказу, эмоция, которая доминирует в жизни родного края и в жизни любимого наставника, Али Шогенцукова – страх. Через весь текст проходят смысловые повторы: «Мы переживали за Али, ведь он учился в медресе в Крыму, побывал в Стамбуле»; «Бедный Али побледнел, увидев людей в форме ГПУ, подумал, что и его настигла участь Ибрагима Тлигурова»; «Да и сам Али постоянно чувствовал себя на волосок от смерти, опасаясь, что его схватят за то, что когда-то учился в Стамбуле». И через эти повторы протягиваются нити к внутреннему состоянию тогдашней интеллигенции. Если прежде, в повести, непростая эпоха строительства новой жизни излагалась в оптимистичном повествовании, и автор, несомненно, рассчитывал на столь же оптимистичную реакцию читателя, то теперь, в рассказе, мрачной картине времени соответствует аналогичное настроение повествователя. Особенно ближе к финалу рассказа, когда сходит на нет воодушевление, с которым отражались события в начале, в период отрочества и юности.

Примечательно, что возвращение писателя к однажды рассказанному фрагменту своей биографии обнаруживает весьма значимые смысловые расхождения между двумя произведениями. Конечно, Алим Кешоков не мог не понимать, что эти вещи не ускользнут от внимания его читателя. И в этих моментах проясняется аксиологический аспект рассказа и самого факта повторного возвращения к ранее освещенному.

В схождении двух автобиографических произведений одного писателя мы видим различия не только в полноте изображения событий и лиц, но и весьма заметные изменения ценностного отношения к ним. Разумеется, к образу Али

Шогенцукова, главному в рассказе «Чье стремя мы держали», А.П. Кешоков относится с тем же пиететом, что и в повести, единственное, что в рассказе он представлен более камерно, эмоционально, детально. И все же думается, что писатель повторно обратился к конкретному отрезку своего биографического прошлого не только ради того, чтобы более развернуто сказать об Али Шогенцукове, или дополнить важными деталями события того времени. Как замечает О.Р. Миннуллин, определяя главное в ценностно-онтологическом измерении литературы, «адекватное отношение к художественному произведению лично» (не только со стороны творца произведения, но и человека, его воспринимающего – И.К.) [Миннуллин 2022: 26]. «Смысл художественно-литературного произведения превышает узко понятое чувственное (эстетическое) переживание, но составляет полноценный и при этом незаместимый, уникальный опыт бытия личности, открывающийся через сопричастность событию словесного искусства» [Миннуллин 2022: 27]. Значит, и за потребностью художника вернуться и пересмотреть кроется некая ценностная сверхзадача личности.

Нет сомнений, А.П. Кешоков вернулся к однажды сказанному, прекрасно осознавая степень моральной ответственности перед новым поколением. Прекрасно осознавая, что он – один из тех свидетелей эпохи, кто способен и должен донести правду о ее смутных событиях. Он освобождает от ретуши дорогой ему образ, но параллельно очищает от ретуши, к которой отчасти был и сам причастен, собственную позицию относительно событий и личностей, отразившихся в его биографическом времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин 2003 – *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. – Москва: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. – 721 с.
- Кешоков 2004 – *Кешоков А.П.* Собрание сочинений в 6 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. – Нальчик: Эльбрус, 2004. – 512 с.
- Кешоков 2006 – *Кешоков А.П.* Собрание сочинений в 6 т. Т. 5. Корни: Роман; Новеллы. – Нальчик: Эльбрус, 2006. – 552 с.
- Кешоков 2007 – *Кешоков А.П.* Собрание сочинений в 6 т. Т. 6. Рассказ; Повести; Пьесы. – Нальчик: Эльбрус, 2007. – 544 с.
- Лежён 2000 – *Лежён Ф.В.* В защиту автобиографии // Иностранная литература. – 2000. – № 4. – С. 108-121.
- Литературная... 2001 – *Литературная* энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. – Москва: НПК «Интелвак», 2001. – 1600 с.
- Миннуллин 2022 – Миннуллин О.Р. Введение в ценностно-онтологический подход к литературе: структура проблемного поля // Новый филологический вестник. – 2022. – № 1 (60). – С. 18-29. DOI: 10.54770/20729316-2022-1-18
- Поэтика... 2008 – *Поэтика*: словарь актуальных терминов и понятий. – Москва: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – 358 с.
- Сухих 2016 – *Сухих И.Н.* Структура и смысл: Теория литературы для всех. – Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 544 с.
- Цзяо 2019 – *Цзяо Ван.* Автобиография как литературное жанровое образование: природа, разновидности и современные модификации // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2019. – № 3 (180). – С. 49-53. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.308

REFERENCES

BAKHTIN M.M. *Sobranie sochinenii v 7 t. T. 1. Filosofskaya estetika 1920-kh godov* [Collected works: In 7 vols. Vol. 1. Philosophical aesthetics of the 1920s]. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003. – 721 p. (In Russ.).

KESHOKOV A.P. *Sobranie sochinenii v 6 t. T. 1. Stikhotvoreniya i poemy* [Collected works: In 6 vols. Vol. 1. Poems and poems]. – Nalchik: El'brus, 2004. – 512 p. (In Russ.).

KESHOKOV A.P. *Sobranie sochinenii v 6 t. T. 5. Kornii: Roman; Novelly* [Collected works: In 6 vols. Vol. 5. Novel; Short stories]. – Nalchik: El'brus, 2006. – 552 p. (In Russ.).

KESHOKOV A.P. *Sobranie sochinenii v 6 t. T. 6. Rasskaz; Povesti; P'esy* [Collected works: In 6 vols. Vol. 6. Short stories; Novellas; Plays]. – Nalchik: El'brus, 2007. – 544 p. (In Russ.).

LEZHEN F.V. *V zashchitu avtobiografii* [In defense of autobiography]. IN: Inostrannaya literatura. – 2000 – № 4. – P. 108-121. (In Russ.).

Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii [Literary Encyclopedia of terms and concepts] / Edited by A.N. Nikolyukin. – Moscow: NPK «Intervak», 2001. – 1600 p. (In Russ.).

MINNULLIN O.R. *Vvedenie v tsennostno-ontologicheskii podkhod k literature: struktura problemnogo polya* [Introduction to the value-ontological approach to literature: the structure of the problem field]. IN: Novyi filologicheskii vestnik. – 2022. – № 1 (60). – P. 18-29. (In Russ.). DOI: 10.54770/20729316-2022-1-18

Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatii [Poetics: dictionary of current terms and concepts]. – Moscow: Izdatel'stvo Kulaginoi; Intrada, 2008. – 358 p. (In Russ.).

SUKHIKH I.N. *Struktura i smysl: Teoriya literatury dlya vsekh* [Structure and Meaning: A Theory of Literature for Everyone]. – St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. – 544 p. (In Russ.).

TSZYAO VAN. *Avtobiografiya kak literaturnoe zhanrovoe obrazovanie: priroda, raznovidnosti i sovremennye modifikatsii* [Autobiography as a Literary Genre education: nature, varieties and modern modifications]. IN: Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2019. – № 3 (180). – P. 49-53. (In Russ.). DOI: 10.15393/uchz.art.2019.308

Информация об авторе

И.А. Кажарова – кандидат филологических наук.

Information about the author

I.A. Kazharova – candidate of science (Philology).

Статья поступила в редакцию 31.05.2022 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2022 г.; принята к публикации 28.06.2022 г.

The article was submitted 31.05.2022; approved after reviewing 15.06.2022; accepted for publication 28.06.2022.

Научная статья
УДК 821.352.1.09
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-214-232
EDN: GWKMGU

ТЕМА ЖЕНСКОЙ СУДЬБЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Т.З. ТАБУЛОВА

Петр Константинович Чекалов

Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почёта» Институт гуманитарных исследований, Черкесск, Россия, chekalov58@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7580-4060>

Аннотация. В статье исследуются смысловые и лингвистические особенности произведений Т.З. Табулова 1930-х гг., объединенных темой положения горянки в дореволюционное время. В рассказе «Джалдуз» прослеживается горестная участь героини, потерявшей мужа, дом, вынужденной скитаться по лесу вследствие захвата аула царскими войсками. Подробно анализируется сцена расправы над младенцем, ослепшей старухой, самой Джалдуз. Исполнители жестокой казни характеризуются как бездушные машины для убийства, что подтверждается и художественной деталью: при их описании основное внимание уделяется вооружению. В рассказе «Фатимат» указывается на то, что вся последующая жизнь родившейся свободной девочки являет собой цепь сплошных ограничений, сводящихся к полной неволе после замужества. Распространенная национальная речевая формула «счастье пробилося» в отношении героини трансформируется в свой смысловой антипод, когда Муса-Большой купил ее за тысячу рублей. Отмечается, что не человек даже, а богатство властно распоряжается жизнью человека, превращая ее в сплошную драму. Красноречива и развязка, которая не просто упрекает, а обличает и отвергает систему, которая губит невинную девочку в угоду богатому сластолюбцу. Та же тема пренебрежения духовными запросами личности поднимается и в песне «Гуля и Фатимат», повествующей о трагедии девушки, насильно выданной замуж за старого и нелюбимого богача. И здесь корыстолюбию родителей приносится в жертву судьба дочери. Параллельно с интерпретацией текстов анализируется язык произведений, его функции в конкретных сценах и эпизодах. Выявлено искусное владение автором гиперболой, сравнением, метафорой, олицетворением, образной параллелью, антитезой. Рассмотренный материал подводит к выводу о том, что такого богатства экспрессивных элементов, такого органического сплава лексики, стилистики и психологизма не обнаружено ни у кого из абазинских писателей не только 1930-х гг., но и более поздних десятилетий.

Ключевые слова: Табулов, рассказ, песня, женская судьба, персонаж, портрет, реалистическая деталь.

Для цитирования: Чекалов П.К. Тема женской судьбы в творчестве Т.З. Табулова // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 2. – С. 214-232. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-214-232. EDN: GWKMGU.

© Чекалов П.К., 2022

Original article

THE THEME OF WOMEN'S FATE IN THE WORKS OF T.Z. TABULOV

Petr K. Chekalov

Institute of Humanitarian Research under the Government of the Karachay-Cherkessia Republic, Cherkessk, Russia, chekalov58@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7580-4060>

Abstract: This article examines the semantic and linguistic features of T.Z. Tabulov's works of the 1930s, united by the theme of the situation of the mountain woman in pre-revolutionary times. The story "Jalduz" traces the sad fate of the heroine, losing her husband, home, and forced to wander through the forest because of the capture of the village by the tsarist troops. This article thoroughly analyzed the scene of the massacre of a baby, a blind old woman, and Jalduz herself. The author characterizes perpetrators of a brutal execution as soulless killing machines, confirmed by an artistic detail: when describing them, the primary attention focuses on weapons. The story "Fatimat" points at the whole subsequent life of a free girl born is a chain of continuous restrictions, reduced to complete captivity after marriage. The widespread national speech formula "happiness has made its way", related to the heroine, transformed into its semantic antipode when Musa-Big bought her for a thousand rubles. This notes that it is not the person, but wealth imperiously manages a person's life, turning it into a continuous drama. The denouement is also eloquent, which not only reproaches, but denounces and rejects the system that destroys an innocent girl in favor of a rich sensualist. The song "Gulya and Fatimat" raises the same theme of disregard for the spiritual needs of the individual, telling about the tragedy of a girl who was forcibly married off to an old and unloved rich man. And here the fate of the daughter is sacrificed to the greed of the parents. In parallel with interpreting texts, this work analyzes the language of the novels, as well as its functions in specific scenes and episodes. This article reveals the author's skillful mastery of hyperbole, comparison, metaphor, personification, figurative parallel, antithesis. The considered material leads to the conclusion that such a wealth of expressive elements, such an organic fusion of vocabulary, stylistics and psychologism has not been found in any of the Abaza writers not only in the 1930s but also in later decades.

Key words: Tabulov, story, song, female destiny, character, portrait, realistic detail.

For citation: Chekalov P.K. The theme of women's fate in the works of T.Z. Tabulov. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 2. – P. 214-232. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-214-232. EDN: GWKMGU.

© Chekalov P.K., 2022

Табулов Татлустан Закериевич (1879–1956) – создатель первого черкесского (на арабской графике) и первого абазинского (на латинской графике) алфавитов, автор первых букварей и учебников по черкесскому и абазинскому языкам и литературам, собиратель и публикатор национального фольклора, первый профессиональный абазиноязычный литератор, член Союза писателей СССР с 1934 г., зачинатель черкесской и абазинской литератур.

Жизнь и творчество Татлуста́на Заке́риеви́ча в абазинском литературоведении изучены достаточно подробно: на сегодня существует более 130 газетно-журнальных и научных публикаций, освещающих различные аспекты его био-

графии, фольклорной, литературной и педагогической деятельности. Наибольшую роль в популяризации наследия Табулова сыграл первый профессиональный абазинский литературный критик и литературовед В.Б. Тугов. Из-под его пера вышло около 20 солидных работ о Табулове, основная часть которых была размещена в журналах, учебниках, книгах, монографиях, научных сборниках.

В 1955 г. К.С. Шакрыл впервые объявил о том, что основоположником абазинской письменности и литературы является Т.З. Табулов [Шакрыл 1955: 4], но обосновал этот тезис и закрепил именно В.Б. Тугов [Тугов 1970: 83-107]. И самая последняя его работа, напечатанная уже после смерти ученого, была посвящена защите чести и достоинства Т.З. Табулова от дилетантских наскоков поздних ниспровергателей [Тугов 2006: 299-327].

Существенным вкладом в становление и развитие табуловедения следует признать работы Р.Н. Клычева [Клычев 1981: 96-101], К.А. Баталова [Баталов 2015: 27-42], Ф.К. Аргуюновой [Аргуюнова 2007: 52], М.С. Пазовой [Пазова 2012: 149-160], Л.Н. Туговой [Табулов 1940: 187-202], Т.Х. Табуловой [Табулова 2008: 207-213].

Сборник «Табулов Татлустан Закериевич: Творческий портрет в исследованиях и воспоминаниях» [Табулов Татлустан 2012: 303] носит обобщающий характер и вбирает в себя наиболее значимые работы, касающиеся биографии, общественной, педагогической и литературной деятельности Т.З. Табулова, а также воспоминания людей, близко знавших Татлустана Закериевича. Книга снабжена хроникой жизни просветителя, добротным иллюстративным материалом, библиографией изданий Т.З. Табулова и публикаций о нем.

Много интересных статей по табуловской проблематике помещено и в сборнике материалов международной научной конференции «Абазинский язык и литература: проблемы сохранения и развития» [Абазинский язык 2015: 202], посвященном 135-летию со дня рождения Т.З. Табулова.

Тема женской судьбы в творчестве Т.З. Табулова занимает одно из центральных мест. Ей посвящены драма «Зули», комедия «Зарыля», песня «Гуля и Фатимат», рассказы «Фатимат» и «Джалдуз». (Отметим характерную особенность: автор всегда выносит в заглавие имя героини). И за исключением «Зарыли» во всех произведениях женская доля представлена трудной, тяжёлой, драматичной, и в этом смысле автор не отошёл от жизненной и исторической правды.

По свидетельству самого Т.З. Табулова, в 1915 г. от 95-летнего жителя аула Эльбурган Абаза Сольмана он услышал предание, которое впоследствии легло в основу рассказа «Джалдуз» [Тугов 1970: 266]. Изначально произведение было создано на черкесском языке и в 1930 г. опубликовано в учебнике «ГуащIэ» («Труд») [Табулов 1982: 55]. Через 4 года, после обретения абазинами письменности, пересозданный на родном языке рассказ автор ввёл в хрестоматию для третьего класса [Табулов 1934: 23-26], а в 1940 г. ещё раз перепечатал в хрестоматии для четвёртого класса [Табулов 1940: 81-84]. Анализ «Джалдуз», выполненный литературоведом В.Б. Туговым, вошёл в книгу «Литература в меняющемся мире» [Тугов 2006: 93-97], а затем перепечатан в сборнике «Табулов Татлустан Закериевич: творческий портрет в исследованиях и воспомина-

ниях» [Табулов Татлустан 2012: 144-149]. И тем не менее есть основания вернуться к некоторым аспектам данного произведения.

Рассказ открывается констатацией драматической участи, выпавшей на долю главной героини: «За недолгую жизнь перед глазами Джалдуз прошло много горестей. Даже, когда она девушкой сидела в родительском доме, она ни разу ничего обнадёживающего не увидела: отец и мать жили без достатка. И после замужества, хотя нельзя было сказать, что муж её не был приспособлен к жизни, всё же она радости не испытала: не успели они насладиться семейной жизнью, как через десять месяцев мужа призвали на войну» («Джъалдуз лынцІра мацІ апны джъабагІа щарда лыла йыцІстІ. ДпхІвыспата лунагІва дъадзачІвазгІи мышкІымзара мышкІы ауи гвщІыхракІгІи гылымбатІ: лани лаби мыждаха йбзасун. ХъацІа данйыццагІи, дызццаз дхъацІа армумызтІхІва, гвыргъаракІгІи гыгІалмайдзатІ: лхъацІи лари ргвы анымчвгІауа жвамызкІрахІа йацымбзазауа айсра ддырцатІ»).

Речь идёт о войне XIX в. между Российской империей и северокавказскими горцами.

Судьба горянки вообще никогда не была завидной, но наложившиеся на это военные события многократно усилили трагическое звучание, превратили короткую жизнь героини в ад, а затем и оборвали самым жестоким образом.

Когда в очередной раз царские войска, перейдя Кубань, напали на горские селения, беременная героиня со старой свекровью вынуждена была спасаться бегством, жить в наспех сооружённом шалаше в лесу. И, когда до них дошла весть о гибели Мызы, мужа Джалдуз, жена и свекровь пошли на поиски его праха, отыскиали и похоронили, пройдя через невероятные испытания.

Это был страшный удар для обеих женщин: потеря единственной опоры как раз в тот момент, когда они больше всего нуждались в помощи и защите. Но на этом несчастья не прекратились. Тягостная жизнь в диком лесу усугубляется тем, что от горя и постоянного плача по убиенному сыну ослепла свекровь, а невестка разрешилась ребёнком. Тяжесть новых обстоятельств автор сравнивает с навалившимися на плечи молодой женщины скалами. Но и это не всё: трудные, скудные, но мало-мальски приспособленные к жизни лесные условия были разрушены новым натиском царских войск, и Джалдуз снова вынуждена бежать, левой рукой прижимая ребёнка к сердцу, а правой ведя за собой слепую свекровь. Краткая, но выразительная авторская ремарка о том, как они, пошатываясь, бредут наугад по «бесконечному тёмному лесу», передаёт состояние крайней степени отчаяния. И, когда женщины в полном изнеможении присели на пни возле крутого обрыва, их настигает трагическая развязка: Джалдуз кормила грудью ребёнка, когда раздался выстрел, и пуля пронзила её сердце.

И здесь на авансцену выходят три новых персонажа.

Заметим, что в рассказе не приводятся портреты ни главной героини, ни постоянно сопровождающей её старушки, а вот на внешности трёх офицеров, оказавшихся посреди леса, автор останавливается: «На двоих навешены пистолы, в руках держат по ружью. Один чернявый и сухощавый, другой – светлый и полноватый. Третий был одет в горскую одежду, острый кинжал и газыри с окрашенными концами поблёскивали на фоне чёрной суконной черкески. И он

снаряжён саблей, пистолем, ружьём» («АхыгІвгы афицарпІ, афицар даматетл рыквпІ: агІвыджь... кІарахІви ахІви рыдхІвалапІ, закІы-закІ швокыгы рымапІ, азаджв гІвайква агърагІвакІ йакІвпІ, азаджвгы хыш псылакІ йакІвпІ. ЙхыгІв-хауа адыгъа чгІвычала дгІвычапІ, йакъама гъвыши йхІазыр пквышквы йчухІа кІвымжв квайчІва йгІалкІкІитІ. Арыгы акъама, ахІва, кІарахІва йыдхІвалапІ, швокъ йымапІ»).

Это первый портрет человека в абазинской литературе. Но, удивительное дело, в описании людей большое место занимает их вооружение. Оно явно избыточно на фоне измождённых и незащищённых женщин. Думается, это не случайно и призвано оттенить их основное назначение – бездушные машины для убийства. В офицерах нельзя обнаружить ни одной человеческой черты или движения: сначала они сразили пулей молодую женщину в момент кормления грудью младенца – высшее святотатство! – и уже потом столкнули труп её в пропасть; взяв за ногу, скинули туда же надрывающегося от плача ребёнка, а потом саблей снесли голову старухе. Характерно и то, что, однажды обратившись к старой женщине словом «мать», они семь раз называют её между собой обезьяной, о младенце говорят как о щенке, и лишь о трупе Джалдуз с неким сожалением будет сказано: «До чего чистая!» («Дабадза гІвыцкъадз!»). «Чистая» в контексте рассказа звучит как «красивая». На эту реплику сухоощавого толстый бесстрастно замечает: «И чистые, и грязные – одинаковые собаки, их нужно истреблять... Посмотри на этого щенка! Когда он вырастет, разве дождёшься от него пощады? Он уничтожит тебя!» («Цкъагы гвымхагы йацапшыта йлапІ, йыквчІвакъра атахыпІ... УапшыстІ ани аласпа! Ауи дгІадзынгылырквын уызлагІайцхауайа? УыквичІвакыпІ!»). Эти слова красноречивее всего характеризуют данных персонажей: они безжалостны, циничны, не имеют за душой ничего святого. В офицерах персонифицировано зло. И в таком свете предстают не только русские, но и горец, адыг¹, который в этой сцене выглядит гораздо хуже и гаже, потому что, помимо пороков, которыми наделены его товарищи, он ещё и предатель своей родины, своего народа.

Подчеркнём: носителями неоправданной жестокости и насилия Т.З. Табулов выводит не солдат, а офицеров, наиболее воинственных представителей и защитников господствующего класса. Тем самым он как бы говорит: простым людям – и русским, и горцам – делить нечего; несправедливые претензии и притязания возникают только у богатых и слепых исполнителей их воли; им мало завоёванных пространств, их ненасытные желания требуют всё новых богатств и человеческих жертв.

Выводя образы офицеров, как нам представляется, автор использует формы типизации и обобщения, более характерные для фольклора. На самом деле вряд ли офицеры одни, без сопровождения солдат, могли позволить себе столь свободно и безбоязненно расхаживать по неприятельскому лесу. Вряд ли офицеры могли вести себя столь запредельно бесчеловечно с незащищёнными женщинами и младенцем. Здесь нам видится намеренное сгущение красок, использование фольклорных традиций вместо традиций реалистического искусства.

¹ В XIX в. абазыны как правило идентифицировали себя адыгами.

Переходя к разговору о языке произведения, выделим характерную для идиостиля Т.З. Табулова особенность – пристрастие к точности. Так, автор указывает, что до начала военных событий Джалдуз с мужем прожили всего *десять месяцев* («лхъацИи лари ргвы анымчвгIауа жсвамызкI рахIа йацымбзазауа айсра ддырцатI»), а потом, когда, спасаясь от врага, невестка и свекровь скрылись в лесу, снова называется конкретное число семейств, избежавших смерти: *двенадцать* («Джъалдуз ланхъважв длыцта, датшагъи жвыгIв унагIвачвагъи рзымкIуа йырнaпIыцIцIтI»). Позже, когда женщины стали разыскивать труп Мызы, снова будет отмечено, что они ничего не ели на протяжении *пяти дней* («абар уахъчIва хвымишкI цIтIгта закIгъи гъыршIамшвастI»).

В.Б. Тугов указывал, что Т.З. Табулов использовал в рассказе традиционные клише устной речи и в качестве примера приводил фразу: «Йырщыз – дырщытI, йыркыыз – дыркытI, йырхвыз – дырхвытI, йырнaпIыцIцIыз – дырнaпIыцIцIтI» («Кого убили, того убили, кого поймали, того поймали, кого ранили, того ранили, кто убежал, тот убежал») [Тугов 2006: 96]. К подобным устоявшимся формам относится и выражение, характеризующее положение Джалдуз и свекрови после того, как они узнали о смерти Мызы: «йчIвутI, йкъутI, тшыржвжвахтI, тшыркъватхтI» («плакали, рыдали, терзали себя, убивались»).

По выполняемой функции с такими речевыми оборотами сближаются фразеологизмы: «рхыдж йнадзан» («дошли до изнеможения»), «ргвы дрыбагъбатI» («укрепили сердце»), «ахъахъвы йыргылуа» («дыбом поднимая волосы на голове»), «быжъладзыкI» («семь ручьёв слёз»), «кIыла кIыпщ» («все без исключения»), «рыла амырпшуа» («не давая взглянуть»; буквально: не позволяя глазам посмотреть).

Уже в первом предложении используется выразительная антитеза, противопоставляющая *короткую жизнь* героини с *обилием горестей* в ней. В оригинале контраст выражен гораздо отчётливей благодаря тому, что, с одной стороны, «жизнь», а с другой, – «горести» сопровождаются прилагательными-антонимами: «лынцIра мачI» – «джъабагIа щарда» («короткая жизнь» – «много горестей»). Когда же один и тот же эпитет «тёмный» примыкает и к бесконечному лесу («цIхъва змахым абна лаццара»), и глубокой пропасти («агъбал лаццара»), он придаёт им дополнительную негативную окраску.

Не можем не выделить и такой яркий элемент звукописи, как паронимия, в которой в трёх идущих друг за другом словах повторяется один и тот же набор звуков: «кIъарахIви ахIви рыдхIвалапI» (на них навешены пистолы и сабли).

С помощью сравнения автор подчёркивает степень истощения и усталости героинь: «Они голодны, хотят есть, их, *как пьяных*, шатает из стороны в сторону» («йымлащиитI, амла йагитI, къахв швабыж зму йапшита, йнанагIанагитI»). Тот же приём используется, когда писателю нужно показать, до какой степени осложнилась жизнь Джалдуз после рождения ребёнка и ослепления свекрови: «эти *два новых обстоятельства скалами обрушились* на неё» («арат агIвуыс шIыцкI бхъвыта йгIалыквхIамI»). Примечательно и то, что брошенный в пропасть труп героини ударился о мелкие камни, и они зазвучали, как *приглушённые колокола* («агъбал ахIахъв жсвгъырква уадгъына дагвызшва

йарыхІвачвауа»). В сцене убийства сына автор снова добивается усиления эффекта при помощи сравнения: «ребёнок разрывается, и плач его эхом разносится по лесу» («Асаби гьарпагьаджьта абна гІаирихІвачвгІауа дчІвыуитІ»). А затем, когда и его скинули с обрыва, следует душераздирающая сцена, в описании которой одновременно принимают участие несколько изобразительно-выразительных средств: «Упавший на мелкие острые камни пропасти ребёнок закричал так истошно, что волосы на голове встали дыбом. Услышавшие этот крик насекомые, дикие звери, птицы, пещеры, лес, горы загорюнились, будто восклицая: «о-ё-ёй, бедняга», и всё разнеслось, как эхо» («Агъал ацІгІва ахІахъв цІара жвгъырка йрылашваз асаби ахъахъвы йыргылуа дгІацІвагІгІатІ. Ауи ачІвагІгІабжы згІаз ахІапш-хвыпшква, абна швырка, апсгІацІвква, ахІатшпква, абна, абыхъвква «йау-уай рыцІа» – рхІвауашва гьарпагьаджьта зымгІва гІахІвачватІ, агвы йыцІалуа»). Опечалившаяся природа выражается через олицетворение, эхом разносящиеся восклицания – сравнение, а вся картина представляет собой не что иное, как гиперболизация. Гибель ребёнка, таким образом, изображается как вселенская катастрофа.

Вернёмся к эпизоду, когда младенец спал на руках Джалдуз, держа во рту сосок правой груди матери, а рядом, согнувшись, сидела свекровь, убавившаяся в росте, со свисающей к земле головой (буквально: как будто земля притягивала её голову): «Асаби пшка Джьалдуз лагъма кІыкІа йшІата дычвитІ, ланхъважв лашвгІи лквпшыра рыцІагІи йхвыцхан дагІврыхъва, лхъа ачІвылала йлыхъуа Джьалдуз длыдзхъачІвапІ». От сцены веет натурализмом, до такой степени она фотографически точна: и то, что старушка уменьшилась в росте от печалей и невзгод, и то, что голова её свисает чуть ли не до земли из-за физической немощи и усталости, и то, что ребёнок заснул под правой грудью во время кормления...

Выделяя последнюю деталь (правая грудь), В.Б. Тугов рассуждал таким образом: «Фольклор подобных уточнений не делает. Писателю же она очень важна: ведь через минуту пуля попадёт в сердце Джалдуз. Если бы не было авторского уточнения, у читателя мог возникнуть вопрос: как пуля не задела ребёнка, сосавшего грудь матери? Вот для чего понадобилась писателю указанная деталь! Это в свою очередь говорит о том, что Табулов, овладевая литературным мастерством, осознанно ищет реалистические детали» [Тугов 2006: 96].

В своей работе В.Б. Тугов приводил и другие примеры: «Шагая по руслу грязной реки и дойдя до изнеможения, они заметили труп. Джалдуз взяла на плечи труп мужа и вынесла на берег»; «...поддев дулом ружья труп Джалдуз, сбросил его в обрыв».

Фольклорные произведения действительно не будут озабочены тем, каким именно образом расправились с прахом: «поддев дулом ружья труп» – деталь литературно-авторская, как и *русло грязной реки*, и *взятый на плечи и вынесенный на берег труп мужа*. Дополним этот ряд следующими наблюдениями: когда Джалдуз набрела в лесу на заблудившуюся козу и, приманив, поймала её, автор не забывает упомянуть о том, что она повела её к шалашу, *надев ей на шею собственный пояс* («Джьалдуз аджьма ажва пшдза алхІвуамца йгІалкІытІ, лымъа ахъалцІан рпны йгІалдтІ»). В другом месте, описывая воз-

вращающуюся с лесными плодами и хворостом героиню, автор снова отмечает, что *несла она их в подоле платья* («хъвлагIандзакI йгIалхъвшваз абнацIла швырквы уахъа мцацIарысгата йылчпуш амшIквы *кIалтала йгIалгитIма*, ауи дгIапсадзата рпны дгIайхитI»). Выразительна и реакция старой слепой женщины на речь офицера-адыга: «бедная старуха подняла голову *с раскрытым ртом* и посмотрела в сторону говорящего *взглядом невидящего человека*» («атажв лашв мыгIва лхъа гIащIылхтI, *лшIагы ахърахIа, лашв пшыщала абжъы ахъагIагазла дпшуа йгIалхIватI...*»)

Обо всех этих примерах также можно сказать: «Фольклор подобных уточнений не делает», они и вправду наделены индивидуально-авторской образностью. Как видим, рассказ насыщен реалистическими деталями, придающими изображаемому ощущение достоверности.

И на этом фоне абсолютно неожиданным предстаёт сюрреалистический элемент, введённый Т.З. Табуловым в финал рассказа: после того, как толстяк обезглавил старую женщину, следует авторская ремарка: «Голова несчастной слепой старухи, подпрыгивая, скатилась с откоса, продолжая приговаривать: "Джа-з-ст-а-ц-а"» («Атажв лашв мыгIва лхъа "Джъа-з-ст-а-ц-а", – ахIвумца, йпауа агъал йыбгъаххытI»).

Что означает бессмысленный, казалось бы, набор звуков, произносимый мёртвой уже головой?

Вспомним, что последний вопрос слепой женщины был обращён к офицеру-адыгу: «Куда делась сидевшая здесь невестка моя со своим ребёнком?» Вот эта зафиксировавшаяся в сознании мысль и превратилась в отчаянный вскрик, в котором два слова с выпадением отдельных звуков слились воедино: «Джъа-з-ст-а-ц-а» восстанавливается как «Джалдуз, стаца» («Джалдуз, невестка моя»).

Известно, что отделённая от тела голова в течение нескольких секунд ещё может слышать, смотреть, реагировать, но – не разговаривать. Т.З. Табулов осознанно или бессознательно наделил мёртвую голову способностью говорить, что входит в противоречие с физиологией, но мистический элемент в данном случае выступает художественно оправданным, ещё одним штрихом подчёркивая степень исступления, в которой находилась героиня в последние секунды своей жизни. Ничего подобного во всей последующей абазинской литературе мы не обнаружим.

Проведённые наблюдения удостоверяют, что в рассказе «Джалдуз» зримо проявляется рука мастера.

Художественное исследование темы дореволюционной женской доли продолжается в коротеньком, но ёмком, насыщенном трагическим содержанием рассказе «Фатимат». Всего в двух с половиной страницах тезисно, но эстетически наглядно и выразительно прослеживается судьба девушки от рождения до кончины. Существует добротный идейно-тематический анализ данного произведения, выполненный М.С. Пазовой [Пазова 2012: 149-153], но нам хотелось бы представить собственную интерпретацию.

Рассказ представляет собой единый повествовательный текст, подразделяющийся внутри себя на несколько микротем, и каждая из них посвящена опре-

делённому периоду недолгой жизни героини. Попытаемся вслед за автором остановиться и раскрыть их идейно-смысловое содержание.

Итак, в типичной горской семье родилась девочка, и родители принимают от односельчан традиционные поздравления. И первый фрагмент, касающийся поры младенчества, обладает зримой композиционной особенностью: через него красной нитью проходит одна и та же, трижды повторяющаяся в начале, середине и конце, мысль о том, что ребёнок в то время был *человеком свободным*: «Ауи дансабимимышвыз дгIвычIвгIвысын, лхъа дахвитын», «ФатIмат ари ахIаль дантаз дгIвычIвгIвысын, лхъа мацI – щардазтынгIи дахвитын», «ФатIмат абари агIан дгIвычIвгIвысын, дхвитын».

Обратим внимание: в единой тесной связке идут две лексемы: человек и свобода, и все три фразы, варьируясь, выражают одно и то же: в то время *Фатимат была человеком, потому что была свободной*. Из этого суждения М.С. Пазова делает верный вывод: «По концепции писателя, *человеком может считаться лишь тот, кто свободен*» [Пазова 2012: 152].

Заметим и следующее: помимо указанных предложений, в этой же микро-теме четыре раза повторяется слово «свобода». Чем обусловлена такая намеренная выделенность понятия? Она объясняется тем, что вся последующая жизнь героини являет собой цепь сплошных ограничений, сводящихся в конце концов к полной неволе. Используемый автором приём антитезы, противопоставления полученной при рождении свободы и последующего её лишения, наиболее эффектно демонстрирует ненормальность существующих в отношении женщин порядков.

Если до пятилетнего возраста Фатимат жила в атмосфере естественного равенства и равноправия с братьями, по привычке продолжала драться с ними, защищая себя, когда её обижали, то с этого времени мать наставляет дочь: «Маленькие девочки не дерутся с мальчиками». И героиня оказывается вынуждена придерживаться общепринятых правил. И описание нового периода жизни завершается замечанием о том, что свобода начинает убавляться: «ФатIмат лхвитнагIа йалдзгIауа йджвыквылтI».

Но детство продолжается, Фатимат радостно выбегает на улицу, вволю играет с мальчишками. Но после того, как ей исполняется семь лет, устами матери озвучивается полный запрет на общение с представителями противоположного пола: «Девочкам нельзя играть с мальчиками, стыдно» («АпхIвыспачкIвынква ачкIвынчва йыгърыцхъвмаруам, пхашарапI»). И Фатимат уже не выходит на улицу, а если и случается такое, то уже не играет с теми, с кем водилась прежде. Так, и следующий этап привносит новые ограничения.

Чем же она занимается? Сидит дома, играет в куклы. И игра эта носит конкретно-тематический характер. Вот как старшая сестра учит и наставляет младшую: «Этот – мужчина, эта – женщина, он берёт её в жёны; вот их свадьба; вот к ним приходят гости, они угощают гостей и сами ходят в гости...» («Ари дхъацIапI, ари дпхIвыспI, ари ахъацIа тагъжвата дгIайгитI; абар ауат рхъвмарра, ауат сасчва рызгIаитI, асасчва дрысаситI, даргъи сасра йцитI»). То есть с семи лет девочку целенаправленно начинают готовить к главному, в общепринятом смысле, назначению женщины – семейной жизни, приучают к мысли о замуже-

стве. С ранних пор сфера деятельности девочки обретает узко-специфический характер. И мать радуется, когда видит, что дочь осмысленно играет во взрослую жизнь.

В очередной период, когда Фатимат исполняется восемь–девять лет, её на три года отправляют для усвоения религиозных канонов к жене муллы, а мальчики тем временем посещают медресе. Почему так? На естественно возникающий вопрос отвечает мать:

- Нельзя мальчиков и девочек учить вместе.
- Почему?
- Стыдно, стыдно, стыдно!

Обучение девочек ограничивается тремя годами, тогда как у мальчиков оно длится 10–15 лет. И ответ на вопрос о разнице сроков тоже прост и банален:

- Нельзя женщинам давать образование.
- Почему?
- Грех!

Кто установил такие законы, – не важно, важно, что они прочно утвердились в сознании общества и превратились в догму. Проблема дискриминации, впервые проявившая себя в пятилетнем возрасте, усилившаяся в семь, углубляется в дальнейшем и из морально-этической сферы переходит в социальную. От одного периода к другому мы видим ущемление прав девочек, но не мальчиков.

Очередной рубеж в жизни Фатимат – тринадцатилетний. Поучения, увещевания, наставления принимают уже совершенно серьёзный характер:

– Ты в той поре, когда уже выходят замуж. Нельзя, чтобы каждый встречный разглядывал тебя. Ты подобна стеклу, можешь разбиться в одночасье, поэтому тебя нужно беречь. Ты подобна прекрасному скакуну, которого готовят к ярмарке, тебя нужно холить. С сегодняшнего дня и до тех пор, пока не пробьётся твоё счастье, будешь находиться в этом доме. Четыре стены её станут тебе сторожами, и ты сиди, охраняя их. Три окошка в твоём доме – твоё солнце. Стоящие на подоконниках цветы – твои фруктовые деревья, твой лес, твоё поле. Вода в кубгане и гогуске – твоя речка, озеро, море. Обиду от сплетен, плач, скуку можно развеять гармоникой; потолок – твоё небо, земляной пол – твоя земля, – распоряжайся ими, как хочешь.

(«Бара йыбтахацаглахатI, йызбалакIгьи дглабшIаххуа бджвыквыл гьауашым. АчIвыца багIвызапI, сахIаткIла быптшуаштI, бхчара атахьыпI. АджармыкIа йаздыхIазыруа атшы пшдза багIвызапI, быргIачIвара атахьыпI. ЙахьчIва йнанаркIыта бынасыпI глацIцIнацIкIаара, ари атдзы быгIвназлапI. Атдзы апшбIльынкI бырхчапI, баргьи апшбIльынкI бхчауа быгIвначIвазлапI. АрахьгьычIвла бтдзы йлу аххьышвкI бымарапI. АхьышвкьыцкIва йрыхвынгьылу ахIврапшдзакIва бшвырцIлапI, йбырхьапI, йбыбнапI. АкьвыбгIан, агвагван йту адзы йыбдзхьапI, йыбгвалпI, йыбтенгьызпI. ХIван-схIван, бчIвыуабыжь, быгIвшIыгьъра злабхьбраштылуаш кьвабызпI, атдзакв быжвгIвандпI, атдзы аджвахашва бадгьыпI, йышбтахьу быгIвназла»).

Обратимся к поэтике фрагмента. Какие изобразительно-выразительные средства задействованы здесь?

Сравнение «подобна стеклу» («ачІвыца баГІвызапІ») в следующей части предложения уже переходит в метафору: «разобьёшься в одночасье» («сахІаткІла быптуаштІ»). Потом снова следует сравнение девушки с прекрасным конём, которого готовят к ярмарке («аджъармыкІла йаздыхІазыруа атшы пшдза баГІвызапІ»). Помимо чисто литературной, украшательской роли, фраза обладает и социальной подоплёкой: девушка – такой же товар, что и лошадь; в базарный день за неё можно получить неплохой барыш.

«Бынасып гІацІцІнацІкІъара» – пока не пробьётся твоё счастье: прекрасная метафора, уподобляющая счастье роднику. «Атдзы апщбльынкІ бырхчапІ» – четыре стены её станут тебе сторожами: олицетворение. А далее – каскад метафор: три окошка – солнце, цветы на подоконнике – одновременно и фруктовые деревья, и лес, и поле; вода в кубгане и гогуске (сосуды для воды) – речка, озеро и море; потолок – небо, а пол – земля. Великолепная в художественном смысле образность! Но с помощью этих красивых слов-обманок широкий, многокрасочный мир сужается до четырёх стен, и жизнь тринадцатилетней девочки, в сущности, ребёнка ещё, уподобляется тюремному заключению.

Характерная деталь: автор не указывает, кому принадлежит последний монолог. Можно предположить, – матери. Но, если исходить не из стилистики, а безапелляционности и бесчувственности суждений, обрекающих девочку на одиночество, данная речь напоминает, скорее всего, некий нормативный акт, принятый и утвердившийся в обществе, нарушение которого для добропорядочной девушки недопустимо.

И вот наступает та самая пора, к которой девушку осознанно готовили с пяти лет: «судьба пробилась» («лылахь гІацІцІтІ») – устойчивое в народной речи словосочетание, по смыслу соответствующее приведённой выше метафоре: «счастье пробилось».

В чём и как это выразилось?

Муса Большой купил её за тысячу рублей. Не предложил руку и сердце, не женился, а именно *купил*: «Сом зыкь гІайтйын Муса-ду *dixvglamI*». Так что соотнесение с ярморочным конём было не случайным. Внешний портрет «жениха» замещается социальным: ему 60 лет, у него было уже четыре жены, Фатимат – пятая, он намного старше отца Фатимат и богаче. Красноречиво указание автора, что именно *богатство* Мусы «вынесло кричащую Фатимат со своего двора» («Ауи абайара ФатІмат дчІвагІглауа дытшцІнагатІ»), а затем и «сожрало» («Ауи йбайара ФатІмат мыгІва *дахlaxlmI*»). Не человек даже, а обезличенное богатство властно распоряжается судьбой человека, превращая его жизнь в сплошную драму. Когда Фатимат увидела олицетворённое в старике своё «счастье», её естественная реакция выразилась в подборе соответствующей экспрессивной лексики: «кричащую» («дчІвагІглауа»), «облилась / искупалась семью слезами» («быжьладзыкІла тшылкІвабан»). Авторский язык раскрывает разыгравшуюся трагедию. Это – кульминация рассказа.

Красноречива и развязка: не столько содержанием (она предсказуема), сколько формой повествования: финал выстраивается в виде вопросов и ответов:

«Где та сладость и радость, что струились из глаз Фатимат? Куда они делись, кто знает? Их смыли обильные слёзы.

Где густая коса Фатимат, которая, словно цветок, распускался на её голове? Куда она делась? Что с ней стало? Град Мусы Большого ударил и выбил её.

Где маленькое розовое сладостное сердечко Фатимат? Что с ней случилось? Насланные Мусой Большим терзания иссушили и скукожили её.

Где чистая / красивая Фатимат, которую показывали друг другу, жива ли она? Куда там! Тысяча рублей Мусы Большого похоронили её. Закопали там, откуда никогда не бывает возврата!»

(«Фатимат лгИвылакI йгIарыцIкьбуз ахьагIари агвыргьари абабаху! Йабаца, йыздыруада? ДчIвыуамца аладз щарда йтнахIватI.

Фатимат кIакIачIышва йкьагIауа йылхьачIваз лыбра ду абабаху, йабаца, йазныййа? Муса-ду йыгь чвгьа гIасын йалалнакьбатI.

Фатимат лыгв чвапщ хьагIа чкIвын абабаху? Йазныййа? Муса-ду йлык-вицIаз агвтыхьра йарыцIагьан, йайджьхьвапылхтI.

Цкьарала напIыла йабадырбуз Фатимат дыбзума? Дабауху! Муса-ду йсом зыкь дыцIанацIатI. ДыцIанацIатI анцIрала дьагIацIымцIхуашыз!»).

Так завершилась судьба несчастной девочки, которую сызмальства готовили к встрече со счастьем, которое, как ожидалось, должно было пробиться родником. Чётко, по существу поставленные вопросы и однозначные, бескомпромиссные ответы не просто упрекают, а обличают и отвергают систему, при которой жизнь невинной девочки безнаказанно и на вполне законных основаниях ломается и губится в угоду старому, но богатому сластолюбцу. В мире, где правят деньги, беззащитные молодость и красота первыми приносятся в жертву корыстолюбцам, в числе которых оказались и родители Фатимат.

В 1936 г. была издана хрестоматия для третьего класса, в которую вошла песня (определение жанра – автора) Т.З. Табулова «Гуля и Фатимат» [Табулов, Кужев 1936: 51-54]. Это большое стихотворное произведение в 84 строки, по формальным признакам напоминающее свободный стих. Здесь обнаруживаются определённые переключки с рассказом «Фатимат»: тема печальной судьбы горянки, имена, отдельные сюжетные ходы и образы. Помимо того, в песне выявляются признаки таких фольклорных жанров, как сказка и хабар. И особенно отчётливо заметны они в экспозиции, где говорится о том, как в одну и ту же ночь две женщины родили детей: богатая – красивую девочку, бедная – смыслёного мальчика. Нарекли их – Фатимат и Гуля. Когда им исполнилось по 13 лет, они встретились и полюбили друг друга... Всё это невольно напоминает сказочный зачин.

Конфликт тоже традиционен: богатые родители девушки не захотели породниться с бедным юношей, погубили его, а дочь насильно выдали за богача Мусу Большого. И в замужестве прекрасную девушку настигает та же горестная участь, которая известна нам по рассказу «Фатимат».

В.Б. Тугов, касаясь устно-поэтической основы произведения, писал: «Подобные повествования в изобилии представлены в традиционном фольклоре. Т.З. Табулов, на первый взгляд, продолжает фольклорную традицию, но на деле оказывается, что создаёт оригинальное высокохудожественное реалистическое

произведение. Какими путями и средствами он этого добивается? Формально оставаясь в рамках фольклорной эстетики, поэт преобразует фольклорную образную систему в сугубо литературную, в полной мере проявляя сознательную волю художника. <...> Стихотворение насыщено реалистическими деталями, поэтическими подробностями, которые выводят его из фольклорных обобщённостей и переводят в литературную повествовательную и изобразительную традицию» [Тугов 2006: 11-12].

Так, в песне незримо переплелись фольклорные и литературные начала, но наиболее сильно и колоритно «воля художника», индивидуально-авторское искусство проявило себя в чрезвычайно богатом изобразительно-выразительными средствами языке произведения.

Вот как, например, образно рисуется зарождение любви в двух юных сердцах:

АгІвгвымцыракІ йырташваз абзибара ажвлакв

АгІвуджъ ргвы йтайын йбагъбата щата тарцІатІ

(семена любви, попавшие в два пустых сердца, проросли и пустили крепкие корни). Прекрасная развёрнутая метафора! Поэтика фольклора, разумеется, не могла дать ничего подобного. А чего стоила для только-только зарождавшейся национальной поэзии такая метафорическая находка, до сих пор не потерявшая своей прелести: «ГвыкІи гвыкІи мгІващ азрымапІ» (от сердца к сердцу пролегает тропинка). В.Б. Тугов по поводу данной строки заметил: «Тропинка от сердца к сердцу – не из национального образного ряда, но не воспринимается как чужеродное, ибо образ плотно и естественно ложится в психологическую ситуацию эпизода» [Тугов 2006: 12].

Обращает на себя внимание и следующий фрагмент: «Ахъыш йапшу лыгІвмахъакІ хъвдакІвыршас йызылхчуз ГІвыльа йакІвын» (подобные золоту плечи свои, предназначенные для объятий, она сохраняла для Гули). И привлекает здесь не традиционно фольклорное сравнение девичьих плеч с золотом, а ёмкая по смыслу своему и содержанию слово «хъвдакІвыршас», значение которого по-русски можно передать только словосочетанием «*предназначенные для объятий*», но оно отдаёт канцеляризмом, теряя лирическое звучание абазинского слова.

Нежность отношения к возлюбленному ярко выражено с помощью сравнения: «Барфыма квейчІвата ФатІимат лхъабра / АгІвцІыхъвакІ зцІалцІушыз ГІвыльа йакІвын» (концы своих обеих кос чёрным бархатом желала Фатимат подложить под голову Гули). И в данном случае подстрочный перевод не передаёт ощущение теплоты и душевности, которыми пропитаны абазинские строки.

Трогательное обнажение чувства, запрятанного глубоко в сердце девушки, наблюдаем мы и в следующих строках, очень нехарактерных для национальной литературы не только начального периода:

ФатІимат лхъапщ хІвынчІвра, хІвынчІвра швщарда йрыхву,

ЙашІлырпІлушын ГІвыльа йыхъаз...

(свой золотой нагрудник, равный сотням золотых нагрудников, Фатимат хотела расстегнуть для Гули...). И снова: значение глагола «*йашІлырпІлушын*» эмоционально шире, чем просто «*расстегнуть*»: в абазинском слове присутствует ещё мгновенность движения: расстегнуть единым стремительным дви-

жением. «Не *растегнула* бы, а в нетерпеливой страсти *струсила* бы! – комментировал это слово В.Б. Тугов. – <...> Табулов, в отличие от фольклорной поэтической традиции, не чурается, как мы могли заметить, *плотской* чувственности в её конкретных формах проявления» [Тугов 2006: 14].

Фраза «чма ду гIадырсытI», передающая объём выплаченного богачом Мусой Большим калыма за Фатимат, при переводе становится совершенно неуклюжим и нелепым: «большой калым заставили выпасть снегом», тогда, когда по-абазински она звучит одновременно ёмко, лаконично и в высшей степени поэтично. И главную роль здесь играет метафорический глагол «*выпасть снегом*», выражаемый на абазинском одним словом «*гIадырсытI*», придающий процессу выплаты калыма подобие обильного снегопада. (В скобках заметим, что в середине 1960-х Дж. Лагучев образ ветреной девушки удачно воспроизвел с помощью подобных же глаголов:

Апудра сыта *йгIалырситI*,

АдыхвгIи квата *йгIалырквитI*

(пудру заставляет сыпаться снегом, а духи – литься дождем).

Особую выразительность обретают тропы во второй и третьей частях песни при описании драмы девушки, насильно выданной за старого и нелюбимого богача:

Апхъала гвыргъарата ФатIимат лгIвылакI

ЙгIарыцIкъуз абабаху? Аладз чIыхв йытнахIватI

(где теперь та радость, что излучали глаза Фатимат? Её вымыли синие слёзы).

Здесь замечательно не только то, что на заре зарождения национальной поэзии автор мог представить, что радость глаз оказалась смытой слезами, но и то, что на слёзы переносится цветовой признак глаз (синие слёзы). Великолепная метафора, на десятилетия опередившая появление других замечательных строк со сходной цветовой символикой у М. Чикатуева: «АжвгIванд *чIыхв ацIахь*, / Адгъыл *чIыхв ахъахь*, / Кыт *чIыхвкI ауацIа* / ТшгIанатIытI гвашв *чIыхвкI*» (под небом *синим* на *синей* земле в *синем* ауле раскрылась *синяя* калитка) и К. Мхце: «ЙгIаншаз гъагвынгIвуам айачIва *чIыхвгIи*» (случившегося не понимает и *синяя* звезда), «Ах, анурква, анур цкъаква / Ауахь *чIыхв гIадыркIкIитI*» (ах, лучи, чистые лучи, освещающие *синюю* ночь), «Бзила, сыгIапын *чIыхв*» (до свиданья, *синяя* моя весна)...

Но у Т.З. Табулова образ слез не статичный, а развивающийся, обретающий дополнительные смыслы и глубину:

Лыладз лыла йгIацIнагуз ащагъра гIвабджьаква

АсабынгIи йазымрыдзхуа лчгIвычаква йыркIынгъалтI

(вымытые слезами из глаз пятна коричневой крови так впитались в одежду, что даже мылом нельзя было их отстирать).

Здесь впервые и, кажется, в последний раз за всю историю абазинской поэзии появляется образ кровавых слёз, но опять-таки характерно то, что слезам придается *не ярко-красный* цвет обычной крови, а *коричневый*, именно тот цвет, который обретает кровь после того, как засыхает на одежде. Окраску, обретаемую кровью впоследствии, автор переносит на живую, ещё струящуюся кровь,

тем самым многократно усиливая и драматизируя положение девушки, оказавшейся невольницей. В последующих строках трагизм Фатимат углубляется ещё больше через придание слезам дополнительного качества:

Фатимат лыла йгIацIкьбуз аладз щагъра зквкIваз

XIахъви нышви арыратуан, ларгъи дратытI

(кроваво-пёстрые слёзы из глаз Фатимат плавил камень и землю, на которые падали, и сама она истаяла). Из-за невыносимой тоски слёзы обретают такую горечь, что становятся способны плавить камень и землю, словно кислота. В одной фразе нерасторжимо переплелись метафора и сильнейшая гипербола! И это – повторимся – на заре зарождения национальной литературы! Нельзя не удивиться использованному первым абазинским поэтом приёму, когда по ассоциации значение глагола «ратра» (плавиться, таять) он переносит на саму героиню. Троп позволяет очень экономично, без лишних слов, по ассоциации перенести действие с объекта на субъект, обнаруживая при этом семантическую ёмкость и придавая образу тонкий лиризм и трагическую высоту.

Далее автор акцентирует внимание на перемены, произошедшие во внешности героини в результате глубоких внутренних переживаний:

Фатимат йыллактата ала хъызхуаз алакта

ЙцIацIвалыз адгъыл апшта йыгъра-чIыгърахатI

(лицо Фатимат, которым можно было любоваться ранее, стало тёмно-пятнистым, подобно осевшему илу). Здесь автор добивается эффекта с помощью антитезы: было пленительным – стало безобразным. И затем контраст продолжит свою драматизирующую роль, но по поводу приведённых строк хотелось бы отметить и то, что, помимо противопоставления, образ усиливается и уподоблением цвета лица осевшему илу (сравнение).

Апхъала здзамгIваква чIвахъахIа къапщыта

Аща цкъаква гIазылхватуаз алакта айджъхъвапалтI

(подобные румяным яблокам щёки, на которых ранее играла чистая кровь, сморщились). И здесь с помощью сравнения и антитезы автор добивается резкого противопоставления того, что было, с тем, что стало, в результате мучительных душевных терзаний.

Описание лица героини завершается двустрочным заключением, в котором основную роль играет олицетворение:

Аладз чIыхви агвыхъ мчи йырXIахIытI-йырXIахIын

УашIапшырныс гврыдзгадзата йгIаныржбын йакъвыцIхтI

(синие слезы и крепкая тоска жрали-жрали [лицо] и, когда оно стало жалким, оставили его).

Углубление несчастья Фатимат выражается и через описание волос:

Фатимат даныргуз хъабра дута йлыквыз

Лыщъва йтасуан, ауи ужвы йайшысдзахатI.

Йылтахъымыз днидрыхвгIа, дгвжважваркIвын

Лыбра дахъуа, йчвылкIвкIвуамца йцIагъадзахатI.

гIанхазгъи агъ зсыта йаланакъкъкъаз пхаракI

Убахъазтын, ауи апшта гврыдзгадзата уалапшитI

(когда увозили Фатимат, длинный волос её достигал пяток, теперь он стал короток; после того, как её продали нелюбимому, каждый раз, спохватываясь, дёргала она свои волосы, и они стали редки; а то, что осталось, если приходилось видеть тебе побитое градом поле, точно также оставляет тоскливое впечатление). Как видим, во второй части песни основную нагрузку при описании берут на себя контрастные параллели и сравнения.

Изображение духовной катастрофы, испытанной Фатимат, передаётся и через образ вороного коня, приведённого в качестве калыма (уплаты) за невесту:

Датшагъи акІвдыр аквта атшкъара шапІыш ду
Атшхъапара йыдхІвалапІ, йаргъи гІакІвашитІ,
ЙыкІькІитІ, ФатІимат тшылнарбузшва йгІахІвитІ.
Агъвра йаситІ, агъвра йахъитІ, адгъыл арыцІситІ

(ещё привязан к коновязи осёдланный вороной белоногий конь, он ржёт, приплясывает, танцует, будто рисуется перед Фатимат; он бьёт удила, тянет удила, расшатывает землю).

Показательно то, как объективное описание красавца-коня незаметно обретает символическую окраску: приплясывающий от избытка энергии у коновязи молодой конь в четвёртой строке становится олицетворением невольника, из всех сил порывающегося обрести свободу. Сила и горячность действий его передаётся повторами «бьёт удила, тянет удила» и гиперболой «расшатывает землю».

Тот же протест против насилия и кабалы оказывается свойствен и натуре Фатимат, но выражается он незаметно, потому что реализуется не физически, а духовно, и о внутренней её борьбе мы можем догадаться лишь по последствиям, ярко отразившимся на внешности героини.

Приведенные примеры свидетельствуют, что Т.З. Табулов в своей песне продемонстрировал искусное владение метафорой, олицетворением, сравнением, метафорическим эпитетом, гиперболой, антитезой, образной параллелью, образом-символом. Такого богатства красок и выразительных средств языка, такого органического сплава лексики, стилистики и психологизма мы не найдем ни у кого из национальных писателей не только 1930-х гг., но и более поздних десятилетий. Во всей последующей абазинской литературе, наверно, не найдётся другого произведения, в котором о несчастной любви девушки писалось бы с такой трагической высотой.

Обобщая наблюдения над произведениями Т.З. Табулова о горестной судьбе горянки, можно сказать, что они наполнены авторским состраданием, горячим желанием изменить несправедливый по отношению к женщине мир к лучшему. Он хорошо владел материалом повествования, обладал недюжинным литературным дарованием, гибким образным мышлением. И всё это явилось не вдруг, а оттачивалось годами литературной работы на черкесском языке. Вспомним, что ещё в 1929 г. им был издан сборник стихотворений, инсценировок и драматических произведений «Зули», а в период с 1924 по 1932 гг. он выпустил 15 букварей, методических руководств, рабочих книг и книг для чтения. Накопленный творческий опыт сказался при создании литературных сочинений на абазинском языке. По технике исполнения их можно признать мастерскими. Рассказы и песня его лаконичны, занимают всего от двух до четырех страниц,

но при этом отличаются большой ёмкостью, избранные темы исчерпываются и имеют логическое завершение. Т.З. Табулов избежал поверхностности, частых спутников последующих авторов. Присутствие образности, портретных зарисовок, виртуозное владение изобразительно-выразительными средствами, умение подмечать и живо передать повадки животного существенно поднимают художественный уровень произведений. Поэтому не случайно, а вполне закономерно, что 19 декабря 1934 г. Татлустан Закериевич Табулов первым из абазин был принят в Союз писателей СССР. Ему выдали членский билет № 382, подписанный Максимом Горьким.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазинский язык 2015 – Абазинский язык и литература: Проблемы сохранения и развития. Материалы международной научной конференции. – Карачаевск: Издательство КЧГУ, 2015. – 202 с.

Аргуюнова 2007 – *Аргуюнова Ф.К.* Из истории абазинской литературы. Поэмы Т.З. Табулова: фольклорная основа и поэтика. – Карачаевск: КЧГУ, 2007. – 52 с.

Баталов 2015 – *Баталов К.А.* Творческое наследие Т. Табулова: движение традиций // Абазинский язык и литература: Проблемы сохранения и развития. Материалы международной научной конференции. – Карачаевск: КЧГУ, 2015. – С. 27-42.

Клычев 1981 – *Клычев Р.Н.* Роль Т.З. Табулова в создании черкесской и абазинской письменностей // Просветители: сб. статей к 100-летию со дня рождения А.-Х.Ш. Джанибекова и Т.З. Табулова. – Черкесск: КЧНИИ экономики, истории, яз. и лит., 1981. – С. 96-101.

Пазова 2012 – *Пазова М.С.* Рассказы Т.З. Табулова 1930-х гг. // Табулов Татлустан Закериевич: Творческий портрет в исследованиях и воспоминаниях / Сост. П.К. Чекалов, Т.Х. Табулова. – Карачаевск: КЧГУ, 2012. – С. 149-153.

Табулова 2008 – *Табулова Т.Х.* Личность Т.З. Табулова в отражении документов // Литература народов Северного Кавказа: художественное пространство, диалог культур. – Карачаевск: КЧГУ, 2008. – С. 207-213.

Табулов Татлустан 2012 – Табулов Татлустан Закериевич: Творческий портрет в исследованиях и воспоминаниях / Сост. П.К. Чекалов, Т.Х. Табулова. – Карачаевск: КЧГУ, 2012. – 303 с.

Табулов 1934 – *Табулов Т.З.* Хрестоматия. Для третьего класса начальной школы. – Часть 1. – Сулимов, 1934. – 42 с.

Табулов Кужев 1936 – *Табулов Т., Кужев Х.* Хрестоматия. Для третьего класса начальной школы. Часть 1. Второе издание. Сулимов, 1936. – 66 с.

Табулов 1940 – *Табулов Т.* Джалдуз // Малхозов М.М., Меремкулов Н.К. Хрестоматия по литературе. Часть II. Для четвертого класса начальной школы. – Черкесск, 1940. – С. 81-84.

Табулов 1982 – *Табулов Т.З.* Свет зари. Избранные сочинения. – Черкесск, 1982. – 256 с.

Тугова 2012 – *Тугова Л.Н.* Сюжетно-повествовательная поэма в послевоенном творчестве Т.З. Табулова // Табулов Татлустан Закериевич: Творческий портрет в исследованиях и воспоминаниях / Сост. П.К. Чекалов, Т.Х. Табулова. – Карачаевск: КЧГУ, 2012. – С. 187-202.

Тугов 1970 – *Тугов В.Б.* Очерки истории абазинской литературы. – Черкесск: Ставропольское книжное издательство. Карачаево-Черкесское отделение, 1970. – 276 с.

Тугов 2006 – *Тугов В.Б.* Ложь, глумящаяся над правдой, или глупость в маске мудреца, пророка // Вестник Карачаево-Черкесского государственного университета. – Карачаевск: КЧГУ, 2006. – № 18. – С. 299-327.

Тугов 2006 – Тугов В.Б. Литература в меняющемся мире. Статьи разных лет. – Карачаевск: КЧГУ, 2006. – 267 с.

Шакрыл 1955 – Шакрыл К.С. Абазинские сказки // Абазинские сказки / Сост. К.С. Шакрыл, Т.З. Табулов. – Черкесск: Ставропольское книжное издательство. Карачаево-Черкесское отделение, 1955. – 154 с.

REFERENCES

Abazinskii yazyk i literatura: Problemy sokhraneniya i razvitiya. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Abazin language and literature: Problems of conservation and development. Proceedings of the International Scientific Conference]. – Karachaevsk: Izdatel'stvo KChGU, 2015. – 202 s. (In Russ.).

ARGUYANOVA F.K. *Iz istorii abazinskoi literatury. Poemy T.Z. Tabulova: fol'klornaya osnova i poetika* [From the history of Abaza literature. Poems by T.Z. Tabulov: folklore basis and poetics]. – Karachaevsk: KChGU, 2007. – 52 s. (In Russ.).

BATALOV K.A. *Tvorcheskoe nasledie T. Tabulova: dvizhenie traditsii* [The creative heritage of T. Tabulov: the movement of traditions]. IN: *Abazinskii yazyk i literatura: Problemy sokhraneniya i razvitiya. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. – Karachaevsk: KChGU, 2015. – S. 27-42. (In Russ.).

KLYCHEV R.N. *Rol' T.Z. Tabulova v sozdanii cherkesskoi i abazinskoi pis'mennosti* [The role of T.Z. Tabulov in the creation of Circassian and Abaza scripts]. IN: *Prosvetiteli: sb. statei k 100-letiyu so dnya rozhdeniya A.-Kh.Sh. Dzhaniybekova i T.Z. Tabulova*. – Cherkessk: KChNII ekonomiki, istorii, yaz. i lit., 1981. – S. 96-101. (In Russ.).

PAZOVA M.S. *Rasskazy T.Z. Tabulova 1930-kh gg.* [The stories of T.Z. Tabulov in the 1930s.]. IN: *Tabulov Tatlustan Zakerievich: Tvorcheskii portret v issledovaniyakh i vospominaniyakh* / Sost. P.K. Chekalov, T.Kh. Tabulova. – Karachaevsk: KChGU, 2012. – S. 149-153. (In Russ.).

TABULOVA T.KH. *Lichnost' T.Z. Tabulova v otrazhenii dokumentov* [The identity of T.Z. Tabulov in the reflection of documents]. IN: *Literatura narodov Severnogo Kavkaza: khudozhestvennoe prostranstvo, dialog kul'tur*. – Karachaevsk: KChGU, 2008. – S. 207-213. (In Russ.).

Tabulov Tatlustan Zakerievich: Tvorcheskii portret v issledovaniyakh i vospominaniyakh [Tabulov Tatlustan Zakerievich: Creative portrait in research and memoirs]. Sost. P.K. Chekalov, T.Kh. Tabulova. – Karachaevsk: KChGU, 2012. – 303 s. (In Russ.).

TABULOV T.Z. *Khrestomatiya. Dlya tret'ego klassa nachal'noi shkoly* [A textbook. For the third grade of elementary school]. – Chast' 1. – Sulimov, 1934. – 42 s. (In Russ.).

TABULOV T., KUZHEV X. *Khrestomatiya. Dlya tret'ego klassa nachal'noi shkoly* [A textbook. For the third grade of elementary school]. Chast' 1. Vtoroe izdanie. Sulimov, 1936. 66 s. (In Russ.).

TABULOV T. *Dzhalduz* [Dzhalduz]. IN: *Malkhozov M.M., Meremkulov N.K. Khrestomatiya po literature. Chast' II. Dlya chetvertogo klassa nachal'noi shkoly*. – Cherkessk, 1940. S. 81-84. (In Russ.).

TABULOV T.Z. *Svet zari. Izbrannye sochineniya* [The light of dawn. Selected works]. – Cherkessk, 1982. – 256 s. (In Russ.).

TUGOVA L.N. *Syuzhetno-povestvovatel'naya poema v poslevoennom tvorchestve T.Z. Tabulova* [Story-narrative poem in the post-war work of T.Z. Tabulova]. IN: *Tabulov Tatlustan Zakerievich: Tvorcheskii portret v issledovaniyakh i vospominaniyakh* / Sost. P.K. Chekalov, T.Kh. Tabulova. – Karachaevsk: KChGU, 2012. – S. 187-202. (In Russ.).

TUGOV V.B. *Ocherki istorii abazinskoi literatury* [Essays on the history of Abaza literature]. – Cherkessk: Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo. Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie, 1970. – 276 s. (In Russ.).

TUGOV V.B. *Lozh', glumyashchayasya nad pravdoi, ili glupost' v maske mudretsa, proroka* [A Lie Mocking the Truth, or Foolishness in the Mask of a Wise Man, a Prophet]. IN: *Vestnik Ka-*

rachaevo-Cherkesskogo gosudarstvennogo universiteta. – Karachaevsk: KChGU, 2006. – № 18. – S. 299-327. (In Russ.).

TUGOV V.B. *Literatura v menyayushchemsya mire. Stat'i raznykh let* [Literature in a changing world. Articles of different years]. – Karachaevsk: KChGU, 2006. – 267 s. (In Russ.).

SHAKRYL K.S. *Abazinskie skazki* [Abazin fairy tales]. IN: *Abazinskie skazki* / Sost. K.S. Shakryl, T.Z. Tabulov. – Cherkessk: Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo. Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie, 1955. – 154 s. (In Russ.).

Информация об авторе

П.К. Чекалов – доктор филологических наук, профессор.

Information about the author

P.K. Chekalov – Doctor of Science (Philology), professor.

Статья поступила в редакцию 07.04.2022 г.; одобрена после рецензирования 15.05.2022 г.; принята к публикации 26.05.2022 г.

The article was submitted 07.04.2022; approved after reviewing 15.05.2022; accepted for publication 26.05.2022.

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на книгу

УДК 93/94(930.2)

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-233-247

EDN: GYABMF

**«НЕЛИЦЕМЕРНОЮ ЛЮБОВИЮ ПРИНЯЛИ...»:
300-ЛЕТИЕ ПОХОДА ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКОГО
НА КАСПИЙ (К ОЦЕНКЕ НОВИНКИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО
КАВКАЗОВЕДЕНИЯ: МАГАРАМОВ Ш.А., ЧЕКУЛАЕВ Н.Д.,
ИНОЗЕМЦЕВА Е.И. ИСТОРИЯ ДЕРБЕНТСКОГО ГАРНИЗОНА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ (1722-1735). –
МАХАЧКАЛА: ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛОТОС», 2021. – 192 С.)**

Юрий Юрьевич Клычников

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия,
klichnikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3345-8793>

Аннотация. В работе рецензируется новинка отечественного кавказоведения, коллективная монография Ш.А. Магарамова, Н.Д. Чекулаева и Е.И. Иноземцевой, посвящённая российскому гарнизону города Дербента. Анализируются обстоятельства его появления в Прикаспии, особенности службы солдат и офицеров Низового корпуса. Раскрываются причины Восточного (Каспийского) похода Петра I. При этом авторы реконструируют специфику изучаемой эпохи, показывают её военно-политические, экономические и культурные черты. Характеризуются главы-разделы, посвящённые отдельным аспектам данной проблемы. В ряде случаев осуществляется полемика с авторами исследования по различным трактовкам описываемых событий. Показываются достоинства и недостатки коллективного труда. Отмечается источниковая основательность книги, которая базируется на данных, выявленных в Центральном государственном архиве Республики Дагестан и впервые вводимых в научный оборот. Оцениваются перспективы востребованности исследования у читателей.

Ключевые слова: Поход, эпидемия, горцы, гарнизон, политика, корабли, хозяйство.

Для цитирования: Клычников Ю.Ю. «Нелицемерною любовью приняли...»: 300-летие похода императора Петра Великого на Каспий (к оценке новинки отечественного кавказоведения: Магарамов Ш.А., Чекулаев Н.Д., Иноземцева Е.И. История дербентского гарнизона российской императорской армии (1722–1735). – Махачкала: Издательство «Лотос», 2021. – 192 с.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 2. – С. 233-247. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-233-247. EDN: GYABMF.

Book Review

**“RECEIVED WITH UNDIFFERENT LOVE...”:
THE 300TH ANNIVERSARY OF THE CAMPAIGN
OF EMPEROR PETER THE GREAT TO THE CASPIAN
(ON THE ASSESSMENT OF THE NOVELTY OF DOMESTIC
CAUCASUS STUDIES: MAGARAMOV Sh. A., CHEKULAEV N. D.,
INOZEMTSEVA E. I. - MAKHACHKALA:
PUBLISHING HOUSE "LOTOS", 2021. – 192 P.)**

Yurii Yu. Klychnikov

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia, klichnikov@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3345-8793>

Abstract. The paper reviews a novelty of domestic Caucasian studies, a collective monograph by Sh. A. Magaramov, N. D. Chekulaev and E. I. Inozemtseva, dedicated to the Russian garrison of the city of Derbent. The circumstances of his appearance in the Caspian Sea, the features of the service of soldiers and officers of the Grassroots Corps are analyzed. The reasons for the Eastern (Caspian) campaign of Peter I are revealed. At the same time, the authors reconstruct the specifics of the age under study, show its military-political, economic and cultural features. The chapters-sections devoted to separate aspects of this problem are characterized. In a number of cases, there is a controversy with the authors of the study on various interpretations of the events described. The advantages and disadvantages of collective work are shown. The source solidity of the book is noted, which is based on data found in the Central State Archive of the Republic of Dagestan and introduced into scientific circulation for the first time. The prospects for the demand for the study among readers are assessed.

Keywords: Campaign, epidemic, highlanders, garrison, politics, ships, economy.

For citation: Klychnikov Yu.Yu. “Received with undifferent love...”: The 300th anniversary of the campaign of Emperor Peter the Great to the Caspian (on the assessment of the novelty of domestic Caucasus studies: Magaramov Sh.A., Chekulaev N.D., Inozemtseva E.I. – Makhachkala: Publishing house "Lotos", 2021. – 192 P.). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 2. – P. 233-247. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-233-247. EDN: GYABMF.

© Klychnikov Yu.Yu., 2022

В 2022 г. отмечается знаковое событие в истории формирования российского Кавказа – 300-летие похода императора Петра Великого на Каспий, ознаменовавшего собой новую страницу в многовековом процессе русско-кавказского сотрудничества. В череде юбилейных мероприятий заметным вкладом стал выход коллективной монографии, посвящённой истории гарнизона города Дербента, являвшегося одним из военно-политических, экономических и культурных форпостов империи в крае. Размещённый здесь по приказу императора, он рассматривался как важный инструмент влияния на народы Кавказа, аргумент в диалоге с такими давними соперниками России, как Персия и Османская империя. Исследование стало результатом усилий опытных и хорошо известных учёных-кавказоведов Шарафетдина Арифовича Магарамова, Николая Дмитриевича Чекулаева и Елены Ивановны Иноземцевой, которые

давно и плодотворно занимаются историей Дагестана и имеют солидный багаж статей и монографий, востребованных специалистами. Объединив свой научный потенциал, они создали весьма фундированную и энциклопедически обстоятельную работу, которая займёт своё достойное место среди исследований, реконструирующих весьма динамичный и яркий период прошлого региона. Хотя сами авторы посвятили её другой круглой дате – провозглашению годом ранее России империей, но эти два события находились в неразрывном единстве и были связаны с деятельностью одного из величайших исторических персонажей нашего прошлого – Петра I.

Во введении авторы раскрывают актуальность выбранной ими темы и знакомят читателей с историей изучения российских воинских формирований, располагавшихся в Дербенте, причем вполне оправданно делают это в контексте Персидского похода Петра I. К числу безусловных достоинств монографии следует отнести обширный архивный материал, который был выявлен и введён в научный оборот авторами представленного труда. Были проработаны фонды Центрального государственного архива Республики Дагестан, Российского государственного архива древних актов, Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного архива Военно-морского флота. Примечательно, что, помимо работы с документальными источниками, в последнее время активизировались и археологические изыскания, которые позволяют дополнить наши представления об обстоятельствах присутствия здесь российского воинского контингента в интересующий нас период.

Предпринятый авторами обзор источников наталкивает на любопытное наблюдение. В нём фактически не представлены источники личного происхождения. Если поход Петра I на Кавказ был отражён в дневниках некоторых его участников, то дальнейшие обстоятельства службы офицеров и солдат Дербентского гарнизона не удостоились внимания современников и не запечатлелись ни в мемуарах, ни в письмах и т.п. эпистолярных материалах. Представляется, что это заслуживает внимания и соответствующей трактовки со стороны исследователей, т.к. в дальнейшем мы столкнёмся с неподдельным интересом со стороны российского общества к тем процессам, которые сопровождали вращение Кавказа в общеимперское пространство России. Появятся обширные, информативные и не лишённые литературного таланта труды, наполненные эмоциональными впечатлениями и весьма внимательными наблюдениями непосредственных участников событий, позволяющих постигать специфику региональной повседневности, т.е. того материала, которого так не хватало, по их словам, авторам монографии [Магарамов и др. 2021: 8].

В первой главе «Персидский поход и занятие Дербента Петром Великим» даётся обширный экскурс, посвящённый непосредственно предыстории размещения российского гарнизона в Дербенте. Раскрываются причины активизации политики Петра Великого на южном направлении в контексте сложившихся к тому времени геополитических реалий. По мнению авторов, в период правления этого государя «неизменно доминировали балтийская, черноморская и каспийская проблемы» [Магарамов и др. 2021: 10]. В последнем случае возрастало

значение Дагестана, который становился стратегическим плацдармом между Юго-Восточной Европой и Передней Азией.

Данный вывод, в целом не вызывающий возражений, всё же нуждается в некотором уточнении, которое позволяет лучше понять логику последующих политических решений российского правительства. Каспийское направление, по словам самого Петра Великого, рассматривалось как промежуточная цель на пути к богатствам Средней Азии. По крайней мере, в беседе с Фёдором Ивановичем Соймоновым, он интересовался: «Был ли ты в Астрабатском заливе? И как я донёс был, на то изволил же мне сказать: Знаешь ли что от Астрабата до Балха и Водокшана (Бадакшана), и на верблюдах только 12 дней ходу? А там во всей Бухарии середина всех восточных коммерций. И видишь ты горы? Ведь и берег подле оных до самого Астрабата простирается. И тому пути никто помешать не может» [Морские рукописи 1852: 553]. Если вспомнить, что незадолго до этого в 1717 г. состоялся неудачный поход в Хиву князя Александра Бековича-Черкасского, вектор усилий императора просматривается достаточно отчётливо.

При наличии относительно обустроенной базы в Астрахани дагестанский плацдарм вполне мог оцениваться второстепенным проектом для выстраиваемой логистической схемы. Пожалуй, в объяснении причин похода данных 22 июля 1722 г. в письме посланнику в Иране не было «дипломатического лукавства»: «...мы идём к Шемахе не для войны с Персиею, но для искоренения бунтовщиков, которые нам обиду сделали. И ежели им при сем крайнем их разорении надобна помощь, то мы готовы им помогать и очистить от всех их неприятелей и паки утвердить постоянное владение персидское, ежели они нам уступят за то некоторые по Каспийскому морю лежащие провинции, понеже ведаем, что ежели в сей слабости останутца и сего предложения не примут, то турки не оставят всею Персиею завладеть, что нам противно, и не желаем не только им, но и себе оною владеть» [Русско-дагестанские 1988: 32]. Именно турецкая экспансия подталкивала государя спешно укреплять свои позиции в регионе. Пётр I резонно опасался, что могущество османов поставит под удар его амбициозный проект создания трансконтинентального транзита. Персия, издавна игравшая роль противовеса Порте, разваливалась на глазах, а без её участия шансов договориться с турками было не много. Они вполне могли постараться стать монопольными хозяевами этого маршрута и направить поток восточных товаров в обход русских пределов. Следовало торопиться и присоединить к себе земли, отрезающие туркам такую возможность. В данном случае Пётр I оказался заложником не зависящей от него внешнеполитической конъюнктуры, и затратность подобных шагов в сложившихся обстоятельствах в расчёт не бралась. Приобретая эти территории, Петербург получал весомый аргумент в переговорах со Стамбулом, тем более что ожидаемый доход от торговли эксклюзивными товарами должен был покрыть возможные издержки.

Приходилось действовать в состоянии цейтнота, тем более что поступавшая от астраханского губернатора А. П. Волынского информация носила явно алармистский характер [Магарамов и др. 2021: 11]. Отсюда и поспешность в подготовке похода, что явится причиной немалых жертв среди войск, задей-

ствованных в операции. «Ахиллесовой пятой» экспедиционных сил станут корабли, к качеству которых было немало претензий [Соймонов 1763: 96; Курукин 2010: 52-53].

В книге достаточно скрупулёзно перечисляются те силы, которые были сосредоточены в Астрахани, что даёт наглядное представление о масштабе предстоящего вторжения. Пётр I вёл за собой даже отборные гвардейские части, Преображенский и Семёновский полки, а всего регулярных войск было собрано 21069 человек [Магарамов и др. 2021: 13]. Обилие цифр и гипотез несколько затрудняет представление об итоговых показателях, тем более что помимо армейских подразделений привлекались и иррегулярные отряды. Между тем, Н.Д. Чекулаев уже проводил подобные расчёты и в одной из своих монографий называл цифру в 40 тыс. человек [Чекулаев 2008: 70]. Она представляется достаточно аргументированной и могла быть указана и в данной работе.

Из главы мы получаем представление о тех сложностях, с которыми столкнулись войска, высадившиеся в Аграханском заливе. Сопротивление враждебно настроенных владельцев, непривычный климат, сложности в доставке продовольствия и фуража рисуют картину военной повседневности Персидского похода. Достаточно энергичные и в целом успешные действия русских привели к тому, что в глазах местной элиты они начинают рассматриваться как привлекательный покровитель, потенциал которого можно использовать для укрепления собственного статуса среди земляков. В работе есть немало примеров того, как Пётр I дипломатическими мерами, используя практику «ласканий», добивался лояльности горской знати, что позволяло выстраивать взаимовыгодное партнёрство и внушало надежду на мирное взаимодействие в будущем. То, что русские без боя занимают Дербент, ключи от которого были торжественно вручены императору, свидетельствует об успешности осуществляемого замысла. Последующие события покажут, что эти заверения в верно-подданных чувствах явно преувеличены, но в тот момент российский правитель попал под флёр восточного приёма и писал сенаторам, что его «...сии люди нелицемерною любовию приняли...» [Магарамов и др. 2021: 19].

Одними из первых шагов Петра Алексеевича стали усилия по освобождению христианских ясырей из неволи. Он приказал выкупать грузинских и армянских рабов, находившихся в Дербенте, но при этом не наносить обиды их бывшим владельцам, компенсируя тем понесённые потери. В лице единоверцев государь рассчитывал получить надёжных союзников на Кавказе и готов был предоставить покровительство и оказать военную помощь царю Вахтангу VI и католикосу Исаяи (Есаи Гасан-Джалалян), с силами которых предполагалось объединиться для дальнейшего продвижения на юг.

Но все эти планы рухнули после того, как суда, доставлявшие в войска необходимые припасы, погибли во время бури. Пётр I оказался в ситуации, которая должна была напомнить ему неудачный Прутский поход, некогда поставившей его на грань гибели. Те, кто ещё недавно заверял в своей благожелательности, не пожелали поддерживать правителя, от которого отвернулась удача. Невозможно было удержать в секрете и то обстоятельство, что ряды войск косили болезни, а ситуация с конским составом вообще оказалась катастрофи-

ческой. Дальнейшее продолжение похода сочли нецелесообразным. На это также повлияла неблагоприятная внешнеполитическая ситуация. Возникла угроза войны со Швецией, а потому нужно было срочно возвращаться в столицу, тем более что сподвижники Петра Великого устроили ссору в Сенате, не позволявшую эффективно заниматься государственным управлением. В книге разбирается ещё одна версия, связанная с отъездом государя с Кавказа. Она обусловлена якобы имевшим место турецким ультиматумом, но фактического подтверждения данная версия не имеет и, как считают исследователи, «не соответствует действительности» [Магарамов и др. 2021: 24].

Вторая глава монографии даёт представление о системе комплектования Дербентского гарнизона, комендантом которого был назначен Андрей Томасович Юнгерн. Благодаря скрупулёзной работе с Фондом 18 – Дербентский комендант Центрального государственного архива Республики Дагестан, удалось произвести весьма наглядную реконструкцию механизма комплектования части рядовым и офицерским составом, показать специфику их жизни и служебных задач. Ядром гарнизона стал Дербентский пехотный полк, который в свою очередь был образован из Нижегородского и Рязанского пехотных батальонов. Его численный состав предполагался в 1497 человек, но достичь этих цифр, как правило, не удавалось. Личному составу ещё только предстояло пройти акклиматизацию, разобраться с особенностями местных социокультурных реалий, спецификой войны с непривычным противником. Помимо этого полка, были и другие части, которые несли в Дербенте службу либо на постоянной основе, либо были прикомандированы сюда на время.

Служить в город, как правило, отправляли чинов из близлежащих провинций. Среди них попадались те, кто был не в ладах с законом, т.е. служба в Низовом корпусе рассматривалась как своеобразное наказание. Это служит косвенным подтверждением того, что край перестал рассматриваться как приоритет во внешнеполитических интересах государства, и, соответственно, служба здесь уже не считалась престижной. Этот же вывод можно сделать и по офицерскому составу. В работе приводится сравнительный анализ материального положения офицеров, служивших в Низовом корпусе и на Украине. Во втором случае условия были несравнимо привлекательнее, а потому командование ощущало постоянный «кадровый голод», не имея возможности подобрать достойные кандидатуры на ключевые должности. Видимо, это стало причиной того, что на Кавказ присылали и офицеров-иностранцев, подписавших «договорные письма», регламентировавшие их чин и жалованье [Магарамов и др. 2021: 35-37].

В третьей главе «Дербентская комендатура» учёные останавливаются на анализе системы военного и гражданского управления Дербентского гарнизона. Именно от эффективности управления зависело насколько удастся обеспечить лояльность и устойчивый пророссийский выбор местного населения. У него ещё были свежи в памяти действия персидских чиновников, к которым имелось немало претензий. Отсюда и стремление направить на юг главнокомандующих, имевших, помимо военных талантов, ещё и дипломатическое и административное призвание. Эти люди становились «олицетворением власти российского

императора» и в своих действиях должны были исходить из присылаемых инструкций Петербурга [Магарамов и др. 2021: 40]. Как представляется, такой подход имел серьёзный недостаток. Он сдерживал инициативу местных властей, не позволял своевременно реагировать на происходящие политические изменения. Отметим, что и в XIX столетии правительство далеко не сразу осознало важность предоставления автономии кавказской администрации. Лишь М.С. Воронцов добился от государя подобной самостоятельности, что в итоге позволило ему достичь заметных успехов и значительно укрепить позиции России на Кавказе [Лазарян 2022: 206-207].

Пока же российскому командованию только предстояло получить необходимый опыт и выработать такую модель взаимодействия, при которой можно было рассчитывать на конструктивное взаимодействие с народами региона. Эта задача оказалась непростой, и, как представляется, в сложившихся обстоятельствах неосуществимой. Значительная часть местных обществ не отличалась договороспособностью и привычно решала возникающие проблемы посредством насилия. Власти вынуждены были применять карательные акции, но делалось это, как правило, в качестве ответной меры.

Забот у коменданта гарнизона было немало. Помимо многочисленных бюрократических обязанностей, он должен был обеспечивать порядок на вверенной его попечению территории, проводить расследование, судить и выносить приговор подчинённым, которые совершали преступления в отношении дербентцев. Среди них упоминаются кражи, нанесение вреда имуществу, убийства.

Безусловным научным достижением учёных стало выявление имён всех Дербентских комендантов и сроков их службы на этой должности. Всего было выявлено восемь фамилий, которые для наглядности приводятся в Приложении к исследованию.

По мнению исследователей, вхождение в состав России новых провинций «резко стимулировало развитие торговых отношений Дербента и всего Дагестана с Россией» [Магарамов и др. 2021: 50]. Такой достаточно оптимистичный вывод нуждается в соответствующем фактическом обосновании. Приводимые примеры заставляют усомниться в его реалистичности, т.к. в работе мы встречаем многочисленные свидетельства вводимых властями ограничений (например, запрет на продажу железа, селитры и т.п.), существование военной опасности, мешавшей торговле (купцам приходилось выделять конвой для охраны), завоз необходимых гарнизону продуктов и вещей из Москвы, в виду невозможности получить это на месте, более того – периодически возникала необходимость поддерживать жителей доставшихся России прикаспийских городов продовольствием и т.д. Всё это ставит под сомнение привлекательность местного рынка, хотя власти действительно старались активизировать торговлю в крае, рассчитывая на интерес к нему не только отечественных коммерсантов, но и иноземных купцов-тезиков, которых велено было «...в Терки, в Дербент и в Гилян отпускать свободно» [Магарамов и др. 2021: 51].

К числу заслуг дербентского коменданта авторы исследования относят его усилия по освобождению пленников, прежде всего, из числа грузин и армян, которые, благодаря появлению российских форпостов, получили шанс на обре-

тение долгожданной свободы. При этом российские власти старались не озлоблять их прежних владельцев, выплачивая за беглецов выкуп.

Ещё одной обязанностью стала забота о посольствах, которые периодически двигались с севера на юг и с юга на север. Им предоставлялся фураж, продовольствие и, конечно же, защита со стороны гарнизона города. Коменданту выдавались средства на подарки местным владельцам, т.к. российское правительство предпочитало придерживаться политики «ласканий» и старалось с помощью подкупа удерживать местную элиту от враждебных шагов.

В разделе встречаются описания вооружённых столкновений между жителями Дербента и окружающими город поселениями горцев. Обе стороны старались захватить друг у друга скот, истребить неприятеля, разорить его жилища. В эти враждебные действия оказались втянуты и российские войска, которые поневоле были вынуждены участвовать в междоусобицах. При этом командование старалось примирять противников, и, если неприятель обещал не предпринимать впредь враждебных шагов, приказывало «вернуть жителям угнанный у них дербентцами, армянами и грузинами скот». Достаточно чётко просматривается линия по сохранению нейтралитета в местных дрязгах и стремление командования не обострять отношения с дагестанскими владельцами и их подданными» [Магарамов и др. 2021: 60].

Насколько успешно удавалось дистанцироваться от обвинений в предвзятости, сказать сложно. Были случаи, когда равноценно соблюсти интересы сторон было просто невозможно. Так, приводится пример конфликта между христианским (армянским) и мусульманским населением города, разгоревшийся вокруг украденной «девки ясырки». На неё претендовали одновременно и наиб Дербента, и некий Яков Миризян, спрятавший женщину в «погреб» у местного епископа Мартираса. Они обвиняли друг друга в злоумышлениях и не желали идти на компромисс [Магарамов и др. 2021:64]. В данном случае примечательно, что российская сторона отнюдь не собиралась поддерживать конфессионально близких армян, а провела скрупулёзное расследование, стремясь учесть аргументы всех сторон [Черкешенка 1911: 295].

Следующая глава позволяет получить представление о снабжении гарнизона Дербента продовольствием, обмундированием, амуницией и финансами. Каждому из этих пунктов посвящён отдельный параграф раздела. Из них мы видим, насколько затратным было содержание гарнизона города, даже учитывая, что командование предпринимало немало сил по налаживанию самообеспечения частей, расквартированных в Прикаспии. Согласно архивным материалам, армейский паёк включал муку, сухари, крупы, масло, рыбу, мясо сало, икру, солонину и т.п. продукты. Основное их количество заготавливали в Москве, а уже оттуда, судами через Астрахань и Ярковский порт поставляли в Дербент. Стоит ли удивляться тому, что гарнизон нередко испытывал сложности из-за перебоев с поставками и вынужден был закупать продукты у местных торговцев, причём, при необходимости, ещё и помогать продовольствием горожанам [Магарамов и др. 2021: 68-69]?

Оружие, мундиры, амуниция, предназначенные для полков Низового корпуса, были складированы в Астрахани, куда войсковые каптенармусы отправ-

лялись либо на казённых, либо на попутных купеческих судах. Сухопутный маршрут был опасен и использовался гораздо реже морского.

Армия, помимо задач, связанных с выполнением боевых приказов, вынуждена была заниматься и хозяйственными вопросами. Значительную часть средств приносила продажа вина-чихиря, которое производилось из выращиваемого в дворцовом хозяйстве местного винограда. Его изготавливали не только для собственного употребления, но ещё снабжали алкоголем другие крепостные гарнизоны и даже Астрахань. Считалось, что вино необходимо в лечебных целях, и в нём растворяли лекарство. Иногда средства на содержание гарнизона брали из таможенных сборов.

В книге мы находим сведения Военной коллегии о том, что содержание Низового корпуса обходилось казне по данным на 1729 г. в 1 005 059 руб. 41 коп. Это было примерно 10 % всего российского бюджета. При этом цифры явно не учитывали всех реальных расходов, которые забирало обустройство нового пограничья [Магарамов и др. 2021: 74]. Детище Петра Великого оказалось неподъёмной ношей для государства, и в обозримом будущем не прослеживалось свидетельств того, что вырастет доходная часть, которая поступит в казну от этих территорий.

Схожие вопросы рассматриваются и в пятой главе монографии «Содержание Дербентского гарнизона». Предусматривались траты на денежное довольствие, выплату хлебного жалования и фуражное обеспечение, а также расхода на прочие цели, которые не могли быть занесены ни в одну чётко обозначенную статью расходов, но тем не менее забирали немало казённых средств. К ним относились расходы на обучение солдат стрельбе, оплата труда переводчиков, содержание посольств и аманатов. Такого рода сведения непросто поддаются анализу и требуют привлечения большого статистического материала, но именно благодаря им работа в целом приобретает фундированный и наглядный вид. Читатель получает представление об источниках пополнения полковой казны, вычетах и доплатах рядовым и офицерам, финансировании казачьих войск и т.п. Мы встречаем немало свидетельств того, насколько нерегулярно выплачивалось жалование гарнизону, что доставляло немалые трудности. Уместны и весьма наглядны таблицы, которые подготовлены исследователями по материалам Полного собрания законов Российской империи и ЦГА РД.

Вызывает интерес и разбор ремонтно-строительных работ в Дербенте, который мы видим в шестой главе коллективного труда. Российской власти пришлось не только реконструировать саму крепость, но ещё и возвести гавань и бастион у моря. Помимо этого, рылись каналы, был обустроен винный погреб, построены казармы, дипломатические помещения и конюшни. Одной из проблем, с которой столкнулась российская власть в данном вопросе, было отсутствие специалистов необходимой квалификации, которых пришлось вызывать в Дербент императорским указом. В город прибыли подмастерья и каменщики из Москвы, специалисты-инженеры из Астрахани. Но львиная доля работ легла на плечи солдат крепостного гарнизона, а также казаков, причём не только прикомандированных к городу, но ещё и привлечённых из других российских крепостей. Именно они занимались заготовкой строительного материала, выполняли

различные черновые работы. Оплата труда строителей осуществлялась за счёт сборов дербентской таможни. Если камень добывали на месте, то порох для его «разбивания» вновь пришлось завозить из Астрахани. Необходимый инструмент строители получали из городского цейхгауза.

Находясь в Дербенте, российский император лично выбрал место для будущего порта, с которым он связывал свои амбициозные замыслы по выстраиванию восточной торговли. Ожидались не только коммерческие барыши, но и улучшение возможностей по обеспечению гарнизона необходимыми запасами. В указе государя от 23 мая 1724 г. говорилось, что следует незамедлительно «в Дербенте цитадель к морю и гавань делать» [Магарамов и др. 2021: 98], и для этого не жалели ни сил, ни средств. Доходило до того, что с мусульманских некрополей брали надгробные камни и использовали их в ходе строительных работ. Такие шаги могли привести к серьёзному конфликту с местными жителями, и командование настрого повелело прекратить подобную практику. В 1725 г. в Дербенте в обустройстве гавани и бастиона при ней было задействовано 2510 казаков, но этого было явно недостаточно и могло затянуть процесс строительства на десять лет. Генерал М.А. Матюшов просил военную коллегию прислать ему ещё 6 тыс. каменщиков и 700 кузнецов, что позволило бы ускорить возведение необходимых объектов. Но со смертью Петра Великого его детище перестало быть приоритетом. Присланному следить за строительными работами инженеру генерал-майору Адриану де Бриньи настоятельно рекомендовали обходиться местными ресурсами. В этом был свой резон, т.к. доставка из других губерний делала их «в великой коште» [Магарамов и др. 2021: 99]. В итоге так и не доведённые до конца работы были свёрнуты, а Правительство окончательно убедилось в том, что расходы на содержание новых провинций не окупаются получаемой прибылью.

Что касается построек, необходимых для проживания гарнизона крепости, возведения новых и реконструкции старых фортификационных сооружений, то они были не столь затратны и работы на них довели до конца. Кроме того, военные чины привлекались для очистки и рытья каналов, необходимых для снабжения города водой.

Глава VII «Дербентский гарнизон в контексте экономической политики Российской империи» весьма обширна, что неудивительно, учитывая тот разнообразный материал, который был в ней рассмотрен. В поле зрения авторов попали особенности местного дворцового хозяйства, игравшего важнейшую роль в повседневной жизни Дербентского гарнизона. Через вновь обрётённые территории предполагалось не только доставлять колониальные товары, но и часть из них производить на месте. Большие ожидания были связаны с разведением шафрана, который был востребован на европейском рынке и мог найти ценителей в самой России. Перспективными виделись отрасли, связанные с садоводством и виноградарством. В окрестностях Дербента было немало садов, изобильно снабжающих горожан всевозможными плодами. Но при всех восторгах специалисты отмечали, что качество винограда и технология производства местного вина уступали европейским. Пётр I рассчитывал исправить ситуацию и повелел отправить сюда необходимых специалистов. Аналогичным образом

складывалась ситуация и с шафраном. Солдаты и казаки гарнизона были привлечены для работы на учреждённых дворцовых огородах, и эти подсобные хозяйства вскоре стали приносить доход в казну. В качестве консультантов привлекали местных жителей, обладавших соответствующими навыками. Но, судя по приводимым сведениям, их было немного. Почему к работам массово не привлекались горожане и жители окрестных селений, не объясняется. Видимо, трудоёмкость, проблемы с вывозом и скромная прибыль от такой деятельности не позволяли заинтересовать горожан, хотя в дальнейшем они активно включатся в заготовку корня марены, весьма востребованного в качестве природного красителя в российской текстильной промышленности [Клычников 2002: 143-144].

Российская власть, стремясь компенсировать затраты, понесённые в результате присоединения и освоения новых территорий, искала возможности получить здесь источники прибыли. Устойчивый доход давали пошленные сборы, поступающие от транзитной торговли. На них приходилось до половины всех собираемых в казну средств. В обязанность коменданта крепости среди прочего вменялось создание комфортных условий для купцов, приезжавших в Дербент. Он выдавал негоциантам необходимые разрешительные документы, устраивал ярмарки и базары, следил за гостинными дворами. Облагались налогом урожай, пашня, право пользоваться пастбищами. Ещё одной доходной статьёй была продажа вина и овощей, производимых силами гарнизона.

По разрозненным и зачастую отрывочным данным авторы попытались произвести подсчёт состояния городского бюджета. Оказалось, что «за десять лет пребывания Дербента под властью России доходы казны здесь превысили расходы на 1746 руб. 68 коп.» [Магарамов и др. 2021: 119]. И хотя формально вывод исследователей о том, что «доходы с Дербентской провинции, хотя и медленно, но росли» соответствует действительности, фактические цифры явно не впечатляли. Не стоит удивляться и сетовать, когда при возникновении политических угроз со стороны Персии от обременительной ноши петровского наследия постарались избавиться. Россия ждала больших объёмов завозимых товаров, но вместо этого купцы предпочитали расширять свой ассортимент, видимо, ориентируясь на скромный рынок сбыта, и компенсировали свои затраты высокими ценами. Это наглядно демонстрирует перечень товаров индийского купца Гуляна Дездева, который в виде таблицы был размещён в третьем параграфе данной главы [Магарамов и др. 2021: 129-132]. В целом складывается впечатление, что большинство зарабатываемых средств уходило на самообеспечение армии, чиновничьего аппарата, дипломатические и представительские расходы, что явно не соответствовало изначальным мечтам.

Следующий раздел книги посвящён работе военного суда Дербентского гарнизона, рассмотрение которой почти не находит отражение в кавказоведческой литературе. Это придаёт ему особую ценность, т.к. открывает эвристически продуктивные перспективы перед исследователями. По характеру правонарушений читатель может получить представление о специфике взаимоотношений солдат и офицеров гарнизона, их контактов с местными жителями. Примечательно, что власти старались придерживаться законности, не покрывая рос-

сийских военнослужащих в тех случаях, когда они совершали преступления по отношению к дербентцам.

Судя по сохранившимся материалам, тяжкие преступления совершались редко. В основном наказывали за ссоры, драки, воровство и т.п. Есть немало примеров бегства солдат в горские аулы, но т.к. командование выплачивало премию за поимку и доставку беглеца обратно, таких лиц обычно возвращали в часть. Их «вольная жизнь», по подсчёту авторов, длилась не больше 3-4 дней [Магарамов и др. 2021: 143]. Любопытно, что находилось немало осуждённых за произнесённое и не подтверждённое фактами «слово и дело», т.е. за политические обвинения. Таким образом, некоторые солдаты пытались выслужить прощение за совершённые проступки, но лишь отягощали свою участь. Упоминаются и попытки продать горцам «заповедные», т.е. запрещённые товары (железо, порох и т.п.). А капрал Никита Пименов оказался под арестом за то, что использовал могильные плиты для изготовления поделок. В работе отмечается, что «многие наказания в гарнизоне производились публично и носили воспитательный характер» [Магарамов и др. 2021: 150]. Наглядно демонстрировалось желание соблюсти законность и заслужить доверие у населения. Добиться такого результата было непросто, т.к. в Дербент нередко отправляли лиц, склонных к различным социальным девиациям, и уже тогда Кавказ стал рассматриваться властями как своеобразная «тёплая Сибирь».

Местный климат оказался губительным для непривычных северян ещё с начала похода Петра Великого: значительная часть потерь была связана не с боевыми действиями, а с болезнями. Отсюда важность медицинского обеспечения Дербентского гарнизона, о чём говорится в следующей главе монографии. Незаметный, «незрелищный» труд медиков оставил мало задокументированной информации. Неудивительно, что эта часть работы невелика относительно прочих разделов. Тем не менее, даже из относительно скудных сведений, авторы сумели подготовить обобщающие выводы, продемонстрировав трудности, успехи и неудачи в деятельности российских эскулапов. Больных было много, и возможностей дербентского лазарета для них не хватало, тем более что сюда свозились больные из других гарнизонов Низового корпуса. Приходилось часть занедуживших отправлять в Астрахань. Здесь же была и главная база снабжения, куда приезжали полковые фельдшеры для получения необходимых для врачебной практики средств. Постоянно ощущалась нехватка медикаментов, и часть лекарств, перевязочных материалов и постельных принадлежностей изготавливались на месте. Для нужд лазарета солдатами гарнизона выращивался чеснок. Особое значение придавалось снабжению лазарета продуктами питания, что, видимо, не меньше лекарств сказывалось на самочувствии пациентов.

Отметим, что проблемы здоровья личного состава Низового корпуса поднимаются и в Главе X «Гарнизонная служба». Как представляется, сделанный в ней вывод несколько противоречит той информации, которую авторы приводили ранее. В частности, говоря о санитарных потерях, утверждается, что «усугублялось это положение и отсутствием сколько-нибудь организованной медицинской помощи, квалифицированного медперсонала и лекарств» [Магарамов и др. 2021: 164]. По крайней мере приводимая статистика позволяет утвер-

ждать, что при всех недостатках медицинского обеспечения оно, тем не менее, существовало и большинство оказавшихся в лазарете людей выздоравливало и возвращалось в строй [Магарамов и др. 2021: 157].

Достоинством раздела стала сводная таблица, демонстрирующая особенности гарнизонной службы. Надо отметить, что такая форма изложения материала вполне оправдана и позволяет легко выявлять нужные цифры, характеризующие особенности повседневных трудов солдат и офицеров гарнизона. Единственным упущением стало отсутствие указания, к какому году относятся приводимые сведения, что, впрочем, не уменьшает ценность приводимых систематизированных данных.

Скруплёзно раскрываются и обстоятельства военной службы казаков, привлечённых для решения различных задач в составе Дербентского гарнизона. Особое внимание уделяется потерям в их рядах, что было обусловлено не только объективными причинами, но, вероятно, и предвзятостью командования, которое не сильно беспокоилось о прикомандированным к ним иррегулярным частям. Вновь следует отметить наличие информативной таблицы, которая характеризует состояние (здоровые и больные) служивых казаков Дербентского гарнизона в 1733 г. и то, какие задачи им приходилось решать.

Завершающая XI глава раскрывает участие войск гарнизона в различных боевых операциях и показывает, как менялась внешнеполитическая ситуация, в итоге приведшая к выводу российских войск с занятых Петром Великим территорий Прикаспия. Показательна позиция местной элиты, чья «пророссийская» ориентация на практике оказалась весьма условной и стала, видимо, дополнительным аргументом в пользу возвращения Надир-шаху некогда принадлежавших Персии земель.

Общие выводы базируются на тех сведениях, которые пошагово были представлены читателю в главах работы. Они достаточно взвешены и аргументированы.

Книга снабжена наглядным иллюстративным материалом, состоящим из географических карт и схем построек города и его окрестностей, литографий, демонстрирующих различные исторические события из жизни Дербента. Прилагается обширный список источников и литературы, которые были задействованы авторами при написании монографии.

К числу недостатков представленного труда следует отнести многочисленные повторы, которые встречаются в тексте [Магарамов и др. 2021: 42 и 149-150; 58/171; 64/98; 68/170 и др.]. Это, видимо, связано с тем, что в книгу вошли написанные в разное время фрагменты, и при попытке их согласованного изложения авторы не сумели избежать дублирования. Впрочем, достоинства монографии с лихвой компенсируют такие досадные накладки. Книга, безусловно, найдёт своего благодарного читателя, и в её востребованности сомневаться не приходится.

Отдельные слова признательности необходимо адресовать Ш.А. Магарамову и Н.Д. Чекулаеву за то, что они этой работой отдали должное памяти яркого учёного Елены Ивановны Иноземцевой, внёсшей неоценимый вклад в изучение прошлого нашей Малой Родины – Кавказа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Клычников 2002 – *Клычников Ю.Ю.* Российская политика на Северном Кавказе (1827 – 1840 гг.). – Пятигорск: ПГЛУ, 2002. – 494 с.
- Курукин 2010 – *Курукин И.В.* Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722-1735). – М.: Квадрига; Объединённая редакция МВД России, 2010. – 381 с.
- Лазарян 2022 – *Лазарян С.С.* Кавказ под управлением князя М.С. Воронцова (1844-1854 гг.). – М.: Проспект, 2022. – 768 с.
- Магарамов и др. 2021 – *Магарамов Ш.А., Чекулаев Н.Д., Иноземцева Е.И.* История Дербентского гарнизона Российской императорской армии (1722-1735). – Махачкала: Издательство «Лотос», 2021. – 192 с.
- Морские рукописи 1852 – *Морские рукописи* // Записки гидрографического департамента морского министерства. – СПб., 1852. – Часть X. – Раздел III. – Библиография. – Часть 1. – С. 485-656.
- Русско-дагестанские 1988 – *Русско-дагестанские* отношения в XVIII – начале XIX в.: Сборник документов / Отв. ред. В.Г. Гаджиев. – М.: Наука, 1988. – 357 с.
- Соймонов 1763 – *Соймонов Ф.И.* Описание Каспийского моря и чинённых на оном российских завоеваний, яко части истории государя императора Петра Великого. – СПб., 1763. – 380 с.
- Чекулаев 2008 – *Чекулаев Н.Д.* Российские войска в Дагестане в контексте кавказской политики России (1722-1735 гг.). – Махачкала: ДНЦ РАН, 2008. – 212 с.
- Черкешенка 1911 – *Черкешенка* для императрицы Екатерины Первой / Сообщено графом П.С. Шереметевым // Русский архив. – 1911. – № 6. – С. 293-296.

REFERENCES

- KLYCHNIKOV YU.YU. *Rossiiskaya politika na Severnom Kavkaze (1827–1840 gg.)* [Russian policy in the North Caucasus (1827-1840)]. – Pyatigorsk: PGLU, 2002. – 494 p. (In Russ.).
- KURUKIN I.V. *Persidskij pohod Petra Velikogo. Nizovoj korpus na beregah Kaspiya (1722-1735)* [Persian campaign of Peter the Great. Grassroots corps on the shores of the Caspian Sea (1722-1735)]. – M.: Kvadriga; Ob"edinyonnaya redakciya MVD Rossii, 2010. – 381 p. (In Russ.).
- LAZARYAN S.S. *Kavkaz pod upravleniem knyazy M.S. Voroncova (1844-1854 gg.)* [Caucasus under the control of Prince M.S. Vorontsova (1844-1854)]. – M.: Prospekt, 2022. – 768 p. (In Russ.).
- MAGARAMOV SH.A., CHEKULAEV N.D., INOZEMCEVA E.I. *Istoriya Derbentskogo garnizona Rossijskoj imperatorskoj armii (1722-1735)* [History of the Derbent garrison of the Russian Imperial Army (1722-1735)]. – Mahachkala: Izdatel'stvo «Lotos», 2021. – 192 p. (In Russ.).
- Morskie rukopisi* [Maritime manuscripts] IN: *Zapiski gidrograficheskogo departamenta morskogo ministerstva* [Notes of the Hydrographic Department of the Naval Ministry]. – SPb., 1852. – CHast' H. – Razdel III. – Bibliografiya. – CHast' 1. – P. 485-656. (In Russ.).
- Russko-dagestanskije otnosheniya v XVIII – nachale XIX v.* [Russian-Dagestan relations in the 18th – early 19th centuries: Collection of documents] / Rep. ed. V.G. Hajiyev. – M.: Nauka, 1988. – 357 p. (In Russ.).
- SOJMONOV F.I. *Opisanie Kaspijskogo morya i chinyonnyh na onom rossijskih zavoevanij, yako chasti istorii gosudarya imperatora Petra Velikogo* [Description of the Caspian Sea and the Russian conquests made on it, as part of the history of the Emperor Peter the Great]. – SPb., 1763. – 380 p. (In Russ.).
- CHEKULAEV N.D. *Rossijskie vojska v Dagestane v kontekste kavkazskoj politiki Rossii (1722-1735 gg.)* [Russian troops in Dagestan in the context of Russia's Caucasian policy (1722-1735)]. – Mahachkala: DNC RAN, 2008. – 212 p. (In Russ.).
- Cherkeshenka dlya imperatricy Ekateriny Pervoj* [Circassian for Empress Catherine the First] / Soobshchenno grafom P.S. SHERemetevym. IN: *Russkij arhiv*. – 1911. – № 6. – P. 293-296. (In Russ.).

Информация об рецензенте

Ю.Ю. Клычников – доктор исторических наук.

Information about the reviewer

Yu.Yu. Klychnikov – Doctor of Science (History), associate professor.

Рецензия поступила в редакцию 15.05.2022 г.; принята к публикации 18.06.2022 г.

The review was submitted 15.05.2022; accepted for publication 18.06.2022.

Наши авторы

Абазов Альбек Чамирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры кабардино-черкесского языка и литературы Социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: abazov1964@mail.ru

Атабиева Асият Даутовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: bolatovaatabieva@mail.ru

Вдовченков Евгений Викторович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой археологии и истории Древнего мира Института истории и международных отношений Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: evvdovchenkov@sfedu.ru

Воскресенский Андрей Петрович – преподаватель истории и обществознания в «Классической гимназии при греко-латинском кабинете Ю.А. Шичалина», Москва, Россия.

E-mail: gu-u-m@mail.ru

Дзамихов Касболат Фицевич – доктор исторических наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: kbigi@mail.ru

Кажаров Артур Гусманович – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: artur-kazharov@yandex.ru

Кажарова Инна Анатольевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: barsello@rambler.ru

Кирчанов Максим Валерьевич – доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения Исторического факультета ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», Воронеж, Россия.

E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Клычников Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», Пятигорск, Россия.

E-mail: klichnikov@mail.ru

Колосовская Татьяна Александровна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, Россия.

E-mail: tkolosovskaia@ncfu.ru

Кушхабиев Анзор Викторович – доктор исторических наук, Заведующий Центром социально-политических исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: anzor-vk@mail.ru

Мирзоев Асланбек Султанович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», Нальчик, Россия.

E-mail: marzeibach@mail.ru

Прасолов Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», Нальчик, Россия.

E-mail: dmprasolov@gmail.com

Сарбашева Алена Мустафаевна – доктор филологических наук, доцент, заведующая сектором карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: alenasarb@mail.ru

Тетуев Алим Инзрелович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: alim-tetuev@mail.ru

Ткаченко Дмитрий Сергеевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, Россия.

E-mail: tkdmsg@rambler.ru

Чанак Мехмет-Риза Кемал пенсионер, Анкара, Турция.

E-mail: gskank@gmail.com

Чекалов Петр Константинович – доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник РГБУ «Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почёта» Института гуманитарных исследований», Черкесск, Россия.

E-mail: chekalov58@rambler.ru

Электронный журнал
«Кавказология»

Caucasology

№ 2 / 2022

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2